

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

05
D-23

УЧЕБНО-НАУЧНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ №.

UC-NRLF

B 2 984 333

ОБРАЗОВАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ

И

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 9.

СЕНТЯБРЬ.

1896.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1896.

1959

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

TK

Прозрета 1936 №

18 25
65-25
0-23

ОБРАЗОВАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
И
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 9.

СЕНТЯБРЬ.
1896.

№ 3058 ж. 1/1

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
пл. Ласеалы, 3.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Развѣзжая, 15.
1896.

LOAN STACK

1117 1838

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 Сентября 1896 года.

L51
035
v. 5:9

Учитель словесности за 17 вѣковъ назадъ.

(М. Фабій Квинтиліанъ. Правила ораторскаго искусства. De institutione oratoria. Книга десятая. Съ лат. переводъ В. Алексѣевъ. Спб. 1896 г. 35 коп).

Да не претендуетъ читатель, что мы займемъ его маленькой книжечкой «старога ритора», какъ звали римляне своихъ учителей словесности, Квинтиліана, родившагося около 92 г. по Р. Х. Книжечка только отрывокъ, но вполне законченный, изъ бывшаго его сочиненія «Объ ораторскомъ искусствѣ», которое, какъ извѣстно, у римлянъ стояло очень высоко, и которому учили долго и серьезно. Тогда думали, что poetae nascuntur, oratores fiunt, — поэты рождаются, а ораторы дѣлаются, т. е. выучиваются, образуются. Высоко цѣня краснорѣчіе судебное, столь въ Римѣ развитое и необходимое, и политическое, стѣсненное при императорахъ, римляне, собственно говоря, все преподаваніе словесности сводили почти къ изученію одной теоріи ораторской рѣчи. Для нея существовали особыя правила въ смыслѣ искусственности плана, расположенія частей, риторическихъ украшеній и т. п.

Живая рѣчь, свободная мысль подавлялась множествомъ этихъ правилъ, подобно тому, какъ въ XVII и XVIII в., во Франціи стѣснялось поэтическое творчество оковами ложнаго классицизма, и самое краснорѣчіе обратилось, при императорахъ, въ пустое и претенціозное словоизверженіе и словопреніе ловкихъ софистовъ, высокопарныхъ и искусственныхъ въ изложеніи, но бѣдныхъ и жалкихъ мыслями, содержаніемъ, и всего болѣе, бѣдныхъ тѣмъ, что такъ красить рѣчь:—воодушевленіемъ и искреннимъ чувствомъ. Само же слово «риторъ» — сдѣлалось въ нашихъ глазахъ синонимомъ болтуна или ученаго педанта. Это злоупотребленіе человѣческимъ словомъ, страшно стѣсненнымъ императорскимъ режимомъ, уже господствовало и во время Квинтиліана; но еще живы были преданія республики и Цицеронъ; изучались въ школахъ Демосеенъ и Эсхиль, и между преподавателями словесности могъ явиться такой наставникъ, какъ Квинтиліанъ, имя котораго заслуживаетъ глубочайшаго уваженія и въ насъ, отдаленныхъ потомкахъ, которыхъ отделяетъ отъ

1*

него болѣе, чѣмъ семнадцать вѣковъ. Десятая книга его сочиненія, хотя, какъ и вся она, говоритъ, собственно, объ ораторской рѣчи, но, тѣмъ не менѣе, представляетъ, особенно для насъ русскихъ, рядъ связныхъ, систематическихъ совѣтовъ высоко образованнаго и умнаго человѣка - специалиста и опытнаго практика о томъ, какъ пользоваться даромъ слова письменно и устно, т. е. какъ вообще слѣдуетъ учиться писать и говорить. Мы сказали: «особенно для насъ русскихъ» именно потому, что письмо и еще болѣе—живая устная рѣчь,—наше истинно больное мѣсто, и, какъ намъ кажется, не безынтересно и весьма полезно для всякаго образованнаго человѣка, тѣмъ болѣе, для нашихъ учителей роднаго языка и словесности, вспомнить, что думалъ объ этомъ римскій словесникъ семнадцать вѣковъ назадъ. Но прежде, чѣмъ изложить, въ общихъ чертахъ, теорію Квинтиліана, попросимъ читателя обратить вниманіе на вопросы, которые и будемъ мы всегда имѣть въ виду. Этихъ вопросовъ три: 1) Какъ мы, русскіе, говоримъ? 2) Какъ пишемъ? и 3) Гдѣ кроются причины такой рѣчи устной и такого письма?

За исключеніемъ очень немногихъ талантливыхъ, почти исключительно столичныхъ, юристовъ-ораторовъ, въ родѣ Спасовича, Кони, Жуковскаго, Андреевскаго и др., мы очень рѣдко слышимъ на судахъ рѣчь красивую, живую, плавную, горячую, сказанную хорошо, въ смыслѣ выразительности, убѣдительную, неотразимо дѣйствующую на увлеченныхъ и тронутыхъ слушателей. Послушайте большинство нашихъ доморощенныхъ цистероновъ и демосееновъ, особенно въ глухихъ городахъ провинціи (да и въ глухихъ-ли только?)—какая бѣдность, непослѣдовательность мысли, отсутствіе строгаго плана, часто даже логики; какой малый запасъ словъ и выраженій, въ нахожденіи которыхъ часто затрудняется ораторъ! Не говоримъ уже о полномъ отсутствіи красоты рѣчи и ея выразительности въ смыслѣ управленія голосомъ, логическихъ удареній, тоновъ и пр., почему рѣчь монотонна, утомительна для слушателей. Подите въ праздникъ въ наши церкви, гдѣ проповѣдь обязательна и необходима,—что и какъ говоритъ большинство нашихъ «батушекъ», особенно въ деревняхъ? Часто-ли эти прѣповѣди доходятъ до пониманія и сердца слушателей? Не говоримъ уже о наслажденіи, которое могла бы доставить благочестивымъ посѣтителямъ храма хорошая и хорошо произнесенная проповѣдь, такъ дѣйствующая на прихожанъ на Западѣ, у лютеранъ, протестантовъ, католиковъ. Возьмите, наконецъ, наши застойныя рѣчи, на юбилеяхъ или въ разныхъ обществахъ,—вѣдь это, въ огромномъ большинствѣ, поистинѣ, одинъ грѣхъ и смѣхъ или мертвая, дѣловая, академическая сущь!

Еще рѣже встрѣтите въ обществѣ людей, говорящихъ хорошо, увлекательно, образно. Говорить мы не любимъ и не умѣемъ, хотя и много праздно болтаемъ. Мы предпочитаемъ живой бесѣдъ винтъ, шахматы, велосипедъ, ѣду, питье, танцы, словомъ, такое времяпровожденіе, гдѣ говорить не требуется.

Какъ мы пишемъ? Просмотрите хорошенько газеты, журналы, которые вы читаете, наши переводы, даже большинство издающихся оригинальныхъ сочиненій, — какая пестрота, часто безъ всякой нужды загромождающая рѣчь иностранными словами, малопонятными большинству и совсѣмъ непонятными массѣ, не русскими оборотами; сколько дикихъ выраженій, нашедшихъ себѣ даже право гражданства въ литературѣ, напримѣръ, пресловутое *«представляетъ изъ себя»* или *«собою»* какой тяжелой, тугопони-маемый синтаксисъ, распорядокъ словъ; сколько словъ лишнихъ даже тамъ, гдѣ требуется особенная сжатость, какъ напр. въ лексиконахъ, рецензіяхъ; какая неопредѣленность въ выборѣ словъ, отсутствіе яркости, образности, свидѣтельствующее о недостаткѣ вкуса, воспитываемаго на чтеніи и изученіи стилистическихъ образцовъ! Не мудрено, что, по мысли покойнаго Л. Н. Модзалевскаго, у насъ, наконецъ, образовался даже особый *«Союзъ ревнителей русскаго слова»*, которому дай Богъ всякаго успѣха, но который—одинъ—едва-ли поправитъ дѣло. А внутренняя, техническая сторона большинства того, что пишется у насъ для печати? Зачастую отсутствіе зрѣлой обдуманности,—даже плана,—отсутствіе отдѣлки, масса лишняго, не идущаго къ дѣлу, случайно пришедшаго въ голову... Пишутъ наспѣхъ, безъ чернови-ковъ, кое-какъ, неряшливо, чтобы только сбыть скорѣй и полу-чить деньги; даже не имѣютъ терпѣнія и времени писать сами. Повѣсти, романы диктуются, какъ диктуютъ писатели-ремеслен-ники на Западѣ. Доходятъ нѣкоторые писатели до того, что про-даютъ романы на корню, такъ сказать, когда они еще не напи-саны; пишутъ къ каждой книжкѣ журнала, иногда въ нѣсколько журналовъ сразу. Гдѣ уже тутъ отдѣлка, строгое обдумываніе пѣлаго и частей!! Если ужъ такъ обстоятъ дѣло даже въ лите-ратурѣ, что же сказать о нашихъ частныхъ писаніяхъ. Русскій человѣкъ писать не любитъ; письма у насъ пишутъ рѣдко и кратко, въ родѣ бюллетеней и депешъ; часто даже не отвѣчаютъ на письма, на что слезно жаловался еще Тургеневъ; письмамъ не придается и значенія: ихъ обыкновенно рвутъ, и автографы, и даже письма выдающихся русскихъ людей, погибаютъ безъ остатка, повергая въ ужасъ біографовъ. Письма, хорошія по слогу и со-держанію въ нашемъ обществѣ рѣдкость, тѣмъ болѣе записки о видѣнномъ и слышанномъ. Мы лѣнны и нелюбопытны, и если еще не прочь иногда поразсказать, чему были свидѣтелями, то туги на перо и бумагу, и написать даже простое письмо для большинства—истинное наказаніе, какъ для Обломова письмо въ деревню. Иной разъ, казалось бы, и есть что писать, но какъ приняться, какъ это все, имѣющееся въ головѣ, привести въ по-рядокъ и передать бумагѣ, гдѣ взять словъ, какъ связать мысли,— съ этой-то египетской работой и не можетъ совладать бѣдный русскій человѣкъ.

Гдѣ же причины такого плохого состоянія нашей устной и письменной рѣчи?

Причинъ этихъ, кромѣ вообще малаго развитія у насъ публичности и неблагопріятныхъ условій для свободнаго развитія публичной рѣчи, двѣ. Одна—отсутствіе серьезнаго общаго образованія; вторая—частная, спеціальная,—совершенно неправильная постановка преподаванія роднаго языка.

Для того, чтобы хорошо и свободно говорить и писать, надобно имѣть достаточное количество опредѣленныхъ и ясныхъ понятій, представленій, идей о Богѣ, о природѣ, о человѣкѣ,—понятія и идеи общественныя, политическія, экономическія, понятія о природѣ и ея законахъ, имѣть опредѣленный кругъ знаній, и отсюда—опредѣленное міросозерцаніе, нѣкоторую умственную систему знаній, классификацію вещей. Словомъ, надобно имѣть въ головѣ то, о чемъ хочется писать. Еще Шекспиръ сказалъ, что «изъ ничего не выйдетъ ничего», а народъ нашъ говоритъ, что «чего словами не скажешь, того руками не растычешь», понимая подъ словами идеи, понятія, еще въ головѣ воплотившіяся въ словъ, которое только изливается на бумагу уже готовымъ. Надобно имѣть запасъ чувствъ, выражающихъ отношеніе къ вещамъ, понятіямъ и идеямъ: надобно имѣть въ душѣ и опредѣленныя наклонности, стремленія, желанія, идеалы для того, чтобы о нихъ написать. Нужно имѣть развитое воображеніе и фантазію, управляемую разумомъ. Словомъ, чтобы говорить и писать, прежде всего необходимо имѣть внутреннее содержаніе, чтобы было въ головѣ и сердцѣ то, о чемъ хочется сказать и написать. И какъ нельзя отправляться въ дальній путь съ гривенникомъ, а въ сраженіе съ ружьемъ безъ пороха, такъ нельзя ни говорить хорошо, ни писать безъ понятій, идей, безъ знаній. Этотъ же основной матеріалъ для устной рѣчи и письма даетъ только образование, понимая подъ нимъ отнюдь не одну грамоту и счетъ въ низшемъ элементарномъ курсѣ, или скарбъ безсвязныхъ знаній въ среднемъ учебномъ или гимназическомъ, а напротивъ—полный систематическій кругъ строго обдуманыхъ, необходимыхъ знаній о Богѣ, природѣ и человѣкѣ,—меньшій кругъ въ элементарномъ образованіи и большій—въ среднемъ. При этомъ нужно, чтобы эти знанія не были только скарбомъ, а вошли бы они, органически, такъ сказать, въ душу человѣка, т. е. сдѣлались его духовной плотью и кровью, дали понятія, идеи, развили бы всѣ способности: и мысль, и память идей, а не цифръ и годовъ, или словъ, и воображеніе, и благородныя чувства, и волю, и вниманіе, и любознательность. Другими словами, образованіе только тогда важно и полезно, когда оно, давая знанія, вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитываетъ душу человѣка. Вотъ этого-то развивающаго душу и дающаго опредѣленную систему понятій о мірѣ и человѣкѣ, а слѣдовательно, дающаго и слова, и выраженія, хранящіяся сознательно въ памяти,—этого образованія, безъ котораго никогда не вырабатывается ни хорошій ораторъ, ни писатель и лишень русскій человѣкъ до сихъ поръ. Не получаетъ такого образованія ни простолюдинъ въ своей убогой и рѣдкой народной

школъ; эта школа сводитъ все познаніе міра и человѣка къ нѣсколькимъ молитвамъ, грамотѣ и счету; не получаетъ такого образованія и кончившій курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, ибо выноситъ онъ оттуда складъ знаній, иногда и солидный, но легко растериваемый и забываемый, безъ системы, безъ идей, только обременяющій память, изсушивающій умъ «наукою безплодной». Заваленные уроками, наши учащіеся очень мало читаютъ, да и не пробуждена въ нихъ любознательность. Не слышатъ они живой хорошей рѣчи ни дома отъ родителей, ни отъ учителей, такъ часто плохо говорящихъ и любящихъ больше спрашивать, чѣмъ бесѣдовать и рассказывать. Даже и въ театрахъ нашихъ разговорныхъ серьезныхъ пьесъ почти не играютъ: все больше поютъ, танцуютъ, составляютъ феерическія группы, или болтаютъ всякій вздоръ въ пьесахъ пустого и легкомысленнаго репертуара. Немудрено, слѣдовательно, что нѣтъ понятій, идей, системы знаній въ головѣ, благородныхъ чувствъ и порывовъ въ сердцѣ, — нѣтъ и словъ и выраженій, нѣтъ и хорошей рѣчи, примѣра которой юноша почти не слышитъ ни дома, ни въ школѣ.

Вторая причина, частная—это совершенно неправильная постановка у насъ преподаванія родного языка во всѣхъ нашихъ школахъ, начиная съ низшихъ народныхъ и кончая средними учебными заведеніями.

Въ нашей начальной школѣ живое слово приносится въ жертву сухой грамматикѣ и правописанію, и чтеніе объяснительное, не говоря уже о выразительности, знаніе наизусть литературныхъ образцовъ, передача содержанія прочитаннаго самостоятельно — все это дѣло менѣе чѣмъ второстепенной важности, и на экзаменахъ, на примѣръ, въ петербургскихъ думскихъ начальныхъ школахъ, или фабричныхъ въ Москвѣ (см. Журн. Образование 1896, №№ 5—6 статью «Какъ производятся экзамены въ московскихъ фабричныхъ школахъ»?) исключительно спрашивается одна грамматика; настойчивое же требованіе отъ ребятъ совершенной правильности орфографіи, до ея тонкости, мѣшаетъ занятіямъ въ школѣ болѣе живымъ.

Та же убійственная грамматика царитъ и въ четырехъ низшихъ классахъ гимназій, гдѣ на изученіе писателей и выразительное чтеніе почти не обращается вниманія. Да и въ высшихъ то классахъ какое поразительно малое знакомство съ литературой и съ теоріей словесности, которую почти упразднили какъ ненужную схоластику. Что же касается логики и психологіи, этихъ основныхъ образовательныхъ предметовъ, столь важныхъ для развитія рѣчи, то ни въ корпусахъ, ни въ женскихъ гимназіяхъ онѣ не проходятся вовсе; въ мужскихъ же поставлены болѣе чѣмъ жалко, а во многихъ гимназіяхъ урокъ логики въ VII или VIII классахъ отдается на усиленіе упражненій въ латинскомъ или греческомъ языкѣ.

О болѣе живой и осмысленной постановкѣ преподаванія род-

ного языка и словесности уже лѣтъ тридцать раздаются голоса немногихъ лучшихъ нашихъ педагоговъ, какъ Ушинскій, Стоунинъ, Водовозовъ, Скопинъ, Шереметевскій, Д. И. Тихомировъ и др., и ихъ ли вина, что эти голоса и до сихъ поръ остаются для большинства «гласами, вопіющими въ пустынѣ?»

Покончивъ съ этими главнѣйшими причинами малаго развитія у насъ устной и письменной рѣчи, посмотримъ, какъ совѣтуетъ учиться говорить и писать старый педагогъ II столѣтія по Р. Х.

Начинаетъ онъ свою книжку указаніемъ на то, что «истиннымъ ораторомъ нельзя сдѣлаться, если нѣтъ къ этому ораторскому дѣлу прочнаго навыка». Этотъ же навыкъ приобрѣтается стилистическими упражненіями, путемъ чтенія и произнесенія рѣчей, и непремѣнно всѣми упражненіями вмѣстѣ, никогда не забывая о каждомъ въ отдѣльности. Но прежде всего необходимъ «богатый выборъ выраженій и словъ»; запасъ же этотъ приобрѣтается только путемъ «чтенія или слушанія лучшихъ образцовъ».

Приобрѣти же хорошей и разнообразный запасъ словъ, выраженій, мыслей, ораторъ долженъ образовать свой голосъ, чтобы придать ему, какъ и жестикуляціи, красивую, художественную выразительность.

Такимъ образомъ «чтеніе представляется Квинтилиану самымъ первымъ, основнымъ условіемъ выработки письменной и устной рѣчи. Долгое время мы должны читать исключительно лучшихъ авторовъ, такихъ, которые всего менѣе способны обмануть оказываемое имъ довѣріе; читать внимательно, и даже съ такою тщательностью, какъ если бы ты самъ писалъ книгу, разбирая все сочиненіе не только по частямъ, а послѣ прочтенія книги слѣдуетъ приняться за нее снова, чтобы не упустить, «нерѣдко сразу незамѣчаемыхъ, красотъ». «Но, увлекаясь образцами, не должно думать, что каждое слово великаго писателя есть совершенство; и великій писатель подчасъ устааетъ, недостаточно энергиченъ, вычуренъ и впадаетъ въ ошибки, которымъ, какъ и недостаткамъ вообще, именно и подражаютъ люди дурного вкуса, или поверхностные, упуская именно, то, что въ писателѣ велико. Великіе писатели, правда, гении, но они все-таки и люди, а люди могутъ ошибаться».

Но, отмѣчая недостаки въ этихъ писателяхъ, слѣдуетъ судить о нихъ скромно и осторожно, чтобы, какъ это бываетъ съ очень многими, не отнестись строго къ тому, чего не понимаешь, и уже лучше ошибиться, лучше увлечься всѣмъ произведеніемъ, чѣмъ замѣтить въ немъ только дурное. Весьма полезнымъ признаетъ Квинтилианъ чтеніе поэтовъ: у нихъ всего лучше можно заимствовать полетъ мысли, возвышенный тонъ, сильные аффекты, яркую рисовку характеровъ. Пріятное же чувство, доставляемое ихъ чтеніемъ, дѣйствуетъ на душу самымъ освѣжающимъ образомъ. Но не надо забывать, что стихотворная поэзія стѣснена и рифмой, и размѣромъ, и краткостью, почему и самый выборъ словъ

и конструкція въ ней, въ значительной степени, искусственны.

Богатую и пріятную пищу находимъ въ чтеніи исторіи, которую Квинтилианъ, какъ и вообще древніе, понимаетъ только какъ художественную картину событій. Изъ исторіи почерпаемъ мы манеру разсказа то сжатаго, то цвѣстистаго, то объективнаго, то одушевленнаго,—почерпаемъ множество богатыхъ примѣровъ, событій, образовъ, которыми, при случаѣ, можемъ искусно воспользоваться. Очень большую важность придаетъ старшій учитель и чтенію лучшихъ философовъ: они сообщаютъ возвышенный полетъ мысли, расширяютъ кругозоръ нашего мышленія, направляютъ умъ на благороднѣйшіе предметы и задачи жизни; а своею ясною логикою, искусной діалектикой, нерѣдко сократической формой, даютъ въ руки оратору богатый запасъ доводовъ, умѣнье убѣждать, спорить, выражать. Указавъ на громадную пользу чтенія поэтовъ, историковъ и философовъ вообще, Квинтилианъ переходитъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію того, какихъ же именно писателей читать и въ общихъ чертахъ даетъ сжатый обзоръ всей греко-римской литературы, означая существенныя особенности каждаго писателя. Эта часть книжки особенно интересна. Оставляя множество именъ, на которыхъ авторъ останавливается, какъ на извѣстныхъ ему современникахъ, но или не дошедшихъ до насъ, или для насъ мало интересныхъ, отмѣтимъ только то, что, благодаря хорошимъ переводамъ все чаще и чаще являющимся нынѣ въ русской литературѣ, полезно и важно для русскаго читателя, желающаго дополнить свое образованіе литературой культурныхъ народовъ древняго міра.

Авторъ думаетъ, что изъ общаго числа дошедшихъ до насъ древнихъ писателей для образованія оратора важно почти все, и что Цицеронъ, напримѣръ, всего болѣе обязанъ именно древнимъ писателямъ, т. е., по нашему, настоящимъ классикамъ. Это мнѣніе мы раздѣляемъ вполне и по отношенію къ нашей родной литературѣ. Такъ, въ основаніи всего литературнаго образованія полагаемъ мы прежде и главнѣе всего Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Кольцова и Гоголя, изъ которыхъ вышла вся дальнѣйшая наша литература *).

Основа всей поэзіи, по мнѣнію Квинтилиана, Гомеръ, прекрасный переводъ котораго, сдѣланный недавно Г. Минскимъ (Иліада), былъ привѣтствованъ всей нашей литературой. Гомеръ — источникъ и образецъ краснорѣчія всякаго рода. «Онъ недосыгаемъ, говорить ли торжественнымъ тономъ о серьезныхъ предметахъ, или безыскусственнымъ—о мелочахъ. Въ одно время

*) См. наши книги: «Русскіе писатели какъ воспитательно-образовательный матеріалъ» изд. В. М. 1896 г. также—*Этюды о русскіихъ писателяхъ*: Гончаровъ, художникъ русской пѣсни Кольцовъ, мотивы Лермонтовской поэзіи, очерки Пушкинской Руси, бесѣды о преподаваніи словесности.

Авторъ.

онъ и изысканъ, и простъ, шутливъ и серьезнъ, поражаетъ многословіемъ, какъ и краткостью; обладаетъ достоинствами не только первокласнаго поэта, но и оратора. Если бы даже я и не сказалъ ни слова о томъ, какъ онъ хвалитъ, совѣтуетъ или утѣшаетъ, развѣ не встрѣчаются всѣ тонкости діалектики, имѣющія мѣсто въ процессахъ или народныхъ собраніяхъ, въ девятой, напр., книгѣ, гдѣ разсказывается о посольствѣ къ Ахиллесу, въ первой, гдѣ описанъ споръ предводителей, или во второй, — гдѣ поэтъ выражаетъ свои взгляды? Что же касается аффектовъ, найдется ли такой невѣжда, который не сознался бы, что нашъ авторъ владѣетъ способностью дѣйствовать на душу или успокоительно, или возбуждающимъ образомъ? Ну, а развѣ онъ немногими строками своихъ приступовъ къ обѣимъ своимъ поэмамъ не только не далъ образца для вступленія, но и не сдѣлалъ его правиломъ? Обращаясь къ богинямъ, считающимся покровительницами поэтовъ, онъ располагаетъ слушателя въ свою пользу; рисуя передъ нимъ величавыя картины, держитъ его въ напряженномъ состояніи, схватывая немногими словами главную мысль, — объясняетъ ему все. Могъ ли бы кто разсказать короче о смерти Патрокла, или нагляднѣе описать сраженіе куретовъ съ эольцами? Что же касается сравненій, преувеличеній, примѣровъ, эпизодовъ, доказательствъ, доводовъ и различнаго рода формулъ утѣженія или отрицанія, ихъ такъ много, что сами авторы сочиненій по риторикѣ заимствовали у нашего поэта массу примѣровъ подобнаго рода. Можетъ ли, наконецъ, какой либо эпилогъ сравниться съ просьбой Приама, обращенной къ Ахиллесу? А что сказать объ отдѣльныхъ словахъ, мысляхъ, фигурахъ или конструкціи цѣлаго произведенія? — Развѣ оно не переходитъ границы человѣческаго генія? Нуженъ великій умъ, который могъ бы, если не подражать ему, — это немисливо, — то вообще, его понимать. Онъ, безъ сомнѣнія, оставилъ позади себя всѣхъ и въ краснорѣчїи всякаго рода, въ особенноти эпиковъ, что понятно само собой, потому что всего удачнѣе можно сравнивать похожее.

Изъ дальнѣйшихъ поэтовъ, указываемыхъ Квинтилианомъ, мы остановились бы на Теокрытѣ, творцѣ идилліи, какъ поэзіи, противоположной эпосу Гомера, прекрасно переведенномъ Л. А. Меемъ; на Пиндарѣ, Алкеѣ, Симонидѣ, образцы которыхъ читатель найдетъ въ недавно вышедшей хрестоматїи В. Алексѣева *«Древнегреческіе поэты въ біографїяхъ и образцахъ»*, но непременно присоединили бы сюда, пропущеннаго Квинтилианомъ, безсмертнаго гѣвца вина, любви и жизнерадостности, старика Анакреона, который изданъ съ прекрасной статьей Г. Тамбовскимъ. (*Анакреонтъ. Первое полное собраніе его сочиненій, въ переводѣ русскихъ писателей.* Изд. Ледерле СПб. Ц. 60 к.) Упомянувъ объ Аристофанѣ, авторъ останавливается на трехъ великихъ трагикахъ: торжественномъ, серьезномъ, но нѣсколько напыщенномъ и устарѣломъ, Эсхилѣ, Софоклу же, и особенно Эврипиду, какъ мастеру

въ изображеніи страстей и въ возбужденіи чувства состраданія, отдаеть преимущество.

Изъ историковъ, какъ и слѣдовало, во главѣ ставить авторъ сжатого и лаконичнаго Фукидида и пріятнаго, яснаго и словоохотливаго Геродота. Первый умѣеть передавать лучше бурныя душевныя движенія, второй — тихія; одинъ — рѣчи народныхъ собраній, другой — обыденный разговоръ; въ первомъ больше силы, во второмъ — граціи. Съ большой симпатіей говоритъ Квинтиліанъ о Ксенофонтѣ. Въ главѣ ораторовъ ставить онъ Демосфена; изъ философовъ же съ величайшимъ уваженіемъ и восторгомъ называетъ, какъ лучшихъ учителей, Платона, Сократа и Аристотеля, и, въ заключеніе, упоминаеть о Теофрастѣ (Характери). Какъ римлянинъ, авторъ останавливается на очень многихъ латинскихъ писателяхъ, но для насъ довольно указаній на Виргилія, Овидія (*Превращеніе, Посланіе съ Понта*), Горація, Тибулла, Катутла, Плавта, Саллюстія, Тита Ливія, Цицерона, Сенеку и Тацита, котораго однако Квинтиліанъ не называетъ по имени, выражаясь такъ: «остаеться назвать писателя, живущаго до сихъ поръ, гордость нашего вѣка и достойнаго памяти потомства. Теперь мы можемъ только намекнуть о немъ; но позже его назовутъ по имени». Если ко всѣмъ этимъ писателямъ, указаннымъ Квинтиліаномъ, присоединимъ еще суроваго бытописателя Ювенала, то вотъ и все изъ греческой и римской литературы, что долженъ взять, по нашему мнѣнію, себѣ за образецъ письма и живой рѣчи и русскій читатель.

Изъ названныхъ авторовъ, говоритъ Квинтиліанъ, слѣдуетъ заимствовать и необходимый запасъ словъ, и разнообразіе фигуръ, и методъ композиціи. Совершенно естественно, эти писатели явятся образцами для подражанія, которое должно быть, однако, очень осторожно и благоразумно, чтобы не повторить образца слабой копіей и за образцомъ не утратить собственной самостоятельности и оригинальности. Слѣдуетъ подражать не столько стилю, оболочкѣ мысли, фигурамъ — сколько внутреннимъ качествамъ, духу, общему тону, приему, мыслямъ, одушевленію. Необходимо прежде всего знать, чему долженъ подражать каждый, и затѣмъ уже дать себѣ отчетъ, почему оно прекрасно. Далѣе — надо, берясь за дѣло, обращать вниманіе на свои силы. Есть вещи, подражать которымъ не позволяетъ слабость нашей природы, или мѣшаетъ разница въ талантахъ. Талантъ, способный описывать сцены мягкаго характера, не долженъ выбирать что нибудь смѣлое и рѣзкое; у кого рѣшительный характеръ, но не выдержанный, изъ любви къ безыскусственному стилю можетъ потерять свою силу, причеиъ не достигнетъ ясности, къ которой стремится. «Интересна указываемая при этомъ Квинтиліаномъ роль учителя: онъ долженъ проходить не только то, къ чему, по его мнѣнію, способенъ каждый изъ его учениковъ. Онъ долженъ помогать развитію всѣхъ, замѣчаемыхъ въ нихъ, хорошихъ сторонъ, по мѣрѣ силъ пополнять, чего въ нихъ нѣтъ, а нѣкоторое

исправлять и измѣнять,—онъ долженъ направлять чужіе таланты и образовывать ихъ»... «Необходимо и разнообразіе въ смыслѣ знакомства съ различными видами и стилями литературныхъ произведеній, такъ какъ въ каждомъ видѣ послѣднихъ есть свои законы, свои собственныя красоты». Вотъ почему для выработки своего слога Квинтиліанъ отнюдь не совѣтуетъ избирать спеціально одного автора и слѣпо его держаться, а переходить почаще отъ одного къ другому. Подражать же, — опять настойчиво повторяетъ авторъ, — слѣдуетъ неисключительно однимъ словамъ. Необходимо обращать вниманіе больше на то, какой благородной мѣры держались писатели, описывавшіе событія и отдѣльныхъ лицъ; какого держались они плана, порядка, на то, наконецъ, что все, даже кажущееся съ перваго взгляда сказаннымъ для краснаго словца, имѣетъ извѣстную цѣль; далѣе—вдуматься въ приступъ, въ самый методъ разсказа, въ доказательства, въ опроверженія чужихъ мнѣній,—наконецъ, какими аффектами писатель дѣйствуетъ на публику, и какъ эти аффекты не придуманы, но выходятъ искренне изъ сердца. Только при такомъ изученіи писателя и возможно хорошее подражаніе. Если же присоединимъ ко всему этому еще собственныя свои хорошія стороны, которыя помогутъ убавить въ образцѣ лишнее и добавить недостающее, то тѣмъ совершеннѣе выйдетъ и наша собственная рѣчь, или вообще сочиненіе, гдѣ ideally сольются и подражаніе, и оригиналь.

Отъ изученія литературы, какъ образца, авторъ переходитъ къ письменнымъ стилистическимъ упражненіямъ.

По мнѣнію Квинтиліана, слѣдуетъ писать какъ можно больше; но мы, съ своей стороны, признавая всю пользу упражненій письменныхъ, позволили бы себѣ посоветовать читателю не слишкомъ много ими увлекаться. «Я даже позволю себѣ усомниться, говоритъ знаменитый англійскій профессоръ Морлей въ своей *Рѣчи о воспитательномъ значеніи литературы* (изданіе народной бібліотеки В. П. Маракуева, М. 1894), въ пригодности и полезности практикующагося у насъ въ черзечуръ широкихъ размѣрахъ писанія отдѣльныхъ этюдовъ и сочиненій. Лучшее средство сдѣлать свой языкъ мощнымъ и правильнымъ, по мнѣнію Морлея, къ которому присоединяемся и мы, все-таки никакъ не одна практика въ слогѣ, но заключается оно въ воспитаніи въ себѣ высокихъ и благородныхъ мыслей и чувствъ, какъ лучшихъ источниковъ слова».

Указывая на важность письменныхъ упражненій, Квинтиліанъ совѣтуетъ писать медленнѣе, но внимательнѣе, тщательно выбирая мысли и слова, вдумываясь въ значеніе cadaго, наблюдать за правильностью разстановки ихъ и не забывать о благозвучіи. Но медленности требуетъ онъ только отъ начинающихъ, такъ какъ съ практикой пріобрѣтается навыкъ и быстрота. Когда же этотъ навыкъ явится, не слѣдуетъ особенно увлекаться быстротою письма и, всегда глядя впередъ, помнить, что хочешь сказать

дальше, чтобы избѣгать излишней поспѣшности и непослѣдовательности. Указывая на излюбленные примѣры многих писателей диктовать свои сочиненія, Квинтиліанъ относится къ этой диктовкѣ очень сурово. Какъ бы скоро мы сами ни писали, намъ все-таки остается время подумать—мысль опережаетъ перо, тогда какъ нашъ секретарь не даетъ намъ ни минуты покоя, и мы, какъ бы стыдясь передъ постороннимъ человѣкомъ нашей медленности мысли, невольно диктуемъ выраженія и слова неудачныя, случайныя, не вполне соотвѣтствующія, чего не было бы, когда мы писали бы сами, имѣя написанное всегда передъ глазами. Наконецъ, при диктовкѣ невозможно самое важное для успѣха работы — *удиненіе* и ненарушаемая *тишина*, чтобы пишущій не былъ ничѣмъ развлекаемъ. Вотъ почему, по мнѣнію Квинтиліана, писать слѣдуетъ по преимуществу запершись въ комнатѣ, когда ночная тишина и лампа — единственные свидѣтели нашей работы. Но нужно умѣть также создавать себѣ уединеніе и искусственно, силою воли, приучаясь сосредоточивать свою мысль такъ, чтобы мы могли думать и углубляться въ обдумываніе среди даже шума толпы, смѣха, на улицѣ, на званномъ обѣдѣ и т. п. Не даромъ великій Демосѣенъ, самъ горячій поклонникъ уединенія, чтобы приучить себя не теряться среди шума народнаго собранія, упражнялся въ произнесеніи рѣчей—на морскомъ берегу, и нарочно тамъ, гдѣ всего громче разбивались о берега волны.

Отъ совѣтовъ относительно писанія вообще Квинтиліанъ переходитъ къ исправленію написаннаго, настаивая на дополненіяхъ, сокращеніяхъ и передѣлкахъ. «Первыя два дѣла легче и проще, но зато вдвойнѣ труднѣе задача, когда приходится упростить слишкомъ высокопарное, сдѣлать повыше низкое, сократить черезчуръ подробное, исправить неточное, сплотить лишенное гармоніи, заключить въ рамки переходящее границы, причемъ, часто приходится выбрасывать нравившееся прежде или выдумывать то, что раньше никогда не приходило въ голову. Лучшій же способъ исправленія заключается въ откладываніи написаннаго на нѣкоторое время въ сторону, чего, какъ извѣстно, держались и наши писатели, Крыловъ, Пушкинъ, и особенно Гоголь, по многу разъ передѣлывавшій свои произведенія.

Пятая изъ семи главъ сочиненія Квинтиліана посвящена *темп*, т. е. вопросу о томъ, что именно, по преимуществу, должно служить предметомъ этихъ письменныхъ упражненій. Прежде всего онъ рекомендуетъ переводъ съ греческаго, а затѣмъ *перифразы* изъ поэтовъ латинскихъ, т. е. переложеніе стиховъ въ прозу, но не въ смыслѣ одного измѣненія словорасположенія, т. е. простого переклада рѣчи жѣрной въ немѣрную, но въ смыслѣ разумной замѣны однихъ выраженій и словъ другими. На ряду съ письменными упражненіями рекомендуетъ Квинтиліанъ еще и такъ называемыя *декламаціи*, т. е. произнесеніе цѣлыхъ связныхъ рѣчей на разныя темы или тезисы по заранѣе составленнымъ пла-

намъ-конспектамъ,—упражненіе, чрезвычайно развивающее живую рѣчь и крайне желательное и въ нашей русской школѣ.

Темы или тезисы совѣтуетъ онъ опять-таки заимствовать изъ лучшихъ поэтовъ, историковъ и ораторовъ; мы же предложили бы начинать такіа упражненія съ среднихъ классовъ въ видѣ связаннаго пересказа біографій писателей, историческаго событія, содержанія прочитаннаго беллетристическаго произведенія и т. п., переходя постепенно къ пересказамъ болѣе серьезныхъ статей, напр., объ искусствѣ или вообще образцовыхъ разсужденій, преимущественно критическихъ отрывковъ (изъ Бѣлинскаго, Добролюбова, Анненкова, Дружинина), и, наконецъ, къ темамъ самостоятельнымъ. Такіе связанные пересказы — рефераты, знакомящіе со статьей цѣлый классъ и занимающіе интересно и для референта, и для его товарищей, цѣлый урокъ,—должны, по нашему убѣжденію, чередоваться съ письменными работами. Они вносятъ въ классъ жизнь, развиваютъ рѣчь въ ея связности и красотѣ, способствуютъ громкому, выразительному произношенію и, подъ руководствомъ умѣлаго учителя, возбуждаютъ благородное соревнованіе, служа могущественнымъ средствомъ, не только развивающимъ языкъ, но и плодотворно общеобразовательнымъ. Нужно только поставить это дѣло серьезно, назначая для него особые уроки, хотя бы и немногочисленные, но за то обдуманно хорошо заранѣе, чтобы референтъ могъ явиться въ классъ подготовленнымъ, и чтобы сама тема могла классъ заинтересовать и быть въ часъ исчерпана вполне. Этой подготовкѣ къ «*декламации*», т. е. обдумыванію темы, подысканію источниковъ, разработкѣ плана, придаетъ Квинтиліанъ очень большое значеніе, отводя въ обдумываніи важное мѣсто упражненію памяти, въ смыслѣ припоминанія изученнаго прежде. Какъ на лучший результатъ ученія, какъ на самую богатую награду за долгіе труды надъ образцовыми писателями, Квинтиліанъ, въ заключеніе своей книги указываетъ на «*экспромпты*», т. е. произнесеніе ученикомъ рѣчи прямо, безъ приготовленія на неожиданно объявленную учителемъ тему, что уже дается, конечно, при очень большомъ навыкѣ писать и говорить, при значительномъ запасѣ словъ и выраженій, которыя всегда имѣлись бы на готовѣ, что, какъ мы знаемъ по опыту, въ значительной степени достигается и постояннымъ изученіемъ наизусть многихъ образцовъ съ самыхъ младшихъ классовъ. Привычка же, пріобрѣтенная путемъ разборовъ, отличать важное отъ неважнаго, всегда имѣть въ виду тему и планъ, соотносить матеріалъ, — все это значительно облегчить дѣло.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе этого, необыкновенно живого, написаннаго съ любовью и одушевленіемъ, доходящимъ иногда до образныхъ сравненій, стародавняго учебника словесности. Но, увлекаясь совѣтами стараго учителя, чей назидательный голосъ звучитъ намъ, отдаленнѣйшимъ потомкамъ, изъ глубины временъ, не забудемъ, что умнѣе говорить и писать о

полезномъ, умномъ, благородномъ, говорить и писать красиво и содержательно, зависитъ прежде всего, и болѣе всего, отъ общаго нашего умственнаго и нравственнаго развитія, отъ количества и качества имѣющихся у насъ ясныхъ понятій, отъ привычки мыслить, отъ накопившихся въ сердцѣ высокихъ благородныхъ чувствъ, отъ нашей образованности вообще. Съ такимъ только капиталомъ и можетъ выработаться нашъ языкъ, чтобы стать истинно краснорѣчивымъ, безъ пустой болтовни.

И если не дать семья и школа именно этого капитала, приобрѣтаемаго лучше всего чтеніемъ и изученіемъ писателей своихъ и чужихъ, не помогутъ тутъ одни, какіе бы то ни было, учебники, или курсы грамматики и словесности, ибо «теорія суха, а древо жизни зеленѣетъ» (Гете). И если этотъ капиталъ столь важенъ для всякаго, кто хочетъ себя образовать, то насколько же особенно долженъ позаботиться о приобрѣтеніи такого капитала тотъ, кто хочетъ со словомъ выступить на арену общественную, со словомъ, дабы жечь людскія сердца своимъ глаголомъ, въ видѣ ли адвоката, съ цѣлью защитить на судѣ попранную правду, въ видѣ ли проповѣдника—возвѣстить эту правду съ церковной кафедрѣ; въ видѣ ли писателя, поучающаго публику своими доводами, или образами и картинами!! Приобрѣтенію же этого капитала должна служить наша школа, которая, отказавшись отъ сухого формализма и погони за скарбомъ знаній, обязана строго обдумать весь свой общеобразовательный курсъ и, въ частности основавъ преподаваніе родного языка на образцовыхъ писателяхъ, образующихъ умъ и сердце и обогащающихъ языкъ, ввести строгое преподаваніе логики и психологіи, какъ предметовъ основныхъ, настоятельно необходимыхъ, и столь интересныхъ для юношества. Этимъ требованіемъ образованности, начитанности, развитія строгаго логическаго мышленія на изученіи философовъ проникнута и рассмотрѣнная нами старая книжка учителя словесности Квинтилиана, котораго голосъ изъ мрака вѣковъ звучитъ горькимъ упрекомъ намъ, русскимъ людямъ конца девятнадцатаго столѣтія.

Викторъ Острогорскій.

Новые пути къ распространенію образованія въ народѣ.

Въ послѣднее время все чаще и чаще возникаютъ частныя общества, которыя, преслѣдуя цѣли нравственнаго и физическаго оздоровленія народа, тѣмъ не менѣе играютъ видную роль въ области народнаго образованія. Эти общества устраиваютъ воскресныя школы, народныя чтенія, воскресныя собесѣдованія, читальни, библіотеки, чайныя съ книгами, газетами и журналами, организуютъ продажу хорошихъ книгъ, сами издають книги и въ довершеніе всего строятъ народныя дома для помѣщенія въ нихъ всѣхъ вышеупомянутыхъ и другихъ имъ подобныхъ учрежденій. Мы имѣемъ въ виду общества трезвости. Мы пользуемся «Вѣстникомъ трезвости», отчетами обществъ трезвости и корреспонденціями газетъ, чтобы привести здѣсь нѣсколько сообщеній, характеризующихъ дѣятельность этихъ учрежденій. Сильна власть кабака. Борьба съ пьянствомъ требуетъ большого напряженія силъ и даже мужества отъ лицъ и учрежденій, взявшихся за это дѣло. Крестьянинъ Владимірской губ. Юрьевскаго уѣзда Степанъ Балашовъ былъ убитъ за то, что на сельскомъ сходѣ смѣло и открыто убѣждалъ крестьянъ деревни Никитенки не выдавать разрѣшеніе на открытіе въ ихъ селѣ кабака. Такой возмутительный случай возможенъ только на почвѣ дикаго невѣжества и звѣрскихъ инстинктовъ; а поэтому и борьба со зломъ всего успѣшнѣе ведется посредствомъ народнообразовательныхъ учрежденій. И это сознають рѣшительно всѣ руководители такихъ обществъ. По словамъ отчета Рыбинскаго общества трезвости, имъ устраиваются народныя чтенія въ манежѣ при мужской гимназіи, подъ руководствомъ директора; духовно-нравственныя бесѣды ведутся подъ наблюденіемъ протоіерея І. Ширяева; въ устройствѣ литературныхъ вечеровъ принимали участіе и мѣстные священники, и врачи, и учителя гимназіи; входъ на чтенія, бесѣды и вечера былъ безплатный, только желающіе платили по 15 коп. за храненіе верхняго платья. Шуралинское общество трезвости въ 1894 году возобновило чтенія съ туманными картинами. Такъ, 21 ав-

густа мѣстнымъ священникомъ, предсѣдателемъ Общества, въ лѣтнемъ помѣщеніи чайной, Обществу было предложено чтеніе «О началѣ христіанства на Руси» и послѣ получасового перерыва—«Св. Стефанъ Пермскій». «Екатер. Недѣля», сообщая, объ этомъ, прибавляетъ, что чтенія, какъ показалъ ирежній опытъ,—могучій рычагъ въ дѣлѣ народнаго отрезвленія, и можно быть увѣреннымъ, что народъ, привыкшій проводить праздничные дни въ разгулъ и пьянствѣ; охотно пойдетъ на чтеніе, еслибъ даже для усиленія средствъ Общества была установлена не дорогая плата (5—10 съ челов.) По словамъ газеты, эти чтенія посѣщались часто болѣе, нежели 200—300 челов.

Сущствующее въ Рыбинской волости Бѣжецкаго уѣзда общество трезвости рѣшило организовать публичныя народныя чтенія съ туманными картинами и раздавать книжки народу. Оно же устраиваетъ народныя спектакли.

Гурьевское общество трезвости Уральской области строить зданіе для народныхъ чтеній такихъ размѣровъ, чтобы въ аудиторію можно было помѣстить до 600 слушателей. Зданіе обойдется около 9000 руб.

Новоторжское такое же общество организуетъ народныя чтенія въ земской управѣ. Отчетъ Правленія общества трезвости въ Троицкомъ и Верхнеуральскомъ уѣздахъ Оренбургской губерніи за 1894 годъ сообщаетъ, что дѣятельность общества выражалась, главнымъ образомъ, въ распространеніи въ народѣ книгъ и брошюръ согласно § 2 устава общества. Книги и брошюры нравственнаго содержанія, поучающія воздержанію отъ вина (до 20 наименованій), распространялись или непосредственно самимъ правленіемъ общества, или черезъ другихъ ревнителей трезвости. Точно также распространеніемъ народныхъ изданій путемъ раздачи заняты были, судя по отчетамъ, и члены Петербургскаго, Тверскаго и нѣкоторыхъ друг. обществъ трезвости.

По словамъ газ. «Русь»—въ хуторѣ Сизовомъ, Есауловской станицы, общество трезвости ведетъ энергическую борьбу съ пьянствомъ, выписывая нѣсколько періодическихъ изданій, распространяя среди населенія массу религіозно-нравственныхъ и написанныхъ спеціально противъ пьянства брошюръ, приобретаая для чтенія въ своихъ собраніяхъ большое число популярно изложенныхъ книжекъ самаго разнообразнаго содержанія. Нѣкоторыя общества, какъ напримѣръ Казанское и Рижское Латышское издаютъ журналы и книги. Сарапульское общество трезвости открыло читальню. По словамъ отчета, читальня открыта 18 сентября 1894 года. При открытіи ея имѣлось книгъ 246 названій, 347 томовъ, на сумму 280 руб. 20 коп.; въ томъ числѣ пожертвованныхъ книгъ на 150 руб.; остальные выписаны на средства Общества; кромѣ того имѣется еще пожертвованныхъ книгъ рублей на 30, но онѣ по правиламъ о народныхъ читальняхъ не могли быть внесены въ каталогъ читальни Общества и хранятся отдѣльно. Переплетъ книгъ стоитъ 70 руб. Читальня имѣетъ большія стѣнныя географическія

карты, географическій атласъ и хорошій земной глобусъ. Остальное имущество читальни: шкафы, большой столъ, покрытый клеенкой, стулья, скамейки вокругъ стѣнъ и проч. заведено на счетъ Общества и стоитъ около ста рублей. Читальня открыта ежедневно по вечерамъ съ 7-ми до 11-ти часовъ, въ пятницу она закрыта; по субботамъ съ 8 часовъ, послѣ всенощной. По воскресеньямъ же и по праздничнымъ днямъ читальня открывается еще и днемъ съ 12-ти и до 3-хъ часовъ. Члены Общества охотно посѣщаютъ читальню: всѣхъ посѣщеній съ 18 сентября по 26 октября было 371, причемъ было выдано 133 книги, 174 газеты, 81 журналъ. Читальней завѣдуетъ особая библиотечная комиссія.

Точно также Мотовилихинское общество борьбы съ пьянствомъ предполагаетъ, собравъ добровольными пожертвованіями необходимыя средства, открыть бесплатную народную читальню, которая могла бы служить проводникомъ религиозныхъ и нравственныхъ идей въ среду народа и такимъ образомъ, и непосредственно, и косвеннымъ путемъ, отвлекла бы его отъ посѣщенія питейныхъ домовъ.

Тыпинское общество трезвости предполагаетъ организовать книжную торговлю.

Тюменское такое же Общество трезвости праздновало 23-го іюля 1895 г. съ подобающею торжественностью открытіе чайной съ платной при ней читальней. Помѣщеніе, съ приличной для него обстановкой, отведено въ центрѣ города и состоитъ изъ столовой, зала для чтенія и нѣсколькихъ комнатъ—кабинетовъ. Для чтенія къ услугамъ публики масса журналовъ и газетъ, и желающимъ предоставляется пользоваться за удешевленную плату чаемъ, шоколадомъ, кофе и т. п. напитками. Посѣтители имѣютъ право бесплатнаго входа въ помѣщеніе читальни и пользованія тамъ журналами и газетами ежедневно съ 11 часовъ утра до 11 часовъ вечера. Трехлючинское, Слободскаго уѣзда, общество трезвости ходатайствовало предъ мѣстнымъ земствомъ объ открытіи библиотеки и это ходатайство земствомъ было удовлетворено.

Богородскій отдѣлъ Казанскаго общества трезвости, озабочиваясь устройствомъ библиотеки и читальни для народа, обращался съ просьбою о высылкѣ книгъ и изданій въ комитетъ грамотности, въ общество о распространеніи религиозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви и другія учрежденія. Съ разрѣшенія высокопреосвященнѣйшаго Владиміра, членами отдѣла велись по праздничнымъ днямъ, въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, религиозно-нравственныя чтенія и бесѣды, иллюстрируемыя съ помощію туманныхъ картинъ. Тотъ же отдѣлъ организовалъ продажу книгъ народу. Эти чтенія, съ разрѣшенія казанской уѣздной управы, велись въ помѣщеніяхъ земскихъ школъ, Куюковской и Гильдѣвской, и привлекли большое количество слушателей. Имѣя въ виду недостаточность помѣщенія для веденія религиозно-нравственныхъ чтеній и бесѣдъ при земскихъ училищахъ, отдѣлъ озабочивается устрой-

ствомъ собственнаго дома, который служилъ бы какъ помѣщеніемъ для школы, такъ и для читальни.

Архангельское сельское общество трезвости Корчевскаго уѣзда постановило образовать, по мѣрѣ средствъ, бібліотеку изъ общедоступныхъ по содержанію для простаго народа книгъ. Въ виду скудости средствъ, комитетъ общества рѣшился обратиться въ нѣкоторые книжные склады, благотворительныя общества и къ частнымъ лицамъ съ просьбой о безвозмездной высылкѣ книгъ, пригодныхъ для народнаго чтенія.

Другія подобныя общества ставятъ передъ собою еще болѣе широкія задачи.

Боровичское общество трезвости—читаемъ въ Русск. Вѣдом.—исходя изъ вполне правильной мысли, что одной изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ въ борьбѣ противъ пьянства является распространеніе просвѣщенія въ народѣ, открыло свою практическую дѣятельность учрежденіемъ воскресныхъ общедоступныхъ литературныхъ вечеровъ, на которыхъ предлагаются чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, пѣніе и музыка. Кромѣ того, съ 1-го сентября Общество открыло книжную торговлю. Общество будетъ продавать книги духовно нравственнаго содержанія, учебники, беллетристическія и научныя произведенія и, кромѣ того, народныя картины.

По словамъ Нижне-Тагильскаго отчета, дѣятельность этого общества выражалась: а) въ поддержаніи существующихъ учреждений общества: дешевой чайной, бесплатныхъ бібліотекъ и читальни, б) въ устройствѣ народныхъ чтеній и в) въ распространеніи среди народа книгъ и брошюръ согласно § 2 Устава общества.

Въ селѣ Городицахъ Корсунскаго уѣзда общество трезвости останаовилось, по словамъ учредителя общества, священника Лебедева, на бібліотекѣ-читальнѣ, какъ учрежденіи, представляющемъ собой самый легкій и удобный способъ къ объединенію членовъ общества и къ распространенію идеи трезвости въ массѣ прихода, не говоря уже о томъ, какимъ могучимъ рычагомъ, въ смыслѣ укрѣпляющаго нравственнаго воздѣйствія, на самихъ членовъ и на другихъ можетъ служить это учрежденіе. «Вопросъ лишь въ средствахъ — пишетъ о. Лебедевъ. Слава Богу, свѣтъ еще не безъ добрыхъ людей. Мои прихожане очень бѣдны, такъ что на пособіе съ ихъ стороны на устройство бібліотеки-читальни не могло быть и рѣчи, а потому этотъ вопросъ представлялся мнѣ весьма неудоборѣшимымъ. Но случайно мнѣ довелось встрѣтить особу, которая съ искреннимъ участіемъ отнеслась къ моему затрудненію и обѣщала свою помощь. Особа эта вдова композитора Сѣрова. Она выслала мнѣ 100 рублей для начала дѣла. Это щедрое пожертвованіе рѣшено было употребить на приспособленіе церковной сторожки для помѣщенія въ ней бібліотеки-читальни. И вотъ на эту сумму мы выстроили просторное и свѣтлое зданіе въ одиннадцать сажень длиной, въ видѣ пристройки съ одной стороны церковной сторожки».

Изъ Хутора Строва, Есауловской станицы, Области Войска Донскаго сообщаютъ, что тамъ общество трезвости основано 20 марта 1894 года и по окончаніи полевыхъ работъ тотчасъ же открыло свою дѣятельность собраніями по праздничнымъ днямъ, на которыхъ рядомъ съ обсужденіемъ различныхъ мѣропріятій, клонящихся къ уменьшенію въ хуторѣ пьянства и привлеченію въ свою среду новыхъ членовъ, происходили чтенія по преимуществу религиозно-нравственнаго и историческаго содержанія. Книги приобрѣтались на взносы лицъ, вступившихъ въ общество трезвости. Чтенія эти пришлись по душѣ простому народу и охотно посѣщались имъ. Въ распоряженіи общества въ настоящее время имѣется много дешевыхъ книжечекъ, принадлежащихъ перу нашихъ извѣстныхъ беллетристовъ, изданныхъ Комитетомъ Грамотности и другими издательскими фирмами, и множество брошюръ противъ пьянства. По отзыву руководителя чтеній г. Листова, особеннымъ вниманіемъ среди народа пользуется извѣстный писатель Вас. И. Немировичъ-Данченко благодаря своимъ художественно написаннымъ очеркамъ и рассказамъ о событіяхъ изъ нашей послѣдней войны съ Турціей въ 1877—1878 гг. Потрясающія картины военныхъ ужасовъ, незабвенные геройскіе подвиги нашихъ воиновъ, самопожертвованная дѣятельность сестеръ милосердія производятъ на слушателей глубокое впечатлѣніе. Практика дѣла показала руководителямъ общества, что читальня одно изъ сильнѣйшихъ орудій въ борьбѣ съ пьянствомъ, и они рѣшили, во что бы-то ни стало, открыть ее. Съ этой цѣлью г. Листовъ обращался за содѣйствіемъ къ С.-Петербургскому Комитету Грамотности, обѣщавшему «возможную помощь въ этомъ дѣлѣ». Для приобрѣтенія необходимыхъ средствъ, для устройства читальни, по просьбѣ общества, мѣстный приходскій священникъ Аристархъ Данилевскій разрѣшилъ ему просить церковныхъ попечителей, чтобы они, во время сбора на нужды церкви, предлагали прихожанамъ жертвовать и на устройство бесплатной народной читальни.

Общество трезвости, образованное въ Лаищенскомъ поселкѣ, точно также постановило открыть общественную бесплатную читальню и чайную, для чего и приобрѣсть особое зданіе.

Казанское общество трезвости располагаетъ собственнымъ зданіемъ, гдѣ между прочимъ находится аудиторія для народныхъ чтеній и приготовлено помѣщеніе для библиотеки - читальни. Къ сожалѣнію, какъ сообщаетъ отчетъ общества за 1894 годъ, до сихъ поръ не послѣдовало отвѣта на ходатайство объ открытіи бесплатной народной читальни. Поэтому высылаемыми въ общество 22 журналами и газетами и принадлежащими обществу 2,000 книгами никто не пользуется. Книги большею частію пожертвованы слѣдующими лицами: профес. Архангельскимъ (болѣе 150), Адиясевичемъ (болѣе 100), Малиновскою, Башмаковымъ, Дубровинимъ, Гусевымъ, Кошечевымъ, комитетомъ грамотности и др.

Отчетъ Тобольскаго общества трезвости за 1893—94 г. со-

общаетъ, что имъ устроены воскресныя чтенія для народа, одна библиотека, одна читальня и возбуждено ходатайство объ устройствѣ народныхъ читаленъ при чайныхъ, а также и о продажѣ при нихъ народныхъ изданій.

Прихожане села Курчума, Нолинскаго уѣзда, Вятской губерніи также открыли общество трезвости. Сначала мѣстные жители недовѣрчиво встрѣтили новыхъ трезвенниковъ, но своей трезвой и нравственной жизнью члены общества скоро разсѣяли всякое недовѣріе и число членовъ общества стало быстро увеличиваться, а теперь уже возросло до 107 человекъ. «Наша отдаленная Вятская губернія, пишетъ купецъ Вшивцевъ, съ ея трехмилліоннымъ населеніемъ, во многомъ отстала отъ прочихъ губерній, на примѣръ, среди крестьянскаго населенія у насъ почти нѣтъ книжекъ; объяснить это можно отсутствіемъ продажи книгъ,—даже въ губернскомъ городѣ нѣтъ порядочнаго книжнаго магазина. Съ какимъ удовольствіемъ поэтому члены общества принялись за чтеніе книгъ, прибрѣтенныхъ на 25 рублей, пожертвованныхъ товарищемъ предсѣдателя И. Н. В.; книжки переходили изъ рукъ въ руки и это привлекало очень многихъ. Это общество устраиваетъ дешевую чайную и предполагаетъ открытіе народныхъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ».

Архангельское общество трезвости открыло бесплатную народную читальню; въ ней получается 9 газетъ и журналовъ и имѣется 172 книги; не смотря на такое незначительное число книгъ, получаютъ книги на домъ 85 чел., посѣщаютъ читальню отъ 45 до 55 чел. въ недѣлю. Чтенія для народа происходили въ залѣ мѣщанской управы и въ читальнѣ общества—въ Соломбалѣ; для иллюстраціи чтеній выписано картинъ къ волшебному фонарю на 202 руб. 88 коп., что особенно замѣчательно. Комитетъ общества возбудилъ ходатайство передъ г. попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа о разрѣшеніи пользоваться для публичныхъ чтеній всѣми книгами, помѣщенными въ каталогъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для низшихъ учебныхъ заведеній (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1891 г.). Простой народъ и солдаты посѣщали охотно эти чтенія. Тѣмъ же обществомъ возбуждены ходатайства объ устройствѣ бесплатной читальни для народа, о дозволеніи открыть при церковно-приходскихъ школахъ воскресныя бесплатныя школы.

Въ селѣ Павловѣ такое общество рѣшило устроить народный домъ, который бы совмѣщаль въ себѣ народную библиотеку, читальню и аудиторію. Предсѣдатель общества уже вошелъ съ ходатайствомъ, куда слѣдуетъ, объ уступкѣ церковной земли для этого предпріятія; на устройство самаго дома имъ жертвовано изъ личныхъ средствъ 200 руб.; по словамъ отчета, есть основаніе предполагать, что въ непродолжительномъ времени послѣдуетъ разрѣшеніе приступить къ постройкѣ. Тѣмъ же обществомъ устроена и существуетъ уже два года сельская воскресная шко-

ла для взрослыхъ, вмѣщающая 40 учащихся. Въ числѣ учениковъ ея былъ одинъ 65-лѣтній старикъ,

Въ школѣ преподають 4 учителя и 2 учительницы. Здѣсь же ведутся чтенія учащимся. Школа доставила подробный отчетъ 2-му съѣзду русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію. Очевидно, что это вполне правильно организованное учебное заведеніе. О возникновеніи школы находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ отчетѣ общества. Право открытія школы было предусмотрено при составленіи устава общества. Въ средѣ самаго общества много неграмотныхъ членовъ, которые высказывали не разъ желаніе обучаться грамотѣ. Кромѣ того, открытіе школы, по словамъ отчета, должно было содѣйствовать привлеченію въ общество новыхъ членовъ изъ рабочей среды, въ которой стремленіе къ грамотности весьма велико и для которой нравственная поддержка въ борьбѣ съ пьянствомъ была бы особенно полезна. По всѣмъ этимъ соображеніямъ общество обратилось къ архіерею съ просьбой о разрѣшеніи воскресной школы, каковое и было получено 4 декабря. Для школы было предоставлено обширное помѣщеніе въ волостномъ правленіи. Школа 20 марта была открыта. Учениковъ записалось 60 мужчинъ и 10 женщинъ исключительно взрослыхъ. Занятія происходятъ по воскреснымъ днямъ, за исключеніемъ большихъ праздниковъ и продолжаются отъ часу до 4-хъ.

Въ виду огромнаго значенія, какое могутъ имѣть общества трезвости, если они, не ограничиваясь устройствомъ чайныхъ, организуютъ народныя публичныя чтенія съ туманными картинами, библиотекн-читальни, книжную торговлю, устраиваютъ воскресныя школы и повторительные классы, раздають безвозмездно хорошія народныя изданія, — въ высшей степени важно знать формальности, какія необходимо соблюсти при устройствѣ такихъ обществъ. Большинство подобныхъ обществъ, по словамъ «Вѣстника трезвости», какъ петербургское, одесское, казанское, учреждаются и дѣйствуютъ на основаніи уставовъ, утвержденныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; другія общества образуются по примѣрнымъ уставамъ, утверждаемымъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ епархіальнымъ начальствомъ; наконецъ, третьи составляются путемъ простаго соглашенія извѣстнаго числа лицъ между собою, обыкновенно подъ вліяніемъ мѣстныхъ священниковъ, причѣмъ, по произнесеніи торжественнаго обѣщанія воздерживаться отъ крѣпкихъ напитковъ, члены вновь учрежденнаго общества вписываются въ особую книгу и этимъ оканчиваются всѣ формальности. Въ послѣднихъ случаяхъ, однако, положеніе обществъ трезвости оказывается иногда недостаточно твердымъ, что вредно отражается на ихъ дѣятельности. Г. Дружининъ рекомендуетъ между прочимъ еще слѣдующій порядокъ при учреженіи обществъ трезвости. Согласно ст. 4 закона 2 августа 1864 года о церковно-приходскихъ попечительствахъ, время засѣданій попечительствъ, порядокъ ихъ занятій, раздѣленіе обязанностей

между членами и т. п. опредѣляются самими попечительствами, съ доведеніемъ, въ потребныхъ случаяхъ, до свѣдѣнія епархіальнаго начальства. Именно эта статья и облегчаетъ образованіе обществъ трезвости тамъ, гдѣ имѣются попечительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ послужить къ упроченію положенія образованныхъ указываемымъ ею путемъ обществъ трезвости и къ вящему успѣху въ ихъ дѣятельности. Прежде всего, сами попечительства могутъ оказывать противодѣйствіе пьянству разнообразными путями. Указаннымъ закономъ 2 августа 1864 г. возлагается на нихъ, въ числѣ прочихъ предметовъ, попеченіе объ устройствѣ въ приходѣ школы, больницы, пріюта, богадѣльни и другихъ благотворительныхъ заведеній, а равно самое завѣдываніе такими заведеніями, ими учрежденными. Слѣдовательно, попечительства могутъ дѣлать многое собственно для отвлеченія отъ пьянства посредствомъ распространенія грамотности, просвѣщенія, полезнаго и разумнаго чтенія и пр., а равно для ослабленія и смятенія тѣхъ несчастій, которыя причиняются пьянствомъ и состоятъ въ бѣдности, болѣзняхъ, утратѣ способности къ труду и проч.

Но самымъ лучшимъ разрѣшеніемъ вопроса было бы предоставленіе права разрѣшать такія общества мѣстнымъ начальствамъ, безъ сношенія съ центральнымъ управленіемъ, что всегда обусловливаетъ у насъ при нашемъ полномъ незнакомствѣ съ формальностями много совершенно излишнихъ и ни для кого ненужныхъ проволочекъ. На ряду съ частными обществами трезвости и то же самое дѣло дѣлаютъ правительственныя попечительства трезвости, учреждаемыя по закону 20 декабря 1894 г. въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введена казенная торговля спиртными напитками. Многія изъ такихъ попечительствъ, хотя и не всѣ, точно также считаютъ лучшимъ средствомъ къ отвлеченію народа отъ пьянства устройство различныхъ народообразовательныхъ учрежденій. Такъ, ирбитскій уѣздный комитетъ попечительства о народной трезвости, по словамъ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостей, исполняя возложенную на него Высочайше утвержденнымъ 29 декабря 1894 года уставомъ задачу, между прочимъ, рѣшилъ организовать въ г. Ирбитѣ народный театръ, съ цѣлью дать простому народу въ праздничные и воскресные дни возможность разумно развлечься и этимъ отвратить его хотя на время отъ праздничнаго разгула. Для этой цѣли комитетъ заарендовалъ театръ г-жи Рудаковой съ 1-го числа сего октября, на одинъ годъ, для устройства въ немъ разнаго рода сценическихъ представленій и выдѣлилъ изъ своей среды особую театральную комиссію, которой и поручилъ практическое осуществленіе своего постановленія объ открытіи въ г. Ирбитѣ народнаго театра. Успѣхъ перваго народнаго спектакля превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія комитета и театральной комиссіи. Театръ былъ почти полонъ, особенно много публики изъ народа было въ галереѣ и амфитеатрѣ.

Уфимскій уѣздный комитетъ предположилъ начать свою дѣятельность съ устройства 6-ти читаленъ и народныхъ чтеній въ уѣздѣ, а также народнаго театра и публичныхъ народныхъ чтеній въ г. Уфѣ. Мензелинскимъ комитетомъ трезвости намѣченъ рядъ весьма симпатичныхъ мѣропріятій. Во-первыхъ, рѣшено открыть въ 14 пунктахъ мензелинскаго уѣзда чайныя для народа. Расходъ на каждую чайную опредѣленъ въ 300 р., т. е. на всѣ чайныя 4200 р. Во вторыхъ, постановлено надѣлать каждую чайную особой бібліотекой, стоимостью въ 25 р., всего на сумму 350 руб. Въ третьихъ, собраніе находитъ, что въ пунктахъ открытія чайныхъ необходимо производить чтенія, демонстрируя ихъ туманными картинами. Для этой цѣли собраніе рѣшило къ тремъ уже выписаннымъ волшебнымъ фонарямъ еще выписать 6 фонарей, стоимостью по 50 руб. каждый, и къ нимъ картинъ и брошюръ на 1000 руб., всего, слѣдовательно, на 1300 руб. Въ четвертыхъ, предположено организовать съѣзъ передвижныхъ бібліотекъ и для этого къ 4-мъ уже выписаннымъ бібліотекамъ прибавить еще 10, стоимостью каждая по 40 руб., т. е. всего на сумму 400 руб.

Предсѣдатель троицкаго комитета снесся съ инспекторомъ народныхъ училищъ по вопросу о сообщеніи свѣдѣній относительно имѣющихся въ его распоряженіи средствъ борьбы съ народнымъ пьянствомъ, какъ въ личномъ составѣ учителей, такъ въ организованныхъ уже народныхъ бібліотекахъ, читальняхъ и т. д. Разработка матеріала по устройству народныхъ чтеній, читаленъ и распространенію полезныхъ для народнаго чтенія брошюръ оставлена на обязанности особо для того образованной комиссіи.

Народообразовательная дѣятельность попечительствъ и обществъ трезвости встрѣтила одобреніе и съ высоты престола и со стороны высшихъ представителей власти. Такъ на всеподданнѣйшемъ отчетѣ кievскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, гдѣ, между прочимъ, было доложено о полезной дѣятельности Богуславскаго общества трезвости (Кіевской губ., Каневскаго уѣзда), Государь Императоръ соблагволилъ начертать: «Это весьма утѣшительно, и надо надѣяться, что не останется единственнымъ примѣромъ» и затѣмъ, когда этимъ обществомъ была предпринята постройка дома для бібліотеки, то на докладѣ объ этомъ Государь Императоръ начерталъ: «весьма утѣшительно» и пожаловалъ на означенную постройку тысячу рублей. Павловское общество, особенно выдѣляющееся по своей просвѣдательной дѣятельности, точно также получило отъ Государя Императора щедрое денежное пожертвованіе.

7 іюля прошлаго года г. товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ утверждены уставъ воткинскаго общества трезвости, а Высочайшимъ повелѣніемъ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ отъ 19 іюня того же года, предоставлено обществу въ бесплатное пользованіе

мѣсто, въ количествѣ 40 кв. саж., для устройства на немъ читальни и чайной, и разрѣшенъ безплатный отпускъ лѣса въ количествѣ 990 бревенъ для названной постройки. Къ большому сожалѣнію, въ то самое время, когда высшая власть оказываетъ всякое содѣйствіе почину въ просвѣтительной дѣятельности подобныхъ обществъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ происходятъ иногда недоразумѣнія, замедляющія устройство различныхъ народообразовательныхъ учреждений. Въ нашихъ матеріалахъ есть свѣдѣнія, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ канцелярская волокита подолгу задерживаетъ разрѣшенія на открытіе читаленъ и книжныхъ складовъ. А самарское уѣздное попечительство, по словамъ «Сына Отечества», въ дѣлѣ устройства попечительствомъ чтеній для народа, въ цѣляхъ отвлеченія его отъ праздничнаго разгула, встрѣтило слѣдующія препятствія. Оно ходатайствовало объ упрощеніи порядка разрѣшеній на устройство подобныхъ чтеній. На это председатель Самарскаго губернскаго комитета трезвости увѣдомилъ, что народныя чтенія внѣ губернскихъ городовъ разрѣшаются, согласно Высочайше утвержденному 11 октября 1894 года положенію комитета министровъ, съ соблюденіемъ указанныхъ въ ономъ условій, и что уставомъ попечительства о народной трезвости уѣзднымъ комитетамъ не предоставлено входить въ обсужденіе цѣлесообразности тѣхъ или другихъ узаконеній и просить объ отмѣнѣ ихъ, а поэтому ходатайство комитета признано имъ, г. председателемъ, не заслуживающимъ удовлетворенія и оставлено безъ послѣдствій. Если это сообщеніе вѣрно, въ чемъ мы сомнѣваемся, то, по словамъ «Вѣотника Трезвости», председатель превысилъ свою власть, не доложивъ ходатайства уѣзднаго комитета губернскому. Онъ является только председателемъ послѣдняго; а всѣ дѣла, представляемыя въ комитетъ, рѣшаются не единоличною властью его председателя, а большинствомъ голосовъ. Правда, председатель, въ случаѣ несогласія съ большинствомъ, имѣетъ право подавать особое мнѣніе, но этимъ правомъ пользуется и всякій другой членъ комитета. Эти комитеты состоятъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ, куда и должно представлять всякія ходатайства, удовлетвореніе которыхъ зависитъ отъ высшихъ правительственныхъ тстановленій. Министръ финансовъ имѣетъ право инициативы въ законодательной дѣятельности; это право принадлежитъ министру на основаніи св. зак. ст. 160, т. 1, ч. 2, изд. 1892, и отъ него зависитъ дать подобнымъ ходатайствамъ дальнѣйшій ходъ или признать ихъ не заслуживающими уваженія.

В. Вахтеровъ.

Очерки по психологіи ребенка.

(Studies of childhood, by James Sully, prof. of philosophy of Mind and Logic; University College, London).

Современная наука имѣетъ по преимуществу историческій и генетическій характеръ. Въ генезисѣ вещей она ищетъ объясненія сложнымъ явленіямъ жизни, считая эти явленія прямымъ слѣдствіемъ первоначальныхъ условій. Геологъ, стремясь разслѣдовать первоначальныя стадіи образованія планетъ, руководствуется въ данномъ случаѣ такими же мотивами, какіе заставляютъ и біолога отыскивать первичныя формы жизни. Только такое изученіе первичныхъ стадій и формъ можетъ дать ключъ къ разясненію современнаго состоянія нашей планеты и ея обитателей. Точно также лишь тщательное изученіе дѣтства можетъ указать намъ, какимъ образомъ человѣческая жизнь начинается принимать извѣстныя формы и разяснить намъ, почему именно она слагается въ ту или иную характерную форму. Естественно, поэтому, что дѣтство должно было сдѣлаться предметомъ спеціальнаго изученія въ настоящее время, и дитя не избѣгло инквизиторскихъ взглядовъ современной науки. Нашъ вѣкъ, по преимуществу научный, не могъ удовольствоваться только поэтическими да сантиментальными воззрѣніями на ребенка, господствовавшими до сихъ поръ въ литературѣ и обществѣ. Намъ понадобилось знать, что совершается съ ребенкомъ въ первые два-три года его жизни, какимъ образомъ аморфное крошечное существо пріобрѣтаетъ форму и вѣсъ и становится извѣстной величиной какъ въ нравственномъ, такъ и физическомъ смыслѣ. Такимъ образомъ въ нашъ вѣкъ было положено начало тщательному и методическому изслѣдованію природы ребенка.

Поэты и художники во всѣ времена интересовались ребенкомъ, какъ олицетвореніемъ красоты, граціи и невинности. Но лишь недавно сравнительно ребенокъ возбудилъ интересъ спеціальными особенностями своего организма и своей духовной природы. Врачи и фізіологи стали изучать организмъ ребенка со спеціальной точки зрѣнія. Эволюціонисты также сдѣлали ребенка объектомъ изученія, такъ какъ въ постепенномъ развитіи его организма и

въ послѣдовательныхъ стадіяхъ развитія зародыша они находили подтвержденіе своей теоріи. Кромѣ того полная безпомощность новорожденнаго человѣческаго существа и долгій періодъ, въ теченіи котораго онъ поневолѣ находится въ зависимости отъ работъ своихъ родителей или другихъ лицъ (періодъ этотъ, повидимому, все удлиняется по мѣрѣ возрастанія цивилизаціи) имѣютъ очень важное значеніе какъ въ біологическомъ, такъ и соціологическомъ отношеніи. Если бы покровительственные инстинкты и чувства любви къ дѣтямъ не достигли такой высокой степени развитія въ человѣческихъ существахъ, то маленькія безпомощныя существа не могли бы развиваться какъ слѣдуетъ, и человѣческая раса сильно бы пострадала отъ этого. Этнологическія изслѣдованія указываютъ, что человѣческія общины въ самыя древнія времена и у первобытныхъ народовъ заинтересованы были вопросомъ объ охраненіи ребенка, на что указываютъ различныя, существовавшіе у этихъ народовъ благотѣльные обычаи и предохранительныя мѣры. Ребенокъ, слѣдовательно, можетъ заинтересовать современнаго ученаго съ разныхъ точекъ зрѣнія, такъ какъ онъ служитъ самымъ краснорѣчивымъ указаніемъ на ту связь, которая существуетъ между человѣкомъ и животнымъ и на тѣ силы, благодаря которымъ человѣческая раса заняла постепенное преобладающее положеніе въ мірѣ живыхъ существъ.

Для психолога изученіе ребенка имѣетъ особенно большое значеніе. Онъ можетъ прослѣдить у ребенка первые признаки пробужденія сознанія, первыя проявленія чувства симпатіи и антипатіи, распознаванія предметовъ, разсужденія и стремленія къ опредѣленной цѣли. Конечно, эти первыя проявленія дѣятельности человѣческаго ума достаточно смутны и неопредѣленны, но они то и важны для наблюдателя именно потому, что составляютъ первые проблески сознанія. Психологъ справедливо полагаетъ, что ознакомившись съ тѣмъ, что совершается въ сознаніи ребенка, онъ скорѣе въ состояніи будетъ рѣшить вопросы, относящіеся къ сознанію взрослого человѣка. Во всякомъ случаѣ въ ребенкѣ мы имѣемъ самый простой несложный типъ человѣческаго сознанія, заключающій въ себѣ первобытные элементы человѣческой умственной жизни. Локкъ полагалъ, что посредствомъ наблюденія надъ ребенкомъ мы въ состояніи будемъ рѣшить вопросъ, существуютъ ли у насъ какія либо «врожденные идеи» или нѣтъ. Въ настоящее время, однако, вопросъ этотъ нѣсколько отошелъ въ сторону, такъ какъ доказано существованіе самопроизвольной и вполне оригинальной интуиціи у ребенка. Но во всякомъ случаѣ, если вопросъ этотъ съ точки зрѣнія чистой философіи уже не имѣетъ прежняго значенія, то для психолога, тѣмъ не менѣе, онъ очень важенъ. Такъ, напримѣръ, развитіе нравственнаго чувства, того чувства преклоненія передъ долгомъ, которое такъ краснорѣчиво изображено Кантомъ, можетъ быть выяснено и понято лишь посредствомъ очень тщательнаго наблюденія надъ дѣятельностью ума въ первые годы человѣческой жизни.

Душевные процессы и развитие умственной жизни ребенка представляют еще болѣе широкій психологическій интересъ. Мы уже говорили выше, что біологъ-эволюціонистъ ищетъ въ ребенкѣ черты, указывающія на связь человѣка съ низшимъ чувствующимъ міромъ. Также точно и психологъ, руководствуясь эволюціонною точкою зрѣнія, проводитъ связь между духовнымъ развитіемъ ребенка и предшествующею исторіею духовнаго развитія расы. Согласно этой точкѣ зрѣнія въ послѣдовательныхъ фазахъ духовной жизни ребенка, можно прослѣдить всѣ главныя черты медленнаго и постепеннаго преобладанія низшихъ ощущеній и аппетита, къ періодамъ, знаменующимъ пробужденіе наблюдательности, образованіе представлений и возникновеніе низшихъ чувствъ.

Такимъ образомъ первые годы жизни ребенка, со всѣми характеризующими ихъ чертами, приобрѣтаютъ новый и, такъ сказать, «антикварный» интересъ. Въ нихъ отражаются, хотя и въ уменьшенномъ видѣ, условія духовной жизни первобытнаго человѣка, также склоннаго къ внезапнымъ припадкамъ ярости, ужаса и необузданной радости, какъ и ребенокъ, и рѣчь котораго также мало совершенна, идеи и представленія также причудливы, какъ у ребенка. Сэръ Джонъ Леббокъ и многіе другіе антропологи указывали не разъ на черты интеллектуальнаго и нравственнаго сходства, существующія между низшими человѣческими расами и дѣтьми. Новыя изслѣдованія еще разъ подтверждаютъ многочисленность этихъ сходныхъ чертъ.

Но ребенокъ не только представляетъ нѣчто вродѣ памятника или ключа къ исторіи расы, онъ составляетъ въ то же время и продуктъ этой исторіи. Многіе изъ современниковъ эволюціонистовъ находятъ, что въ самыхъ раннихъ проявленіяхъ наклонностей ребенка уже можно прослѣдить признаки наслѣдственной передачи результатовъ опыта, приобрѣтеннаго предками, и вліяніе ихъ прежней дѣятельности и образа жизни. Первые проявленія ярости у ребенка представляютъ переживаніе поступковъ ихъ отдаленныхъ предковъ въ ихъ всегдашней борьбѣ за жизнь и смерть. Проявленіе покорности и непокорности у ребенка также могутъ быть рассматриваемы какъ передача по наслѣдству зачатка чувствъ, явившихся результатомъ болѣе или менѣе долговременнаго вліянія общежитія предковъ. Съ этой точки зрѣнія человѣческой прогрессъ получаетъ совершенно новое значеніе въ нашихъ глазахъ, такъ какъ въ интеллектъ ребенка мы видимъ уже не возвратъ къ первобытной темнотѣ, но различаемъ въ немъ уже съ самаго начала слабый отблескъ интеллекта расы и достигнутыхъ ею результатовъ опыта и развитія.

Итакъ, проявленія духовной жизни ребенка имѣютъ весьма разносторонній научный интересъ. Но кромѣ этого чисто научнаго интереса, изученіе ребенка имѣетъ еще практическое значеніе. Проблема воспитанія составляетъ одну изъ труднѣйшихъ современныхъ проблемъ. То, что прежде было лишь дѣломъ инстинкта

и традицій, сдѣлалось теперь предметомъ серьезныхъ и глубокихъ споровъ и разсужденій. Матери, такія, которыя желаютъ быть настоящими воспитательницами своихъ дѣтей, сознають, что для этого онѣ должны хорошо знать и изучать безсловесное крошечное существо, находящееся на ихъ попеченіи. Также и профессиональные педагоги, почтенный трудъ которыхъ необыкновенно тяжелъ во многихъ отношеніяхъ, пришли теперь къ убѣжденію, что прежде чѣмъ приступать къ своей дѣятельности, они должны хорошо изучить природу ребенка и приобрести правильный взглядъ на всѣ ея проявленія, такъ какъ лишь при такомъ условіи они могутъ имѣть благотворное вліяніе на душу ребенка. Поэтому то и профессиональные педагоги присоединились въ настоящее время къ психологамъ и ученымъ, поставившимъ своею задачею изученіе природы ребенка. Въ виду такихъ многообразныхъ интересовъ, связанныхъ съ изученіемъ ребенка, его физической и нравственной природы, естественно должна была возникнуть необходимость организациі систематическихъ наблюденій, касающихся всѣхъ сторонъ духовной жизни ребенка, начиная отъ появленія первой улыбки на его личикѣ и перваго проявленія въ немъ интереса къ окружающимъ предметамъ.

Не слѣдуетъ думать, что наблюденія надъ ребенкомъ не представляютъ особенныхъ затрудненій. Всѣ проявленія духовной жизни ребенка до того непостоянны и такъ быстро появляются и исчезаютъ, смѣняясь другими, что услѣдить за ними очень трудно; надо очень большой опытъ и наблюдательность. Даже физическое, видимое выраженіе какихъ нибудь душевныхъ движеній ребенка подмѣтить не легко, до того оно мимолетно. Но еще труднѣе услѣдить за всѣми душевными движеніями ребенка четырехъ-шести лѣтъ такъ, чтобы значеніе всѣхъ его поступковъ было для насъ вполне ясно. Тотъ, кому приходилось имѣть дѣло съ дѣтьми, не могъ не замѣтить, какъ необыкновенно измѣнчиво ихъ настроеніе, и какъ всѣ ихъ поступки отражаютъ въ себѣ это непостоянство настроенія. Но, кромѣ того, онъ долженъ былъ замѣтить также, что дѣти, откровенныя отъ природы, весьма часто становятся скрытными, подъ вліяніемъ чувства боязливости и застѣнчивости, которое является у нихъ въ присутствіи взрослыхъ, и тогда взрослому не легко проникнуть ихъ мысли. Все это указываетъ, какъ не легко составить себѣ правильное понятіе о ребенкѣ, и какъ трудно наблюдать за нимъ. «Дѣтскія мысли идутъ своею собственною дорогою, невѣдомой для тѣхъ, кто давно уже вышелъ изъ дѣтства» говоритъ Рудіардъ Киплингъ, и дѣйствительно, взрослый лишь весьма несовершеннымъ образомъ можетъ возстановить въ своей памяти свои дѣтскіе помыслы; и воспоминанія дѣтства, хотя бы они и были написаны Гете, Жоржъ Зандъ и др. подобными же выдающимися личностями, всетаки не могутъ быть точноныя воспроизведеніемъ дѣтской души, такъ какъ въ нихъ невольно отражается мышленіе взрослога человѣка. Во всякомъ случаѣ прямой методъ наблюденія надъ ребенкомъ лучше всего можетъ

привести къ цѣли, хотя и тутъ надо старательно избѣгать обобщеній. Дѣти далеко не похожи другъ на друга, и въ ихъ чувствахъ и помыслахъ существуетъ очень большое разнообразіе, поэтому слѣдуетъ остерегаться дѣлать поспѣшные выводы, даже наталкиваясь на, повидимому, общія всѣмъ дѣтямъ преобладающія черты. Только путемъ долговременныхъ тщательныхъ наблюденій надъ разными дѣтьми и составленіемъ точной статистики этихъ наблюденій, можно установить общія основанія дѣтской психологіи. Такихъ наблюденій въ настоящее время собрано еще слишкомъ мало, чтобы можно было говорить о существованіи психологіи дѣтства, хотя изслѣдованія, опубликованныя въ послѣднее время выдающимися авторами, заинтересованными этимъ вопросомъ, и составляютъ въ нѣкоторомъ родѣ фундаментъ для этой науки.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, профессоръ философіи въ Лондонскомъ университетѣ, Джемсъ Сѣлли, издалъ рядъ очерковъ по дѣтской психологіи, гдѣ собраны наблюденія надъ разными дѣтьми, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Въ своемъ предисловіи Сѣлли предупреждаетъ, что онъ вовсе не имѣетъ въ виду представить читателямъ законченный трактатъ по психологіи дѣтства, такъ какъ эта наука, по его мнѣнію, находится еще въ зародышѣ, но онъ просто желаетъ познакомить съ нѣкоторыми типами души ребенка, специально заинтересовавшими его, полагая, что описаніе этихъ типовъ можетъ быть полезно, какъ для молодыхъ педагоговъ, не обладающихъ еще достаточною опытностью, такъ и для лицъ, изучающихъ психологію.

Современной наукѣ уже удалось проникнуть многія тайны міровой жизни; поэтому мы вправѣ надѣяться, говорить проф. Сѣлли, что намъ удастся проникнуть съ теченіемъ времени и тайну души ребенка, благодаря тѣмъ знаніямъ, которыми мы уже обладаемъ и новѣйшими открытіямъ въ области физиологіи и психологіи. Но для этого нужны специально одаренные работники, необыкновенно проницательные отгадчики и, кромѣ того, горячо любящіе дѣтей, но въ то же время обладающіе и всѣми необходимыми знаніями для производства научныхъ наблюденій. Такой человекъ, который обладаетъ способностью читать сокровенныя мысли ребенка и чувствуетъ горячую любовь къ дѣтямъ, очень быстро овладѣваетъ довѣріемъ ребенка и привлекаетъ къ себѣ его сердце. Именно, только обладающій этою способностью, человекъ и можетъ быть полезенъ, какъ наблюдатель надъ ребенкомъ, по мнѣнію Сѣлли, только онъ то и можетъ найти дорогу къ душѣ ребенка.

Такому наблюдателю личныя воспоминанія могутъ также оказать услугу, доставляя факты для сопоставленія съ тѣми, которые онъ наблюдаетъ у дѣтей въ данную минуту. Эти факты, безъ сомнѣнія, помогутъ ему выяснить многое въ душѣ ребенка, если онъ не будетъ торопиться дѣлать обобщенія, а ограничится лишь простымъ сопоставленіемъ съ тѣмъ, что онъ видитъ въ данную минуту у дѣтей.

Итакъ, наблюденія надъ ребенкомъ, систематическія и строго-научныя, составляютъ главное условіе для установки данныхъ психологіи дѣтства. Пionерами на этомъ новомъ пути экспериментальныхъ изслѣдованій были врачи, они первые указали, какъ должны производиться наблюденія надъ ребенкомъ, такъ какъ, благодаря своему привилегированному положенію въ дѣтской, могли безнаказанно наблюдать надъ ребенкомъ и дѣлать такіе опыты, къ которымъ ни мать, ни нянька не допустили бы постороннее лицо. Во всякомъ случаѣ путь указанъ теперь, и намъ остается только слѣдовать по нему. «Чѣмъ больше у насъ будетъ такихъ монографій, какъ монографія Прейера, говоритъ Селли, тѣмъ скорѣе наши абстрактныя понятія о ребенкѣ перейдутъ въ конкретное представленіе о томъ, что такое, въ самомъ дѣлѣ, происходитъ въ душѣ дѣтей различнаго типа и въ различные моменты ихъ жизни. У дѣтей школьнаго возраста можно уже производить коллективные опросы и такимъ путемъ изслѣдовать ихъ образъ мыслей, содержаніе мышленія, ихъ превратныя представленія о тѣхъ или иныхъ предметахъ и т. д. Статистика, составленная въ этомъ направленіи толковымъ и знающимъ учителемъ, можетъ быть очень полезна для уясненія дѣтской души».—Однако, какъ ни полезно такое статистическое изслѣдованіе, оно не можетъ, по мнѣнію проф. Селли, замѣнить тщательныя и методическія наблюденія надъ отдѣльными дѣтьми; поэтому онъ и рекомендуетъ прежде всего производить, именно, такія наблюденія.

I.

Воображеніе у дѣтей.

Необыкновенная живость фантазіи составляетъ неотъемлемую черту дѣтской природы; это одна изъ немногихъ чертъ, въ существованіи которой мы можемъ быть увѣрены почти у всѣхъ дѣтей, безъ исключенія. Младенческій возрастъ характеризуется причудливостью фантазіи; склонность населять видимый міръ воображаемыми образами, эта черта присуща вѣдь также и народамъ, стоящимъ на низшей ступени культуры и находящимся также еще въ младенчествѣ. Стремленіе къ созданію миеовъ и къ восполненію этими миеами недостатка истиннаго познанія окружающей природы, можно найти у всѣхъ такихъ народовъ. Также и у дѣтей. Но и тутъ существуютъ большія различія. Проф. Селли, на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій и разспросовъ родителей, пришелъ къ заключенію, что фантазія далеко не у всѣхъ дѣтей работаетъ въ одинаковомъ направленіи. У однихъ дѣтей фантазія изобилуетъ яркими образами, на другихъ же дѣйствуютъ сильнѣе звуки, нежели образы и т. д. Воображеніе тѣсно связано съ жизнью чувствъ и поэтому можетъ дѣйствовать въ столь же разнообразныхъ направленіяхъ, въ какихъ дѣйству-

ють чувства. У нѣкоторыхъ дѣтей воображеніе преимущественно направлено на страшные и мрачные предметы, другіе же, наоборотъ, предпочитаютъ яркіе и веселые образы. Въ виду такого разнообразія фантазіи у дѣтей, было бы ошибочно считать, что воображеніе одинаково развито у всѣхъ дѣтей. Правда, у всѣхъ дѣтей существуетъ склонность населять видимый міръ фантастическими образами, но характеръ этихъ образовъ весьма разнообразенъ и мѣняется, смотря по индивидуальности ребенка. Поэтому и надлежитъ изучать способность воображенія и характерныя его особенности у каждаго ребенка отдѣльно, не довольствуясь обобщеніями. Такое изученіе можетъ оказать и практическую услугу педагогу, такъ какъ укажетъ ему, какимъ путемъ можно легче дѣйствовать на воображеніе ребенка и внушать ему какойнибудь похвальный поступокъ или благородную мысль, направляя такимъ образомъ его воображеніе въ такую сторону, которая можетъ быть полезна для воспитанія воли и нравственныхъ чувствъ. Вообще, не надо забывать, что живая фантазія ребенка можетъ служить хорошимъ подспорьемъ при его воспитаніи, только надо сумѣть направить ее въ надлежащую сторону.

Воображеніе ребенка больше всего разыгрывается въ области чувственныхъ воспріятій; дитя фантазируетъ, глядя на разные предметы, прикасаясь къ нимъ и двигаясь между ними. Безъ всякаго сомнѣнія, какъ это уже замѣчено древними, фантазія слѣдуетъ за чувствами и является ихъ продуктомъ; мы всегда, вѣдь, переживаемъ въ своемъ воображеніи, во снѣ и на яву образы, воспріятыя нашимъ зрѣніемъ, и звуки, воспріятыя нашимъ слухомъ, и конструктивное воображеніе, конечно, играетъ большую роль въ томъ, что мы называемъ опытомъ нашихъ чувствъ. Фантазія ребенка въ сущности только является преувеличеніемъ той склонности къ метафорамъ, которая существуетъ и у взрослыхъ и въ особенности выражена у первобытныхъ народовъ и отражается въ народной поэзіи. Воображеніе ребенка только увлекаетъ его еще дальше, и онъ, въ самомъ дѣлѣ, придаетъ жизненность всѣмъ окружающимъ предметамъ; камни, растенія ему кажутся живыми существами, способными сознавать и чувствовать какъ и онъ. Дѣти, кромѣ того, всегда чувствуютъ потребность сравнивать то, что они видѣли или слышали, съ тѣмъ, что имъ уже извѣстно. Часто сравненія выходятъ у нихъ весьма топорными, но тѣмъ не менѣе всегда можно понять, почему ребенокъ сдѣлалъ такое сравненіе. Одинъ ребенокъ, напримѣръ, называетъ иглу компаса «птичкой», и вы видите, что это сравненіе у него явилось потому, что игла своею формою и своими движеніями напомнила ему летающую птицу. Вообще, тѣ предметы, на которые мы смотримъ какъ на неодушевленные и лишеныя жизни, ребенку кажутся, наоборотъ, одаренными сознаніемъ и жизнью. Эта склонность фантазіи ребенка сообщать жизненныя свойства всѣмъ окружающимъ предметамъ выражается иногда очень оригинально. Одинъ малютка, недостигшій еще двухлѣтнаго возраста,

обнаружилъ, напримѣръ, особенное пристрастіе къ большой буквѣ <W> и, когда видѣлъ эту букву въ азбукѣ, то всегда обращался къ ней съ ласкательными эпитетами. Другой четырехлѣтній мальчикъ написалъ однажды букву «F» навыворотъ и затѣмъ, рядомъ съ нею написалъ другую такую же букву, какъ слѣдуетъ, и тогда воскликнулъ: «Смотрите-ка! они теперь разговариваютъ другъ съ другомъ». Камни въ глазахъ дѣтей также часто представляютъ живыя существа, способныя понимать и чувствовать. Такъ, одна маленькая дѣвочка собирала кремни на дорогѣ и переносила ихъ на другое мѣсто, на томъ основаніи, что «бѣднымъ камешкамъ скучно лежать все на одномъ и томъ же мѣстѣ!» Другая восьми-лѣтняя крошка проливала горькія слезы, видя какъ осенью опадаютъ листья съ деревьевъ; она набрала этихъ листьевъ, сколько могла, для того, чтобы «они не умирали, лежа на землѣ» и принесла ихъ своей матери.

Тутъ, конечно, долженъ возникнуть слѣдующій важный вопросъ, касающійся психологіи дѣтей: видятъ-ли дѣти предметы иначе, чѣмъ мы, и кажутся-ли они имъ дѣйствительно одаренными жизнью? Проф. Селли допускаетъ во многихъ случаяхъ существованіе лишь мимолетной иллюзіи, возникающей у ребенка вслѣдствіе ассимилирующей способности его воображенія и недостаточно развитой способности мышленія. Такія дѣти подмѣчаютъ какія нибудь, одну или двѣ выдающіяся черты видимаго предмета и тотчасъ же уподобляютъ ихъ чему нибудь, и этотъ новый образъ, созданный ихъ воображеніемъ, немедленно заслоняетъ истинный образъ предмета, такъ что, безъ сомнѣнія, живая фантазія ребенка всегда видоизмѣняетъ предметы и придаетъ имъ особенную жизненность и яркость. Конечно, и тутъ надо допустить весьма разнообразныя степени иллюзіи у дѣтей. У нѣкоторыхъ дѣтей пытливость ума, бываетъ всетаки настолько развитая, что они не смѣшиваютъ того, что видятъ, съ продуктами своей фантазіи, хотя на одинъ моментъ фантазія ихъ и можетъ превратить видимые предметы въ воображаемые и надѣлать ихъ несуществующими качествами.

Но есть еще и другіе пути возникновенія иллюзій, являющихся результатомъ того, что принято называть ассоцірованіемъ впечатлѣній. Такъ, напримѣръ, Рёскингъ рассказываетъ, что когда онъ былъ ребенкомъ, то слово «крокодилъ» до такой степени ассоціровалось въ его умѣ съ представленіемъ о самомъ животномъ, что длинный рядъ буквъ казался ему даже похожимъ на тощее тѣло крокодила. Также точно въ его умѣ фамилія доктора Гранта, который его лѣчилъ въ дѣтствѣ, всегда ассоціировалась съ представленіемъ о какомъ-нибудь коричневомъ порошокѣ, вродѣ ревеня, ѣдкомъ и зернистомъ.

Каждый из нас, вероятно, может припомнить нечто подобное из своего личного опыта. Какой-нибудь звук или цвет, сами по себе совершенно безразличные, могут вызывать по аналогии или по ассоциации чувство отвращения, весьма трудно объяснимое, даже у взрослого человека, у ребенка же, конечно, это явление должно выражаться острее. Кроме того, ребенок, еще слишком мало сведущий во взаимных отношениях предметов, не может противостоять своей склонности к ассимиляции, и вещи приобретают интерес в его глазах лишь благодаря этой склонности. Таким образом и ребенок может любить или не любить те или иные звуки, но совершенно по другим причинам, нежели взрослый, так как его живая фантазия придает его чувственным восприятиям гораздо большую жизненность и углубляет их эффект.

Новейшие исследования указывают, что многие люди обладают так называемым «цветным слухом», т. е. известные звуки вызывают у них всегда представление об известном цвете. Гласные буквы, музыкальные тоны имеют свою специальную окраску, и каждая буква, и каждый тон вызывают непременно соответствующее цветное представление. Обыкновенно люди, обладающие цветным слухом, могут весьма точно определить какой цвет связывается у них с тою или иною буквою или музыкальным тоном. При дальнейшем исследовании всегда оказывается, что способность эта обнаруживалась у них уже в раннем детстве. Действительно, очень многие дети обладают этой способностью. Так, среди детей в Бостонских школах цветной слух оказался у 21 из 53. Цветное представление, связанное с известными буквами или тоном какого-либо инструмента, всегда бывает одинаковым у одного и того же ребенка, но меняется, смотря по индивидуальности детей. Так, одному ребенку звуки флейты кажутся темными, другому же, наоборот, светлыми и яркими. Проф. Селли наблюдал одну пятилетнюю девочку, которой числа представлялись разного цвета; она говорила: «Два—это черное число; 40—белое число». Когда Селли спросил ее, то узнал, что с каждым числом у ней связывается специальное представление о цвете; 2 представляется ей черным, 3—белым, 4—черным, 5—красным и т. д. Спустя три года Селли удалось снова видеть эту девочку; она по прежнему окрашивала в своем воображении цифры, но цвета были уже другие; так, 3 ей представлялось серым, а не белым. Как бы там ни было, но детский цветной слух заслуживает внимания, так как представляет довольно частое явление и служит наиболее ярким примером общей склонности детей

къ передачѣ своихъ чувственныхъ воспріятій въ живыхъ образахъ, которые, въ концѣ концовъ, заслоняютъ собою эти воспріятія. Цвѣтной слухъ и другія сходныя явленія, наблюдаемыя у взрослыхъ, по всей вѣроятности, представляютъ не что иное, какъ переживание причудливыхъ формъ мозговой дѣятельности. Фактъ этотъ указываетъ, что воображеніе ребенка можетъ видоизмѣнять чувственный міръ до такой степени, что намъ взрослымъ, уже не обладающимъ такою эластичностью фантазіи, трудно составить себѣ объ этомъ даже приблизительное понятіе. Это магическое превращеніе окружающаго вещественнаго міра подъ вліяніемъ работы фантазіи составляетъ одну изъ особенностей дѣтскаго возраста и въ нѣкоторыхъ случаяхъ сильныхъ аффектовъ, особенно страха, эта способность дѣтскаго мозга пріобрѣтаетъ настолько почти ненормальную напряженность, что ребенокъ начинаетъ реализировать образы, существующіе въ его воображеніи. Окружающая обстановка и общеніе съ взрослыми, серьезными людьми, весьма часто задерживаютъ у дѣтей развитіе этой способности воображенія и заключаютъ ее въ извѣстныя рамки. Но тѣмъ не менѣе существуютъ такіе моменты дѣтской жизни, когда дѣти даютъ полную волю своему воображенію, не стѣсняясь никакими рамками; это бываетъ во время своей игры.

Интересъ дѣтскихъ игръ именно и заключается въ томъ, что онѣ служатъ вышнимъ выраженіемъ внутренней работы фантазіи ребенка. При этомъ особенно характерно то, что основнымъ импульсомъ всѣхъ дѣтскихъ игръ является стремленіе или желаніе «быть чѣмъ-нибудь», т. е. также играть извѣстную роль. Ребенокъ въ своихъ играхъ всегда стремится выйти изъ рамокъ своей будничной жизни и воображаетъ себя не тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ; онъ всегда мечтаетъ о новомъ положеніи и воспроизводитъ его въ своей игрѣ, причемъ благодаря живости его воображенія, всѣ окружающіе предметы представляются ему въ превращенномъ видѣ, соотвѣтственно той идеѣ, которую онъ стремится реализовать въ своихъ играхъ. Эта идея до такой степени поглощаетъ ребенка, что онъ въ самомъ дѣлѣ на время забываетъ, что онъ такое. Часто представленіе о собственной личности у него видоизмѣняется до такой степени, что онъ серьезно воображаетъ себя дикимъ звѣремъ, изображая, напримѣръ, волка въ игрѣ. Окружающая обстановка играетъ весьма незначительную роль въ данномъ случаѣ, и фантазія ребенка во время игры рѣдко нуждается въ какомъ-нибудь вышнемъ толчкѣ; онъ самъ создаетъ себѣ воображаемую обстановку, и стулья ему кажутся деревьями, диванъ—кораблемъ и т. д. или же тѣ же самые стулья могутъ изображать солдатъ, дикихъ звѣрей и т. п. Стремленіе создавать такую воображаемую обстановку для своихъ игръ особенно сильно развито у одинокихъ дѣтей, у которыхъ вообще воображеніе развивается сильнѣе. Нѣкоторыя дѣти, въ такихъ случаяхъ, создаютъ себѣ воображаемыхъ товарищей для игръ. Такъ одна пріятельница профессора рассказывала ему, что когда она

была маленькою дѣвочкой, совершенно одинокой, то фантазія ея изобрѣла нѣчто вродѣ alter ego; это была воображаемая подруга, нѣсколько постарше, съ которою она вела нескончаемые разговоры и игры и отъ которой заимствовала всѣ свои новыя идеи. Иногда въ такихъ случаяхъ фантазія дѣтей разыгрывается настолько сильно, что они даже видятъ настоящій реальный образъ своихъ воображаемыхъ товарищей. Вообще придумываніе фиктивныхъ личностей играетъ большую роль въ дѣтской жизни.

Большинство авторовъ полагаетъ, что въ играхъ дѣтей преимущественно отражаются внѣшнія вліянія и склонность къ подражанію. Это не вполнѣ справедливо. Чаше всего—и особенно это замѣтно у одинокихъ дѣтей—ребенокъ въ своихъ играхъ совершенно отрѣшается отъ окружающаго реального міра и въ воображаемыхъ образахъ, которыми его фантазія надѣляетъ видимый міръ, нельзя видѣть только игру, но тутъ несомнѣнно мы имѣемъ дѣло съ грезами на яву и поэтическимъ вымысломъ. Конечно, ребенокъ поддается внушенію, производимому на него видимыми предметами, и подражаетъ тому, что видитъ, но все это не составляетъ главнаго момента въ его играхъ. Чтобы понять вѣрно игру ребенка, надо наблюдать за нимъ такъ, чтобы онъ этого не замѣтилъ. Большая разница, когда ребенокъ настоящимъ образомъ поглощенъ своей идеей, которую онъ желаетъ реализовать въ своей игрѣ, или когда онъ, замѣтивъ, что вы за нимъ наблюдаете, будетъ играть для васъ, стремясь васъ удивить или понравиться вамъ. Вообще дѣти—маленькіе актеры и очень любятъ производить впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ неловкое вмѣшательство взрослого въ игру дѣтей не только можетъ нарушить очарованіе этой игры, но и помѣшаетъ дѣтской фантазіи достигнуть своей высшей точки. Притомъ надо замѣтить, что фантазія всегда сильнѣе дѣйствуетъ у ребенка, когда онъ играетъ одинъ, такъ какъ очарованіе общественныхъ дѣтскихъ игръ, какъ бы онѣ ни были увлекательны, часто нарушается взаимными недоразумѣніями и необходимою разъясненіемъ, естественнымъ образомъ нарушающихъ иллюзію.

Благодаря своей способности превращать въ своемъ воображеніи въ живыя существа окружающіе неодушевленные предметы, дѣти могутъ довольствоваться самыми скудными игрушками. Обрубокъ дерева, превращенный ребенкомъ въ лошадь, можетъ не имѣть даже отдаленнѣйшаго сходства съ благороднымъ животнымъ, но это не помѣшаетъ ребенку съ истиннымъ наслажденіемъ воображать себя кавалеристомъ и скакать на своемъ обрубкѣ, точно на настоящей лошади. Относительно куколъ принято думать, что онѣ составляютъ привилегированную игрушку дѣвочекъ, но Селли наблюдалъ и мальчиковъ, столь же привязанныхъ къ кукламъ, какъ и дѣвочки. Отношеніе ребенка къ кукламъ лучше всего характеризуетъ его стремленіе приобщить къ своей личности свои игрушки и согрѣть ихъ своей горячею привязанностью. Привязанность ребенка къ старой изломанной,

лишенной всѣхъ своихъ украшеній, куклѣ часто бываетъ очень трогательна. Безъ сомнѣнія въ этой привязанности сказывается потребность любить, какъ и потребность вѣрить. Взрослому человеку трудно вполне выяснитъ себѣ ту роль, которую кукла или другая соответствующая игрушка можетъ играть въ жизни ребенка, и ту тѣсную связь, которая устанавливается между ребенкомъ и его любимую игрушкой. Для опредѣленія этой связи нужна очень большая наблюдательность. По словамъ проф. Селли дѣти, способныя играть съ самыми безформенными игрушками и оживотворять ихъ въ своемъ воображеніи, всегда обладаютъ чрезвычайно живою фантазіей и изобрѣтательностью. Поглощенные своею идеей во время игры, такіа дѣти совершенно не замѣчаютъ нелѣпости и несообразности окружающей обстановки, бросающіяся въ глаза всѣмъ остальнымъ холоднымъ наблюдателямъ. Тутъ происходитъ процессъ, аналогичный самовнушенію, и ребенокъ весь находится подъ влияніемъ своей собственной идеи, гипнотизирующей его и превращающей въ его глазахъ всѣ неодушевленные предметы въ живыя существа, нужныя ему для игры. Одна мать рассказывала проф. Селли, что однажды она вошла въ комнату, гдѣ ея маленькая дѣвочка играла съ сестрой и изображала лавку, въ которой продавались разные воображаемые товары. Мать подошла къ дѣтямъ и поцѣловала младшую дѣвочку. Та начала плакать. Недоумѣвающая мать спросила ее, что съ нею. Дѣвочка отвѣчала сквозь слезы: «Мама, развѣ ты цѣлуешь когда-нибудь лавочника!» Очевидно, поцѣлуй матери разрушилъ иллюзію ребенка, отождествлявшаго себя съ лавочникомъ, и это причинило ему большое огорченіе.

Въ играхъ дѣтей не слѣдуетъ разсматривать только одну сторону: фантазію и вымыселъ; въ нихъ выражается и душа ребенка и его индивидуальныя черты. Игры дѣтей никогда не бываютъ исключительно подражательными, и развѣ только у очень тупыхъ дѣтей подражаніе играетъ наибольшую роль; у всѣхъ остальныхъ мы можемъ наблюдать самостоятельную изобрѣтательность, въ которой выражаются личныя способности и даровитость ребенка.

Дѣятельность воображенія дѣтей не ограничивается только областью чувственныхъ воспріятій, т. е. для созданія какого-нибудь образа они зачастую вовсе не нуждаются во внѣшнемъ импульсѣ, произведенномъ зрительнымъ или инымъ впечатлѣніемъ. Мы уже говорили, что нѣкоторыя дѣти создаютъ себѣ воображаемыхъ товарищей во время игры и могутъ вести съ ними длинные разговоры. Сказки, столь любимыя дѣтьми, даютъ имъ часто огромный матеріалъ для созданія фантастическихъ образовъ. Эти образы, порождаяемые ихъ фантазіей, они проецируютъ во внѣшній міръ и населяютъ ими какую-нибудь извѣстную область, обыкновенно отстоящую отъ нихъ на нѣкоторое разстояніе, большею частью недоступную ихъ непосредственному изслѣдованію. Такъ чаще кустарника, цѣпь холмовъ, виднѣющихся на горизонтѣ, ка-

кой нибудь отдаленный уголъ сада или большой залы дѣти склонны населять фантастическими образами, заимствованными ими изъ сказочнаго міра. Диккенсъ говоритъ, что когда онъ былъ ребенкомъ, то реальнй міръ казался ему наполненнымъ сказочными образами. Каждый предметъ по сосѣдству, каждая плита въ церкви или на кладбищѣ ассоціировалась въ воображеніи Диккенса съ его любимыми разсказами (Roderic Random, Tom Jones, Gil-Blas и др.). изображая собою ту мѣстность, которая фигурировала въ этихъ разсказахъ, и онъ часто слѣдилъ своими духовными очами за дѣйствіями героевъ этихъ разсказовъ.

Проф. Селли обращаетъ также особенное вниманіе на то огромное влияніе, которое имѣютъ слова на умъ ребенка. По всей вѣроятности, говоритъ онъ, въ ранніе годы жизни ребенка слова, произносимыя въ его присутствіи, дѣйствуя какъ звуки, приобрѣтаютъ непосредственный объективный реальнй характеръ, подобно всѣмъ чувственнымъ воспріятіямъ, такъ что назвавъ какую нибудь вещь, мы вызываемъ какъ бы реальнй образъ этой вещи въ умѣ ребенка. Какъ бы тамъ ни было, но несомнѣнно, что слова обладаютъ огромною силою внушенія и могущественно вліяютъ на воображеніе дѣтей, вызывая у нихъ въ высшей степени живое представленіе о называемыхъ предметахъ. Такое дѣйствіе словъ на дѣтей, по всей вѣроятности, объясняется зарождающимся у нихъ въ душѣ чувствомъ почтенія къ словамъ другихъ, какъ къ авторитетнымъ заявленіямъ.

Стремленіе превращать слова въ реальныя образы заставляетъ ребенка прислушиваться въ нашимъ словамъ гораздо чаще, чѣмъ мы это думаемъ. Весьма нерѣдко матери изумляются, когда дѣти задаютъ имъ вопросы, касающіеся чего нибудь, сказаннаго въ ихъ присутствіи, что, по мнѣнію матери, совершенно не могло заинтересовать ребенка или обратиться на себя его вниманіе. Это указываетъ, однако, что слова могутъ быть могучимъ факторомъ въ области фантазіи дѣтей и какъ сѣмена, разносимыя вѣтромъ, попадая на плодородную почву, образуемую дѣтскимъ мозгомъ, развиваться въ ней порою въ весьма причудливыя формы.

Могущественное дѣйствіе словъ на умъ ребенка особенно замѣтно тогда, когда онъ слушаетъ чтеніе. Онъ совсѣмъ не такъ относится къ чтенію, какъ взрослые и, вѣроятно, очень бы удивился, если бы могъ понимать, какъ взрослые читаютъ книги? Чтеніе вызываетъ у ребенка живые образы и онъ обладаетъ тайнымъ искусствомъ разлагать въ своемъ воображеніи самую запутанную и напыщенную рѣчь и придавать ей простоту и образность. Проф. Селли приводитъ по этому случаю слѣдующій разсказъ: Одна мать начала читать своему маленькому шестилѣтнему сыну поэму, но затѣмъ, остановившись, замѣтила: «Боюсь, что ты не поймешь этихъ стиховъ, голубчикъ». На это мальчикъ возразилъ ей съ наивнымъ простодушіемъ: «О нѣтъ, я пойму, только вы мнѣ не объясняйте». Ребенокъ, со свойственною искренностью,

выразилъ въ этихъ словахъ свое отношеніе къ объясненіямъ матери, разрушающимъ его иллюзію и уничтожающимъ тѣ произвольные фантастическіе образы, которые вызываются въ его воображеніи словами стиховъ.

Благодаря этому дару зрительной реализаціи образовъ, вызываемыхъ словеснымъ разсказомъ, всякій такой разсказъ пріобрѣтаетъ въ глазахъ ребенка значеніе передачи истиннаго факта, правдивой исторіи. Эта зрительная реализація доставляетъ ребенку наслажденіе; ему нравятся образы, вызываемые въ его воображеніи, и поэтому онъ заставляетъ повторять себѣ несчетное число разъ разсказъ, который ему понравился.

Приэтомъ маленькій слушатель, наизусть изучившій разсказъ, ни за что не позволитъ разсказчику выпустить какую нибудь подробность. Въ этомъ отношеніи дѣти всегда обнаруживаютъ очень точную память.

Къ живому и образному воспріятію того, что ему разсказываются, ребенокъ очень скоро присоединяетъ свои собственные вымышленные образы, человѣческіе и сверхъестественные. Изобрѣтательность дѣтской фантазіи часто проявляется спорадически. Такъ, одинъ трехлѣтній мальчикъ, увидѣвъ человѣка съ деревянною ногой, тутъ же придумалъ цѣлую исторію и разсказалъ своей матери, что человѣкъ этотъ упалъ съ больной лошади и ушибъ «свою бѣдную ногу о большой камень». Затѣмъ, подумавъ, онъ приказалъ матери «поцѣловать больное мѣсто и присыпать порошкомъ, чтобы все прошло», какъ она имѣетъ обыкновеніе дѣлать, когда ребенокъ ушибался. Въ этомъ случаѣ сказалась не только живость фантазіи ребенка, нарисовавшей ему цѣлую картину паденія съ лошади, но и сострадательность, такъ какъ онъ захотѣлъ, чтобы мать его также помогла больному человѣку, какъ помогаетъ ему, когда ему бываетъ больно.

Такимъ несложнымъ путемъ дѣти часто создаютъ себѣ маленькіе миры на основѣ какого нибудь, полученнаго ими раньше, впечатлѣнія, восполняя своею богатою фантазіей скудость этого впечатлѣнія и разукрашивая его, не взирая ни на какую обстановку своей обыденной жизни; частью вслѣдствіе такого воспріятія и реализаціи сказочныхъ образовъ, частью же подъ влияніемъ своего изобрѣтательнаго воображенія, дѣтскій умъ обыкновенно находится подъ властью какого нибудь мифа, болѣе или менѣе стойкаго. Принцы и принцессы, гномы и карлики волшебныхъ сказокъ и другіе тому подобные образы, заимствованныя имъ изъ разсказовъ или созданныя его воображеніемъ по образцу тѣхъ, которые ему извѣстны изъ сказокъ, часто настолько овладѣваютъ умомъ ребенка, что являются ему въ грезахъ, въ темнотѣ, въ сумеркахъ, когда всѣ предметы становятся менѣ яркими и вносятся въ жизнь ребенка снова золотые солнечные лучи или же покрываютъ все мрачною тѣнью, вызывающею въ немъ чувство страха. Но всѣ эти образы, порождаемые его воображеніемъ, столь же реальны, какъ и сама дѣйствительность.

Дѣти вообще любятъ таинственность и часто скрываютъ отъ скептицизма взрослыхъ свои суевѣрія, создавая свою собственную мифологію. Но въ мифахъ, изобрѣтаемыхъ дѣтьми, надо искать не только выраженія импульса реализовать въ живыхъ образахъ то, что лежитъ для нихъ за предѣлами чувственного міра; въ нихъ, какъ и въ мифахъ первобытнаго человѣка, заключается истинный зародышъ мысли.

Въ воспоминаніяхъ Жоржъ-Зандъ можно видѣть любопытный примѣръ того, какъ живое воображеніе ребенка, создавая свои сверхъестественные образы, стремится полурефлекторнымъ, поленаучнымъ образомъ связать созданные имъ мифы съ фактами и законами извѣстнаго ему міра. Такое вмѣшательство дѣтскаго разсудка въ страну чудесъ, первая грубая попытка согласовать вѣрованія и отыскать точки соприкосновенія между излюбленнымъ мифомъ и дѣйствительнымъ міромъ, можетъ объяснить многія странныя и въ то же время характерныя черты дѣтской мифологіи.

Наблюденіе надъ дѣтьми приводитъ, слѣдовательно, къ заключенію, что, по сравненію съ взрослыми, они одарены гораздо болѣе могущественною силою воображенія, и дѣятельность этого воображенія ведетъ къ изумительно яркой внутренней реализаціи сверхъчувственныхъ образовъ, такъ какъ для ребенка, какъ и для первобытнаго человѣка, видимый міръ является столько же результатомъ его фантазіи, сколько и результатомъ его чувственныхъ воспріятій. То, что намъ извѣстно изъ физиологіи дѣтскаго мозга, вполне подтверждаетъ это. Въ первые годы жизни ребенка высшіе кортикальные центры, принимающіе участіе въ координаціи и регулированіи процессовъ мышленія и воли, развиты весьма несовершеннымъ образомъ и не могутъ оказывать задерживающаго вліянія на центры, управляющіе воображеніемъ. Подвергая потокъ нашихъ мыслей контролю воли, мы можемъ, путемъ разсужденія, оградить себя отъ заблужденій, въ которыхъ можетъ ввести насъ ничѣмъ не сдерживаемая фантазія. У ребенка всѣ идеи, возникающія въ мозгу, подъ вліяніемъ какихъ нибудь стимуловъ, приобрѣтаютъ особенную яркость и очень стойки. Многіе изъ авторовъ, писавшихъ о дѣтяхъ и воспитаніи, подтверждаютъ, что мозгъ ребенка обладаетъ, до нѣкоторой степени, такою же воспримчивостію къ внушенію, какъ и мозгъ загнипнотизированнаго субъекта, и дикари, обнаруживающіе такое сходство съ дѣтьми въ отношеніи живости и преобладанія фантазіи, по всей вѣроятности, условіями своей мозговой жизни болѣе приближаются къ дѣтямъ, нежели къ цивилизованнымъ взрослымъ людямъ.

Такая сверхъестественная живость и яркость образовъ возникающихъ въ несовершенно развитомъ мозгу ребенка, часто вызываетъ у дѣтей, какъ всѣмъ извѣстно, иллюзіи устрашающаго характера, дѣти часто видятъ страшныя сновидѣнія, испытываютъ чувства страха и это особенно рѣзко выражается у дѣтей пѣжнаго тѣлосложенія. Многіе родители пугаются этого настолько,

что находятъ нужнымъ совершенно устранить фантастическую область изъ жизни дѣтей, полагая, что поступая такъ, они помѣшаютъ усиленному развитію ихъ фантазіи. Но это невѣрно. Дѣти, обладающія живымъ воображеніемъ, найдутъ для него пищу, хотя бы даже въ фактахъ обыденной жизни, если они лишены матеріала, доставляемаго сказочнымъ міромъ, поэтому ребенка незначѣмъ лишать этого міра, но надо только позаботиться, чтобы онъ доставлялъ свѣтлые образы и чтобы веселый, жизнерадостный элементъ преобладалъ надъ мрачнымъ. Проф. Селли не думаетъ, чтобы сказки могли повредить сколько нибудь здравому смыслу ребенка и находить, что слѣдуетъ давать пищу фантазіи ребенка, но только надо заботиться о томъ, чтобы пища эта не заключала въ себѣ вредныхъ для ребенка элементовъ.

О религіозно-нравственномъ обученіи и воспитаніи въ земской школѣ.

I.

Принципiальнымъ обвиненіемъ, вводимымъ на земскую школу ея противниками служить то, что земская школа есть, будто-бы, всецѣло школа свѣтская, какъ по внутреннему характеру — по духу и направленію обученія и воспитанія въ ней, — такъ и по своему административному устройству. Недоброжелатели земской школы говорятъ (то же относится и къ министерской), будто эта школа всегда была чужда и теперь чуждается необходимыхъ элементовъ—религіозности и церковности и что, поэтому, она вообще стоитъ на ложной и опасной почвѣ, не имѣетъ подъ собою прочныхъ историческихъ основъ. Какъ таковая, земская школа, говорятъ, не только не полезна, но даже опасна для народной жизни и для самаго государства, и т. д. и т. д. Въ виду этого то существеннаго недостатка земской школы духовенству, говорятъ, должно быть предоставлено преобладающее участіе въ завѣдываніи всѣми начальными школами, что это участіе необходимо именно для того, чтобы «удовлетвореніе потребностямъ народнаго просвѣщенія не шло путемъ ложнымъ, а потому вреднымъ для народной нравственности и для общественнаго порядка». Руководимая, такъ называемая «либеральною» печатью, часть нашей интеллигенціи, которая защищаетъ современное положеніе и организацію дѣла народнаго просвѣщенія, говорятъ, «всѣмъ существомъ своимъ чужда народу» и въ народномъ образованіи «стремятся лишь подражать западнымъ образцамъ». Въ виду такого недовѣрія къ строю и духу нашей народной школы господствующаго типа (земской и министерской), противники ея требуютъ, чтобы «за основу начальнаго образованія среди православныхъ» былъ принятъ исключительно «типъ церковной школы», что «только этотъ типъ можетъ... дать народу то просвѣщеніе, которое завѣщено намъ тысячелѣтной исторической жизнью». Только при посредствѣ церковной школы, руководимой пастыремъ церкви, говорятъ, «возможно развить и укрѣпить въ дѣтяхъ лю-

бовъ къ храму Божию и церковнымъ службамъ, особливо когда они сами научатся принимать въ нихъ живое участіе пѣніемъ и чтеніемъ церковнымъ».

На указанныхъ, именно, обвиненіяхъ земской школы, съ одной стороны, и на выставляемыхъ указанныхъ преимуществахъ — съ другой, сосредоточиваетъ свое вниманіе прежде всего официальная печать, поставившая себѣ цѣлью во что бы то ни стало хвалить и защищать, именно, церковно-школьное дѣло.

Въ унисонъ съ официальными воззрѣніями пишутъ и говорятъ о земской школѣ и представители той части общества, которая въ вопросахъ общественно-государственныхъ не имѣетъ или даже боится «смѣть свое сужденіе имѣть». Типичными выразителями этихъ воззрѣній могутъ служить хотя-бы «*Московскія Вѣдомости*». Припѣвая постоянно и на всевозможные лады, по всякому удобному и даже неудобному случаю, что земская школа есть зло, что ее слѣдуетъ упразднить и замѣнить церковной, онѣ не такъ давно (см. №№ 35 и 44 за 1896 г.) еще разъ сдѣлали вылазку противъ этой школы по поводу послѣднихъ мѣропріятій вятскаго земства по дѣлу народнаго образованія. И вотъ что писали тогда *Московскія Вѣдомости*. «Когда въ 60 и 70-хъ гг. наши земства приступили къ организаціи дѣла начальнаго народнаго обученія, — увѣряли тогда «*Московскія Вѣдомости*» своихъ читателей, — когда закладывался, такъ сказать, фундаментъ нашей новѣйшей народной школы, въ немъ не оказалось главнѣйшаго и существеннѣйшаго элемента — религиозно-нравственной основы». Эта основа введена была въ земскую школу, по словамъ «*Московскихъ Вѣдомостей*», только государственной мыслью и государственной властью и доселѣ даже, утверждаетъ газета, поддерживается въ ней принудительно (М. Вѣд. № 44). Истинное народное просвѣщеніе и «*Московскія Вѣдомости*» видятъ также исключительно въ просвѣщеніи, даваемомъ церковной школой. О не-церковныхъ-же школахъ онѣ дѣлаютъ такой общій выводъ: «наши общественныя учрежденія создали себѣ совсѣмъ не тотъ идеалъ народной школы, къ какому привели государственную власть вѣра и завѣты предковъ и національное пониманіе нашихъ грядущихъ историческихъ задачъ». Въ этомъ, именно, раздвоеніи «*Московскія Вѣдомости*» хотятъ видѣть причину борьбы между школами двухъ типовъ — земской и церковной, — борьбы, которая, говорятъ онѣ, неизбѣжна и въ будущемъ и не прекратится, доколѣ одна изъ сторонъ (а какая должна быть эта сторона, по мнѣнію «*Московскихъ Вѣдомостей*» — понятно само собою) не одержитъ рѣшительную побѣду».

Какъ видимъ, и эта неофициальная часть печати, а съ нею известная часть и нашего общества, выдвигаютъ въ сущности то же основное обвиненіе противъ земской школы, что и официальныя ея противники: съ самаго своего зарожденія она игнорируетъ, будто-бы, религиозныя основы обученія и воспитанія, а потому эта школа — ненаціональная школа, не соотвѣтствуетъ взглядамъ правительства, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта

школа—противообщественная и противо-государственная и, какъ такая, она опасна и не должна быть болѣе терпима. Такъ кратко можно изложить взглядъ противниковъ земской школы на ея характеръ и значеніе въ нашей народной и государственной жизни.

Выставляя господствующій у насъ типъ начальной школы въ совершенно несоотвѣтствующемъ ему свѣтѣ, представленна обвиненія противъ земской школы слишкомъ тяжки и слишкомъ опасны, чтобы можно было оставить ихъ безъ провѣрки. Этого-же требуетъ, наконецъ, и простая справедливость.

Итакъ, постараемся выяснитъ здѣсь дѣйствительную цѣль и характеръ земской школы съ точки зрѣнія религіозно-нравственныхъ требованій. Опредѣливши дѣйствительную роль земской школы въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія нашего народа, вмѣстѣ съ тѣмъ мы снимемъ съ нея принципиальное нареканіе—настолько-же вредное и опасное, насколько и несправедливое,—а тогда сами собой потеряютъ смыслъ и всѣ другія, связанныя съ этимъ нареканіемъ, обвиненія земской школы въ ненаціональности, въ неблагонадежности и т. п.

II.

Обратимся прежде всего къ историческому прошлому земской школы, или, что то же народной школы, такъ какъ до возникновенія земской школы у насъ не было въ сущности начальной школы для народа. Посмотримъ, какъ на самомъ дѣлѣ смотрѣли организаторы и, такъ сказать, строители этой школы на ея обязанности въ отношеніи къ религіозно-нравственному воспитанію народа.

Какъ извѣстно, знаменитый педагогъ нашъ—К. Д. Ушинскій—не мало потрудился надъ разработкой вопросовъ и о начальномъ народномъ образованіи. Какъ справедливо замѣтилъ г. Аврамовъ на чествованіи этого педагога Педагогическимъ музеемъ въ Петербургѣ 22 декабря минувшаго года, «народная школа всѣмъ своимъ настоящимъ строемъ обязана К. Д. Ушинскому». Между тѣмъ вотъ что писалъ Ушинскій въ статьѣ: «О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи *)» о задачахъ и характерѣ нашей народной школы и, именно, какъ разъ въ 60 году. По его словамъ, то было время, когда не было еще необходимыхъ матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ «создать правильную народную школу—ни учителей, къ тому приготовленныхъ, ни книгъ, для того годныхъ, *ни даже самаго понятія о томъ, чѣмъ должна быть русская народная школа*». И вотъ, чтобы правильно понять и раскрыть еще самую идею нашей народной школы, Ушинскій

*) Стр. 23—28 (изд. 1894 г.). Впервые эта статья была помѣщена въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія».

настоятельно рекомендует прежде всего, именно, «заглядывать въ исторію». «Мы не должны забывать, пишетъ онъ, что народная школа не принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ народной жизни, которыя могутъ быть цѣликомъ пересажены изъ одной почвы въ другую и приняты въ средѣ народа. Конечно, справедливо замѣчаетъ Ушинскій, мы можемъ занять много полезныхъ педагогическихъ изобрѣтеній у западныхъ нашихъ братій, опередившихъ насъ въ образованіи. Но духъ школы, ея направленіе, ея цѣль, должны быть обдуманы и созданы нами самими, сообразно исторіи нашего народа, степени его развитія, его характеру, его религіи». На сколько глубоко и здраво Ушинскій самую идею народной школы, настолько же здраво онъ смотрѣлъ и на условія ея практическаго осуществленія въ жизни, и въ частности — на участіе церкви и ея пастырей въ школьномъ воспитаніи. Въ рѣшеніи столь важнаго общественнаго вопроса, каковъ вопросъ народно-школьный, должны принять участіе, по убѣжденію Ушинскаго, «и литература и, все общество, потому что въ дѣлѣ общественнаго воспитанія общественное мнѣніе всегда будетъ играть важную роль; но, добавляетъ К. Д., главными участниками въ практическомъ разрѣшеніи этого вопроса явятся, безъ сомнѣнія, съ одной стороны, *церковь*, съ другой — наши учебное и ученое сословіе, *представители духовенства* и представители свѣтскаго образованія». Ушинскій — защитникъ самаго широкаго *разумнаго* вліянія пастырей церкви на жизнь народной школы. «По коренному смыслу христіанской религіи, пишетъ Ушинскій, духовный пастырь долженъ быть не только служителемъ алтаря, не только проповѣдникомъ слова Божія, но наставникомъ и учителемъ. На обязанности его лежить не только принятіе въ нѣдра церкви новаго христіанина посредствомъ таинства крещенія, но и введеніе его въ смыслъ христіанскихъ истинъ и въ нравственный храмъ христіанства. Оставляя въ сторонѣ небесное назначеніе религіи, какъ приготовительница христіанина къ будущей жизни, мы полагаемъ, что христіанскій пастырь имѣетъ назначеніе умственно и нравственно возвышать людей и въ этой жизни и открывать источникъ того благодѣтельнаго вліянія, которое христіанская религія оказала на умственное и нравственное развитіе человѣческихъ обществъ; словомъ, что духовные пастыри наши должны готовить въ насъ не только членовъ церкви, но и дѣятельныхъ гражданъ христіанскаго государства. Педагогическая дѣятельность не только не противорѣчитъ характеру дѣятельности священно-служительской, но является самымъ необходимымъ ея дополненіемъ. Можетъ-ли быть для служителя алтаря и проповѣдника слова Божія, спрашиваетъ Ушинскій, какая-нибудь дѣятельность приличнѣе воспитанія молодыхъ поколѣній? Какое общество можетъ быть приличнѣе для проповѣдника религіи Спасителя, какъ не общество дѣтей, которыми такъ любилъ Себя окружать Богочеловѣкъ и заботу о которыхъ онъ строго заповѣдалъ Своимъ ученикамъ». Ушинскій заходитъ въ данномъ направ-

леніи даже такъ далеко, какъ не заходятъ пока и сами «*Московскія Вѣдомости*».

«Мы считаемъ совершенно приличнымъ, пишетъ онъ, и даже въ высшей степени полезнымъ, чтобы духовныя лица могли стоять во главѣ не только народныхъ школъ, но быть наравнѣ съ свѣтскими лицами начальниками и главными распорядителями и въ другихъ высшихъ школахъ». Единственно необходимыми условіями для столь широкаго участія духовенства въ народномъ образованіи Ушинскій считаетъ, во-первыхъ, — искреннее призваніе, вытекающее изъ глубокой христіанской настроенности, и во-вторыхъ — соотвѣтствующую педагогической дѣятельности предварительную спеціальную подготовку, безъ чего никто не долженъ братья на свое дѣло. Ушинскій требуетъ, чтобы «завѣдывающей народною школою (духовное или свѣтское лицо, по его словамъ, все равно) былъ истинный христіанскій воспитатель, истинный педагогъ по призванію, по цѣли, по знаніямъ и искусству». Онъ долженъ быть всесторонне образованнымъ христіаниномъ. «Простая добросовѣстность, замѣчаетъ Ушинскій, должна удерживать каждаго изъ насъ отъ возложенія на себя обязанностей, искусство исполненія которыхъ намъ чуждо». «Искусство воспитанія, разъясняетъ этотъ многоопытный педагогъ, какъ и искусство врачеванія, требуетъ долговременной спеціальной, теоретической и практической подготовки». Но этой-то подготовки, сожалѣетъ Ушинскій, и нѣтъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ. «Наше духовенство, по его словамъ, очень мало знакомо съ педагогическимъ искусствомъ и въ этомъ отношеніи во многомъ еще находится на той ступени, на которой схоластика (!) оставила искусство воспитанія».

Самъ-же Ушинскій не только народное, но и всякое воспитаніе представляетъ себѣ не иначе, какъ на религиозной основѣ. «Современная педагогика, пишетъ онъ, исключительно выросла на христіанской почвѣ, и для насъ не-христіанская педагогика есть вещь немислимая — безголовый уродъ и дѣятельность безъ цѣли, предпріятіе безъ побужденія позади и безъ результатовъ впереди». Вотъ почему, въ частности, и «дѣло народнаго воспитанія, по нему, должно быть освящено церковью», и, именно, для насъ, русскихъ, церковью православною, «а школа должна быть преддверіемъ церкви» (выраженіе, похищенное у Ушинскаго его противниками и усвоенное ими исключительно въ приложеніи къ церковной школѣ). Православная религія, «свято сохраняя древнія формы христіанства, разъясняетъ Ушинскій, благословляетъ и освящаетъ всякій истинный прогрессъ. Сохраненныя православіемъ, древнія, безконечно глубокія и полныя мысли, формы христіанства открываютъ возможность безконечнаго прогрессивнаго углубленія въ себя, какъ для младенчествующаго народа, такъ и для народа, обогатившагося всѣми плодами образованія. Церковь православная никогда не сдѣлается государствомъ и никогда не превратится въ школу; она останется всегда вѣчнымъ, неземнымъ учрежденіемъ».

Мы съ намѣреніемъ такъ подробно остановились на воззрѣніяхъ К. Д. Ушинскаго на задачи и характеръ нашей народной школы, чтобы тѣмъ очевиднѣе было для всякаго безпристрастнаго читателя, насколько голословны и неосновательны сужденія ратующихъ противъ земской школы о томъ, будто организаторы этой школы еще при самомъ зарожденіи ея игнорировали «главнѣйшій и существеннѣйшій элементъ» — религіозно-нравственный. Ушинскій—одинъ изъ первыхъ строителей народной школы, и изъ приведенныхъ выше его сужденій объ этомъ предметѣ мы могли вполне убѣдиться, что онъ, напримѣръ, не только не чуждался церковно-религіозныхъ основъ для народной школы съ самымъ широкимъ участіемъ въ ней духовенства, но самъ усиленно желалъ этого, однако при нѣкоторыхъ необходимыхъ условіяхъ. И это потому, конечно, что великій педагогъ неизмѣримо глубже и шире понималъ и представлялъ себѣ истинно-русскій строй и духъ нашей начальной школы, чѣмъ всѣ эти современные непривзванные педагоги «страстнаго бульвара». Во всякомъ случаѣ нареканія на нашихъ творцовъ народной школы въ антирелигіозномъ направленіи ихъ дѣятельности уже и послѣ сказаннаго нами выступаютъ въ ихъ настоящемъ неприглядномъ свѣтѣ. И очевидно, только по недомыслию ихъ противники всячески игнорируютъ не только безсмертныя творенія, но и самыя имена этихъ дѣятелей. Это, именно, происходитъ на нашихъ глазахъ съ тѣмъ-же, напримѣръ, К. Д. Ушинскимъ въ лагерѣ нашихъ охранителей *).

Посмотримъ теперь, что думалъ и писалъ о задачахъ и характерѣ народной школы и другой не менѣе, а какъ практикъ, даже болѣе Ушинскаго извѣстный организаторъ и творецъ ея, земскій дѣятель, баронъ Н. А. Корфъ. Говоря въ своей знаменитой книгѣ «Русская начальная школа» **) объ учебныхъ программахъ сельской школы (гл. III) въ связи съ постановкой вообще воспитанія въ этой школѣ, онъ пишетъ (стр. 60—61): «въ самой школѣ непосредственно на развитіе нравственности въ ребенкѣ дѣйствуютъ уроки законоучителя, которые должны не только осмыслить всѣ религіозные обряды, совершаемые крестьянами бессознательно, не только познакомить учащагося съ историческимъ повѣствованіемъ о жизни Спасителя, ученіяхъ и людяхъ, ему предшествовавшихъ, но должны прежде всего научить дѣтей *жить* такъ, чтобы они съ честью носили имя христіанина». И далѣе, въ гл. V, § 9 (стр. 213—219), подробно останавливаясь

*) Какъ извѣстно, педагогическія идеи Ушинскаго считаются этими охранителями настолько опасными, что даже такія классическія его произведенія, какъ «Родное Слово», «Дѣтскій Миръ», подвергаются со стороны ихъ беспощадной критикѣ и осужденію. Не даромъ эти незамѣнимыя, пока-что, творенія устранены совсѣмъ изъ церковно-приходскихъ школъ, какъ несоответствующія духу и цѣли этихъ школъ. Самое имя Ушинскаго въ извѣстномъ лагерѣ стараются также по возможности *замолчать*, какъ это въ особенности обнаружилось, наприм., по поводу 25-ти-лѣтія со дня смерти этого педагога (22 декабря 1895 г.).

**) У насъ подъ руками 4-е изд. этой книги—1872 г.

на самомъ преподаваніи Закона Божія въ школѣ, баронъ Корфъ совершенно согласно съ заключеніемъ святѣйшаго синода, полагаетъ, что преподаваніе этого предмета въ народной школѣ имѣеть цѣлью *воспитать* дѣтей въ христіанской благочестивой жизни по закону православной церкви. *Весь характеръ преподаванія долженъ быть направленъ, именно, къ этой воспитательной цѣли*» (курсивъ барона Корфа). Уроки законоучителя должны быть проповѣдью христіанской морали, по ученію православной церкви. Законоучителю, по мнѣнію Корфа, въ этомъ всячески долженъ помогать и учитель школы. Также широко понималъ этотъ педагогъ и вообще нравственно-религіозныя задачи народной школы (§ 8). «Если бы начальный учитель»,—пишетъ Корфъ,—«сталъ избѣгать въ своемъ преподаваніи рѣчи о религіи и правилахъ нравственности, изъ нея вытекающихъ, то этимъ самымъ оттолкнулъ бы отъ себя народъ, прервалъ бы *главнѣйшую* связь между школою и народомъ, который прежде всего требуетъ того, чтобы въ школѣ шла рѣчь «о божественномъ», и чѣмъ больше, тѣмъ лучше, по понятіямъ родителей учащихся... Учитель и по закону, и по самой сути вещей не только можетъ, но долженъ пользоваться всякимъ случаемъ для нравственно-религіозныхъ бесѣдъ съ своими питомцами» (стр. 210—211). На ряду съ священникомъ, которому, конечно, принадлежитъ главная роль въ этомъ дѣлѣ, и учитель долженъ *«утверждать»* въ нихъ (въ ученикахъ) религіозныя и нравственныя понятія, преподаванныя священникомъ-законоучителемъ. Если бы учитель уклонился отъ этого права и этой обязанности, онъ измѣнилъ бы своему призванію и *главное назначеніе* народной школы оказалось бы недостижимымъ». Яснѣе этого говорить о религіозно-нравственныхъ задачахъ народной школы, кажется, трудно. Баронъ Корфъ отлично знаетъ также и пристрастіе крестьянъ къ чтенію славянской печати, представляетъ себѣ все значеніе славянскаго чтенія, какъ звена между школою и народомъ, и пользу, приносимую ученикамъ славянской грамотой (стр. 133 и д.). «Трудно представить себѣ тому, кто не стоялъ близко къ народу,—пишетъ Корфъ,—какое огромное вліяніе на крестьянъ имѣеть то, поютъ-ли дѣти ихъ въ церкви или нѣтъ?»—и это потому,—добавляетъ онъ,—что «крестьянинъ считаетъ школу слугою и преддверіемъ церкви» (стр. 219). Онъ желаетъ только внести больше осмысленности и главное—сознательности въ обученіе славянской грамотѣ. «Славянское чтеніе,—пишетъ Корфъ (стр. 134), доведенное до *сознательности*, научаеъ ученика *понимать* славянскій языкъ, т. е. дѣлаеъ ему доступнымъ чтеніе въ подлинникѣ Священнаго Писанія и разумнѣе всего того, что совершается въ церкви. Ученикъ, достигшій сознательнаго чтенія славянской печати, становится *сознательнымъ* членомъ церкви, въ состояніи *осмыслить* разумомъ своимъ все то, что онъ, не понимая славянскаго языка, вынужденъ воспринимать бессознательно, однимъ лишь чувствомъ; самое религіозное чувство становится живымъ и плодотворнымъ только съ той

поры, когда оно становится *сознательнымъ*» (курсивъ вездѣ Корфа) *). Вотъ чего хотѣлъ достигнуть баронъ Корфъ черезъ славянскую грамоту въ народной школѣ. Какъ видимъ, цѣль эта не заключаетъ въ себѣ ничего опаснаго для религіи; совсѣмъ напротивъ.

Такимъ образомъ и въ педагогической дѣятельности барона Корфа видѣть какую либо анти-религіозную тенденцію нѣтъ никакихъ основаній.

Пусть теперь читатель судить, насколько справедливы инсинуаціи современныхъ противниковъ земской школы, будто религіозно-нравственная основа *принудительно* введена была въ нее только государственной мыслью и государственной властью и т. д., и т. д. Нѣтъ,—эта основа заложена въ народную школу самими первыми строителями ея.

III.

Выдѣлимъ теперь элементы религіознаго обученія и воспитанія въ *современной* земской школѣ,—укажемъ, именно, что даетъ эта школа положительнаго своимъ питомцамъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи.

Статья 1 «Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ» 1874 г. такъ опредѣляетъ цѣль этихъ училищъ: «начальныя народныя училища имѣютъ цѣлью утверждать въ народѣ *религіозныя и нравственныя* понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія». Итакъ—религіозно-нравственная цѣль учрежденія начальныхъ народныхъ училищъ, какъ видимъ, полагается во главѣ всего уже самимъ дѣйствующимъ «положеніемъ» 74 г., которое требуетъ, чтобы эти училища утверждали въ народѣ «религіозныя и нравственныя понятія». Сообразно съ этимъ назначеніемъ народныхъ училищъ въ нихъ преподаются, кромѣ чтенія, письма и ариметики, Законъ Божій, далѣе — чтеніе по книгамъ гражданской и *церковной* печати и — церковное пѣніе «тамъ, гдѣ преподаваніе его будетъ возможно». На Законъ Божій, въ частности, въ земской школѣ обращено вполне достаточное вниманіе, соотвѣтственно важности этого предмета въ курсѣ начальнаго народнаго училища, но безъ ущерба для другихъ предметовъ. Въ программу по Закону Божию въ земскихъ училищахъ, какъ извѣстно, входитъ **): 1) объясненіе общеупотребительныхъ молитвъ (1-й годъ), 2) Священная Исторія Ветхаго и Новаго

*) Съ своей стороны мы полагаемъ также, что поборники широкаго участія дѣтей въ церковномъ богослуженіи слишкомъ преувеличиваютъ воспитательное значеніе этого участія. Читать вовсе не значитъ умѣть механически произносить изображаемые буквами звуки, но *понимать* читаемое, г. е. уловить мысль читаемаго. Но можно ли этого требовать относительно церковно-славянскаго чтенія уже отъ дѣтей?

***) См. «Программы для испытанія лицъ, желающихъ пріобрѣсть свидѣтельство въ знаніи курса начальныхъ народныхъ училищъ».

Завѣта (2-й годъ) и 3) краткій катехизисъ съ церковнымъ уставомъ: объясненіе Символа Вѣры и десяти заповѣдей, ознакомленіе съ церковнымъ Богослуженіемъ — съ устройствомъ христіанскаго храма и съ принадлежностями Богослуженія, краткое объясненіе литургіи и главнѣйшихъ дѣйствій при совершеніи таинствъ (3-й годъ). Уже одна эта программа по Закону Божию въ состоянціи бы, кажется, доказать кому бы то ни было, насколько земская школа далека отъ анти-религіознаго направленія.

Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что хотя по ст. 16 «Положенія» 1874 г. къ преподаванію Закона Божія, наравнѣ съ приходскими священниками, допускаются и особые законоучители, но фактически, какъ извѣстно, это преподаваніе возложено и въ земскихъ школахъ почти исключительно на священниковъ и такимъ образомъ собственно религіозное обученіе въ этихъ школахъ находится всецѣло въ рукахъ служителей церкви *). Отъ умѣнья, опытности и энергии послѣднихъ зависитъ, слѣдовательно, съ большей или меньшей пользой употребить предоставленное имъ средство для религіозно-нравственнаго вліянія на учащихся. Но это, какъ увидимъ, не единственное, конечно, и не исключительное средство религіознаго воздѣйствія на жизнь земской школы со стороны представителей церкви.

Какъ мы видѣли, учащіеся въ земскихъ школахъ должны умѣть читать (разумѣется толково и со смысломъ) не только по-русски, но и по церковно-славянски; по возможности ихъ обучаютъ также и пѣнію. Все это для того, конечно, чтобы въ школахъ и по выходѣ изъ нея учащіеся могли понимать церковно-богослужебный языкъ и вообще могли-бы читать и понимать, наряду съ русской, и церковно-славянскую грамоту. Иначе нельзя, конечно, и объяснить себѣ указанное требованіе «Положенія» 1874

*) Считаемо не лишнимъ остановиться здѣсь нѣсколько подробнѣе на томъ, слѣдуетъ-ли вообще предоставлять преподаваніе Закона Божія въ народныхъ училищахъ и свѣтскимъ лицамъ, если почему-либо его нельзя возложить на мѣстнаго священника? Намъ кажется, что въ такомъ случаѣ не только можно, но и *должно* поручать преподаваніе Закона Божія вѣличнымъ учителямъ и учительницамъ. Какъ мы видѣли, дѣйствующимъ «Положеніемъ» 1874 г. это допускается. § 11-мъ «Правилъ о церковно-приходскихъ школахъ» 1884 г. преподаваніе Закона Божія «въ особливыхъ случаяхъ» также дозволяется предоставлять «благонадежному учителю» изъ лицъ, непринадлежащихъ даже вовсе къ составу клира. Да это и понятно. Нельзя въ самомъ дѣлѣ право законоучительства привязывать непременно къ сану. О правоспособности-же учащихся въ земскихъ школахъ по ихъ богословскимъ знаніямъ преподавать Законъ Божій не можетъ быть и рѣчи: эти свѣдѣнія сами по себѣ очень элементарны. Что-же касается предполагаемой нѣкоторыми возможной въ такомъ случаѣ опасности для чистоты православія и даже сектантской пропаганды, то не слѣдуетъ забывать, что земскія школы находятся подъ двойнымъ контролемъ, особенно со стороны религіознаго своего направленія: во-первыхъ—подъ контролемъ своего непосредственнаго начальства, и, во-вторыхъ, что бы тамъ ни говорили, также и духовенства и духовнаго начальства, какъ-то мы укажемъ немного ниже. Во всякомъ случаѣ ходатайства вятскаго и друг. земствъ о допущеніи сельскихъ учителей къ законоучительству и умѣстны, и законны.

года. И земскія школы, какъ извѣстно, внимательно относятся и къ этой своей обязанности, тѣмъ болѣе, что церковно-славянскій языкъ въ нихъ такой-же обязательный предметъ, какъ наприм. арифметика и др. Съ цѣлью изученія славянской грамоты въ земскихъ школахъ такъ же, какъ и въ церковныхъ, по нѣскольку часовъ въ недѣлю удѣляется чтенію Евангелія и псалтири съ необходимыми приэтомъ объясненіями и переводомъ читаемаго, подъ руководствомъ учащихся. Къ концу учебнаго курса ученики земской школы свободно читаютъ и переводятъ Евангеліе и наиболѣе доступныя для пониманія мѣста изъ псалтири. Такимъ обученіемъ несомнѣнно создается возможность учащимся въ земскихъ школахъ сознательно удовлетворять своимъ религіозно-нравственнымъ потребностямъ въ жизни. Во многихъ земскихъ школахъ каждому изъ оканчивающихъ курсъ выдается даже по Евангелію (наприм. въ торжковскомъ уѣздѣ, въ силу постановленія отъ 7 октября 1892 года).

Той-же цѣли—пробужденію и воспитанію религіозныхъ навыковъ и привычекъ въ учащихся — служатъ въ земской школѣ и слѣдующія средства, совершенно тождественныя со средствами церковно-приходскихъ школъ. Во-первыхъ, въ каждой земской школѣ утромъ, предъ уроками, кѣмъ-нибудь изъ учащихся обязательно вычитываются, въ присутствіи всѣхъ учениковъ и учащихся (если ихъ въ школѣ нѣсколько), положенныя утреннія молитвы, общеупотребительныя изъ нихъ по возможности поются также всѣми. Послѣ уроковъ опять совершается обычная молитва.

Далѣе. Въ воскресныя, праздничныя и высокаторжественныя дни учащіе и учащіяся въ земскихъ школахъ, насколько намъ приходилось наблюдать въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ, по возможности посѣщаютъ ближайшую приходскую церковь для выслушанія богослуженія. И это приходится наблюдать даже въ школахъ, удаленныхъ отъ храма. Мы знаемъ и такія школы, въ которыхъ еще предъ литургіей ученики собираются въ училище для выслушанія положеннаго праздничнаго Евангелія. Въ другихъ-же это дѣлается на другой день послѣ праздника—на первомъ урокѣ. Уклоненія отъ церковныхъ службъ или опущенія ихъ со стороны учениковъ и учителей земскихъ школъ, конечно, возможны, какъ возможны они и въ церковныхъ школахъ, но преувеличивать этого обстоятельства и возводить его чуть-ли не въ преступленіе нѣтъ никакихъ основаній: указанныя явленія, всегда возможныя въ обыденной жизни, не имѣютъ подъ собою ровно никакой анти-религіозной подкладки. Чаше всего они объясняются случайными болѣе или менѣе уважительными причинами, наприм. большою отдаленностью школы отъ приходскаго храма, непогодю и т. п.

Точно также во всѣхъ земскихъ школахъ обязательно всѣ учащіе и учащіяся (православнаго исповѣданія) ежегодно исполняютъ въ великомъ посту христіанскій долгъ исповѣди и Св.

Причастія. Вообще, всё, обязательныя для каждаго христианина религіозныя требованія, и въ земскихъ школахъ исполняются такъ же неопустительно, какъ и церковныхъ съ тою лишь разницею, что это дѣлается тамъ безъ всякаго киченія и шума, что замѣчается частію въ церковныхъ школахъ, гдѣ вообще показная сторона, какъ извѣстно, намѣренно подчеркивается.

Нельзя здѣсь не замѣтить также, что въ сущности трудно себѣ и представить нашу школу, хотя-бы земскую или министерскую, которая *фактически* была-бы внѣ всякаго вліянія церкви и въ полномъ отчужденіи отъ нея: учащіе и учащіеся въ этихъ школахъ, вѣдь пасомые и духовныя дѣти того-же священника, который законоучительствуетъ въ школѣ, который имѣетъ съ прихожанами постоянное общеніе въ церкви и внѣ ея, который наконецъ, имѣетъ на себѣ прямой долгъ—вліять всѣми, доступными ему религіозно-нравственными, средствами на свою паству. И никакая легальная школа въ сущности не можетъ у насъ, уже въ силу этого, лишиться своихъ питомцевъ этого вліянія, если-бы даже и захотѣла. Помимо непосредственнаго участія, официально предоставленнаго священнику въ жизни земской школы, его вліянію неизбѣжно подпадаетъ каждый изъ учащихся дѣтей—въ церкви, въ своей семьѣ и черезъ семью.

Чтобы покончить съ вопросомъ о положительныхъ религіозно-нравственныхъ элементахъ въ земскихъ школахъ, скажемъ еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ книгъ для класснаго чтенія, уважаемыхъ въ этихъ школахъ. Хотя книга для класснаго чтенія въ школѣ имѣетъ свои ближайшія задачи, ознакомленіе-же съ религіозными, догматическими и т. п. истинами и съ церковно-историческими фактами относится къ обязанностямъ законоучителя, однако, несомнѣнное присутствіе религіозно-нравственныхъ элементовъ въ классной книгѣ съ своей стороны характеризуетъ общій характеръ и духъ самой школы: тамъ, гдѣ проповѣдуются и напоминаются христіанскія истины, не можетъ имѣть мѣста обвиненіе во враждебности и намѣренномъ забвеніи христіанской религіи.

Мы обращаемся опять прежде всего къ «Родному Слову» Ушинскаго. Объ уваженіи, съ какимъ учителя земской школы относятся, въ противоположность церковной, къ этой книжкѣ, можетъ служить слѣдующее, напр., мѣсто изъ письма одного народнаго учителя Пермской губерніи, прочитаннаго В. А. Аврамовымъ въ день чествованія Ушинскаго въ Петербургѣ (22 дек. 95 г.). Этотъ учитель писалъ, между прочимъ, что онъ «въ теченіе 25 лѣтъ неразлучно живетъ съ драгоценной книжкой «Родное Слово» и съ нею ляжетъ въ гробъ». Что же мы видимъ въ этой книжкѣ? Первый же годъ «Родного Слова» — «первая пость азбуки книга для чтенія» — начинается прямо идиллически-трогательной и умиленной картинкой (передъ текстомъ), на которой изображенъ извѣстный эпизодъ изъ жизни Спасителя—«Благословеніе дѣтей». Умѣстность этого изображенія на первой же страницѣ дѣтской

книжки понятна сама собою; о психологической же сторонѣ данной картинки и о производимомъ ею, вслѣдствіе этого, впечатлѣніи на воспріимчивую дѣтскую душу можетъ судить всякій по собственному опыту, кто имѣлъ счастье начать свое обученіе по книжкамъ К. Д. Ушинскаго. Лювеобильный образъ Спасителя глубоко запечатлѣвается въ сердцѣ дитяти, познакомившагося, подъ руководствомъ взрослыхъ, съ содержаніемъ рисунка. Съ строгой постепенностью знакомитъ затѣмъ «Родное Слово» съ нашими праздниками, съ нѣкоторыми наиболѣе доступными дѣтскому пониманію—и особенно чувству—событіями изъ Св. Исторіи Ветхаго и Новаго завѣта въ порядкѣ ихъ библейскаго повѣствованія (жертвоприношеніе Ноя, продажа Иосифа братьями—въ картинахъ) и, наконецъ,—со всѣми общеупотребительными молитвами. Та же система и во второмъ годѣ «Родного Слова», но только картинки изъ ветхаго завѣта здѣсь постепенно замѣняются уже новозавѣтными, при чемъ введенъ цѣлый отдѣлъ «изъ дѣтскихъ воспоминаній», замѣчательно приспособленный по простотѣ и художественности своего изложенія и сюжета къ дѣтскому пониманію и кругозору. Для дѣтей это—отдѣлъ незамѣнимый по своей поэтичности, съ какою рисуются здѣсь первыя чистыя и ничѣмъ невозмутимыя движенія пробуждающей сознательной религіозности, вызываемыя въ дѣтской душѣ встрѣчей и проводами великихъ праздниковъ: Рождества Христова, Крещенія, Пасхи и т. д. Остановимся еще на одномъ мѣстѣ изъ второго года «Родного Слова». На страницахъ 12—14 (изд. 35) въ формѣ легкихъ разсказовъ и стихотвореній дѣтямъ дается понятіе о семьѣ и ея обязанностяхъ и тутъ же, совершенно кстати, помѣщена и пятая заповѣдь.

Изъ сказаннаго о «Родномъ Словѣ» достаточно, чтобы видѣть, что книжка эта, предназначенная затронуть всѣ стороны дѣтской души и обогатить дѣтей въ живыхъ разсказахъ и картинкахъ самыми разнообразными и первоначальными свѣдѣніями, на ряду съ тѣмъ предлагаетъ имъ цѣлый рядъ живыхъ уроковъ и изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта и необходимѣйшія религіозно-нравственныя понятія. Въ особенности же важно то, что эти уроки имѣютъ самую тѣсную органическую связь съ общимъ содержаніемъ «Родного Слова», съ общей системой ихъ, и не заключаютъ въ себѣ, поэтому, чего-либо искусственнаго и фальшиваго. Только такой великій педагогъ и знатокъ дѣтской души, какъ Ушинскій, могъ такъ художественно совмѣстить въ своихъ книгахъ необходимѣйшіе элементы пачальнаго религіозно-нравственнаго обученія съ общимъ содержаніемъ первоначальной дѣтской книги и избѣгать столь обычной въ такихъ случаяхъ сухости и искусственности изложенія. Только близорукіе или злонамѣренные люди могутъ утверждать, какъ они дѣйствительно и утверждаютъ, будто «Родное Слово» не удовлетворяетъ религіозно-нравственнымъ требованіямъ, которыя желательно и даже необходимо предъявлять къ начальной дѣтской книжкѣ.

Слово гармонически и планомерно затрагивает *все* стороны дѣтской природы, въ томъ числѣ и религіозно-нравственную. А эта книжка, какъ сказано, желанный гость въ земской школѣ.

Баронъ Корфъ, какъ это видно и изъ его вышеприведенныхъ суждений, и изъ «Руководства къ Нашему Другу» (см., наприм., стр. 14—15, изд. 2-е), хорошо также понималъ, какое мѣсто законъ Божій и вообще вѣроученіе должны занимать въ нашей народной школѣ и предусматривалъ тѣ случаи, когда составленная имъ классная книга «Нашъ Другъ» могла бы восполнить пробѣлы въ начальномъ обученіи съ этой стороны. Говоря о письменныхъ работахъ, онъ рекомендуетъ давать учащимся, между прочимъ, и религіозныя темы, наприм., о крещеніи Господнемъ.

Мы не будемъ говорить о другихъ классныхъ книгахъ нашей народной школы. Замѣтимъ лишь, что *все* онѣ непременно заключаютъ въ себѣ и религіозно-нравственный отдѣлъ.

На ряду съ книгами для класснаго чтенія ученикамъ земскихъ школъ выдаются еще книжки и прямо религіозно-нравственнаго содержанія для вѣвкласснаго чтенія, наприм., житія святыхъ, церковно-историческаго содержанія и т. д. Эти книжки также непременно есть во *всѣхъ* библіотекахъ при земскихъ школахъ.

Итакъ, земскія школы, давая общее начальное развитіе учащимся въ нихъ, несомнѣнно заключаютъ въ себѣ, въ частности, *все* необходимые элементы и для религіозно-нравственнаго ихъ воспитанія, понимаемаго въ смыслѣ пробужденія въ дѣтяхъ сознательности въ предметахъ вѣры и нравственности. Это видно и изъ состава самаго учебнаго курса земскихъ школъ, и изъ ихъ общаго внутренняго распорядка. Напрасно, поэтому, противники земской школы обязанность религіознаго воспитанія народа въ духѣ православной вѣры и церкви усвояютъ только церковной школѣ и совершенно не признаютъ заслугъ первой—земской—въ этомъ отношеніи. Отрицать эти заслуги значитъ закрывать глаза предъ дѣйствительностью. Поскольку рѣчь идетъ о *принципѣ*, земская школа выполняетъ свое назначеніе—быть воспитательницей народа въ духѣ ученія Христова, насколько позволяютъ ей время и наличныя средства.

IV.

Мы рассмотрѣли существующія условія религіозно-нравственнаго обученія и воспитанія народа черезъ земскую школу. Мы не указали еще на предоставленное духовенству *по закону* право и даже обязанность принимать участіе въ жизни этой школы.

По дѣйствующему въ настоящее время «Положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ» 74 г., духовенство наше въ лицѣ и высшихъ своихъ представителей—епископовъ и приходскихъ священниковъ—также призвано, на ряду съ свѣтскими дѣятелями по

народному образованію, быть совершенно полноправнымъ членомъ въ училищно-административной организаціи. Вотъ относящаяся сюда статьи упомянутого «Положенія». Статья 17-я гласитъ: «высшее наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія и *религиозно-нравственнымъ направленіемъ обученія* въ начальныхъ народныхъ училищахъ принадлежитъ мѣстному епархіальному архіерею, который или *самъ* обзрѣваетъ оныя, или поручаетъ это особо назначаемымъ имъ для сего духовнымъ лицамъ, и буде признаетъ нужнымъ, сообщаетъ свои по сему предмету замѣчанія и соображенія непосредственно министру народнаго просвѣщенія». Эта статья, въ виду современныхъ нападокъ на земскую школу въ извѣстномъ смыслѣ, весьма важна. Оказывается такимъ образомъ, что *высшее наблюдение* за религиозно-нравственнымъ направленіемъ обученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ по закону о сихъ училищахъ и *теперь* принадлежитъ епархіальной власти прежде всего, которая имѣетъ возможность непосредственно входить о томъ въ сношенія съ министромъ народнаго просвѣщенія. О какихъ-либо стороннихъ вліяніяхъ при этомъ или препятствіяхъ, невниманіи и т. п., на что такъ любятъ теперь ссылаться въ извѣстномъ лагерѣ, когда поднимается вопросъ о правахъ духовенства въ современной земской школѣ, здѣсь не можетъ быть, слѣдовательно, и рѣчи.

Далѣе. Въ составъ уѣзднаго и губернскаго училищнаго совѣтовъ по народнымъ школамъ, которые вѣдаютъ всѣми ближайшими дѣлами школъ, входить, какъ извѣстно, наравнѣ съ свѣтскими лицами, по одному члену также и отъ епархіальнаго вѣдомства, по назначенію архіерея (статья 27-я). И все это, конечно, помимо и независимо отъ ближайшаго вліянія cadaго мѣстнаго священника на земскую школу его прихода въ роли законоучителя и пастыря церкви. Входя въ составъ экзаменаціонныхъ комиссій, какъ законоучитель, онъ, наравнѣ съ другими членами, участвуетъ въ оцѣнкѣ устныхъ отвѣтовъ и письменныхъ работъ учениковъ и въ постановленіи общаго заключенія о результатѣ испытаній cadaго изъ экзаменующихся.

Кромѣ того, въ «Правилахъ для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ» (правила эти утверждены министромъ народнаго просвѣщенія 16 ноября 1885 г.) читаемъ, что духовныя лица и, именно, мѣстные священники, а не члены даже училищнаго совѣта—въ извѣстныхъ случаяхъ, указанныхъ въ правилахъ, могутъ даже предсѣдательствовать въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ (§ 14) со всѣми вытекающими отсюда правами для нихъ. Эти правила предписываютъ также (§ 15), что «духовныя лица, назначаемыя епархіальнымъ начальствомъ для наблюденія за преподаваніемъ Закона Божія и направленіемъ обученія въ начальныхъ училищахъ, обязаны, по возможности, посѣщать училища, въ коихъ происходятъ испытанія, въ самое время производства испытаній».

Мы привели эти справки, чтобы указать, какія права *de jure*

предоставлены нашему духовенству въ земской школѣ. Если же оно не знаетъ или даже и не хочетъ знать этихъ правъ, а лишь жалуется при случаѣ на свое якобы невольное отчужденіе отъ земской школы, въ томъ не виновата эта школа. Изъ приведенныхъ выше справокъ ясно видно, что, и при современномъ положеніи земской школы, наше духовенство въ сущности имѣетъ полную возможность, если захочетъ и сумѣетъ, быть не зрителемъ лишь, а въ худшемъ случаѣ даже и открытымъ противникомъ земскаго народно-школьнаго дѣла, но дѣятельнымъ и полезнымъ его участникомъ и сотрудникомъ на благо церкви и народа. Оно можетъ, въ частности, если захочетъ, сдѣлать земскую школу орудіемъ для своего религіозно-нравственнаго воздѣйствія на народную жизнь. Какъ мы видѣли, никто и ничто этому не препятствуетъ, а напротивъ—все этому благопріятствуетъ. Необходимо лишь, чтобы духовенство прямо и безъ предубѣжденія смотрѣло на земскую школу.

Доказавши главное положеніе, что наши земскія школы не только могутъ быть, но и *суть* школы вполне благонадежны по своему направленію и устройству, мы сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе объ ихъ мѣстѣ въ нашей общегосударственной жизни. «И церковныя, и министерскія (а съ ними, прибавимъ мы, и земскія, руководящіяся тѣми же законоположеніями) школы суть школы правительственныя, государственныя, потому что уставы свои и та, и другая получили отъ Верховной Власти Государя Императора», какъ совершенно справедливо замѣчаетъ въ своемъ извѣстномъ представленіи о церковно-приходскихъ школахъ г. оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода. Такъ, дѣйствующее въ земскихъ (и министерскихъ) школахъ «Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ» 74 г., не разъ уже упоминавшееся нами, получило *Высочайшее утвержденіе*. Вотъ почему та борьба между школами двухъ разныхъ типовъ—земской и церковной, о которой упоминаетъ и это «представленіе», и «*Московскія Вѣдомости*», не могла бы имѣть мѣста, если бы церковная школа, первая внесшая раздоръ въ святое дѣло народнаго просвѣщенія, преслѣдовала только свою ближайшую цѣль—учить по мѣрѣ скудныхъ силъ своихъ нашъ безграмотный и невѣжественный народъ. Но на дѣлѣ, къ сожалѣнію, мы видимъ не то. Обвиненія и инсинуаціи противъ земской школы, нами здѣсь указанныя и разобранныя, служатъ тому неопровержимымъ доказательствомъ.

V.

Сдѣлаемъ теперь выводъ изъ всего, доселѣ нами сказаннаго.

Чудовищныя, до очевидной нелѣпости, нареканія на наши народныя школы господствующаго типа—на земскія, сводятся къ *принципальному* обвиненію ихъ въ не-религіозности и не-церковности и даже въ *анти*-религіозномъ и *анти*-церковномъ направленіи этихъ школъ со дня ихъ основанія, со всѣми вытекающими

отсюда, будто бы, выводами и заключеніями объ ихъ ненаціональности, противорѣчіи историческимъ завѣтамъ нашихъ предковъ и т. д., и т. д.

Задавшись, въ виду всѣхъ этихъ обвиненій, основнымъ вопросомъ о религіозно-нравственномъ обученіи и воспитаніи въ земской школѣ, мы старались съ этой, именно, точки зрѣнія опредѣлить—и путемъ историческихъ справокъ, и посредствомъ болѣе или менѣе подробнаго анализа учебнаго курса, и самаго строя современной земской школы, и ея административнаго устройства,—какъ въ дѣйствительности земская школа прежняго и настоящаго времени относилась и относится къ религіозно-нравственному воспитанію своихъ учениковъ.

Оказалось, во-первыхъ, что знаменитѣйшіе творцы этой школы, какъ баронъ Корфъ и Ушинскій, отнюдь не менѣе современныхъ педагоговъ такъ называемаго церковнаго направленія сознавали и понимали значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія религіозно-нравственнаго элемента и, въ частности, требованія и воззрѣнія нашего народа на этотъ предметъ. И они хотѣли, чтобы начальная народная школа, давая учащимся необходимое элементарное общее развитіе, вмѣстѣ съ тѣмъ обогащала и—главное—*осмысливала* ихъ религіозно-нравственныя понятія. Такимъ образомъ строители нашей народной школы (а за ними и наши земства) отнюдь не игнорировали религіозныхъ основъ этой школы, какъ принято теперь утверждать въ лагерѣ ея противниковъ.

Далѣе, во-вторыхъ, мы видѣли, что и современная земская школа представляетъ всѣ необходимыя условія для правильнаго религіозно-нравственнаго воспитанія народа въ духѣ православной вѣры и церкви.

Въ-третьихъ, наконецъ, мы видѣли, что и по самой административно-учебной организаціи своей, съ широкими полномочіями при этомъ нашего духовенства, эта школа и не можетъ быть иною, какъ школою *христіанскою* по своему духу и направленію, *государственною* по дѣйствующимъ въ ней узаконеніямъ. Какъ школа не только не исключаящая, но предполагающая и обосновывающая правильное религіозно-нравственное развитіе учащихся, наконецъ, какъ школа, вполнѣ легальная по своему положенію въ государствѣ, земская школа, очевидно, не можетъ быть политически-неблагонадежною и опасною для народной и государственной жизни. Напротивъ, она должна быть признана необходимѣйшей основой для нормальнаго развитія этой жизни.

А если все это такъ,—а это несомнѣнно такъ,—то нѣтъ основаній требовать, въ виду мнимыхъ опасностей и страховъ, обусловливаемыхъ, будто бы, исторически-неестественнымъ положеніемъ земской школы, чтобы преобладающее участіе въ завѣданіи ею было предоставлено нашему духовенству. Въ этомъ требованіи, въ виду представленнаго положенія дѣлъ, нѣтъ въ сущности ни смысла, ни цѣли, если только ставить блага народнаго просвѣщенія *выше всего*.

Алексѣй Тихановъ.

Характеръ и нравственное воспитаніе. Ф. Кейра.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Смѣшанные типы.

Характеры, образуемые одновременнымъ преобладаніемъ двухъ способностей:—
1. *Дѣятельно-эмоціональные или страстные.*—Ихъ существенныя черты.—
Бенвенуто Челлини;—другіе примѣры.—2. *Дѣятельно-мыслительные или воле-*
вые.—Присущій имъ признакъ.—Превосходство этого типа надъ предыду-
щимъ.—Фридрихъ II;—другіе примѣры.—3. *Мыслительно-эмоціональные или*
сантиментальные.—Ихъ главные признаки. Виргилій и Титъ-Ливій;—раз-
личные примѣры

Типы, къ описанію которыхъ мы приступаемъ въ этой главѣ, характеризуются преобладаніемъ не одной только, а двухъ наклонностей, соединенныхъ вмѣстѣ. Мы рассмотримъ ихъ послѣдовательно въ зависимости отъ того, что въ нихъ наклонность къ дѣятельности комбинируется съ чувствительностью, или съ умомъ, или эти двѣ послѣднія способности соединяются вмѣстѣ, а дѣятельность остается на заднемъ планѣ.

У характеровъ *дѣятельно-эмоціональныхъ*, съ которыхъ мы и начнемъ наше описаніе и которыхъ можно назвать еще *страстными*, сильная чувствительность и живое воображеніе соединяются съ энергичнымъ темпераментомъ. Веселость, смѣлость, граничащая съ дерзостью, вспыльчивость и неукротимость, иногда упорство и фанатизмъ, пылкія страсти—вотъ главныя отличительныя черты этой формы характера.

Къ числу ея разновидностей можно отнести, въ качествѣ «тусклыхъ, лишенныхъ оригинальности образчиковъ, тѣхъ, кто, безъ большихъ умственныхъ способностей, ведетъ веселую жизнь, кто ощущаетъ чисто эгоистическую потребность наслаждаться и дѣйствовать.—Выше стоятъ мученики и *низкіе* герои, которые имѣютъ потребность дѣйствовать, посвящаться, приносить себя въ жертву за отечество или за вѣру; величайшіе мистики, основатели или реформаторы религій (св. Тереза, св. Францискъ Ассизскій), величайшіе религіозные проповѣдники (Петръ Пустын-

никъ, Лютеръ) люди ненасытной любви къ Богу (св. Винцентъ); короче, всѣ тѣ, которыхъ въ широкомъ смыслѣ слова зовутъ апостолами *)), какъ Савонаролла, Джордано Бруно, Чаннингъ. Сюда же относятся военные гени, какъ Алкивиадъ, Александръ, Марій, Сулла, Карлъ Смѣлый, Юлій Цезарь, Францискъ I, Конде, Наполеонъ; трибуны, какъ Ріенци; великіе революціонеры, какъ Мирабо и Дантонъ; поэты, какъ лордъ Байронъ и Альфіери; писатели, какъ Рамусъ, Бомарше, Ламенэ, Прудонъ; ораторы, какъ Питтъ, О'Коннелль, Гамбетта; артисты, какъ Микель-Анжело, Бенвенуто Челлини, Берліозъ.

Челлини является яркимъ воплощеніемъ настоящаго дѣятельно-эмоціональнаго характера. «Первое, что поражаетъ въ немъ, это—сила внутренней упругости, энергическій, мужественный характеръ, могучій починъ, навыкъ къ самымъ внезапнымъ и крутымъ рѣшеніямъ, великая способность дѣйствовать и переносить страданія, короче—неукротимая сила цѣльнаго еще темперамента... Если онъ не былъ двадцать разъ убитъ, такъ это чудо; въ рукахъ у него всегда шпага, мушкетъ или кинжалъ, на улицѣ, по дорогамъ, противъ личныхъ враговъ, противъ бѣглыхъ солдатъ, противъ разбойниковъ, противъ соперниковъ всякаго рода; онъ обороняется, а чаще нападаетъ. Самое удивительное его похождение—бѣгство изъ замка Св. Ангела, куда его заперли послѣ одного убійства. Онъ спустился съ этой громадной вышины по веревкамъ, свитымъ изъ простынь, повстрѣчалъ часового, который, испугавшись его страшной рѣшимости, притворился, что его не замѣчаетъ; съ помощью какого то бревна перелѣзъ онъ черезъ вторую ограду, привязалъ послѣднюю свою веревку и началъ по ней спускаться, но веревка оказалась слишкомъ коротка, — онъ упалъ и переломилъ ногу, подъ самымъ колѣномъ, онъ бьетъ себя ногу и, истекая кровью, ползетъ до городскихъ воротъ — онѣ заперты; прорывъ землю кинжаломъ, онъ прошмыгнулъ подъ воротами; тутъ напали на него собаки: онъ распариваетъ брюхо одной изъ нихъ и, повстрѣчавъ носильщика, приказываетъ нести себя къ одному посланнику, его пріятелю. Онъ считалъ себя внѣ опасности и заручился словомъ папы; но вдругъ его схватываютъ опять и сажаютъ въ гнилое подземелье, куда свѣтъ заходитъ лишь часа на два въ день. Явился палачъ и, тронутый жалостью, еще пощадилъ его на этотъ разъ. Затѣмъ наказаніе ему ограничило одной тюрьмою; вода сочится по стѣнамъ, солома подъ нимъ гниетъ, раны его не закрываются. Такъ провелъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ; его крѣпкое сложеніе выдерживаетъ все. Тѣло и душа такого склада, какъ будто построены изъ гранита и мрамора, тогда какъ наши нынѣшнія просто изъ мѣлу и штукатурки... Когда духовная природа столь сильна, одарена столь богато, когда способности дѣйствуютъ такъ бойко и вѣрно, такъ постоянно и грандіозно, тогда обычнымъ тономъ ду-

*) Рибо. Образованіе, январь 1893 г., стр. 39 и 40.

ши является избытокъ радости, могучее вдохновеніе и веселье. Мы видимъ, напримѣръ, что послѣ трагическихъ и ужасныхъ походовъ, Челлини тотчасъ отправляется въ путь; всю дорогу, говорить онъ самъ, «я не переставалъ пѣть и смѣяться»... Внезапныя нападенія, разгромы лавокъ, непрерывная опасность быть убитымъ или отравленнымъ, среди которыхъ онъ живетъ въ Римѣ, то и дѣло перемишляются съ ужинами, маскарадами, смѣхотворными затѣями, любовными пашнями, до того явными, безоличными, лишенными всякой бережности и тайны, что онѣ напоминаютъ широкую наготу венеціанскихъ и флорентинскихъ картинъ того времени... Особый родъ поступковъ, который свойствененъ людямъ этого времени, это—неудержимый, непреодолимый порывъ, прямо и мгновенно идущій на всякія крайности, т. е. на схватку, на убійство и на кровь. Въ жизни Бенвенуто есть сто примѣровъ такихъ бурь, такихъ внезапныхъ вспышекъ молніи... Всегда у него движеніе и ударъ моментально слѣдуютъ за мыслию, какъ выстрѣлъ вслѣдъ за искрою. Слишкомъ сильная внутренняя буря подавляетъ разсудокъ, боязнь, чувство справедливости, всякое участіе расчѣта и соображенія, которыя въ цивилизованной головѣ или у человѣка съ флегматическимъ темпераментомъ всегда создадутъ промежутокъ и какъ бы задержку между первымъ порывомъ гнѣва и окончательнымъ рѣшеніемъ *).»

Характеры *дѣятельно-мыслительные* или иначе *волевые*, отличаются отъ предыдущихъ тѣмъ, что ихъ дѣятельность не проявляется въ видѣ неукротимаго, страстнаго порыва, а, напротивъ, остается холодной, *обдуманной*, и управляется умомъ, которому постоянно подчинена.

Дѣйствительно, у нихъ главнымъ двигателемъ являются уже не чувства, а идеи, «такъ что самопроизвольность отсутствуетъ; стремленія возбуждаются лишь косвенно; воля есть не *laissez faire*», но смѣна усилія и задержки,—усилія, потому что двигательная сила идей, все-таки, всегда очень слаба въ сравненіи съ силою желаній; задержки же—не потому, что есть неистовыя желанія, которыя надо обуздывать, но потому, что размышленіе у нихъ преобладаетъ, и оно позволяетъ дѣйствовать только въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ **).

Если сопоставить между собою эту форму энергіи и страстную дѣятельность, то первая явится какъ бы отличительнымъ признакомъ истиннаго величія. «Глубоко заблуждаются тѣ, говорить Карлейль, которые называютъ горячность силой! Нельзя назвать сильнымъ человѣка, съ которымъ сдѣлался припадокъ судороги, хотя бы и шесть человѣкъ не могли удержать его въ этомъ слу-

*) Тэнъ. *Чтенія объ искусствѣ*, Спб. 1889. — *Философія искусства въ Италіи*, стр. 130—136.

**) Рибо. *Образованіе*. Январь 93, стр. 37. Ср. того же автора, *Воля въ нормальномъ и бользненномъ состояніяхъ*. Спб. 94, *Введеніе*.

чаѣ. Тотъ, кто можетъ идти, не шатаясь, подъ самой страшной тяжестью, вотъ сильный человѣкъ. Намъ необходимо навсегда запечатлѣть это въ своей памяти, особенно въ эти дни, наполненные громкими пронзительными криками. Тотъ, кто не можетъ *оставаться спокойнымъ*, пока не наступитъ время говорить и дѣйствовать, не такой человѣкъ, какого надо» *).

Разсчетливые и предусмотрительные, владѣющіе собой, рѣшительные, стойкіе, терпѣливые, настойчивые, но довольно часто упрямые и приверженные къ сильной власти, таковы въ общихъ чертахъ характеры дѣятельно-мыслительные.

Исторія представляетъ намъ знаменитые примѣры этого типа. Между политиками можно отмѣтить въ Римѣ — Катона Утичскаго, Марка Брута **), Траезя, а въ новѣйшее время Григорія VII, Людовика VI, Карла V, Колиньи, Елизавету, Филиппа II. Вильгельма Молчаливаго, Ришелье, Людовика XIV, «который, по словамъ Сень-Симона, былъ весьма плохо одаренъ отъ природы и отличался только прилежаніемъ»; Фридриха II, Франклина, Веллингтона; между изслѣдователями—Колумба, Бернара Палисси; между проповѣдниками—Кальвина, Боссюэта; между знаменитыми полководцами—Тюренна; между философами и учеными Эпиктета и Коперника.

По поводу великаго прусскаго короля Сень-Бёвъ писалъ: «Вообще, ни въ одномъ изъ качествъ Фридриха не замѣтно той первой свѣжести, которая составляетъ признакъ особенныхъ дарованій, полученныхъ отъ природы и отъ Бога. Все въ немъ кажется результатомъ торжества воли надъ ординарными способностями, которыя, смотря по требованіямъ необходимости, направляются или въ ту, или въ другую сторону» ***). И въ другомъ мѣстѣ ****): «Фридрихъ Великій слагается медленно; онъ пробуетъ свои силы, начинаетъ то или другое, терпитъ неудачу, опять возобновляетъ попытку, принимается за нее снова и возвращается къ ней много разъ. Это замѣтно уже въ двухъ первыхъ его войнахъ изъ-за Силезіи, это же можно прослѣдить и до конца семилѣтней войны во время его самыхъ блестящихъ комбинацій... Никогда еще не удавалось намъ такъ хорошо видѣть заранѣе принятаго рѣшенія быть великимъ государемъ и твердаго

*) *Герои и героическое въ исторіи*, пер. Яковенко, СПб. 1891.

**) Брутъ «серіозный и медлительный, подвигался во всегъ постепенно; но если разъ онъ на что нибудь рѣшался, то онъ уходилъ въ свою идею, и ничто не могло отвлечь его отъ нея; онъ уединялся и сосредоточивался на ней; размышляя о ней, онъ ея воодушевлялся и воспалялся, и кончалъ тѣмъ, что повиновался только той неумолимой логикѣ, которая побуждала его ее осуществить. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ умовъ, про которыхъ Сень-Симонъ говорилъ, что они обладаютъ нестерпимой послѣдовательностью. Упорство составляло его силу, и Цезарь хорошо понималъ его, когда говорилъ: «Все, что онъ хочетъ, онъ дѣйствительно хочетъ». (Boissier, *Cicéron et ses amis*, стр. 327).

***) *Causeries du lundi*, т. III.

****) *Тамъ же*, т. VII.

намѣренія исполнять наилучшимъ образомъ все то, что относится къ званію короля».

На болѣе скромной аренѣ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же характеромъ въ лицѣ людей расчетливыхъ, холодныхъ и упорныхъ, которые ничего не дѣлаютъ по капризу или случайно, никогда не воспаляются успѣхомъ и не унываютъ при несчастіи.

Характеры *мыслительно-эмоциональные* или *сантиментальные* обладаютъ, въ качествѣ присущаго имъ признака, тонкой чувствительностью, соединенной съ умомъ острымъ, гибкимъ и проницательнымъ. Что же касается до ихъ дѣятельности, то въ силу того, что она имѣетъ своимъ источникомъ не стойкое основаніе энергіи, но напряженность чувствованій, она okazывается такой же перемежающейся, какъ и эти послѣднія. Поэтому она проявляется только подъ переходящимъ вліяніемъ какихъ нибудь сильныхъ мотивовъ: у артистовъ, когда ихъ поддерживаетъ вдохновеніе; у ораторовъ, когда имъ приходится защищать дѣло, близкое ихъ сердцу, или поражать своихъ противниковъ.

Сознаніе собственнаго достоинства, сдержанность, скромность, доходящая иногда до робости, вотъ тѣ качества, которыми они обыкновенно обладаютъ.

Къ этому классу относятся мистики (не великіе, не тѣ, которые дѣйствовали, и которыхъ мы помѣстили среди характеровъ страстныхъ), но стоящіе ступенью ниже: мистики созерцательные, «чистые адепты внутренней жизни, которые встрѣчаются во всѣхъ эпохахъ и во всѣхъ странахъ (индійскіе йоги, персидскіе суфи, терапевты, монахи всѣхъ вѣроисповѣданій), погруженные въ блаженное созерцаніе, ничего не написавшіе, не учредившіе и прожившіе согласно ихъ мечтѣ, такъ что не оставили послѣ себя никакого слѣда».

Выше стоятъ «аналитики въ чисто субъективномъ смыслѣ, т. е. тѣ, которые усердно и кропотливо анализируютъ самихъ себя; которые ведутъ «свой дневникъ», отмѣчая часъ за часомъ малѣйшія измѣненія ихъ внутренней жизни, перемѣны настроенія по прихоти атмосферныхъ вліяній*)... Эта маія личнаго анализа

*) «Съ ранняго дѣтства, пишетъ Мэнъ-де-Биранъ, я чувствовалъ какъ бы инстинктивную склонность присматриваться къ моему внутреннему я, чтобы знать, какъ я могу жить и быть собой. — «Его тонкія и нѣжныя черты лица, какъ у женщины, говоритъ Альфредъ Фуллье, голубые глаза, открытый взглядъ, блѣдное, немного осунувшееся лицо, его аристократическая внѣшность свидѣтельствуютъ о доброжелательной и сосредоточенной душѣ и о созерцательномъ умѣ. Онъ обнаруживаетъ почти непреодолимое стремленіе «жить жизнью вселенной», наблюдать, какъ «текутъ въ немъ впечатлѣнія, и ничего не дѣлать, чтобы измѣнить ихъ теченіе, измѣняя бытія». За городомъ, гдѣ онъ проводитъ какъ можно больше времени, въ палатѣ, гдѣ его удерживаютъ обязанности квестора, «онъ мало дѣйствуетъ, онъ наблюдаетъ дѣйствіе». Онъ, по собственному призыванію, блуждаетъ, какъ лунатикъ, въ этомъ мірѣ дѣльцовъ. Онъ счастливъ, когда небо ясно, онъ въ отчаяніи, когда оно заволакивается тучами. Его непостоянныя и скоропреходящія впечатлѣнія безпрестанно смѣняются. Въ своемъ сознаніи онъ отмѣчаетъ «атмосферныя колебанія». (*Le tempérament physique et moral*, стр. 287—288). Ср. Bertrand, *La psychologie de l'effort*.

подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго нервнаго возбужденія, умственной утонченности и расслабленія воли, стала въ наше время какой то особой болѣзью *)).

Къ этой же формѣ характера принадлежатъ люди съ еще болѣе богатой индивидуальностью, душа которыхъ вмѣсто того, чтобы испытывать только самое себя, сочувствуетъ всему человѣчеству или даже всей природѣ. Таковы писатели: Титъ Ливій, Паскаль, Дидро, Жанъ-Поль Рихтеръ, Мишле, Тѳферъ, Карлейль; поэты, какъ Лукрецій, Виргилій, Петрарка, Шекспиръ, Расинъ, Самуэль Джонсонъ; мыслители, какъ Аристотель, Эпикуръ, Бойль, Огюсть Контъ; артисты, какъ Моцартъ, Беллини, Веберъ; Шарденъ, Прудонъ, Милле, «эта мимоза, скрывающаяся подъ видомъ безмятежнаго мыслителя» **).

Чувствительность, говоритъ Низаръ, есть свойство, одинаково присущее какъ Титу Ливію, такъ и Виргилію. Они походятъ другъ на друга тѣмъ, что оба обладаютъ той высшей и восхитительной способностью, въ силу которой поэтъ и писатель любятъ созданія своего духа больше, чѣмъ самихъ себя, и живутъ, такъ сказать, той жизнью, которую они въ нихъ вдохнули. Виргилій страдаетъ за покинутую Дидону и носитъ въ своемъ сердцѣ печаль вдовы Гектора; онъ оплакиваетъ смерть молодого воина, которому копье вонзилось въ бѣлую грудь. Но этого мало: эта пылкая нѣжность распространяется на все, что онъ видитъ, на все, что онъ описываетъ. Онъ принимаетъ участіе во всходящей травѣ, которая отваживается вѣрнуться похолодѣвшему весеннему воздуху; онъ попеременно вселяется то въ телку, испускающую свой невинный духъ подлѣ полныхъ ясель; то въ птицу, которой грозитъ гибелью само воздушное пространство и которая умираетъ среди тучи; то въ побѣжденнаго быка, который оттачиваетъ свои рога о дубы, приготовляясь къ новымъ сраженіямъ. Подобно Виргилію и Титу Ливію воплощается попеременно въ каждую изъ своихъ любимыхъ личностей; онъ — самъ Римъ во всѣхъ его превратностяхъ судьбы, Римъ, называемый поэтомъ самой прекрасной вещью, *regum pulcherrima*, въ силу того же нѣжна-

*) Рибо. Образование. Январь 93, стр. 34. Анри Бейль (Стендаль) «получилъ отъ природы, вмѣстѣ съ очень сильной волей, удивительный даръ самонаблюденія и, какъ говорятъ теперь, даръ раздвоенія. Онъ думалъ, что, обративъ эту способность къ анализу на пользу своей воли, онъ увеличитъ силу этой послѣдней. Но случилось обратное. Наблюдая всегда за самимъ собой, чтобы лучше дѣйствовать, онъ дѣйствовалъ лишь вяло. Чтобы быть дѣйствительно сильнымъ, надо быть очень несвѣдущимъ относительно самого себя и надо уметь во время останавливаться въ своемъ познаніи, или, по крайней мѣрѣ, въ своемъ изученіи другихъ. Бонапартъ имѣлъ о людяхъ понятія ясныя, но ограниченныя. Бейль самъ говоритъ намъ (въ своемъ *Дневникѣ*): «Я слишкомъ много обращалъ вниманіе на то, что чувствовалъ... Я такъ хорошо знаю игру страстей... что я никогда ни въ чемъ не утратилъ, такъ какъ предвижу всѣ возможности». (J. Lemaitre, *Les contemporains*, 4 серия стр. 14).

**), Sensier, *La vie et l'oeuvre de J.-F. Millet*.

го энтузіазма, который заставляет историка сказать въ его краснорѣчивомъ предисловіи, что римская имперія самая великая послѣ царства боговъ, *maximum secundum deorum opes imperium*.— Чувствительность Тита Ливія больше всего содѣйствовала тому знанію человѣческаго сердца, за которое его хвалятъ наименѣе благосклонный изъ его критиковъ, ученый Нибуръ. Именно страсти, тайну которыхъ онъ постигъ своимъ сердцемъ, и помогли ему познать интересы и проникнуть въ самую суть запутанныхъ дѣлъ.. То же самое можно сказать и о Виргиліи, этомъ глубококомъ и кроткомъ учителѣ науки о жизни. Чѣмъ больше я сравниваю этихъ двухъ людей, тѣмъ болѣе считаю ихъ братьями. Виргилій, впрочемъ, является первенцомъ, потому что его сердце, самое нѣжное въ древнемъ мірѣ, еще болѣе глубоко чувствовало послѣдствія человѣческихъ дѣлъ».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Уравновѣшенные типы.

Характеры, образуемые равновѣсіемъ трехъ способностей въ различной степени напряженія: 1. *Уравновѣшенные.* — Ихъ природа. — Декартъ. — Гете;—другіе примѣры.—2. *Аморфные.*—Обыденность типа.—3. *Апатичные.*—Ихъ отличительныя черты.—Портретъ Фонтевелля.

Уравновѣшенными, аморфными и апатичными мы называемъ такіе три типа характеровъ, которые имѣютъ между собою то общее, что въ нихъ склонности служатъ, такъ сказать, другъ другу противовѣсомъ, вслѣдствіе чего получается поразительная гармонія въ поведеніи, какова бы ни была, впрочемъ, степень богатства личности.

У характеровъ *уравновѣшенных* или *умѣренных* чувствительность, умъ и дѣятельность находятся въ почти одинаковомъ соотношеніи другъ къ другу.

Прежде всего ихъ чувствительность, будетъ ли она тонкой или грубой, распространяется, такъ сказать, по поверхности и охватываетъ большое разнообразіе вещей. «Именно между людьми, принадлежащими къ этому типу, замѣчаетъ Пере *)», и встрѣчаются эти рѣдкія счастливыя натуры, способныя, по выраженію Вольтера, сообщать своей душѣ, не впадая въ преувеличеніе и не употребляя никакого усилія, всѣ возможныя состоянія. Это дѣйствительно самыя человѣчныя изъ людей; они живутъ, они наслаждаются, при всей свободѣ и искренности страстей, чувствами, умомъ, сердцемъ, своими активными способностями. Они не даютъ радости опьянять себя, ни печали приводить себя въ уныніе. Въ общемъ, у нихъ ровное расположеніе духа... Разнообразіе ихъ вкусовъ и привычекъ, здравость сужденій предохраня-

*) *Le caractère de l'enfant à l'homme*, стр. 165—168.

няютъ ихъ отъ слишемомъ упорныхъ и исключительныхъ горестей».—Ихъ умъ «находитъ себѣ примѣненіе въ занятіяхъ или цѣляхъ весьма разнообразныхъ. Часто нельзя опредѣлить, какая любознательность преобладаетъ въ нихъ, эстетическая или научная, аффективная или моральная: достовѣрно, что все это въ достаточной мѣрѣ имъ свойственно... Являются ли они поэтами, моралистами, философами, литераторами, артистами, они быстро научаются подчинять свое творческое воображеніе законамъ точнаго разума. Имъ иногда не достаетъ глубины, но имъ нельзя отказать въ широтѣ, гибкости, ясности, утонченности и равновѣсіи. Простота есть существенное свойство ихъ ума».—Наконецъ, ихъ воля всегда точно опредѣлена во всѣхъ своихъ видахъ, цѣляхъ, мотивахъ и побужденіяхъ; если она и не у всѣхъ является энергичной и стремительной, то за то она сознательна и настойчива; чувствованія, которыя ею двигаютъ и ее умѣряютъ, будутъ ли они напряженныя или измѣнчивыя, почти всегда контролируются размышленіемъ и подчинены другъ другу силою разума. Эти люди знаютъ, чего хотятъ, и почему они этого хотятъ, и твердо идутъ къ своей цѣли».

Этотъ характеръ не такъ рѣдко встрѣчается, какъ это можно думать. «Мы всѣ знаемъ людей, которые намъ нравятся, хотя они и не обладаютъ никакими выдающимися качествами души или ума. Они внушаютъ симпатію прелестью обращенія, свѣжестью, гармоніей чувствъ и мысли, можетъ быть не дальновидной и не глубокой, въ особенности когда эти люди добры, хотя бы эта доброта и не превышала средняго уровня, и когда къ душевной прелести присоединяется прелесть и уравновѣшенность тѣлесная. Подобныя существа изобразилъ намъ Корреджіо, на примѣръ въ Луврской *Св. Екатерины* и даже Рафаэль въ своихъ изображеніяхъ Богородицы... Та же уравновѣшенность придаетъ особенное обаяніе греческой скульптурѣ... Есть головы молодыхъ дѣвушекъ или богинь, восхищающія выраженіемъ единства, ясности, нравственнаго равновѣсія и чистоты. Беллетристы и драматурги часто изображали или старались изобразить уравновѣшенные типы. «Симпатичныя личности», такъ часто, на примѣръ, встрѣчающіяся въ пьесахъ Ожье, по большей части принадлежатъ къ натурамъ уравновѣшеннымъ, почти всегда лишеннымъ даже внѣшнихъ признаковъ жизненности. Шекспиръ создалъ нѣсколько чудесныхъ типовъ; также принадлежащихъ къ числу уравновѣшенныхъ натуръ. Они встрѣчаются и у Толстого» *).

Нѣкоторыя выдающіяся личности представляли собой примѣръ такой формы характера. Гете «олимпіецъ», съ его правильной жизнію и постояннымъ самообладаніемъ, является, повидимому, его совершеннѣйшимъ образцомъ. «Будучи одновременно и придворнымъ, и поэтомъ, и историкомъ, и министромъ, и директоромъ театра, и ученымъ критикомъ, и свѣтскимъ чело-»

*) Полянъ, *Психологія характера*, стр. 11 и 12.

комъ, и мечтателемъ, любящимъ уединеніе, онъ съ такимъ искусствомъ умѣлъ соединять и уравнивать всѣ элементы, входящія въ составъ его жизни, что въ ней никогда не замѣчалось ни малѣйшаго диссонанса, ни малѣйшей несвязности. Его холодная и спокойная душа боялась грозъ и никогда не принимала слишкомъ горячаго участія въ событіяхъ жизни: онъ созерцалъ ихъ въ качествѣ мирнаго зрителя, иногда растроганный, часто съ ироніей или преисполненный состраданія... Онъ не участвовалъ въ политическихъ и религіозныхъ диспутахъ, ареной которыхъ являлась Германія. Какъ только какое нибудь сильное впечатлѣніе грозило овладѣть имъ, онъ инстинктивно ускользалъ отъ него, какъ листья мимозы ускользаютъ изъ подъ пальцевъ, протягивающихся къ нимъ. Еще въ ранней молодости у него были минуты отчаянія, мазама, отвращенія къ жизни, — чтобы прогнать ихъ, онъ написалъ *Вертера*. Когда онъ освободился и отдѣлался такимъ образомъ отъ этихъ неутомонныхъ мыслей, которыя овладѣли бы имъ и покорили его себѣ, если бы онъ былъ настолько слабъ, что предался страстямъ, вызываемымъ ими, онъ вернулъ себѣ свое обычное спокойствіе, и отнынѣ его лозунгомъ стало: *равновѣсіе*. Его гибкій умъ, казалось, примѣнялся ко всему безъ труда, и охватывалъ одновременно множество спеціальностей, которыя рѣдко встрѣчаются вмѣстѣ. Будучи всегда господиномъ самого себя, онъ владѣлъ своими эмоціями: онъ зналъ, насколько необходимо спокойствіе чувствъ и духа для свободнаго полета ума. Онъ внесъ въ свою жизнь педантическую точность, усвоилъ себѣ правильныя привычки, которыхъ ничто не могло нарушить. Его дневныя занятія, библіотека, бумаги, все было тщательно распределено. Благоговѣніе къ порядку и трудъ заставляли его бояться огорченій и подавлять свои привязанности; поэтому его часто обвиняли въ эгоизмѣ. Онъ отказался участвовать въ погребальномъ шествіи за знаменитымъ Виландомъ, утѣшился въ смерти своего сына, предавшись наукѣ, а въ утратѣ Шиллера, своего соперника и друга, сочиняя стихи *)).

И Декартъ также представляетъ намъ прекрасный типъ уравновѣшеннаго характера. Дѣйствительно, этотъ философъ не только великій мыслитель, какимъ его знаетъ весь міръ. Одна изъ наиболѣе поразительныхъ чертъ его характера, «это, говоритъ Поль Жанэ **), его страсть къ путешествіямъ, страсть весьма рѣдкая въ ту эпоху, особенно среди ученыхъ. Можно сказать, что Декартъ видѣлъ всю Европу (за исключеніемъ Россіи и Турціи). Едва ему исполнился двадцать одинъ годъ, какъ онъ отправляется въ Голландію, въ Баварію, затѣмъ въ Австрію, Венгрію и Богемію, отсюда черезъ Польшу и Померанію онъ направляется къ берегамъ Балтійскаго моря, по которымъ достигаетъ до Эльбы. Тамъ онъ садится на корабль, отправляющійся въ Фрисландію, и возвра-

*) Philarète Chasles, *Dict. de la Conversation*, т. I. Goethe.

**) *Les maîtres de la pensée moderne*, стр. 9—24.

щается въ Голландію черезъ Зюдерзе, проѣзжаетъ черезъ Брюссель и опять является въ Парижъ. Но онъ не долго остается во Франціи. Онъ уѣзжаетъ въ Швейцарію, Италію; посѣщаетъ Венецію и Римъ, снова ворочается во Францію съ тѣмъ, чтобы опять исчезнуть, и на этотъ разъ уже окончательно поселиться въ Голландіи. Отсюда онъ дѣлаетъ два путешествія, одно въ Англію, другое въ Данію, мечтаетъ отправиться въ Константинополь и, наконецъ, по приглашенію королевы Христины, переселяется въ Швецію; но его слабая грудь не можетъ перенести суроваго климата, и онъ тамъ умираетъ. Можно было бы думать, что во время своего продолжительнаго пребыванія въ Голландіи онъ оставался спокойнымъ. Ничуть не бывало; онъ постоянно мѣнялъ свое мѣсто-пребываніе... При чтеніи біографіи Декарта нельзя не обратить вниманія на характеризующій его родъ любопытства. Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые любятъ смотрѣть, и именно смотрѣть на большія блестящія зрѣлища, сопровождаемыя помпой, движеніемъ, шумомъ; странный вкусъ для философа съ созерцательнымъ складомъ ума. Байлье описываетъ намъ, какъ онъ, будучи во Франкфуртѣ, стремится присутствовать на коронаваніи императора, великолѣпномъ и пышномъ празднествѣ, о которомъ наши современныя торжества не могутъ дать никакого представленія *). Онъ ѣдетъ въ Венецію, чтобы присутствовать на обрученіи дожа съ Адриатическимъ моремъ, онъ отправляется въ Римъ на юбилей. Равнымъ образомъ, онъ имѣетъ склонность, какъ говоритъ самъ, къ «дворамъ и арміямъ». По его возвращеніи изъ Голландіи, въ Гаагѣ три небольшихъ двора подѣлили между собой избранное общество страны: дворъ Генеральныхъ Штатовъ, дворъ принца Оранскаго и дворъ Богемской королевы. Декартъ бывалъ при всѣхъ трехъ. Возвращаясь изъ Гааги въ Парижъ, онъ останавливается въ Брюсселѣ, чтобы посѣтить дворъ принцессы Изабеллы. Наконецъ онъ въ Парижѣ; но, говоритъ Байлье, онъ узнаетъ, что дворъ находится въ Фонтенебло, и онъ уѣзжаетъ въ Фонтенебло... Подобное же любопытство влекло его къ арміямъ; сперва въ Голландіи въ армію принца Мориса Нассаускаго, затѣмъ въ армію герцога Баварскаго. Будучи въ Парижѣ, онъ покидаетъ его и ѣдетъ, чтобы присутствовать при осадѣ Ларошели, зрѣлищѣ достопамятномъ и необикновенномъ. Но не смотря на такую явную любовь къ дворамъ и арміямъ, было бы глубокимъ заблужденіемъ видѣть въ Декартѣ придворнаго или солдата. Нѣтъ, это просто человѣкъ любопытный, любитель, созерцатель. Никогда онъ не добивался расположенія какого-либо принца, не старался даже завязать съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ болѣе тѣсныхъ сношеній, если только это не были сношенія философскія, какъ это было сперва съ принцессой Елизаветой, а потомъ съ королевой Христиной. Что

*) Гете описалъ намъ въ своихъ *Мемуарахъ* этотъ же самый праздникъ во Франкфуртѣ, на которомъ онъ присутствовалъ, съ такимъ же жаднымъ любопытствомъ, какъ и Декартъ.

„Образованіе“ Отд. I. № 9.

же касается до военной жизни, то онъ дѣлалъ, что ему нравилось. Онъ посѣщалъ ученыхъ, размышлялъ въ одиночествѣ на бивакахъ, впрочемъ всегда былъ готовъ сражаться, когда въ этомъ представится надобность, потому что онъ имѣлъ проворную шпагу и *мужественное сердце* *)... Все это показываетъ намъ въ Декартѣ совсѣмъ другого человѣка, чѣмъ тотъ отвлеченный и умозрительный метафизикъ, какимъ мы его привыкли считать, именно человѣка съ твердымъ и мужественнымъ характеромъ, готоваго ко всему, знающаго жизнь съ ея случайностями, нисколько не смущающагося въ присутствіи дѣйствительныхъ вещей».

Къ этому же типу характеровъ, повидимому, надо отнести и Сократа **), Марка Аврелія, Людовика IX, Фенелона, Бюффона, Льва Баптиста Альберти, Леонардо де-Винчи, Тиціана, Веласкеса, Рубенса, о которомъ одинъ критикъ говорилъ: «Въ его домѣ былъ установленъ такой строгій порядокъ, какъ въ монастырѣ... Онъ былъ спокойнымъ, ловкимъ, положительнымъ и степеннымъ: ни малѣйшей страстности, ни малѣйшаго нетерпѣнія. Его воображеніе (когда онъ не рисовалъ) казалось заснувшимъ, или скорѣе погасшимъ, взглядъ у него былъ ясный и увѣренный, какъ у дѣловаго человѣка***).

Уравновѣшеннымъ можетъ быть какъ человѣкъ посредственный, такъ и гений; конечно, первый случай встрѣчается чаще. У нѣкоторыхъ людей, которые не имѣютъ другой заботы, кромѣ какъ ѣсть, пить, спать, повидаться съ друзьями, совершить прогулку или поиграть въ карты, эти дѣйствія въ концѣ-концовъ занимаютъ каждое свое опредѣленное мѣсто въ жизни и наполняютъ ее правильнымъ образомъ. Уравновѣшенность граничитъ здѣсь съ отсутствіемъ характера, это то, что наблюдается въ характерахъ *аморфныхъ*, названныхъ такъ потому, что они не имѣютъ своей собственной формы. Настоящія «маріонетки», по выраженію Поръ-Ройяля, они только слѣдуютъ модѣ и общественному мнѣнію, и

*) См. примѣры, приводимые у Жана, стр. 20—21.

**) «Снисходительность, преисполненная доброты, по отношенію къ недостаткамъ другихъ, и чрезвычайная строгость къ самому себѣ; терпѣніе, которое подвергалось жестокому испытанію со стороны его жены, Ксантиспы, но котораго онъ ни на минуту не терялъ; безкорыстіе, котораго не смѣли отрицать даже его враги, воздержанность, умѣренность во всемъ; неизмѣнно ровное настроеніе, ясность духа, обнаруживавшаяся въ постоянной веселости, глубокое уваженіе къ *нравственному жречеству*, внушенному ему Божествомъ, вотъ главнѣйшія черты характера Сократа. Что же касается до мужества, то онъ представилъ блестящія доказательства его, какъ во время своихъ различныхъ походовъ, такъ и при осадѣ Потидеи и во время несчастнаго сраженія при Деліумѣ. Его гражданское мужество равнялось мужеству военному: онъ выказалъ его, когда одинъ изъ всѣхъ притановъ осмѣлился пренебречь яростью безумной толпы, выразившей громкими криками требованіе, чтобы были преданы смерти стратеги, побѣдившіе при Аргинускихъ островахъ, которымъ буря помѣшала предать погребенію тѣла воиновъ, погибшихъ въ сраженіи». (Matter).

***) A. Michiels, *Rubens et l'école d'Anvers*, p. 255.—См. также L. Arréat, *La psychologie du peintre*, стр. 181, 214—215.

всегда находятся въ гармоніи съ той средой, въ которой живутъ. «Въ нихъ нѣтъ ничего врожденнаго, ничего похожего на склонность,—природа создала ихъ черезчуръ пластичными. Они вполне являются продуктомъ обстоятельствъ окружающей ихъ среды; воспитанія, которое они получили отъ окружающихъ ихъ людей и вещей. Кто-нибудь другой, а если нѣтъ такого другого, то общественная среда предписываетъ имъ все и дѣйствуетъ ими. Они не голосъ, а только эхо. Они становятся тѣмъ или другимъ по прихоти обстоятельствъ. Выборъ специальности, бракъ и все остальное рѣшаетъ за нихъ случай: однажды захваченные течениемъ, они во всемъ поступаютъ, какъ всѣ окружающіе ихъ *)».

Къ этой многочисленной категоріи людей приложимъ стихъ Детуша:

Le commun caractère est de n'en point avoir **).

Въ слѣдующей формѣ характера, соприкасающейся съ формой уравновѣшенныхъ, въ силу того спокойствія, какое обеспечивается ею уму, относятся характеры *апатичные*, *мимфатическіе* или *флегматическіе*.

Общія черты этихъ характеровъ заключаются «въ состояніи атоніи, въ пониженіи чувствительности и дѣятельности ниже средняго уровня». Лица, осуществляющія ихъ, далеко не такъ пластичны, какъ аморфные, а потому они не обращаются въ чужое орудіе и ускользаютъ отъ всякаго внушенія. Ихъ малая восприимчивость является причиной малой дѣятельности или слабой реакціи **). Поэтому они вообще инертны, спокойны, лѣнны, безпечны, эгоисты, скептики, обходительны, а иногда, смотря по мѣсту, занимаемому ими въ соціальной іерархіи, они тупы или надуты.

Впрочемъ, у людей этого типа умъ можетъ быть весьма развитымъ. Живой примѣръ этому — Фонтенелль, который представляетъ этотъ типъ на его высшей ступени. Природа одарила его высшимъ разумомъ, умомъ настолько же гибкимъ, какъ проникательнымъ и обширнымъ, но взамѣнъ того она обдѣлила его энергіей и душевной теплотой; безъ сомнѣнія, поэтому то онъ и могъ прожить цѣлое столѣтіе. «Онъ родился, имѣя прекрасную физическую организацію, и никогда не переносилъ тяжелыхъ болѣзней, такъ какъ нѣсколько припадковъ подагры, бывшихъ у него въ старости, не причиняли ему большого страданія. Но, конечно, все это еще не объясняетъ его ста лѣтъ. Развѣ мы не видимъ ежедневно, какъ самыя прочныя организаціи подтачиваются и раз-

*) Рибо. Образование. Январь 93, стр. 25. — Ср. Полакъ, *Психологія характера*, стр. 181.

**) Обыденный характеръ—это отсутствіе его.

***) «Подъ флегматичною натурою, говоритъ Полакъ (*Психологія характера*, стр. 91), мы разумѣемъ такую, у которой всѣ впечатлѣнія вызываютъ приблизительно аналогичныя послѣдствія. Эти натуры реагируютъ противъ чрезвычайнаго впечатлѣнія въ исключительныхъ случаяхъ такъ же слабо, какъ и противъ обыденнаго впечатлѣнія; напримѣръ, люди этого типа, узнавъ, что въ домѣ вспыхнулъ пожаръ, встаютъ съ постели такъ же медленно, какъ они встаютъ ежедневно утромъ».

рушаются этимъ врагомъ тѣла, называемымъ душой? Душа Фонтенелля обходилась со своей оболочкой съ самой нѣжной заботливостью; она скорѣе была готова сократить самое себя, нежели обезпечить ту, и ограничивала себя, сколько только возможно, чтобы предоставить болѣе свободы и пріятности органамъ. Однимъ изъ его правилъ было: *имѣть во всякое время сердце холоднымъ, а желудокъ теплымъ*. Онъ его добросовѣстно примѣнялъ, и это не составляло для него слишкомъ мучительной жертвы. Такъ, онъ никогда не затруднялъ своей жизни этими тяжелыми обязанностями, какова женитба, воспитаніе дѣтей, и не заводилъ себѣ слишкомъ требовательныхъ друзей; онъ много вращался въ свѣтѣ, снисходя до людей, но не отдаваясь имъ совсѣмъ; его общества очень искали, такъ какъ онъ былъ любезенъ, остроуменъ, умѣлъ во время сказать комплиментъ, обладалъ искусствомъ слушать, никого не задѣвлялъ, ни съ кѣмъ не спорилъ, ради защиты кого бы то ни было или чего бы то ни было *)... Будучи вполнѣ равнодушнымъ, онъ не сталъ бы науськивать собакъ къ дракѣ, но еще менѣе старался бы ихъ разнять... «Все возможно **»), говорилъ онъ часто; поэтому не будемъ высказываться ни за этого, ни противъ того». Это замѣчательное равновѣсіе ни разу не измѣнило ему во время всей его длинной карьеры. Онъ совершенно просто признавался безъ хвастовства и безъ смиренія, что онъ никогда не плакалъ; его спросили, смѣялся ли онъ когда нибудь; онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, я никогда не дѣлалъ ха! ха! ха!» Это было бы сотрясеніемъ ***). Девяноста семи лѣтъ отъ роду, онъ говорилъ: «Вотъ уже восемьдесятъ лѣтъ, какъ я удалилъ чувство въ Эклогу»; онъ хвастался: въ его *Эклогахъ* не больше чувства, чѣмъ въ его жизни. Его послѣдніе стихи, написанные въ этомъ возрастѣ, обнаруживаютъ преобладающую въ немъ заботу о желудкѣ:

Qu'on raisonne *ab hoc et ab hac*
De mon existence présente:
Je ne suis plus qu'un estomac;
C'est bien peu, mais je m'en contente ****).

M-me Tencin, сумѣвшая его оцѣнить, говорила ему, указывая на его грудь: «У васъ здѣсь не сердце, а мозгъ, какъ въ головѣ».

*) Самъ онъ относился къ своимъ порицателямъ не иначе, какъ съ полнымъ равнодушіемъ. Направленныя противъ него сатиры бросались въ большой ящикъ; онъ не читалъ ихъ и даже не прикасался къ нимъ.

**) Другой его аксіомой было: «Всѣ правы». Надо ли напоминать его эгоистическое положеніе: «Если бы моя рука была полна истинъ я постерегся бы ее раскрыть».

***) Это отсутствіе у Фонтенелля всякой эмоціи дало Кларендону поводъ сказать: «Я не завидую его ста годамъ, и ихъ проживаю въ четверть часа». Настолько справедливо, какъ писалъ Руссо, что «дольше всего прожить не тотъ человѣкъ, который насчитываетъ большее число годовъ, но тотъ, который наиболѣе чувствовалъ жизнь».

****) Paul Albert, *La littérature française au dix-huitième siècle*, стр. 44—45 и 53. (Пусть разсуждаютъ такъ и сямъ о моемъ теперешнемъ существованіи: я не богъ, какъ желудокъ; это очень мало, но для меня достаточно).

Извѣстенъ разсказъ Гримма о спаржѣ съ прованскимъ масломъ и подѣ соусомъ. «Аббатъ Терассонъ, разсказываетъ Гриммъ, любившій приправлять спаржу коровьимъ масломъ, напросился къ нему обѣдать; Фонтенелль сказалъ ему, что половина спаржи будетъ приправлена коровьимъ масломъ, о чемъ онъ уже сдѣлалъ распоряженіе, но, прибавилъ, что это большая жертва съ его стороны. Они собираются сѣсть за столъ. Вдругъ аббатъ чувствуетъ себя дурно, съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ, и его уносятъ. «Всю съ прованскимъ масломъ, всю съ прованскимъ масломъ», кричитъ Фонтенелль и бѣжитъ въ кухню.

Другой анекдотъ, менѣе извѣстный, еще ярче отъѣняетъ его флегму. Случай хотѣлъ, чтобы его племянникомъ былъ тотъ знаменитый г. d'Aube, который всѣмъ противорѣчилъ, со всѣми спорилъ и былъ только тогда счастливъ, когда могъ вступить съ кѣмъ нибудь въ споръ *); онъ его затягивалъ, снова начиналъ и отставалъ только при послѣдней крайности; но, впрочемъ, онъ былъ великодушень, дѣятеленъ, услужливъ, сердечень. «У меня есть племянникъ, говорилъ его дядя, съ которымъ другому легко жить, но котораго самого трудно удовлетворить». М. d'Aube постоянно ворчалъ на своего дядю. Однажды ночью, когда Фонтенелль легъ спать, начался пожаръ; въ халатѣ философа долгое время скрывалась и тлѣла искра, вылетѣвшая изъ камина и попавшая на матерію, которую она медленно сжигала. Всѣ внезапно просыпаются, общая паника, бѣготня, дѣлаются распоряженія, всѣ на ногахъ, огонь потушенъ и племянникъ ворчитъ.—«Въ самомъ дѣлѣ, дядя, какой вы странный человѣкъ! Вы хотѣли насъ всѣхъ погубить: какая невѣроятная разсѣянность! Развѣ вы не могли стряхнуть свой халатъ?»—Фонтенелль спокойно укладывался въ постель. Повернувъ голову на подушкѣ, онъ отвѣтилъ своему племяннику: «Я вамъ общаю, племянникъ, что если я еще разъ подожгу домъ, то это будетъ иначе *)».

пер. Е. Максимова.

*) См. дальше, характеръ *противорѣчивый*.

**) Philarète Chasles, *Notice sur Fontenelle*.

Критика и библиографія.

И. А. Гофштеттеръ. Генрихъ Сенкевичъ, какъ психологъ современности. Спб. 1896. Ц. 30 к.

Генрихъ Сенкевичъ—романистъ, пользующійся громкой славой не только на своей родинѣ, въ Польшѣ, но и за ея предѣлами; особенно посчастливилось послѣднимъ романамъ польскаго романиста въ Россіи; они появляются у насъ одновременно съ оригиналомъ въ нѣсколькихъ переводахъ. выдерживаютъ больше изданій, чѣмъ произведенія многихъ талантливыхъ русскихъ писателей и пользуются большимъ успѣхомъ въ средней читающей публикѣ. Фактъ этотъ слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ занятости романовъ Сенкевича, богатству ихъ фабулы, искусству интриги, т. е. тѣмъ качествамъ, которыя часто доставляютъ успѣхъ писателю, помимо литературнаго значенія его творчества. Но и съ чисто художественной стороны произведенія Сенкевича представляютъ несомнѣнно крупное явленіе и требуютъ болѣе серьезнаго изученія, чѣмъ то, которое выказалъ г. Гофштеттеръ въ своей публичной лекціи, вышедшей отдѣльной брошюрой. Г. Гофштеттеръ останавливается на двухъ центральныхъ романахъ Сенкевича: „Безъ догмата“ и „Семья Полонезскихъ“, но вмѣсто того, чтобы вывести изъ нихъ характеристику писателя, занимается исключительно вопросомъ о томъ, относятся ли герои этихъ романовъ къ положительнымъ типамъ или къ отрицательнымъ, и какая „проповѣдь“ заключается въ романахъ. Такая точка зрѣнія менѣе всего примѣнима къ Сенкевичу. Онъ принадлежитъ къ школѣ старыхъ реалистовъ, понимающихъ жизнь и людей и стремящихся отразить дѣйствительность со всѣмъ разнообразіемъ ея явленій, со всѣми типами, создаваемыми общественными условіями, не отдавая предпочтенія одному передъ другимъ. Романы Сенкевича принадлежатъ къ двумъ родамъ, имѣющимъ много общаго между собой, не смотря на кажущееся различіе: нѣсколько историческихъ романовъ, написанныхъ имъ, представляютъ эпопею отдѣльныхъ историческихъ эпохъ, т. е. повѣствованіе о жизни людей въ прошломъ, общественныхъ условій и типовъ, большихъ и мелкихъ событій, безъ всякихъ философскихъ выводовъ изъ рассказаннаго, безъ сужденій о достоинствахъ самихъ явленій, безъ морали, которую стремится навязать польскому романисту г. Гофштеттеръ. Другой типъ романовъ Сенкевича направленъ на изученіе психологіи современности и носитъ также характеръ чисто эпическій, рисуя типичныя

явленія современной жизни, но не освѣщая ихъ какимъ нибудь опредѣленнымъ философскимъ міросозерцаніемъ.

Наибольшій интересъ представляетъ второй родъ произведеній Сенкевича—его психологическіе романы: „Безъ Догмата“ и „Семья Полонезкихъ“. По внѣшнимъ рамкамъ событій и по выведеннымъ характерамъ оба романа являются картиной современной польской жизни, но психологія его героев отражаетъ общія настроенія людей нашего времени, и благодаря этому романы Сенкевича имѣютъ тотъ же документальный характеръ, какъ романы Буржэ и иныхъ представителей современнаго психологическаго романа. Критика часто сопоставляла Сенкевича именно съ Бурже, находя много общаго въ манерѣ психологическаго анализа у обоихъ писателей—на Сенкевичѣ въ самомъ дѣлѣ замѣтно отразилось вліяніе французскаго романиста, пытающагося анализировать душу современнаго безвольнаго человѣка и изучить элементы, служащіе причиной разлада. Бурже написалъ „Disciple“, чтобы показать какъ подъ искусственнымъ воздѣйствіемъ теорій развивается болѣзненная игра страстей и какъ раздваивается въ человѣкѣ его разсудочность и его порывы, созданные въ значительной степени самогипнозомъ. Сенкевичъ [видитъ причину разлада не въ какомъ нибудь опредѣленномъ ученіи, подобно Бурже, но его герой проникнуть тѣмъ же ядомъ, лишаящимъ его всякой непосредственности и заставляющимъ его заниматься постоянно экспериментами въ области чувствъ. Герой Бурже начинаетъ эту вивисекцію надъ чужой душой и остается внутренне спокойнымъ—пока самъ не втягивается въ игру, герой Сенкевича съ самаго начала является своей собственной жертвой, не будучи въ состояніи побороть въ себѣ страсть къ самоанализу и экспериментаторству. Въ остальномъ, оба романа очень схожи, какъ порожденія одной и той же эпохи, какъ отраженія одного и того же типа людей, лишенныхъ положительныхъ этическихъ критеріевъ и съѣдаемыхъ, своей разсудочностью. Герой Сенкевича—шляхтичъ. Плошовскій воспитывался и прожилъ молодость за-границей, преимущественно въ Италіи. Онъ всецѣло проникнуть западной культурой и воспринялъ всѣми нервами французскій, нѣсколько поверхностный, пессимизмъ, дѣлающій его не столько тоскующимъ искателемъ истины, какъ скептическимъ жуиромъ, трезво и умно судящимъ обо всемъ, но неспособнымъ ни на какое дѣло и ни на какое цѣльное чувство. Въ жизни онъ, не смотря на свой умъ и на свои блестящія способности—„министръ безъ портфеля“, въ области чувства у него хватаетъ лишь энергіи на то, чтобы все разрушать, а перспектива всего положительнаго, всякаго достижимаго счастья вызываетъ въ немъ протестъ. Онъ знакомится съ своей дальней родственницей, обаятельно чистой, нѣжной и прекрасной Анелей; она сразу покоряетъ его своей непосредственностью и красотой, но доступность семейнаго счастья, безхитрость дѣвушки и общее сочувствіе его ухаживанію за Анелей—будятъ въ немъ мятежный духъ. Онъ не можетъ дѣлать, то, чего отъ него ожидаютъ, и къ чему влечетъ его непосредственное чувство—и, безвольный во всемъ остальномъ, онъ употребляетъ всѣ душевныя силы, чтобы насиловать свою волю и освободиться отъ ея внушеній. Обстоятельства ему благоприятствуютъ—внезапная смерть отца въ Римѣ заставляетъ его уѣхать изъ Польши, и онъ намѣренно медлитъ потомъ вернуться, живетъ въ Италіи

прежней жизнью эпикурейца; онъ увлекается красавицей итальянкой, „язычницей“ Лаурой, какъ онъ называетъ молодую женщину, всецѣло занятую культомъ своей красоты; любовь на эстетической поделадѣѣ отвлекаетъ Плошовскаго отъ пугающаго его серьезнаго чувства къ Анели — и въ описаніи этого эпизода душевной жизни Плошовскаго, Сенкевичъ показалъ свое пониманіе новѣйшаго эстетизма, того языческаго влеченія къ красотѣ, которое вдохновляетъ современную интеллигенцію. Много красоты вложено польскимъ романистомъ въ обрисовку бездушной, носящей въ себѣ какую то тайну, Лауры; Плошовскій не отдаетъ ни одной частицы души на легкія отношенія къ красавицѣ, которой, по его убѣжденію, все дозволено, кромѣ того, что ей не къ лицу. Трагедія разлада начинается въ жизни Плошовскаго, когда, въ силу какого то душевнаго упрямства, онъ допускаетъ бракъ Анели съ немилымъ ей человѣкомъ, когда при первой встрѣчѣ съ замужней Анелей въ немъ просыпается уже вполне определенное чувство любви. Весь интересъ романа заключается въ анализѣ тѣхъ противорѣчій, которыя роковымъ образомъ возникаютъ въ душѣ современнаго извѣрившагося человѣка, „безъ догмата“, т. е. безъ идеаловъ, когда въ немъ просыпается положительное чувство, чуждое и страшное его природѣ. Сенкевичъ съ большимъ талантомъ отразилъ драму жизни своего Гамлета въ современномъ одѣянніи вплоть до трагическаго конца, до смерти героини и рѣшенія героя тоже покончить съ собой. Онъ показалъ, какъ благодаря сложности и изломанности своего героя, питомца усталой западной культуры, всякое чувство питается въ немъ только контрастами, живетъ лишь, пока въ немъ есть нѣчто недостижимое. Пока Анели можетъ стать его невѣстой, онъ почти равнодушенъ и сознательно флиртуетъ, производя эксперименты надъ неопытнымъ дѣвичьимъ сердцемъ. Встрѣча съ замужней, спокойной и твердой въ своихъ этическихъ принципахъ Анелей, возбуждаетъ въ немъ цѣлый міръ сомнѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ пробуждаетъ любовь, — а исчезновеніе мужа Анели опять на минуту погружаетъ его въ прежній мракъ, пока смерть не разрѣшаетъ запутавшихся нитей чувствъ и мыслей.

Во всемъ романѣ не проглядываетъ отношеніе автора къ своему герою. Сенкевичъ тѣмъ и отличается отъ психологовъ школы Бурже и отъ иныхъ западныхъ романистовъ, проникнутыхъ идеями Толстого, что въ немъ нѣтъ никакого догматизма. Онъ реалистъ чистой воды, для котораго важно лишь отразить психологическій моментъ, переживаемый обществомъ, не давая оцѣнки типамъ, создаваемымъ условіями времени.

То же самое можно сказать и о второмъ психологическомъ романѣ Сенкевича: „Семья Поланецкихъ“; въ немъ развертывается широкая картина современной Польши со всѣми разнообразными типами, составляющими интеллигенцію. Сенкевича упрекали за то, что онъ возвелъ въ герои пракческаго дѣльца, который, при выдающемся умственномъ развитіи и тонкой душевной организаціи, остается коммерсантомъ, спекулируетъ на экспортъ хлѣба во время голода и стремится къ матеріальному благополучію самыми заурядными путями. Но въ сущности Сенкевичъ такъ же мало возводитъ въ идеаль Поланецкаго, какъ караетъ этическій нигилизмъ современнаго поколѣнія въ героѣ „Безъ Догмата“. Поланецкій—типичный выразитель польской буржуазіи (хотя онъ и шляхтичъ по крови), и таковымъ

онъ рисуется въ романѣ Сенкевича. Наряду съ нимъ романистъ рисуетъ много типовъ новѣйшей формации, какъ людей дѣла и жизни, такъ и людей, живущихъ въ мірѣ идейномъ и интересныхъ своими настроеніями, а не своими поступками. Много новизны въ женскихъ типахъ романа, начиная героиней, Мариной, поэтической разновидностью Гретхенъ въ обстановѣ польскаго свѣтскаго общества, и до такихъ своеобразныхъ фигуръ, какъ пани Машко, молчаливая, холодная и на видъ пустая женщина, въ которой таится какое то несознаваемое ею самою величіе души.

Историческіе романы Сенкевича, въ особенности „*Quo Vadis*“, пользуются большимъ успѣхомъ, но въ литературномъ отношеніи стоятъ несравненно ниже первой категоріи. Наблюдательность, составляющая сильную сторону таланта Сенкевича, замѣняется здѣсь книжными источниками, и въ общемъ получается эффектная, но не глубокая иллюстрація императорскаго Рима и первыхъ шаговъ христіанства. Болѣе цѣнны тѣ рассказы и повѣсти Сенкевича, въ которыхъ сказывается присущій ему юморъ. Таковы его истинно-художественные „Наброски углемъ“.

Зин. Венгерова.

Алексѣй Веселовскій. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Историко - сравнительные очерки. Второе переработанное изданіе. М. 1896. Цѣна 1 р. 75 к.

„У насъ русскихъ, двѣ родины: наша Русь и Европа“, говорилъ Достоевскій. „Многое, очень многое изъ того, что мы взяли изъ Европы и пересадили къ себѣ, мы не скопировали только, а привили къ нашему организму, въ нашу плоть и кровь, иное же пережили и даже выстрадали самостоятельно, точъ въ точъ какъ тѣ тамъ, на Западѣ, для которыхъ все это было свое, родное... Всякій поэтъ-новаторъ Европы, всякій, прошедшій тамъ съ новою мыслью и съ новою силою, не можетъ миновать русской мысли, не ставъ почти русской силою“...

Эта характеристика нашихъ отношеній къ западной литературѣ, сохраняющая свое значеніе и въ настоящее время, въ еще большей степени примѣнима къ прошлому,—къ той порѣ, когда русская мысль, медленно двигаясь впередъ неровными шагами, совершенно не могла обойтись безъ опоры и руководства чужой умственной силы. Органическая, тѣсная связь нашей новой литературы съ западною явилась неизбѣжнымъ результатомъ присоединенія нашего къ обще-европейской культурѣ; идеи, добытыя на Западѣ путемъ продолжительныхъ усилій и тяжелой борьбы, не могли сдѣлаться нашимъ достояніемъ, „войти въ нашу плоть и кровь“ даромъ, безъ всякаго активнаго участія съ нашей стороны: ихъ необходимо было „пережить и выстрадать“, чтобы имѣть право пользоваться ими, какъ своею собственностью... *Wer den Dichter will verstehn, muss im Dichters Lande gehn*“, сказалъ Гете,—и къ русскимъ писателямъ эта истина примѣнима ничуть не меньше, чѣмъ къ другимъ;—не смотря на видимую идейную ихъ зависимость отъ Запада,—и даже, пожалуй, больше, потому что едва-ли найдется въ Европѣ другая литература, гдѣ печатное слово было бы тѣсно связано съ самыми завѣтными думами и стремленіями общества, какъ у насъ. Наша поэзія, въ лицѣ лучшихъ своихъ представи-

телей, всегда была и есть вполне реальною, далекою от олимпийских созерцаний и заоблачного идеализма,—как наш язык, „правдивый и свободный“, далекий от искусственного эмфазы и стилистических тонкостей; у нас ценность писателя всегда определялась его отношением къ действительности, большею или меньшею близостью къ современной жизни общества и народа. Оттого и чужія идеи, выросшія на иноземной почвѣ, у нас всегда пріобрѣтали особенный, національный оттѣнокъ,—„русскій духъ“,—или проходили и исчезали незамѣтно и безслѣдно. Этотъ національный элементъ проявлялся въ нашей литературѣ во все время ея существованія, не смотря на многочисленныя и могучія вліянія иностранных литературъ и на аристократическое общественное положеніе многихъ изъ нашихъ выдающихся писателей.

Къ этому еще можно прибавить, что, при извѣстныхъ условіяхъ исторической жизни народовъ, въ литературѣ появляются тѣ или иные образы или типы, которые переходятъ отъ одного народа къ другому вовсе не вслѣдствіе вѣшняго заимствованія или подражанія: такіе типы создаются, въ общихъ чертахъ, такъ сказать,—самимъ духомъ времени, отдѣльныя же литературы придаютъ имъ только индивидуальный характеръ и налагаютъ на нихъ свою національную печать. Такъ, напримеръ, Сень-Пре (герой „Новой Элоизы“ Руссо)—безъ всякаго сомнѣнія французъ, какъ Вертеръ—нѣмецъ; но между ними, все-таки, есть нѣчто общее, что дѣлаетъ ихъ родными братьями по духу. Поэты пессимисты—Байронъ, Мюссе, Гейне, Леопарди—создали цѣлый рядъ однородныхъ фигуръ, въ которыхъ общечеловѣческія черты соединяются съ національными, и притомъ—соединяются тѣсно и неотдѣлимо. „Гарольдовъ плащъ“ плотно, органически приросъ къ „москвичу“ Онѣгину, и плаща этого нельзя сбросить, какъ нельзя снять съ улитки облекающую ее раковину. Такого рода литературныя созданія являются необходимыми и своеобразными симптомами общаго настроенія, которое въ данную эпоху, въ большей или меньшей степени, овладѣваетъ всѣмъ мыслящимъ человѣчествомъ, независимо отъ національности; національная же литература—и русская въ томъ числѣ—въ такихъ случаяхъ ограничивается только тѣмъ, что наноситъ на международный типъ свои особенныя черты и краски, которыя дѣлаютъ представителя эпохи, „героя своего времени“, „сына своего вѣка“, въ то же время представителемъ опредѣленной народности, „сыномъ своей земли“. Отраженіе этихъ обще-европейскихъ типовъ въ русскомъ зеркалѣ и наоборотъ,—отраженіе русской жизни въ зеркалѣ обще-европейскихъ идей—вотъ что составляетъ въ высшей степени любопытный и поучительный предметъ изслѣдованія для историка нашей литературы и нашего національнаго самосознанія. Этому предмету и посвящена книга А. Н. Веселовскаго.

Книга эта—наша давнишняя знакомая. Она явилась первоначально 15 лѣтъ тому назадъ, въ видѣ ряда статей „Вѣстника Европы“,—статей, имѣвшихъ цѣлью не столько историко-литературную, сколько публицистическую: напомнить забытыя въ то время истины и показать, что западное вліяніе „не только не отдаляло нашу литературу отъ своего, народнаго дѣла, но научило ее выполнять свое общественное призваніе“. Вскорѣ затѣмъ авторъ соединилъ свои статьи въ отдѣльной книгѣ, развилъ свои

основныя положенія и придавъ сочиненію болѣе спокойный и научный характеръ. Въ настоящемъ своемъ видѣ книга является совсѣмъ заново переработанною: она стала почти вдвое больше по объему и заключаетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ ученымъ аппаратомъ цитатъ и библиографическихъ указаній, обширное вступленіе, посвященное очерку вліянія Запада на нашу старую, допетровскую литературу. Такимъ образомъ, теперь мы имѣемъ дѣло уже съ серьезнымъ, хотя и очень сжатымъ въ изложеніи, историко-литературнымъ трудомъ.

Тема, взятая и впервые въ нашей литературѣ съ извѣстною полнотою разработанная г. Веселовскимъ, такъ интересна и обширна, что для самостоятельнаго ея изслѣдованія понадобилась бы не одна небольшая книга, а нѣсколько томовъ; но авторъ не задавался цѣлью подробнаго ученаго труда; онъ далъ только общій, краткій обзоръ самыхъ выдающихся фактовъ, ограничиваясь часто одними указаніями, а иногда даже и намеками,—далъ, такъ сказать, программу, канву для будущаго изслѣдованія въ этой области, которая еще ждетъ своихъ работниковъ: „жатва многа, но дѣлателей мало“...

Поставленный географически на рубежъ между Востокомъ и Западомъ, русскій народъ съ самаго начала своей умственной жизни, естественно, долженъ былъ воспринимать вліянія того и другого. Историческая судьба приблизила насъ къ Востоку и поставила въ непосредственную зависимость отъ Византіи; но западныя окраины русской земли—Новгородъ и Псковъ—и Южная Русь, сосѣдка Польши, не были закрыты для вліянія европейскаго запада. При исключительно-церковномъ характерѣ просвѣщенія и литературы древняго періода, первые шаги самостоятельной критической мысли неизбѣжно должны были проявиться въ формѣ религиозныхъ сомнѣній и пререканій, въ формѣ религиознаго вольнодумства и ересей. Такъ случилось и въ XIV вѣкѣ—именно въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ условия умственнаго движенія, благодаря постоянному общенію съ Европой, были благопріятнѣе, чѣмъ въ остальной Россіи. Однажды пробудившаяся самостоятельная мысль, хотя бы и ложно направленная, уже не могла остановиться: движеніе, начатое новгородскими и псковскими еретиками, въ проповѣди которыхъ такъ ясно слышатся отголоски нѣмецкихъ мистиковъ эпохи „черной смерти“,—быстро перешло въ Москву и западо даже въ глухіе углы русскаго царства. Попытки самостоятельнаго, активнаго отношенія къ дѣлу вѣры идутъ непрерывнымъ рядомъ до второй половины XVII столѣтія, и тамъ впадаютъ въ широкое русло раскола. Съ другой стороны, западное вліяніе все сильнѣе и сильнѣе чувствуется въ той области нашей литературы, которая отмѣчена была названіемъ „отреченныхъ“, апокрифическихъ книгъ и для своего времени можетъ быть названа свѣтскою,—въ противоположность официально-церковной. Огромное количество этихъ „отреченныхъ“ книгъ, приходившихъ къ намъ преимущественно съ Востока или отъ южнаго славянства, начинается мало по малу принимать въ себя и элементы западнаго свѣтскаго значенія,—алхиміи, астрологіи, средневѣковой физиологіи, медицины и т. п.,—наряду съ произведеніями западной поэзіи,—монашескими легендами, рыцарскими романами, придворными повѣстями... Въ половинѣ XV столѣтія собранное въ одну руку московское государство, считая

себя прямымъ преемникомъ разрушенной Византіи, провозглашается „третьимъ Римомъ“; весьма уже замѣтное въ то время во всѣхъ областяхъ жизни западное вліяніе вызываетъ со стороны защитниковъ стараго русскаго быта опасенія за его стойкость и горячее желаніе твердо уложить его въ опредѣленные разъ навсегда рамки и удержать этотъ укладъ навсегда. Стоглавый Соборъ, митрополитъ Макарій, авторъ Домостроя и ихъ сторонники желаютъ точно опредѣлить, чего русскій человѣкъ долженъ держаться, во что вѣровать, что читать, какъ вести себя во всѣ дни и часы своего житія, чтобы оставаться неизмѣнно вѣрнымъ исконному дѣдовскому обычаю: „кая земля переставиваетъ обычи свои,—и та земля недолго стоитъ“, со страхомъ поучаютъ они. Но западное вліяніе, въ формѣ свѣтскаго знанія, „земской (земной) мудрости“, реального, жизненнаго искусства, неустанно стучится въ наши замкнутыя двери; „мстящая сила разума“ (*forza vindice della ragione*—выраженіе Кардуччи), отъ которой всѣми силами, какъ отъ сатанинскаго навожденія, стараются откеститься старозавѣтные люди,—проникаетъ всюду; среди молодого поколѣнія московскихъ людей быстро развивается стремленіе въ чужую даль, къ неизвѣданнымъ умственнымъ горизонтамъ,—и XVII вѣкъ представляетъ собою картину полнаго раскола русской жизни, обнаруживающагося не только на церковной почвѣ, но и во всѣхъ областяхъ. Черезъ Южную Русь приливаетъ къ Москвѣ волна европейскаго просвѣщенія; литература быстро утрачиваетъ свой прежній исключительно религіозный тонъ; зарождается новое искусство, свободное отъ византійской традиціи; является романъ, бытовая повѣсть, сатира, наконецъ—театръ; все это отрывочно, случайно, несвязно, но крайне ново и увлекательно,—и накануне Петра русло нашей умственной жизни уже весьма замѣтно поворачиваетъ въ другую сторону, такъ что реформатору остается только закрѣпить это новое движеніе.

Умственная исторія до-петровской эпохи съ этой точки зрѣнія, сравнительно, очень недавно сдѣлалась достояніемъ науки и представляетъ въ высшей степени интересный матеріалъ для изслѣдованія. Въ книгѣ г. Веселовскаго она лишь намѣчена немногими общими штрихами вступительной главы, такъ какъ главную задачу его труда составлялъ обзоръ западнаго вліянія въ литературѣ XVIII и XIX в. Мы не станемъ слѣдить за ходомъ его изложенія, дающаго въ мастерской группировкѣ множество интереснѣйшихъ фактовъ и указаній; отмѣтимъ только тѣ заключенія, къ которымъ приходитъ авторъ, изучая развитіе нашихъ литературныхъ связей съ Европой. Съ одной стороны, онъ видитъ въ ходѣ этого развитія какъ бы волнообразное распространеніе идей, ученій и школъ, идущее изъ умственныхъ центровъ Запада, раньше и сильнѣе отражающееся на болѣе близкихъ къ нимъ мѣстностяхъ и разбивающееся въ мелкіе брызги у нашего берега. „При Петрѣ у насъ увлекались Пуффендорфомъ, отживавшимъ уже свой вѣкъ на родинѣ, переводили старомодныя, до-моглеровскія пьесы, читали Эразма и Юста Липсіа... Ложный классицизмъ явился у насъ тогда, когда на Западѣ онъ былъ тоже совершенно распатанъ; сатирическая журналистика опоздала на полвѣка; Шиллера и Гете стали у насъ цѣнить, когда прошла добрая половина ихъ дѣятельности; Байрона мы узнали лишь за нѣсколько лѣтъ до его смерти. И вмѣстѣ съ тѣмъ, каж-

дый разъ степень интенсивности движенія ослаблялась по мѣрѣ передачи“. Такъ, просвѣтительное направленіе привело во Франціи къ перевороту, въ Германіи оставило слѣдъ въ политическомъ идеализмѣ, у насъ—дало пищу для либеральныхъ разговоровъ. Сентиментальное англійское направленіе на Западѣ дало толчокъ развитію общественнаго романа а у насъ прежде всего отразилось въ блѣдныхъ, чахлыхъ повѣстяхъ Карамзина, и т. д. Такъ это было до ближайшей къ намъ поры; и если теперь съ каждымъ годомъ становится замѣтнѣе быстрота передачи литературныхъ и научныхъ движеній, то этому порядку, строго говоря, никакъ не болѣе нѣсколькихъ десятилѣтій. Да и теперь часто бываетъ, что мы подбираемъ то, что на Западѣ уже выброшено, какъ негодный соръ: достаточно вспомнить такъ называемую „декадентскую поэзію“, отъ которой теперь во Франціи остался очень небольшой слѣдъ...

Другое заключеніе автора не менѣе справедливо и любопытно. Именно, онъ находитъ, что вступая на ту часть пути, которая только что оставлена была нашими предшественниками, мы переживали затѣмъ тѣ же стадіи, черезъ которыя они сами проходили,—и совершалось это не вслѣдствіе рабской подражательности, а въ силу нормальнаго хода народнаго развитія, повторяющагося при одинаковыхъ условіяхъ. Для примѣра авторъ проводитъ параллель между влеченіемъ галломаніей, псевдоклассицизмомъ и постепеннымъ пробужденіемъ національнаго самосознанія въ Германіи и у насъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ заимствованіе уступаетъ мѣсто ассимиляціи, усвоенію, переработкѣ,—и это сочетаніе туземнаго и пришлаго элементовъ, проникнутое народнымъ творческимъ духомъ, становится цѣльнымъ и законченнымъ національнымъ достояніемъ. Авторъ могъ бы прибавить, что во всѣхъ литературахъ, которыя, подобно нашей, начались заимствованіями и подражаніями, мы видимъ одинъ и тотъ же ходъ развитія, заключающійся въ стремленіи приблизиться къ національной жизни,—въ исканіи самостоятельныхъ творческихъ путей. Да иначе и быть не могло бы, потому что иначе литература не явилась бы отраженіемъ жизни того народа, того общества, среди котораго она развивается и которому она служитъ. Могутъ перениматься чужіе моды и вкусы, совсѣмъ не подходящіе къ данной странѣ и національности, и даже извращенные; но жить въ литературѣ остается только то, что подходитъ къ національному характеру, прививается прочно къ духу народа и языка.

Будемъ надѣяться, что почтенный изслѣдователь судебъ нашего литературнаго „западничества“ не остановится на половинѣ труда и дастъ намъ новое, болѣе полное обозрѣніе фактовъ западнаго вліянія въ древнемъ періодѣ нашей литературы.

П. Морозовъ.

Картины древне-римской жизни. Очерки общественнаго настроенія временъ цезарей. Сочиненіе Гастона Буассе. Переводъ съ французскаго Е. В. Дегена. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Петербургъ. 1896 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Это сочиненіе принадлежитъ къ тѣмъ трудамъ, которые представляютъ собою вѣчто среднее между популярной и чисто научной книгой. Гастонъ

Буасье извѣстенъ какъ знатокъ древе-римской культуры, и здѣсь онъ задается цѣлью разъяснить вопросъ, встрѣчалъ ли римскій цезаризмъ дѣйствительную оппозицію, стремившуюся вернуть Риму его прежнее республиканское устройство, или же эта оппозиція не имѣла серьезнаго значенія и относилась враждебно только къ личности того или другого цезаря, но не къ самой идеѣ императорскаго режима. Авторъ селоняется въ пользу этого послѣдняго рѣшенія, и его доказательства достаточно убѣдительны. „Цезарямъ“, говоритъ онъ (стр. 275): „не предлагали сократить свою власть или раздѣлить ее съ кѣмъ-нибудь; напротивъ, всѣ хотѣли, чтобы они сохранили ее всю цѣликомъ для поддержанія общественнаго спокойствія. Отъ нихъ требовали только того, чтобы они проявляли свою власть въ болѣе мягкой и гуманной формѣ, слушали наставленія мудрецовъ, побольше уважали прерогативы должностныхъ лицъ, чаще совѣщались бы съ сенатомъ, внимательно относились бы къ общественному мнѣнью, предоставили нѣсколько большую свободу слову и перу въ томъ убѣжденіи, что они становятся опасными только тогда, когда ихъ боятся“. Такія желанія римской оппозиціи Буасье называетъ болѣе, чѣмъ „умѣренными“. Впрочемъ, и то глупое недовольство, которое родилось въ послѣдніе годы правленія Августа и существовало при Тиверіи и его преемникахъ до самаго вступленія на престолъ дома Антониновъ, наблюдалось только въ самомъ Римѣ: въ провинціяхъ его не было, потому что, какъ это не разъ доказывалось, наиболѣе суровые для Рима императоры бережно и съ заботливостью относились къ провинціямъ и муниципіямъ, гдѣ потому и романизация шла естественнымъ путемъ, безъ всякаго насильственнаго принужденія, т. е. многія національныя особенности охотно уступали мѣсто высшей и болѣе привлекательной культурѣ. Напомнимъ здѣсь вкратцѣ, что, по свидѣтельству Тита Ливія, римлянамъ не приходилось навязывать покореннымъ народамъ свой языкъ въ качествѣ государственнаго; напротивъ, право употребленія его считалось важной привилегіей, которой провинціи домогались какъ особой милости. Такимъ образомъ Риму удалось успѣшно разрѣшить ту задачу, съ которой до сихъ поръ не могутъ справиться многія государства съ разноплеменнымъ составомъ. „Императорская власть“, говоритъ Фридендеръ (см. „Картины изъ исторіи римскихъ нравовъ“), „по крайней мѣрѣ, въ два первыя столѣтія своего существованія принесла миръ римскому государству; современники много разъ съ благодарностью признавали, что она помимо другихъ удобствъ принесла съ собою порядокъ, безопасность и правильность путей сообщенія“. Тѣ злоупотребленія, которыя позволяли себѣ проконсулы въ послѣдніе годы республиканскаго Рима, стали менѣе возможными съ улучшеніемъ дорогъ, благодаря чему провинціальныя вѣсти и жалобы довольно скоро доходили до столицы міра. По замѣчанію Буасье, даже преторы, назначенные изъ тѣхъ патриціевъ, которые въ Римѣ отличались своимъ некрасивымъ поведеніемъ, прибывъ на мѣсто служенія, точно преображались и, уѣзжая обратно съ себѣ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ управленія, оставляли въ провинціи хорошую память. Еще менѣе оппозиціонной могла быть армія: разбѣянные по границамъ имперіи легіоны въ общемъ были довольны своей участію; въ своихъ лагеряхъ, гдѣ они проводили по нѣскольку лѣтъ, отнюдь не кочуя, какъ современныя намъ войска, они устраивались какъ дома, имѣли при

себѣ семьи и хозяйство. Если впоследствии римскіе солдаты играли главную роль при низверженіи императоровъ, то за то они же и возводили новыхъ властителей, стало быть, ихъ недовольство совѣмъ не касалось самого института императорской власти.

И такъ, оппозиція, которая служитъ предметомъ изслѣдованія Буасье, существовала лишь въ самомъ Римѣ, и ея несерьезный характеръ можно доказать тѣмъ, что часто она проявлялась по поводу самыхъ незначительныхъ нарушеній старыхъ традицій, тогда какъ злодѣянія цезарей не вызвали взрыва негодованія. Такъ Неронъ, переставъ привѣтствовать сенаторовъ обычными поцѣлуями, что строго соблюдалось Августомъ, возбудилъ общее негодованіе. Дряхлое римское общество, подобно нашей домостроевской Руси, настолько изжилося, что стало упорно держаться за нѣкоторые обломки старины, уже потерявшіе свой смыслъ. Къ другимъ нападкамъ на цезарей оно не было способно. „Общественное сознаніе было еще далеко не развито, идеалы не выяснены, и людей, и средствъ, необходимыхъ для борьбы, не имѣлось“, какъ говоритъ авторъ. Дѣйствительно, сами поэты со временъ Тиверія далеко не отличаются той благородной независимостью, съ какой держалъ себя Горацій относительно Августа. Такъ мы знаемъ, что поэтъ Луканъ, авторъ извѣстной поэмы „Фарсагія“, возбудившей зависть Нерона, хоть и сумѣлъ умереть мужественно, но раньше, пытаясь спасти себя, донесъ императору на свою родную мать, замѣшанную въ заговоръ Пизона. Не лучше держалъ себя, какъ извѣстно, и философъ Сенека, написавшій для своего ученика оправдательную рѣчь по поводу убійства Агриппины. Вообще философы-стоики по самой сущности своего ученія не выказывали дѣятельнаго сопротивленія злу; въ лучшемъ случаѣ, они только не позволяли окружающей грязной дѣйствительности пачкать себя и, величественно завернувшись въ тогу, отворачивали отъ нея свои лица. Сенека настойчиво совѣтывалъ своимъ друзьямъ удалиться отъ свѣта, хотя ему самому это и не удалось. Философія, учившая главнымъ образомъ, умирать, не могла быть опасной для цезарскаго режима: не противъ него протестовали стоики своимъ ученіемъ и образомъ жизни, а противъ разврата и излишествъ двора, чѣмъ и возбуждали ненависть императоровъ.

Мы видимъ, что оппозиція не выражалась открыто, и оппоненты цезарей не составляли плотной политической партіи. Тѣмъ не менѣе ихъ было не мало среди представителей древнихъ аристократическихъ фамилій, но только у немногихъ изъ нихъ (Тразеа, Соронъ) хватало мужества для открытаго выраженія своихъ мнѣній. Оппозиціонное движеніе было раздѣлено доносчиками, размножившимися при дурныхъ императорахъ, и Буасье дѣлаетъ интересное замѣчаніе, что они вербовались не только изъ низшихъ слоевъ общества, но и изъ адвокатскаго сословія: такіе сифофанты пользовались доносомъ, какъ средствомъ проявлять свое софистическое краснорѣчіе и на развалинахъ чужого очага и чужой чести составить себѣ состояніе.

Всего скорѣе враждебная правительству партія могла проявить себя въ литературѣ, почему авторъ старательно ищетъ слѣдовъ оппозиціи въ поэтическихъ произведеніяхъ I вѣка по Р. Х., но оказывается, что въ нихъ она ограничивается намеками въ родѣ тѣхъ, которые мы находимъ

въ трагедіяхъ Сенеки. Забѣтимъ здѣсь, что Буасье считаетъ философа Сенеку и одноименнаго съ нимъ драматурга за одно и то же лицо, хотя многіе оспариваютъ это тождество. Противъ такого авторства Сенеки говорятъ кровожадность и грубость этихъ трагедій, не совмѣстныхъ съ тонкимъ умомъ философа. Во всякомъ случаѣ, одна изъ 10 приписываемыхъ Сенекеѣ пьесъ, именно „Октавіа“, вѣроятно, написана его однофамильцемъ, жившимъ позже извѣстнаго стоика, такъ какъ здѣсь встрѣчаются намеки на событія, случившіяся уже послѣ смерти Сенеки.

Отыскивая оппозиціонную струю въ сочиненіяхъ знаменитыхъ писателей I вѣка, Буасье подробно останавливается на Овидіи, и эти главы принадлежатъ къ самымъ интереснымъ въ книгѣ. Причины ссылки Овидія до сихъ поръ еще мало изслѣдованы, но авторъ очень убѣдительно доказываетъ, что Августъ вымещалъ на Овидіи свои собственныя семейныя несчастія, дурное поведеніе дочери и внучки. Августъ напрасно стремился возстановить въ римскомъ обществѣ древнюю чистоту нравовъ, и его самолюбіе было уязвлено, когда всѣ его усилія разбились о легкомысліе его ближайшихъ родственницъ, которыя по своему высокому положенію должны были бы служить примѣромъ для остальныхъ римлянокъ. Овидій былъ замѣшанъ въ любовную интригу Юліи младшей, за что и пострадалъ. Въ этомъ поэтѣ мы видимъ олицетвореніе высшаго римскаго общества той эпохи. Овидій—поэтъ свѣтскихъ людей; онъ талантливъ и изященъ, но высокомернаго въ немъ нѣтъ ничего; это безнравственный и пустой человѣкъ, который въ несчастіи совсѣмъ падаетъ духомъ; онъ льститъ Августу до приторности и унижается предъ своей второй женой, которой онъ не любилъ, но въ изгнаніи о ней вспомнилъ, потому что, благодаря своей близости къ Ливіи, супругѣ Августа, она могла быть полезна мужу. Изъ сказаннаго видно, что причины опалы Овидія были чисто личныя, и политическимъ врагомъ Августа онъ быть не могъ по самому направленію своей поэзіи. Не менѣе интересенъ этюдъ о Петроніи, этомъ замѣчательномъ типѣ римлянина-эпикурейца времянь упадка. Съ какой цѣлью, спрашиваетъ себя авторъ, Петроній, этотъ блестящій, остроумный аристократъ, вздумалъ изобразить въ своемъ *Satiricon* жизнь людей простыхъ и грубыхъ? Не странно ли это со стороны баловня общества, законодателя модъ и цѣнителя всего изящнаго? Правда, нѣтъ прямыхъ доказательствъ, что именно Петроній авторъ этого бытового романа, но Буасье считаетъ это очень возможнымъ. Нельзя только согласиться съ его предположеніемъ, что Петроній написалъ эту вещь въ угоду Нерону, который, прельщенный удовольствіями и роскошью, изъ празднаго любопытства и особой извращенности любилъ иногда заглядывать въ чуждый для него міръ римскаго простонародья. Петроній, какъ онъ представляется намъ, былъ слишкомъ безпеченъ, чтобы писать изъ угожденія цезарю, и слишкомъ хорошо зналъ, что минутное удовольствіе, которое онъ доставляетъ Нерону, не-на-долго спасетъ его; онъ былъ черезчуръ замѣтной личностью, чтобъ остаться въ живыхъ въ это время римскаго террора. Неронъ не щадилъ такихъ выдающихся людей, что онъ и доказалъ, погубивъ Сенеку и Лукана. Петроній изъ жажды контраста былъ не прочь самъ заглянуть въ эту среду вольноотпущенныхъ и мелкихъ людей и, какъ слѣдовало ожидать, отнесся къ нимъ свысока, съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства.

Даже относительно сурового Тацита, произнесшаго такой строгій судъ надъ нѣсколькими императорами, Буасье утверждаетъ, что онъ не былъ убѣжденнымъ республиканцемъ. Восшествіе на престолъ Траяна Тацитъ назвалъ „зарей счастливаго вѣка“, и, по мнѣнію автора, эти слова показываютъ намъ, „что при самыхъ дурныхъ императорахъ Тацитъ не ждалъ и не желалъ ничего другого, кромѣ восшествия на престолъ хорошаго государя“. Напомнимъ при этомъ читателямъ, что профессоръ Модестовъ въ своемъ изслѣдованіи о Тацитѣ сходится въ этомъ вопросѣ съ Буасье; онъ говоритъ, что знаменитый римскій историкъ и не мечталъ о возстановленіи республики, но гарантіей свободы считалъ ненарушимость правъ сената, который ставилъ бы должныя границы принципату.

Въ Ювеналѣ также Буасье не желаетъ видѣть противника цезаризма: онъ называетъ его неудачникомъ, „злоба котораго была результатомъ не выработанной системы, а желчнаго темперамента“. Въ этомъ опредѣленіи Буасье не вполне правъ: Ювеналъ не могъ примкнуть къ республиканской партіи, потому что такой партіи тогда не было, но его сатира не только результатъ темперамента и личныхъ неудачъ: для этого въ ней слишкомъ много печали и благороднаго негодованія. Можно скорѣе согласиться съ Благовѣщенскимъ, который въ своихъ лекціяхъ о Ювеналѣ сказалъ слѣдующее: „Если сатира Ювенала и не выдерживаетъ строгой эстетической критики, это нисколько не мѣшаетъ намъ глубоко чтить его, какъ писателя, который въ эпоху полнаго нравственнаго паденія цѣлой, когда-то великой, націи умѣлъ сохранить въ душѣ чувство чести и правды и завлѣчилъ въ своихъ сатирахъ вѣчнымъ позоромъ Домиціана и его вѣкъ“.

Теперь является вопросъ, почему императоры такъ страшились этой неопасной, едва намѣченной оппозиціи. По словамъ автора, эта подозрительность объясняется тѣмъ, что римская имперія была режимомъ двойственнымъ, въ которомъ республиканскія формы прикрывали вполне абсолютную власть; оставался призракъ свободы, и онъ пугалъ цезарей.

Познакомивъ читателей съ основными положеніями книги Буасье, замѣтимъ, что и самый переводъ сдѣланъ удовлетворительно. Попадаются неудачныя выраженія въ родѣ „доносничества“, „заговорщицкій“, но они не мѣшаютъ общему хорошему впечатлѣнію.

Н. Леонтьева.

Дж. Ингрэмъ. Исторія рабства отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ. Переводъ З. Журавской. (Съ дополненіями изъ трудовъ Васелона, Турмана, Рамбо и Лависса, въ переводѣ Новоборской). СПб. 1896. 334 стр. Ц. 1 р. 25 к. Изд. О. Н. Поповой.

Въ предисловіи къ настоящей книгѣ авторъ ея говоритъ, что, не имѣя въ виду давать художественное и драматическое изображеніе событій, которое историки прежде ставили себѣ цѣлью, онъ постарался, не вдаваясь въ подробное описаніе фактовъ,—объяснить законы социальнаго развитія народовъ и прослѣдить ихъ на одномъ изъ его факторовъ, на переходѣ отъ рабства древнихъ временъ къ современной системѣ свободнаго труда. Цѣль, которую поставилъ себѣ авторъ, имъ не достигнута. Ингрэму не удалось выяснить своего отношенія даже къ такому основному вопросу, какъ

напримѣръ, тотъ, какова была основная причина измѣненій въ характерѣ зависимости низшихъ классовъ. Повидимому, авторъ стоитъ ближе всего къ точкѣ зрѣнія экономическаго материализма: факторомъ строгаго законодѣрнаго развитія социальнаго отроя общества онъ считаетъ тѣ экономическія условія, въ которыхъ находится данное общество. Во всякомъ случаѣ эта точка зрѣнія у него выдержана далеко не вездѣ. Во многихъ главахъ изложеніе исторіи тѣхъ видоизмѣненій, которыя пережиты рабствомъ въ отдѣльныхъ странахъ, носитъ характеръ конспекта, чуждаго всякаго освѣщенія. Самый историческій процессъ, путемъ котораго рабство, прежде чѣмъ окончательно уничтожиться, переходитъ въ другія, болѣе мягкія, формы зависимости, охарактеризованъ Ингрэмомъ весьма неясно.

Авторъ считаетъ настоящую свою книгу полною исторіею рабства и утверждаетъ, что будетъ весьма удивленъ, если ему укажутъ какую либо ошибку въ изложеніи фактовъ (стр. 3). Какъ на довольно существенный пробѣлъ можно указать на то, что напр. о рабствѣ въ Германіи ничего не говорится, — рассказывается только о крѣпостномъ правѣ.

Чтобы не указывать многочисленныхъ ошибокъ въ другихъ мѣстахъ книги, для русскаго читателя менѣе интересныхъ, приведемъ только мнѣніе Ингрэма, относящееся возникновеніе крѣпостнаго права въ Россіи къ восемнадцатому вѣку (стр. 235).

При всѣхъ этихъ недостаткахъ книга читается съ интересомъ, иногда вполне оправдываемымъ тѣми достоинствами изложенія, отъ которыхъ авторъ отрекается въ своемъ предисловіи: мѣстами онъ даетъ характеристику положенія рабовъ, полную типическихъ подробностей, рельефную, иногда даже прямо художественную. О законодательствѣ Рима о рабахъ, о томъ положеніи, въ которомъ эти послѣдніе находились въ дѣйствительности, читатель получаетъ массу содержательныхъ свѣдѣній въ эффектномъ, и какъ намъ кажется, безусловно правильномъ освѣщеніи.

Другою частью книги, тоже полною интереса, и точно также въ силу не философскихъ социологическихъ изысканій автора, а по содержательности и драматизму излагаемыхъ имъ фактовъ, являются главы о рабствѣ негровъ въ Америкѣ. Возникшій по инициативѣ гуманѣйшаго Ласъ Казаса, епископа тьянскаго, руководившагося при этомъ горячею любовью къ людямъ, ввозъ негровъ въ Америку, конечно, займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ длинной исторіи страданій рода человѣческаго. По мнѣнію Ласъ Казаса, работа, къ которой европейцы принуждали индѣйцевъ, отъ нея умиравшихъ ежегодно сотнями тысячъ, должно было быть гораздо легче для негровъ, вообще болѣе выносливыхъ. Дальнѣйшая исторія какъ самаго рабства, такъ и попытокъ къ его уничтоженію, вся представляетъ огромный интересъ. Ингрэмъ съ любовью останавливается на той роли, которую Англія сыграла въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ, забывая при этомъ, что вплоть до самаго конца XVIII вѣка англійское правительство домогалось только одного: чтобы торговля неграми была признана исключительнымъ правомъ англійскихъ купцовъ, а не такъ еще давно, когда въ Соед. Шт. Сѣв. Америки разгорѣлась изъ за освобожденія негровъ одна изъ самыхъ ожесточенныхъ и разорительныхъ войнъ, — т. н. междоусобная война 63—64 г., Англія весьма недусмысленно стала на сторону Штатовъ, не

соглашавшихся на отміну рабства. Весьма видное и симпатичное участие Англія принимала во всѣхъ международныхъ мѣрахъ, направленныхъ къ стѣсненію вывоза невольниковъ изъ Африки, главнымъ образомъ путемъ приравненія этой торговли морскому разбою и назначенія въ Атлантическій Океанъ эскадры изъ военныхъ кораблей разныхъ націй для осмотра подозрительныхъ судовъ и задержанія тѣхъ, на которыхъ окажутся невольники.

Описаніе исторіи этихъ международныхъ мѣръ и уничтоженія невольничества въ американскихъ государствахъ вообще удалось Ингрэму и читается съ интересомъ.

Русскій переводъ настоящей книги снабженъ вставками, взятыми изъ другихъ писателей по вопросу о рабствѣ. Многія изъ сдѣланныхъ добавленій весьма содержательны и конечно увеличиваютъ достоинства настоящей книги. Можно только пожалѣть, что нѣкоторыя мысли Ингрэма почти буквально повторены во вставкахъ. Такія повторенія только скучны (ср. напр. стр. 50 и 51; 56 и 59, 63 и 67, 64 и 68 и т. д.); есть мысли повторяемыя дважды на той же страницѣ (стр. 74 о томъ, что какъ говорятъ, въ Сициліи хозяевъ поощряли грабежи, совершаемые рабами). Иногда въ вставкахъ голословно отрицается то, что не менѣе голословно утверждается Ингрэмомъ (ср. стр. 25 выноски и стр. 35): отъ книги, такъ редактированной, читатель выноситъ какое то странное впечатлѣніе.

Н. Лазаревскій.

Ренанъ какъ человѣкъ и писатель. Критико-біографическій этюдъ. С. Ф. Годлевскаго. Съ портретомъ Ренана. Спб., 1895. Цѣна 1 руб.

„Идеалу можно служить: дѣлая добро, открывая истину, воплощая красоту. Во главѣ прогрессивнаго движенія человѣчества идетъ человѣкъ добра, человѣкъ добродѣтельный; второе мѣсто принадлежитъ человѣку истины, ученому, философу; затѣмъ слѣдуетъ человѣкъ красоты, художникъ, поэтъ“. Эти слова принадлежатъ Ренану (Saint-Paul, стр. 567), и они кратко и рельефно указываютъ на то, какъ смотрѣлъ ихъ авторъ на смыслъ общечеловѣческой жизни и на свою дѣятельность. Добро, истина, красота—вотъ три слова, въ которыхъ формулировался для него весь смыслъ жизни. Всѣ три понятія относятся къ сферѣ нравственныхъ отношеній; матеріальное исключается, игнорируется. Ренанъ принадлежалъ къ числу лицъ, для которыхъ жизнь духа, культъ духа является главнымъ и, пожалуй, единственнымъ дѣломъ жизни. Кабинетъ съ массой книгъ и столы, заваленные работами, матеріалами,—это область ихъ практическаго соприкосновенія съ дѣйствительностью. Когда человѣкъ уходитъ въ эти тѣсно очерченныя рамки реальной жизни, когда его собесѣдниками являются эти глаголющіе мертвецы, которые называются книгами, мысль напрягается страшно, точно сжатая сильно пружина, она расправляется, расширяется и — вотъ, какъ бы свободная, уносится въ безпредѣльное пространство, къ источнику всего... Сосѣдство вѣчныхъ истинъ и безвѣчнаго возвышаетъ мысль безмѣрно. но и лишаетъ точки опоры. Неудо-

влетворенная конечнымъ земли, ограниченностью знанія, стремившагося къ абсолютному свѣту и точному знанію, мысль, какъ бы съ подстѣченными крыльями, падаетъ снова на землю. Все на землѣ осталось прежнимъ, она также презираетъ ее, стремится съ нея... Но тамъ, въ этой безграничной выси, куда она неслась въ чаяніи; что вотъ-вотъ—и она будетъ у цѣли,—тамъ есть ли что нибудь? Достижима ли, вообще, цѣль жизни? Здѣсь начало того всеобъемлющаго, если можно выразиться, мірового скептицизма который ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ мелкимъ, обыденнымъ скептицизмомъ излѣнившимся, если можно выразиться, не возвышеннаго ординарнаго ума, который скорѣе боится вопроса, а не сомнѣвается въ возможности его постановки. Жизнь есть долгъ, и этотъ долгъ выражается въ стремленіи къ идеалу. Это такъ. Но пристаётъ неотвязное сомнѣніе,—этотъ то идеаль, не есть ли онъ лишь созданіе твоего ума, да и самый то умъ что такое?.. Это состояніе для слабаго ума гибельно, имѣетъ роковое значеніе, но для духа сильнаго, мощнаго оно не имѣетъ значенія смерти; оно похоже на состояніе неизлѣчимой болѣзни. Духъ сильно просвѣтляется, напрягается, но воля слабѣетъ. На губахъ появляется слабая и снисходительная, благожелательная улыбка, взоръ утомленно-напряженный. Такая духовная фізіономія обладаетъ чарующей красотой, обаятельной прелестью. Но она лишена мощи и силы и исключаетъ возможность активнаго участія въ окружающей жизни. Такой всеобъемлющій скепсисъ ведетъ за собой пассивность и производитъ то всепрощающее и примирительное настроеніе, которое выражается въ гражданскихъ отношеніяхъ политическимъ индиферентизмомъ. Это высокіе, обаятельные, неотразимо дѣйствующие умы, но плохіе граждане. Таковъ былъ Ренанъ. Послушаемъ, однако, его самого.

«Характерной чертой для европейскихъ великихъ людей является то, что они, въ извѣстныхъ минуты, соглашаются съ Эпикуромъ, въ томъ отношеніи, что, въ самый разгаръ работы и успѣховъ, ими овладѣваетъ разочарованіе и раздумье:—да стоило ли столькихъ жертвъ то дѣло, которому они служили. Многие, въ пылу дѣятельности, находятъ смѣлость признаться, что мудрымъ становишься въ тотъ моментъ, когда, освободившись отъ всякихъ заботъ, отдаешься наслажденію въ созерцаніи природы. Очень немногіе, по крайней мѣрѣ, избавляются отъ позднихъ сожалѣній. Пожалуй, нѣтъ ни одной, отрешившейся отъ міра, личности, священника, монахини, которая бы, въ пятьдесятъ лѣтъ, не оплакивала своего обѣта, и тѣмъ не менѣе не сохраняла его непркосновенно. (L'Antechrist, стр. 101—102). „Мы не понимаемъ интеллигентнаго человѣка безъ небольшой дозы скептицизма; мы любимъ, когда добродѣтельный человѣкъ, время отъ времени, говорить: „Добродѣтель, ты звукъ пустой“; не велика заслуга того, кто слишкомъ увѣренъ, что добродѣтель будетъ вознаграждена; его добрыя дѣла являются не болѣе, какъ выгоднымъ помѣщеніемъ капитала“ (ibid., стр. 102). „Подобнаго явленія не бывало на Востоку; только наша раса способна осуществлять добродѣтель безъ вѣры, сочетать сомнѣніе съ надеждой“ (стр. 103). Въ знаменитой „Жизни Иисуса“, мы найдемъ массу аналогичныхъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ, размышлений и афоризмовъ, къ которымъ авторъ постоянно возвращается и въ другихъ своихъ трудахъ. Да, величавое и необыкновенное, единственное въ своемъ родѣ, зрѣлище представляетъ высокій умъ, среди безысходнаго разочарованія и глубокаго

всепроницающаго скепсиса, находящій точку опоры въ самомъ себѣ, и только въ самомъ себѣ и непоколебимо, въ теченіе долгой жизни, выполняющій долгъ своей жизни, безъ надежды на конечное счастье, на награду...

Ренанъ родился и выросъ въ средѣ глубоко-религіозныхъ и благочестивыхъ людей, воспитывался въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и готовился къ духовной карьерѣ. Соприкосновеніе съ великими умственными теченіями эпохи и общеніе съ выдающимися умами того времени, съ одной стороны, а съ другой—близкое знакомство съ первоисточниками еврейской исторіи и научныя занятія въ этой области, произвели переворотъ въ его міросозерцаніи. Выдающимся элементомъ научнаго мышленія того времени явилась идея развитія, эволюціи, легшая въ основу всѣхъ наукъ. Ренанъ усвоилъ эту идею и положилъ ее въ основу своихъ историческихъ изученій. Вся исторія, весь міръ являлись для него въ безконечномъ и необъятномъ процессѣ развитія. Начиная съ космологическихъ процессовъ, это развитіе проходитъ черезъ стадіи неорганической и органической жизни, достигаетъ высшей ступени въ сферѣ сознательныхъ процессовъ реализующихся въ умѣ человѣка. Но послѣдняя стадія не представляется цѣлостной и законченной. Надъ индивидуальнымъ сознаниемъ развивается сознание коллективное, сознание общества, народа, сознание всего человѣчества. Порвавъ съ вѣрованіями и представленіями молодости, Ренанъ не утерялъ, однако, глубоко заложенной въ него потребности вѣры, религіозныхъ эмоцій; его духъ рвался изъ ограниченныхъ рамокъ обыденности изъ тѣсныхъ предѣловъ научнаго мышленія. И въ стремленіи заполнить душевную пустоту, найти точку опоры, которая дада бы возможность возмѣстить ясное, но безвозвратно утраченное міросозерцаніе дѣтства, онъ обратился къ наукѣ, къ философіи, и искалъ отвѣта въ упомянутомъ ученіи объ эволюціи. Ренанъ не могъ помириться ни съ ограниченностью познанія, ни съ конечностью сознательной жизни. Идея безконечнаго развитія, повидимому, могла дать нѣкоторую опору. Если сознательная жизнь не замыкается въ границахъ индивидуальнаго существованія, если эта жизнь развивается въ сознание коллективное, если все человѣчество идетъ къ осуществленію глубокой гармоніи въ единствѣ познанія, то, при нѣкоторомъ усиліи мысли, можно было сдѣлать шагъ и дальше: представить всю вселенную въ безконечномъ и неизмѣримомъ процессѣ выработки міроваго познанія. Въ этомъ познаніи цѣлаго, всего (*du tout*), словно камни въ морѣ, сольются индивидуальныя познанія; а такъ какъ ни пространство, ни время не должны ставить границы этому міровому всеобщему познанію, то и тѣ индивидуальныя познанія, которыя существовали сотни, тысячи, миллионы лѣтъ назадъ, должны также участвовать въ этомъ всеобщемъ познаніи. Въ этомъ величавомъ и смѣломъ полетѣ мысли умъ Ренана какъ бы находилъ успокоеніе отъ гнеущей мысли небытія. Не только исторія человѣчества, но и жизнь природы пріобрѣтаетъ, въ силу этой идеи, замѣчательную законченность, стройность и глубокую осмысленность. Можно указывать на гипотетичность этой идеи, но нельзя отрицать ея плодотворности въ примѣненіи къ изученію исторіи. Отсюда же становится понятной пропаганда Ренаномъ умственной, научной дѣятельности, просвѣщенія, его стремленіе создать не только изъ всей

мыслящей Франціи, его отечества, но изъ всего человѣчества „одну армию, работающую общими силами на пользу науки, разума цивилизациі“. (См. *Feuilles détachées*, и др. соч.).

Н. Карѣвъ. Историческое міросозерцаніе Грановскаго. С.-Петербургъ. 1896. Ц. 40 к. (Доходъ съ изданія поступить въ кассу Общества вспомош. студентамъ Спб. ун—та).

Брошюра проф. Карѣва представляетъ рѣчь, произнесенную имъ на торжественномъ актѣ въ СПб. Университетѣ, 8 февраля этого года. Носить она на себѣ всѣ характерныя черты литературной физиономіи этого профессора, не разъ уже отмѣчавшіяся критикой. Произведенія г. Карѣва расходятся въ весьма большомъ числѣ и не одномъ изданіи; рѣдкій писатель можетъ имѣть у насъ такой колоссальный сбытъ своихъ произведеній. Эти произведенія, съ другой стороны, отвѣчаютъ глубокой потребности общества и изблѣчаютъ въ авторѣ серьезную общественную чуткость. Этого мало. Громадная эрудиція ученаго и солидное, широкое образование запечатлѣны гуманностью и прогрессивностью, ставящими почтеннаго профессора въ рядъ самыхъ передовыхъ общественныхъ дѣятелей послѣдняго времени. И, вмѣстѣ съ этимъ всеѣмъ, мы ни разу не имѣли случая слышать, чтобъ кто-нибудь горячо или просто, безъ всякихъ оговорокъ, похвалилъ автора.

Чѣмъ объяснить такое странное противорѣчіе, такую непопулярную популярность, если позволительно такъ выразиться?

При чтеніи брошюры „Историческое міросозерцаніе Грановскаго“, намъ невольно напрашивалось сравненіе Грановскаго и г. Карѣва, 40-хъ годовъ съ настоящимъ временемъ. Сопоставленіе это весьма поучительно. Какое замѣчательное, въ самомъ дѣлѣ, сходство въ состояніи общественной жизни! Та же сѣрая жизнь, отсутствіе въ обществѣ жизненной напряженности, пригнетенность, тотъ же упадокъ энергіи и нравственности, столь характерныя для этихъ реакцій.... И на фонѣ этой сѣрой, тоскливой обстановки разрозненная дѣятельность отдѣльныхъ лицъ и небольшихъ группъ.

Г. Карѣвъ стоитъ въ позиціи Грановскаго. Оба профессора-ученые, проникнутые глубокимъ сознаніемъ своихъ общественныхъ обязанностей: г. Карѣвъ, какъ Грановскій, не можетъ уйти въ тишину кабинетной жизни и, забывъ о реальномъ мірѣ, посвятить свою жизнь хотя и великому, но и въ сущности, эгоистическому труду. Долгъ жизни не только трудъ, но и трудъ на благо своимъ ближнимъ. „Въ произведеніяхъ Грановскаго,—говоритъ г. Карѣвъ,—мы встрѣчаемся съ мыслью о томъ, что каждое историческое сочиненіе, особенно у насъ, лишенныхъ самаго необходимаго, должно оправдывать свое появленіе важностью своего содержанія“. *) Эта мысль есть и мысль проф. Карѣва, которую онъ проводитъ всюду—въ сочиненіяхъ, на лекціяхъ, на диспутахъ.... Но большая разница между двумя этими личностями. Ни страстныхъ враговъ, ни пыл-

*) Стр. 49,—см. все это разсужденіе о союзѣ науки съ жизнью, о пониманіи Грановскимъ общественную полезность науки и т. п.: ср. стр. 2 и *passim*.

ких поклонников нѣтъ и не будетъ у г. Карѣва; никто не будетъ плѣненъ „обаяньемъ“ его личности, и не создается школы его послѣдователей. Г. Карѣвъ указываетъ, что союзъ науки и этики въ міросозерцаніи Грановскаго былъ „одною изъ причинъ его обаятельнаго дѣйствія на слушателей и читателей“ *). Именно лишь *одною изъ причинъ*. Обаятельность личности Грановскаго создали другія причины. Главною изъ нихъ была самая натура Грановскаго. „О, если бы ты былъ холодець или горячъ!“ восклицала религиозный энтузіастъ 1-го вѣка. Это восклицаніе вѣчно, какъ вѣчна природа, какъ сердце человѣческое. Грановскій былъ „горячъ“, и его огонь способенъ былъ зажигать сердца, согрѣвать ихъ бодрой надеждою и горячей вѣрою. Это свойство запечатлѣлось и на его сочиненіяхъ, обусловило „обаятельное вліяніе“ и на читателей. Вотъ этой-то черты и нѣтъ у проф. Карѣва. Замѣчательная холодность, почти безстрастіе характеризуетъ всѣ произведенія нашего ученаго. Ни страстнаго восклицанія, ни художественнаго образа: одинъ строгій и сдержанный разсудокъ! Трактуетъ брошюра — рѣчь, въ коихъ принято дозволить лирическія изліянія; но она—также спокойна, если не сказать—суха. Насъ почти удивило, даже обрадовало слѣдующее мѣсто на стр. 43: „Какою-то тихою грустью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и бодрящею вѣрою въ добро вѣтеть на насъ тутъ отъ историческаго міросозерцанія Грановскаго. На его чуткую впечатлительную душу не могло не дѣйствовать зрѣлище человѣческихъ слезъ и страданій, зрѣлище разбившихся надеждъ и даромъ потраченныхъ усилій зрѣлище пораженія добрыхъ и торжества злыхъ, но въ то же время, какъ историкъ, онъ не могъ не видѣть прогресса, осуществляемаго исторіей человѣчества“. Это единственное мѣсто, проникнутое проблемскою чувствомъ; оно обязано своимъ появленіемъ на свѣтъ „горячему“ Грановскому; послѣдняя фраза объ „осуществляемомъ прогрессѣ“ уже значительно расхоложиваетъ тонъ предъидущей тирады, которая осталась какъ будто благодаря недосмотру автора. Г. Карѣву не дано „глаголомъ жечь сердца людей“. А это для него большое несчастіе и большая потеря для публики. Одного разсудка, одной эрудиціи и гуманнаго желанія быть полезнымъ—недостаточно. Надо быть не только ученымъ, но и человѣкомъ. Иногда одна красивая, горячая фраза стоитъ страницъ добросовѣстнаго трактата, даетъ больше читателю. Манера г. Карѣва все разъяснить, растолковать, не оставить не „разжеваннаго“ мѣста—едва ли достигаетъ цѣли. Она утомляетъ читателя длиннотами и ничего не оставляетъ для самостоятельной работы ума. А, вѣдь, нѣтъ общей, объективной истины, всякій ее понимаетъ и ищетъ на свой ладъ. Не пророкомъ, не вѣщателемъ ея надо быть, а помощникомъ въ поискахъ...

Въ данной брошюрѣ г. Карѣвъ примѣняетъ въ трактуетому предмету свою обычную манеру. Весь матерьялъ у него тщательно распредѣленъ по пунктамъ. Одинъ и тотъ же текстъ часто обрѣтается въ нѣсколькихъ мѣстахъ. И это не простое повтореніе, не словоохотливость. Почтенный профессоръ все строго распредѣлил по рубрикамъ; всѣ характерные элементы и черты размѣстилъ на карты и тщательно разнесъ послѣднія по рубрикамъ. Въ одномъ текстѣ нашлось нѣсколько чертъ, и онъ оказался

*) Стр. 50.

на нѣсколькихъ картахъ и подъ нѣсколькими рубриками. Конечно, послѣднее обстоятельство не можетъ придать жизненности изложенію. Поэтому рѣчь носить блѣдный и сухой характеръ, столь не идущій къ рѣчамъ.

Кто пожелалъ бы познакомиться съ элементами историческаго міросозерцанія Грановскаго, тотъ найдетъ въ брошюрѣ г. Карѣва вполне обстоятельную, надежную, добросовѣстно выполненную работу; но кто бы пожелалъ составить себѣ живое и цѣльное представленіе объ этомъ міросозерцаніи, тому, по брошюрѣ г. Карѣва, это сдѣлать трудно.

Ник. Козьминъ.

Жанъ Жакъ Руссо. Эмиль или о воспитаніи. Переводъ П. Первова
Съ портретомъ Руссо и статьей о его жизни и произведеніяхъ.

Педагогическая бібліотека издаваемая К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ. М. Стр. 651+XL, ц. 3 р. 50 к.

Воспитаніе это предметъ, который будетъ всегда занимать всѣхъ, пока существуетъ человѣческій родъ. Вопросы воспитанія близки, вѣрнѣе должны быть близки почти всѣмъ, ибо у всѣхъ есть дѣти, если не свои, то хоть чужіе, наконецъ всѣмъ случается приходить въ соприкосновеніе съ дѣтьми. Воспитаніе—задача общественная, а между тѣмъ пока оно носитъ этотъ характеръ не всюду и далеко не всѣ понимаютъ, какое громадное значеніе оно имѣетъ въ дѣлѣ счастья и несчастья каждой человѣческой жизни. Не смотря на то, что каждый изъ насъ былъ въ свое время ребенкомъ, очень мало, однако, людей, которые вынесли изъ воспоминаній и наблюденій надъ собою въ дѣтскихъ годахъ хоть какое нибудь представленіе о душѣ ребенка, о томъ, какъ обходиться съ его маленькими, но нарастающими чувствами, съ его маленькимъ, но развивающимся умомъ. Всякому почти приходилось въ дѣтствѣ страдать отъ небрежнаго, невнимательнаго или даже злобнаго отношенія къ нему взрослыхъ. Всякій изъ насъ въ то время, если не понималъ, то по крайней мѣрѣ чувствомъ хотѣлъ иного болѣе любовнаго отношенія. И тѣмъ не менѣе сколько людей, которые выросши стали, напримѣръ, учителями или воспитателями и снова наносятъ маленькимъ людямъ рядъ оскорбленій, продѣлываютъ надъ ними глупыя и жестокія шутки, терзаютъ его нелѣпыми приемами обученія и воспитанія, отъ которыхъ сами же жестоко терпѣли въ дѣтствѣ. Они восприняли потомъ всѣ тупыя ходячія мнѣнія и усвоили, большею частью, по лѣности, изъ желанія отдѣлаться отъ всего какъ нибудь и поскорѣе, установившіяся правила рутинны, не видя, что изъ за этого новое поколѣніе опять попадаетъ въ старыя условія развитія, и зло, господствующее въ мірѣ, продолжаетъ течь по старому руслу. Немного такихъ людей, которые вынесли изъ своего дѣтства нѣчто продуманное и новое, еще меньшее количество изъ нихъ попадаетъ въ педагоги, наконецъ, единицы изъ этихъ педагоговъ, понимая всю сумму несовершенствъ господствующаго воспитанія, умѣютъ проложить въ общество дорогу новымъ мыслямъ и хотъ надѣются отвести рутину съ ея привычной и любезной колен. Такихъ педагоговъ является всего нѣсколько человѣкъ въ цѣлое столѣтіе. Если мы еще вспомнимъ, что всякая рутина умѣетъ цѣпко держаться за свои привилегіи, знаетъ множество путей, чтобы обезпечить себѣ покой, то мы

увидимъ, что дѣятельность этихъ педагоговъ превращается въ мучительную борьбу, тѣмъ болѣе благородную, что они стоятъ одни, ибо дѣти, интересы которыхъ они отстаиваютъ, уже по самому возрасту и положенію въ обществѣ не могутъ оказывать имъ никакого содѣйствія.

Руссо конечно не педагогъ. Но это замѣчательная натура, ибо необычайная сила чувства соединяется въ немъ съ удивительной силой ума, съ удивительной чуткостью и съ тонкимъ психологическимъ анализомъ. Сверхъ того Руссо человекъ, имѣвшій весьма печальное дѣтство и перенесшій въ юности не мало злоключеній. Весь жизненный матеріалъ, который онъ вынесъ изъ своего дѣтства и юношества, не пропалъ у него втунѣ. Онъ соткалъ изъ него удивительное произведеніе, которое составило эпоху въ дѣлѣ воспитанія, и, можетъ быть, долго не потеряетъ еще своего значенія, можетъ быть, переживетъ всѣ его остальные сочиненія. Онъ самъ говоритъ, что работалъ надъ Эмилемъ двадцать лѣтъ. Двадцать лѣтъ упорной работы такого ума не можетъ не дать міру великаго произведенія. Мы не будемъ здѣсь говорить о впечатлѣніи, которое оно произвело на умы того времени, ни о вліяніи этого сочиненія на послѣдующія педагогики. Все это слишкомъ извѣстно. Мы желаемъ однако указать, какое значеніе эта книга имѣетъ для не педагоговъ, т. е. для всѣхъ насъ. Ошибочно думать, будто „Эмилъ“ представляетъ теорію воспитанія, интересную и важную для однихъ педагоговъ. Наоборотъ, эта книга для всѣхъ, особенно для тѣхъ, кто не хочетъ знать никакого воспитанія, не хочетъ видѣть въ дѣтяхъ будущихъ полноправныхъ людей. Она вовсе не руководство для воспитанія ребенка,—она руководство для всѣхъ старшихъ въ дѣлѣ ихъ отношенія къ младшимъ, т. е. къ дѣтямъ. Воспитаніе будетъ поставлено на надлежащую почву лишь тогда, когда подростающее поколѣніе будетъ находиться среди общества, гдѣ каждый знаетъ, какъ ему быть справедливымъ съ тѣмъ или другимъ человекомъ; это и будетъ истинно воспитывающая обстановка. „Эмилъ“ заключаетъ неисчерпаемый источникъ самыхъ плодотворныхъ мыслей и размышленій, которыя не пройдутъ безслѣдно ни для кого изъ читавшихъ ее. Правда, въ книгѣ много ошибочнаго, много такого, съ чѣмъ мы уже не можемъ согласиться, но зато она затрагиваетъ чуть не всю грудку самыхъ насущныхъ жизненныхъ вопросовъ и разрѣшаетъ ихъ на началахъ гуманности, справедливости и разума. Даже въ сложныхъ мысляхъ Руссо мы отыскиваемъ начала истинности. Такъ говоря о пробужденіи чувственности въ подросткѣ, Руссо совѣтуетъ удалить его изъ города и заинтересовать его охотой. Этотъ жестокій совѣтъ не станетъ поддерживать ни одинъ педагогъ, но все же въ этомъ совѣтѣ заключается истина: педагогъ долженъ сумѣть противопоставить въ душѣ ребенка одну страсть другой, и чувство, принявъ форму первой, перестаетъ быть опаснымъ во второй формѣ. Мы не согласились бы съ Руссо во многихъ вопросахъ (напр. хотя бы въ вопросѣ женскаго воспитанія), но мы не можемъ безъ живѣйшаго чувства читать этого философа, умѣющаго проложить себѣ путь въ самые тайники человѣческой души, мы не въ силахъ подавить въ себѣ пробужденныя имъ чувства, и изъ ряда его мыслей мы выводимъ рядъ своихъ.

Интересъ книги возрастаетъ еще болѣе оттого, что она отнюдь не касается одного воспитанія. Она касается всего, она заключаетъ цѣлую

философію обыденной жизни, пересыпанную мыслями, которыя повторяли до насъ и будутъ повторять послѣ насъ. Но врядь ли кто умѣетъ высказывать ихъ съ большимъ жаромъ и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, чѣмъ Руссо. Вотъ, на примѣръ, небольшая выдержка изъ IV книги:

„Источникъ скорбей богача не состояніе его, а исключительно самъ онъ, злоупотребляющій своимъ положеніемъ. Будь онъ даже несчастіе бѣдняка, и тогда онъ не заслуживаетъ жалости, потому что всѣ его бѣдствія дѣло его рукъ, и отъ него одного зависить быть счастливымъ. Горести же несчастнаго происходятъ отъ обстоятельствъ, отъ суровости судьбы, надъ нимъ тяготящей. Никакая привычка не можетъ избавить его отъ физическаго чувства усталости, истощенія и голода; ни острота ума, ни мудрость совершенно не пригодны для того, чтобы избавить его отъ бѣдствій, связанныхъ съ его состояніемъ. Что выигралъ бы Эпиктетъ, еслибы предвидѣлъ, что его господинъ сломитъ ему ногу, вѣдь нога все-таки была бы сломанной: сверхъ своего страданія онъ испыталъ бы еще горестъ предвидѣнія. Еслибы простой народъ былъ настолько же разсудителенъ, насколько мы считаемъ его глупымъ,—чѣмъ инымъ онъ могъ бы быть помимо того, что онъ есть? Что онъ сталъ бы дѣлать помимо того, что дѣлаетъ? Изучайте людей этого состоянія, и вы увидите, что у нихъ столько же ума и больше здраваго смысла, чѣмъ у васъ, хотя рѣчь у нихъ и иная. Уважайте же родъ человѣческій; имѣйте ввиду, что онъ состоитъ въ сущности изъ массы простаго народа, что еслибы изъять изъ него всѣхъ королей и всѣхъ философовъ, то этого почти никто и не замѣтилъ бы, и въ свѣтѣ не стало бы хуже. Словомъ, научите вашего воспитанника любить всѣхъ людей и даже тѣхъ, кто ихъ презираетъ; сдѣлайте такъ, чтобы онъ не помѣщалъ себя ни въ одинъ классъ, но чтобы оказывался бы во всѣхъ классахъ; говорите при немъ о родѣ человѣческомъ съ умиленіемъ, даже съ жалостью, но никогда не отзывайтесь о немъ съ презрѣніемъ. Человѣкъ не позоръ человѣка!“

Какъ видите, въ этой выпискѣ нѣсколько мыслей, которыя усвоены пока немногими, въ ней нѣсколько отвѣтовъ на вопросы, которые волнуютъ насъ и теперь. И такова вся книга. Многие изъ затрагиваемыхъ ею вопросовъ, были недавно подняты именно у насъ графомъ Толстымъ, но отвѣты Толстого на нихъ иные, чѣмъ у Руссо, и надо сознаться, что мы видимъ больше логики и больше жизненности у послѣдняго. Конечно книга проникнута свойственнымъ Руссо противопоставленіемъ естественнаго и искусственнаго, природы и человѣка, но какое намъ до того дѣло; вѣдь мы можемъ выбирать изъ мыслей Руссо то, что намъ нужно, мы можемъ пристегивать къ нимъ иные выводы, чѣмъ онъ, болѣе правильные, чѣмъ многие взгляды XVIII столѣтія.

Особенно полезна книга Руссо намъ русскимъ. Какъ извѣстно, Руссо оказалъ на умы большинства своего народа гораздо большее вліяніе, чѣмъ какой либо другой философъ эпохи просвѣщенія. Это потому, что онъ умѣлъ говорить всѣмъ доступнымъ и понятнымъ языкомъ чувства; потому что онъ самъ происходилъ изъ народа и чутъемъ угадывалъ его настроенія и стремленія. Идеи его воплотились ярче и рельефнѣе, чѣмъ идеи его соперника Вольтера, превосходившаго его только однимъ остроуміемъ. Большая часть нашего общества, не говоря уже объ народѣ, не пережила

еще этого кризиса, который западные народы пережили уже давно, но несомненно намъ предстоитъ пережить его, потому что измѣненіе жизненнаго уклада происходитъ путемъ попеременной ломки и надстройки. Мы конечно смѣемъ рассчитывать, что у насъ явится свой Руссо, который воплотитъ возникшія стремленія въ новыя формы и сообщитъ послѣднимъ нашъ національный характеръ, но въ ожиданіи его очень полезно познакомиться съ французскимъ Руссо и при томъ не въ одномъ только его произведеніи—въ Эмиль, но и въ нѣкоторыхъ другихъ, напримѣръ, въ „Общественномъ Договорѣ“.

Что сказать о вновь вышедшемъ изданіи „Эмиля“? Мы безусловно предложили бы его вниманію читателей, еслибы не два большихъ недостатка. Онъ не полонъ, въ немъ недостаетъ „Исповѣди Савойскаго викарія“, этого пламеннаго исповѣданія вѣры, въ которомъ Руссо излилъ всю сущность своихъ религіозныхъ воззрѣній. Такимъ образомъ изъ книги выпущено 191 параграфъ, т. е. около 150 страницъ текста. Второй недостатокъ—это тяжелый языкъ перевода, мало напоминающій замѣчательный языкъ Руссо, который даже въ блестящей французской литературѣ являлся образцомъ.

Н. Березинъ.

Біографическая бібліотека Ф. Павленкова. Р. Декартъ, его жизнь и философская дѣятельность Г. А. Паперна. Спб. 1895. 95 ст. Цѣна 25 к.

Написать интересную біографію Декарта весьма трудно: жизнь его протекала монотонно, однообразно, почти безъ событій. Исключая конечно работу мысли Декарта, его жизнь вполне безсодержательна, даже историческія событія того времени проходятъ какъ то мимо его. Декартъ участвовалъ въ походахъ тридцатилѣтней войны, но ему постоянно удавалось попадать въ такія части арміи, которыя никогда не были въ дѣлѣ, которыхъ даже передвиженіями не беспокоили; можно сказать, но безъ преувеличенія, что Декартъ, проведя нѣсколько лѣтъ въ дѣйствующей арміи, войны не видалъ. Декартъ жилъ въ эпоху ожесточенныхъ религіозныхъ гоненій, въ эпоху, когда новыя философскія мысли преслѣдовались какъ преступленія, сама философія Декарта даже относилась въ числу запрещенныхъ и гонимыхъ ученій — но на жизни Декарта это почти не отразилось: онъ мирно дожилъ свой вѣкъ; религіозныя преслѣдованія, отъ которыхъ пострадало столько современныхъ Декарту ученыхъ, въ немъ вызвали большую осторожность въ выраженіи своихъ мыслей и, только къ счастью, біографу Декарта тутъ рассказывать нечего.

Нравственный обликъ Декарта не привлекателенъ и еще менѣе интересенъ. Въ его жизни не было не только горячей сердечной привязанности, но и сколько нибудь искреннихъ дружескихъ отношеній. Въ медленной, какъ во всякой научной работѣ Декарта мы не встрѣтимся и съ тѣмъ процессомъ творчества, когда новыя возникающія идеи борются съ установившимся міросозерцаніемъ, и когда послѣ пережитыхъ сомнѣній появляется торжествующее чувство человѣка, сознающаго, что онъ доискался истины. Нигдѣ не видно, что бы Декартъ переживалъ результатъ

своихъ научныхъ открытій: душа его оставалась въ сторонѣ отъ нихъ. При скольконибудь близкомъ знакомствѣ съ его жизнью, Декартъ производитъ впечатлѣніе чловѣка скучнаго, всегда одинаковаго, недоброжелательнаго, полнаго самообожанія, мелочно-самолюбиваго, заносчиваго съ тѣмъ, кто дорожитъ знакомствомъ съ нимъ, низкоповловнаго и льстиваго съ тѣми, въ комъ онъ нуждается. И всѣ эти непривлекательныя черты характера, за отсутствіемъ въ жизни Декарта сколькокихънибудь крупныхъ событій, проявлялись исключительно въ мелочахъ, которыя сами по себѣ никакого интереса представить не могутъ. Понятно поэтому, что автору настоящей біографіи предстояла задача весьма неблагоприятная, и нельзя не признать, что онъ съ честью вышелъ изъ затрудненій, связанныхъ съ его темою, обставивъ ее матеріаломъ весьма поучительнымъ и изложеннымъ интересно и живо. Передъ читателемъ не только во весь свой небольшой ростъ встаетъ тусклая фигура Декарта, но отчетливо рисуются и тѣ условія, въ которыхъ онъ росъ и жилъ. Читатель выноситъ ясное и содержательное представление напр. о томъ, чѣмъ были въ то время іезуитскія школы, это послѣднее слово тогдашней педагогики: ихъ гуманное обращеніе съ дѣтьми, обращеніе равное для дѣтей всѣхъ сословій, бесплатность обученія, программа его, состоявшая изъ древнихъ языковъ, математики и эрудиціи (такъ называлось безпорядочное собраніе свѣдѣній, необходимыхъ для того, чтобы въ разговорѣ производить впечатлѣніе образованнаго чловѣка) рассказы изъ исторіи, и роли разныхъ народовъ, іероглифы, эмблемы, эпиграммы, эпитафій, кое что о римскомъ и афинскомъ сенатѣ, о военномъ дѣлѣ у грековъ и римлянъ, о сивиллахъ, о триумфѣ, о садоводствѣ, пинагорійскихъ символахъ, пословицы и сравненія, любопытныя исторіи изученія организмовъ и т. п.). Довольно интересны свѣдѣнія, сообщаемыя г. Паперна о складѣ научной жизни, о научныхъ и религиозныхъ распряхъ того времени. Къ сожалѣнію, читатель узнаетъ изъ настоящей книги весьма мало объ общественной жизни XVII вѣка, правда, что въ ней Декартъ не имѣлъ почти никакого отношенія. Къ тому же и съ тѣмъ немногимъ, что авторъ сообщаетъ по этому предмету, далеко не всегда можно согласиться. Напр. по мнѣнію автора (стр. 15) во Франціи къ началу XVII вѣка феодально рыцарскіе идеалы были уже распатаны, и Декартъ является типичнымъ представителемъ новой эпохи—торгово-промышленной (стр. 16). Трудно видѣть въ нашемъ философѣ представителя торгово-промышленнаго строя общества, еще менѣе основательно считать этотъ строй типичнымъ для Франціи той эпохи, когда жилъ Декартъ.

Главнымъ достоинствомъ настоящей книги является выясненіе содержанія и значенія научныхъ и философскихъ работъ Декарта. Популярное изложеніе ихъ представляетъ серьезныя трудности, и г. Паперна чрезвычайно умѣло справился съ ними, только быть можетъ, нѣсколько преувеличивая то значеніе, которое философія Декарта имѣетъ въ исторіи чловѣческой мысли (стр. 42 и 68). Но и кромѣ того, авторъ настоящаго очерка не только удобопонятно и почти всегда вполне точно пересказалъ ученіе Декарта, но и въ оцѣнкахъ отдѣльныхъ его мнѣній стоитъ на уровнѣ современной науки.

С. Сперанскій. Рабочіе дома въ Россіи и за границей. Спб. 1896. 41 стр. in 16°.

Благотворительность сравнительно весьма недавно перестала быть дѣломъ исключительно отдѣльныхъ лицъ, которыя, движимыя личною слѣпою добротою раздають безъ системы и разбора гроши, не справляясь съ тѣмъ, въ состояніи ли этотъ грошъ дѣйствительно облегчить положеніе того, кому онъ данъ. Тратились средства, иногда и не малы, почти всегда безъ существенной пользы для нуждающихся, часто только поощряя тунеядство и, строго говоря, удовлетворяя одному чувству мягкосердечія благотворителей. Сознаніе, что нищета каждаго отдѣльнаго человѣка есть общественное зло, что общество обязано вступить въ правильную, организованную борьбу съ каждымъ случаемъ крайней нужды, голода—сознаніе это происхожденія весьма недавняго. Если прежде государство и интересовалось нищетою, то съ совершенно иной точки зрѣнія. Не дальше какъ въ XVI вѣкѣ въ просвѣщеннѣйшихъ государствахъ Европы — въ Германіи, Франціи, въ особенности въ Англіи законы отличались какою то непонятною для насъ жестокостію къ нищимъ: ихъ наказывали тѣлесно, клеймили, заключали въ тюрьмы, ссылали. Бѣдность вызывала чувство ожесточенія, а не стремленіе помочь. Но и послѣ того, какъ чувство общественной нравственности развилось на столько, что государство должно было признать свою обязанность прійти на помощь нуждающимся — на практикѣ весьма долго, во всякомъ случаѣ вплоть до нынѣшняго вѣка, учрежденія общественнаго призрѣнія существовали или только на бумагѣ или же представляли нѣчто таковое, что абсолютно не достигало своей цѣли. Правильная организація помощи бѣднымъ наталкивается на практикѣ на два серьезныя затрудненія: во первыхъ, на недостатокъ матеріальныхъ средствъ, который намъ станетъ тѣмъ понятнѣе, если мы вспомнимъ, что еще недавно тѣ движимыя средства, которыми располагали государства, были сравнительно съ теперешними удивительно малы; напр. всѣ доходы и расходы въ Россіи въ началѣ нынѣшняго вѣка не достигали 100 милліоновъ р., въ настоящее же время не считая доходовъ городовъ и земства, доходы одной государственной казны превосходятъ эту цифру въ 12 разъ: во вторыхъ развитіе общественной благотворительности было не мало задержано опасеніемъ, какъ бы оказываемая поддержкою не развила тунеядства и стремленія жить исключительно на счетъ благотворителей. Какъ бы то ни было, но соображенія эти должны умолкнуть передъ развивающимся нравственнымъ чувствомъ, безусловно требующимъ, чтобы лица, которыя или вовсе не въ состояніи жить своимъ трудомъ или случайно, не по собственной винѣ, оказались безъ работы, получали какую либо поддержку отъ общества.

Настоящая брошюра посвящена изложенію исторіи и описанію главнѣйшихъ видовъ т. н. рабочихъ домовъ. Это такой видъ организованной помощи бѣднымъ, который на практикѣ долго казался самымъ удачнымъ примиреніемъ требованій челоѣколюбія и указанныхъ двухъ затрудненій. Въ основаніи этихъ благотворительныхъ заведеній положенъ тотъ принципъ, что бѣдный, по крайней мѣрѣ работоспособный, за оказанную ему помощь долженъ произвести какую нибудь, обыкновенно довольно тяже-

лую работу: этимъ отчасти возмѣщаются произведенныя издержки, а самое главное такимъ образомъ уничтожаются вредныя нравственныя послѣдствія, связанныя съ подачею милостыни, которая или оскорбляетъ того, кому она подана, или въ противномъ случаѣ отвращаетъ его отъ работы.

Организація благотворительности, заставляющая желать многого и на Западѣ, находится въ особенно плачевномъ положеніи у насъ въ Россіи. Если не считать случайныхъ и совершенно отдѣльно стоящихъ распоряженій Петра В., то, подобно большинству благихъ начинаній нашего законодательства, исторію серьезной и широкой постановки у насъ дѣла призрѣнія бѣдныхъ надо начинать съ императрицы Екатерины Второй Издавая свое „Учрежденіе о губерніяхъ“, она поручила созданнымъ тогда „приказамъ общественнаго призрѣнія“ „въ разсужденіи установленія и поддержанія работныхъ домовъ для обоего пола людей, строго и точно наблюдать, чтобы таковое учрежденіе работою доставляло прокормленіе немущимъ“. Не смотря на это распоряженіе, рабочіе, или, какъ они тогда назывались, работные дома приказами общественнаго призрѣнія почти не учреждались. Ихъ на всѣ города было учреждено 4 или 5, при чемъ дома эти были расадниками самаго безобразнаго тунеядства. Кромѣ этихъ домовъ, въ столицахъ въ теченіе наст. вѣка были дѣлаемы отдѣльными частными лицами попытки учредить рабочіе дома, но на практикѣ особеннаго значенія они не имѣли. За послѣднее время дѣло вступило въ совершенно иной фазисъ. Въ 1882 г. о. Іоаннъ Сергіевъ учредилъ въ Кронштадтѣ домъ трудолюбія, по идеѣ своей вполне соответствующій тому, что раньше принято было называть рабочими домами. Успѣхъ этого предпріятія, въ короткое время собравшаго весьма значительныя капиталы и оказавшаго помощь огромному числу людей, вызвалъ не мало подражаній. Распространеніе домовъ трудолюбія по провинціальнымъ городамъ Россіи въ значительной степени составляетъ заслугу бар. О. О. Буксгевдена, который съ этою цѣлью, начиная съ 1887 года, предпринялъ рядъ поѣздокъ по Россіи. Приѣхавъ въ губернской городъ онъ обращался къ мѣстному губернатору съ просьбою пригласить въ свой домъ архіерея, высшее духовенство, представителей города и земства, купечество, лицъ извѣстныхъ своею благотворительностью. На такихъ собраніяхъ баронъ Буксгевденъ дѣлалъ сообщеніе о пользѣ домовъ трудолюбія и въ заключеніе предлагалъ открыть подобный домъ въ данномъ городѣ. Дѣло это подвигалось весьма успѣшно, и къ 1895 г. собрано было около 900.000 р., на нихъ открыто болѣе 30 домовъ трудолюбія, въ которыхъ болѣе полумилліона нуждающихся получили работу. До 1 сентября 1895 г. эти дома представляли рядъ разбросанныхъ по разнымъ городамъ учрежденій, ничѣмъ между собою не связанныхъ. Въ этотъ день было учреждено состоящее нынѣ подъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Феодоровны попечительство о домахъ трудолюбія, и нельзя не присоединиться къ мнѣнію автора настоящей брошюры, находящаго, что „съ возникновеніемъ этого центрального попечительства, призваннаго объединить собою всѣ дома трудолюбія, дѣло помощи работою стало въ нашемъ отечествѣ на твердую ногу, и есть полное основаніе надѣяться на успѣхъ его въ будущемъ“.

Таковъ въ общихъ чертахъ тотъ вопросъ, который затронуть эту небольшую, но весьма содержательную брошюру.

Н. Лазаревскій.

Н. Астыревъ. Въ волостныхъ писаряхъ.—Очерки крестьянскаго самоуправления. Изданіе второе, дополненное, редакціи журнала „Русская Мысль“. Съ портретомъ автора. Москва. 1896 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Появившись впервые около десяти лѣтъ тому назадъ, очерки г. Астырева создали имя автору и вышли нынѣ вторымъ изданіемъ. Къ сожалѣнію изданіе это было уже для автора посмертнымъ.... Имѣя въ виду, что имя Н. М. Астырева еще не занесено на страницы новѣйшей исторіи нашей литературы, мы позволимъ себѣ сообщить о немъ здѣсь нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія, почерпнутыя нами, какъ изъ замѣтки г. В. Гольцева, приложенной къ настоящему изданію, такъ и изъ некрологовъ, появившихся послѣ смерти автора разсматриваемой книги.

Николай Михайловичъ Астыревъ родился въ 1857 году, въ городѣ Тихвинѣ. Еще будучи студентомъ института инженеровъ путей сообщенія, онъ задолго до окончанія курса, бросаетъ слушаніе лекцій и отправляется въ Воронежскую губернію—служить деревнѣ, въ качествѣ волостного писаря. Но по истеченіи весьма немногихъ лѣтъ писарство ему пришлось оставить, а вмѣсто него—по предложенію извѣстнаго покойнаго статистика Вас. Ив. Орлова—поступить въ статистическое бюро Московскаго земства. Затѣмъ въ 1887 году Ник. Мих. получилъ приглашеніе—отъ генераль-губерн. Восточной Сибири—принять на себя завѣдываніе статистическимъ бюро въ Иркутскѣ. Его работы въ этой мѣстности обратили на себя вниманіе специалистовъ. Въ 1889 году онъ вернулся въ Москву, оттуда ѣздилъ для статистическихъ изслѣдованій въ Самарскую губернію, а въ концѣ 1891 года, посѣтилъ тѣ мѣста Воронежской губерніи, гдѣ раньше былъ волостнымъ писаремъ. Впечатлѣнія изъ этой поѣздки онъ вынесъ крайне тяжелыя.... 30-го марта 1892 года Астыревъ былъ арестованъ, и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость.. Выпущенный черезъ два года, онъ скончался въ Москвѣ 37 лѣтъ отъ роду, 3-го іюня 1894 года и похороненъ на Волковскомъ кладбищѣ, рядомъ съ народникомъ Левитовымъ...

По смерти Астырева нашлось нѣсколько еще не напечатанныхъ рукописей; напечатанныя-же статьи, очерки и замѣтки разбросаны по разнымъ журналамъ и газетамъ (въ томъ числѣ и сибирскимъ). Отдѣльными изданіями, помимо названныхъ очерковъ, вышли, еще при жизни автора, два сборника его произведеній, подъ слѣдующими названіями: первый—„Деревенскіе типы и картинки“ и второй—„На таежныхъ прогалинахъ“. Послѣдній сборникъ посвященъ очеркамъ изъ жизни населенія Восточной Сибири. Главнымъ изъ произведеній Астырева слѣдуетъ считать его очерки „Въ волостныхъ писаряхъ“. Въ нихъ, описывая довольно подробно свою дѣятельность и наблюденія за три года писарства въ Воронежск. губ., онъ неволью знакомитъ насъ не только съ размѣрами своего литературнаго таланта, но и съ основными положеніями своего міросозерцанія. При первомъ же появленіи (въ „Вѣстникѣ Европы“), эти очерки произвели

очень сильное впечатлѣніе на читателей правдивостью и наблюдательностью автора, его горячею любовью къ народу и тѣмъ здоровымъ, нормальнымъ отношеніемъ, съ какимъ авторъ разсматриваетъ различныя темны и свѣтлыя стороны народной жизни.

Астырева вполне можно причислить къ той литературной школѣ народниковъ-реалистовъ, основателемъ и главой которой по справедливости признанъ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій. Вліяніе послѣдняго сказывается и на другихъ произведеніяхъ Астырева; но было бы не вѣрно подозрѣвать Ник. Михайловича въ подражательности; вліяніе на него Успенскаго является лишь вліяніемъ предшественника, основоположителя—не болѣе. Стилъ Астырева даже не лишень нѣкоторой своеобразности: онъ выразителенъ, опредѣленъ и силенъ; въ силу чего его очерки, не отличаясь особенными художественными качествами, читаются между тѣмъ съ большимъ интересомъ, даже въ мѣстахъ чисто-публицистическихъ.

Въ заключеніе скажемъ: книга „Въ волостныхъ писаряхъ“, авторъ которой не даромъ называлъ себя „*мужицкимъ доброглаголомъ*“, знакомитъ насъ съ внѣшнимъ крестьянскимъ міромъ, притомъ такъ знакомитъ, что знакомство съ нею желательно для каждаго образованнаго человѣка.

Вас. Ангарскій.

Е. Водовозова. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. 1) Турки (стр. 158, ц. 40 в.). 2) Итальянцы (стр. 189, ц. 40 в.). 3) Нѣмцы (стр. 225, ц. 40 в.). 4) Испанцы (стр. 160, ц. 40 в.). 5) Англичане (стр. 207, ц. 40 в.).

Извѣстно, какъ пишутся книги. Нѣсколько добросовѣстныхъ и трудолюбивыхъ изслѣдователей роются въ источникахъ, прилежно разсматриваютъ ихъ и по крупницѣ выбираютъ изъ нихъ полезныя и интересныя свѣдѣнія, а потомъ плодами ихъ трудовъ пользуется несчетное число переказчиковъ и компиляторовъ, которые постепенно все болѣе и болѣе разжижаютъ густую первоначально эссенцію, пока въ заключеніе не получится нѣчто до таковой степени плоское, что на мысли не споткнешься въ немъ. Это иначе быть не можетъ, ибо человѣческая голова такъ уже устроена, что ясныя опредѣленные представленія слагаются въ ней творческимъ путемъ, а при заимствованіи теряютъ всякую свѣжесть красокъ и въ заключеніе выцвѣтаютъ до совершенно блѣднаго колорита. Попробуйте дѣлать копіи съ копій, и вскорѣ у васъ изъ Рафаэля получится размазня. Вотъ подобной размазней у насъ кормятъ большею частью народъ, потому что онъ въ состояніи лишь покупать себѣ пищу дешевую, а дешевое это, какъ извѣстно, то, что можетъ быть произведено въ любое время, въ любомъ количествѣ и любымъ человѣкомъ. Таковой взглядъ на народную литературу, казалось бы, требовалъ искорененія, а между тѣмъ, наоборотъ, на рынкѣ появляются чуть не исключительно произведенія плохихъ снимциновъ копій съ копій. Конечно, многіе изъ нихъ обладаютъ способностью говорить красно, у нихъ обильный запасъ сравненій и красокъ, которые грѣшатъ только тѣмъ, что въ существѣ своемъ ложны. Что изъ всякой лжи вырастаетъ либо ложь, либо не вырастаетъ ничего, это нашихъ компиляторовъ не смущаетъ: издатели находятся: все же это-де

лучше, чѣмъ произведенія Манухинныхъ и Леухинныхъ. Конечно, лучше, но дѣло въ томъ, что произведенія Манухинныхъ и Леухинныхъ служили для утѣхи, между тѣмъ какъ народная литература новой формациі призвана въ совѣстѣ иной работѣ: она должна служить орудіемъ развитія и просвѣщенія—орудіемъ, которое попадаетъ въ руки народныхъ учителей и учительницъ; а какъ извѣстно отъ плохихъ инструментовъ страдаютъ и руки рабочихъ, страдаетъ и мастерство. Мысль, будто для народа писать легко и писать можетъ всякій, до нельзя ошибочна. Если бы область знанія и литературы была ничтожна, то это было бы справедливо. Но въ нашъ вѣкъ, когда все разрослось до неимоверныхъ размѣровъ, требуется много знаній и основательное пониманіе предмета для того, чтобы передать его въ логическомъ порядкѣ другимъ. На Западѣ эта истина давно понята, и мы видимъ, что работа просвѣщенія народа путемъ популярной литературы поручена тамъ ученымъ, и нерѣдко первокласснымъ ученымъ. Гораздо полезнѣе, если по какому нибудь предмету появится книжка, написанная знатокомъ, чѣмъ если появится двадцать такихъ же брошюръ, написанныхъ малярами.

Вотъ почему обидно, что на арену народно-издательской дѣятельности выступили лица и фирмы, которыя соображаются болѣе съ требованіями рынка, чѣмъ съ потребностями народа и стремятся экономить на бумагахъ, на рисункахъ, на брошюровкѣ, обращая мало вниманія на содержаніе. На задній планъ отступили или же волею судьбы совершенно сошли со сцены учрежденія, вродѣ издательской комиссіи бывшаго Петербургскаго Комитета Грамотности, которыя стремились стать на высоту своей задачи. Отступили также на задній планъ одиночные писатели—издатели своихъ же сочиненій, которые, дѣйствуя на свой страхъ, вносили бы въ эту литературу извѣстную оригинальность и не подчиняли бы своихъ идеальныхъ требованій требованіямъ малообразованныхъ издателей.

Книжки г-жи Водовозовой далеки отъ этихъ недостатковъ. Они, именно представляютъ результатъ упорнаго труда и продолжительнаго изученія предмета. Оттого они полны дѣльнаго содержанія и въ сжатыхъ чертахъ рисуютъ картины и даютъ мысли, которыя иной опытный писакъ при помощи цвѣтовъ краснорѣчія развелъ бы на нѣсколько книгъ.

Сверхъ того содержаніе ихъ очень интересно и полезно. Если намъ русскимъ, особенно нашему народу, чего не достаетъ, такъ, именно, представленія о чемъ нибудь лучшемъ, чѣмъ обыденная дѣйствительность. Народу невѣжественному всегда кажется, такъ же, впрочемъ, какъ ограниченному и невѣжественному человѣку, что все свое очень хорошо и ничего лучше быть не можетъ.

Ужъ на что, кажется, унизительно положеніе, въ которомъ находится Турція или какая нибудь Персія, а попробуйте выбить изъ головы турка представленіе, что Турція самая богатая страна, и что падишахъ ея самый мудрый, справедливый и могучій властелинъ. Сознаніе собственныхъ недостатковъ и стремленіе освободиться отъ нихъ является лишь при возможности сравнить свое положеніе съ чѣмъ нибудь лучшимъ, а это лучшее, какъ бы его ни поносили доморощенные борцы съ западомъ, находится подъ бокомъ у насъ, и мы не устаемъ почерпать оттуда образцы для своей собственной жизни. Поэтому мы можемъ пожелать серіи

описаній „Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ“ самаго широкаго распространенія.

Въ книжкахъ этихъ очень много интереснаго и новаго даже для образованнаго читателя, а для мало-мальски тронутаго образованіемъ человѣка въ нихъ заключается цѣлый кладъ новыхъ образовъ для работы мысли, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ.

А. Пуликовскій. Учебникъ всеобщей географіи. Часть I. Обція понятія изъ математической, физической и политической географіи. Часть II. Четыре части свѣта. Часть III. Европа.

Географія одинъ изъ самыхъ загнанныхъ предметовъ въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Это замѣчаніе справедливо, какъ въ отношеніи программы этого предмета, такъ и въ отношеніи постановки преподаванія. За исключеніемъ физики и географіи въ курсѣ среднеучебныхъ заведеній нѣтъ болѣе предмета, который давалъ бы дѣтямъ и подросткамъ первыя основныя понятія объ окружающемъ насъ мѣрѣ. Но физика дѣлаетъ это лишь отчасти. Остается, слѣд., географія, но она на девять десятыхъ представляетъ перечень именъ и краткихъ характеристикъ. Самая существенная часть ея—географія физическая отнесена въ самый младшій классъ; другой важный отдѣлъ ея—отечествовѣдѣніе, преподавалось прежде въ качествѣ повторительнаго курса въ двухъ старшихъ классахъ, но нѣсколько времени тому назадъ даже это было отмѣнено, такъ что теперь молодой человѣкъ 18—20 лѣтъ становится зрѣлымъ съ тѣмъ представленіемъ о своемъ отечествѣ, которое онъ усвоилъ (и уже давно успѣлъ позабыть) своими слабыми четырнадцатилѣтними мозгами, т. е., въ IV классѣ. Физическая географія является въ сущности введеніемъ въ естествознаніе; при настоящемъ положеніи науки она приняла такой видъ, что ее нельзя серьезно преподавать въ I-мъ классѣ маленькимъ, еще не справившимся съ механизмомъ чтенія и пониманія, дѣтямъ. Кромѣ того, программы были составлены въ духѣ старой Риттеровой школы, отъ которой въ современной географіи, пожалуй, не осталось и слѣда. Впослѣдствіи программы эти подвергались пересмотру, который лишь скользнулъ по нимъ, не измѣнивъ въ нихъ ничего существеннаго. Наконецъ, постановка преподаванія географіи тоже весьма любопытна. Едва ли не вездѣ географія считается такимъ предметомъ, который съ легкостью можетъ преподавать каждый, но только польстится на этотъ захудалый предметъ. Результаты, конечно, не заставляютъ себя ждать. Въ Германіи и во Франціи существуютъ больше чѣмъ по двадцати географическихъ обществъ, ревностно изучающихъ каждый ключевъ своей родной страны и своихъ колоній, а у насъ больше сотни среднеучебныхъ заведеній, расположенныхъ порою въ самыхъ привлекательныхъ для изученія областяхъ, въ каждомъ заведеніи одинъ или два учителя географіи, а между тѣмъ что-то мало видно результатовъ изученія своей родины и возбужденія интереса къ ней. Обстоятельство это нельзя не привести въ связь съ плохой постановкой преподаванія этого предмета. Отрицать эту связь можетъ одинъ только слѣпой. Въ настоящее время при нѣсколькихъ университетахъ открыты каѳедры гео-

графіи, но ни одна изъ нихъ не занята спеціалистомъ-географомъ, и до сихъ поръ университетское преподаваніе географіи еще не повліяло на улучшеніе преподаванія ея въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Единственное мѣсто, гдѣ въ Россіи можно открыть географовъ, это Географическое Общество и его отдѣлы, но оно не имѣетъ никакого отношенія къ преподаванію и сверхъ того нельзя сказать, чтобы дѣятельность его, особенно по изученію *Россіи*, а не окраинъ и заокраинъ, носила кипучій характеръ. У насъ очень много говорятъ о патриотизмѣ, но патриотизмъ не можетъ вѣять въ воздухъ, онъ долженъ опираться на родную почву и на знаніе и своего, и чужого.

Откуда же почерпнуть эти знанія, эти интересы, когда подъ отеческою кровлею въ насъ не зароняютъ благотворнаго зерна любви и пониманія ея. Безразличное отношеніе ко всему господствуетъ, потому что оно вскормлено безразличнымъ и порою бессмысленнымъ перечисленіемъ именъ съ краткими характеристиками вродѣ „Миргородъ нарочито невеликій на рѣкѣ Хоролѣ городъ“, къ которому иной учитель въ состояніи добавить: „но тамъ пекутъ очень вкусные бублики изъ чернаго тѣста“.

Любопытно, что у насъ люди кончаютъ гимназію съ такими свѣдѣніями по географіи, что, подобно Митрофану, не могли бы обойтись безъ извозчиковъ, если бы не было желѣзныхъ дорогъ. На экзаменахъ очень бойко отвѣчаютъ о канатныхъ фабрикахъ, о холмогорскихъ коровахъ, а въ то же время ни одинъ и понятія не имѣетъ объ основахъ экономической жизни страны и о ея государственномъ устройствѣ. Общинное и частное владѣніе землей, сельскій міръ, наши центральныя и мѣстныя учрежденія — все это темный лѣсъ, въ который, однако, человѣкъ неминуемо долженъ вступить, какъ только выйдетъ изъ гимназіи (вѣдь не всѣ счастливыцы попадаютъ въ университетъ, очень многіе даже гимназіи не кончаютъ). О болѣе простыхъ предметахъ, какъ напр. о свойствахъ почвы, о климатѣ, объ естественныхъ произведеніяхъ, съ которыми тѣсно связаны матеріальная жизнь и бытъ населенія — обо всемъ этомъ представленія очень смутны. Да и какъ имъ не быть смутными, когда сами учебники вносятъ смуту, потому что ихъ нерѣдко пишутъ лица, которымъ приличнѣе было бы учить чистописанію или чему нибудь такому, а не географіи. Какъ имъ не быть смутными, когда все болѣе и болѣе устанавливается заброшенная было система задавать „отъ сихъ и до сихъ“ и не раскрывать учебниковыхъ гіероглифовъ ни однимъ толковымъ объясненіемъ.

Каковы пошъ, таковы и приходъ, каковы программы и учителя, таковы и учебники. Вотъ напримѣръ, учебникъ Смирнова, вышедшій уже въ такомъ числѣ изданій, что отъ старости не помнить собственнаго числа ихъ и потому выходитъ безъ ихъ обозначенія. Это типичный учебникъ по непониманію предмета. Если вы возьмете первый курсъ, такъ вы найдете тамъ много удивительнаго, особенно когда начнете читать о климатѣ — видно, что составитель не знакомъ съ элементарной физикой. Подобный учебникъ слѣдовало давно изъять изъ употребленія, къ чему онъ со своими „облаками, составленными изъ паровъ, примерзающихъ къ градинамъ“ и т. д., когда всетаки у насъ есть порядочные учебники, составленные со знаніемъ и толкомъ, но лишь обрубленные на прокустовомъ ложѣ

чь угоду программамъ, позабывшимъ, что для всего земного наступаетъ смерть.

Въ числѣ преподавателей, заявившихъ себя живымъ отношеніемъ къ предмету, стоятъ г-нъ Пуликовскій. Но ему выпалъ на долю печальный жребій видѣть постепенный упадокъ близкаго сердцу предмета при невозможности воспрепятствовать, при необходимости подчиниться ему. Въ самомъ дѣлѣ, сравните прежній давнишній учебникъ географіи Россіи Пуликовскаго съ нынѣшними: книга похудѣла, чуть не втрое, изъ нея выжать самый жизненный, самый сочный матеріалъ и оставленъ остовъ, на которомъ молодые умы найдутъ не много пищи,—и все это въ угоду программамъ и постановкѣ или вѣрнѣе отсутствію постановки предмета. Мы разсматриваемъ здѣсь не географію Россіи г-на Пуликовскаго, а остальные его курсы, вышедшіе въ новомъ изданіи. Не будемъ говорить, что учебники эти написаны *самостоятельно* съ большимъ знаніемъ дѣла, со справками въ специальныхъ и ученыхъ сочиненіяхъ, а не списаны съ разныхъ другихъ учебниковъ, какъ это сплошь и рядомъ дѣлается менѣе учеными, но болѣе ловкими составителями ихъ. Говорить объ этомъ незачѣмъ, потому что г-нъ Пуликовскій достаточно извѣстенъ какъ педагогъ-географъ. Больше всего намъ понравился первый курсъ, который отличается превосходнымъ и вполне выдержаннымъ планомъ и еще тѣмъ, что г-нъ Пуликовскій, хотя одинъ изъ самыхъ старыхъ географовъ-педагоговъ, однако ввелъ въ свой учебникъ очень много новаго, что давно нужно было ввести по требованію научной географіи, но что не вводилось якобы по требованіямъ методологіи, на самомъ же дѣлѣ потому, что составители, считающіе облака и туманъ за пары, тѣмъ менѣе способны представлять себѣ, что такое воздушное давленіе и что такое земной рельефъ,—о климатѣ ужъ не спрашивайте. Между тѣмъ г-нъ Пуликовскій ввелъ въ свой курсъ не только понятіе о давленіи атмосферы, но и болѣе научное представленіе о рельефѣ земли (орографія), о значеніи воды (океанографія и гидрографія), о природѣ и выяснилъ дѣйствительную, т. е. научно-естественную зависимость между всѣми явленіями жизни земли, а не повторилъ философскія обобщенія Риттеровой школы, которыя происходили изъ слабаго знакомства съ естествознаніемъ.

Единственное, что мы нашли ошибочнымъ, это объясненіе вулкановъ какъ кратеровъ поднятія (стр. 25). Какъ извѣстно, эта гипотеза Леопольда фонъ-Бука должна была уступить мѣсто иному объясненію, болѣе согласному съ дѣйствительностью, ибо вулканы не подняты внутренними силами, а насыпаны на поверхности. Вообще, внутреннія силы уступили въ наукѣ свое мѣсто силамъ внѣшнимъ, т. е. давленію окружающихъ пластовъ и расположенію линій разлома земной коры. Далѣе мы должны еще добавить, что хотя языкъ учебника крайне ясенъ, и главное, точенъ, но мѣстами онъ труденъ для пониманія учениковъ I класса. Недостатокъ этотъ, впрочемъ, устраняется при толковомъ учителѣ.

Въ общемъ мы должны поставить учебники г-на Пуликовскаго въ первомъ ряду, и было бы даже нехѣно сравнивать ихъ по плану, содержанію по изложенію съ съ учебниками Смирнова и нѣкоторыхъ другихъ, которымъ до учебника г-на Пуликовскаго далеко и которымъ не только пора сойти

со'спены, но и вовсе не слѣдовало бы появляться на бѣлый свѣтъ. Приходится только удивляться и недоумѣвать, почему они существуютъ, когда есть учебники Пуликовского, Линберга, Меча и нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ преподавателей. Мы бы очень желали, чтобы въ интересахъ школьной географіи было, наконецъ, обращено серьезное вниманіе на учебники, которымъ у насъ нерѣдко совершенно незаслуженно везетъ счастье. Если вспомнить, что учебникъ, особенно если онъ напечатанъ на северной бумагѣ и снабженъ отвратительными рисунками, приноситъ порою своему издателю или составителю таковой же доходъ, какъ калифорнскій, или вѣрнѣе сибирскій, золотой пріисекъ, то нельзя же, наконецъ, не пожелать, чтобы дѣло это было упорядочено.

Н. Березинъ.

Приходская бібліотека. Николай Васильевичъ Гоголь. Его жизнь и литературная дѣятельность съ образцами изъ его сочиненій. Составилъ П. Смирновскій. Редакція В. И. Шемякина. С. Петербургъ 1896 г. Т. I. Цѣна 35 к. Т. II. Ц. 40 к.

Надо признаться, что насъ нѣсколько удивляетъ это изданіе. Почему должна существовать особая, *приходская*, а не, вообще, народная бібліотека? Очевидно, въ этомъ названіи видна та печальная рознь, которая за послѣдніе годы такъ вредитъ дѣлу народнаго образованія, стремясь придать ему извѣстную обособленность, а между тѣмъ оно неминуемо страдаетъ, разъ сюда вмѣшиваются тенденціи особаго рода. „Наше изданіе“, говоритъ редакція, „предназначается для учительскихъ бібліотекъ начальныхъ школъ, для сельскихъ и церковныхъ читаленъ и бібліотекъ и, вообще, для чтенія грамотныхъ людей прихода“. Это опять таки странно. Если „грамотнымъ людямъ прихода“ предлагаются отрывки изъ сочиненій Гоголя, то неужели редакція полагаетъ, предназначая эту книжку для учительскихъ бібліотекъ, что и для народнаго учителя достаточно этихъ отрывковъ? Или она думаетъ, что учителю не слѣдуетъ быть мудрѣ своихъ учениковъ, и полное собраніе сочиненій Гоголя ему не по плечу? Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы выразиться яснѣе о цѣляхъ изданія: судя по вышеприведеннымъ словамъ, можно думать, что оно имѣетъ въ виду только взрослыхъ читателей, а между тѣмъ на книжкѣ значится: для *школьнаго* и народнаго чтенія.

Если книжка г. Смирновскаго должна служить и взрослому люду, то намъ кажется совершенно необъяснимымъ то безцеремонное обращеніе съ Гоголемъ, которое мы здѣсь видимъ. Приведи небольшой отрывокъ изъ гоголевской повѣсти, авторъ торопится досказать остальное своими словами. Съ подборомъ отрывковъ пока нельзя согласиться: сначала идетъ нѣсколько описаній, а съ этой формой, какъ извѣстно, всего труднѣе справляется читатель изъ народа; многое же болѣе благодарное пропущено—такъ мы здѣсь совсѣмъ не находимъ второй (повѣствовательной) части „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“, гдѣ такъ ясно видно, что Пульхерію Ивановну стубилъ ея суевѣрный страхъ; изъ повѣсти „Майская ночь“ выпущена самая поэтическая ея часть. Зато въ книжкѣ встрѣчаются на каждомъ шагѣ правоучительные комментаріи, которые у взрослого чита-

теля могутъ только расколаживать впечатлѣніе. Жаль также, что составитель излагаетъ ихъ нарочно тѣмъ особымъ языкомъ, который будто бы только и понятенъ народу. Вотъ образчикъ такого слога: „Если у человѣка нѣтъ полезнаго труда, коли ведетъ онъ праздную жизнь, то тогда и пустыни кажутся ему не вѣсть какимъ важнымъ дѣломъ“. Бѣдные приходскіе читатели! Авторъ, хотя и одушевленный, можетъ быть, самыми лучшими намѣреніями, воображаетъ, однако, что слово *если* недоступно для ихъ пониманія. Намъ всегда дѣлается обидно за любителей чтенія изъ народа, когда мы встрѣчаемъ подобную поддѣлку подъ рѣчь необразованнаго человѣка. Писатели для народа, прибѣгающіе къ такому языку, невольно напоминаютъ тѣхъ наивныхъ маменекъ, которыя, обращаясь къ ребенку, нарочно сюсюкаютъ и шепелевать въ полной увѣренности, что дитя ихъ поэтому лучше пойметъ. Намъ случалось слышать, какъ молодые грамотные крестьяне, взявъ въ руки книжку и напавъ въ ней на такія якобы народныя выраженія, говорили съ невеселой усмѣшкой: „Насъ, вѣрно, еще долго господа за дѣтей считать будутъ“. Всѣ эти книжки для народа, гдѣ сюжетъ урѣзанъ, скомканъ и измѣненъ иногда до неузнаваемости, а самъ авторъ говоритъ несвойственнымъ ему языкомъ, никогда не найдутъ себѣ широкаго распространенія въ народѣ: онъ считаетъ ихъ *не настоящими* книгами и рвется къ иному чтенію. Если, по словамъ редакціи, „народу впрочемъ только самое лучшее“, то и не бойтесь, господа, давать ему это лучшее, не уродуя его и не комкая.

Н. Леонтьева.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Хорошіе люди. Сборникъ рассказовъ В. Острогорскаго съ 45 рис. Шпака и Малышева. 3-е изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1896 г. стр. 237. Ц. 1 р.

Сборникъ г. Острогорскаго „Хорошіе люди“ заключаетъ въ себѣ 16 рассказовъ, заимствованныхъ изъ сочиненій извѣстныхъ писателей русскихъ и иностранныхъ: Григоровича, Тургенева, Диккенса, Крабба, Ауербаха и др. Предлагая эти рассказы юношеству, составитель имѣлъ въ виду „дать рядъ симпатичныхъ образовъ, поражающихъ своею человѣчностью и живымъ отношеніемъ къ жизни“. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Острогорскій достигъ своей цѣли. Такія личности, какъ „Сестра Шура“ (рассказъ того же имени) молодая дѣвушка, воспитывающая своихъ маленькихъ братьевъ и сестеръ, Скрипачъ-художникъ (въ разск. „Деревенскій скрипачъ“), живущій въ мірѣ звуковъ и развлекающій своей игрой бѣдный людъ; мать, неуклонно въ продолженіе всей своей жизни разыскивающая своего ребенка (разск. „Она увѣжала“), несчастная страдалца Наталья Борисовна Долгорукая—и другіе, подобные имъ, образы, не могутъ не произвести глубокаго впечатлѣнія на юныхъ читателей и не затронуть хорошія струны ихъ отзывчиваго сердца. Всѣ имѣющіеся въ книжкѣ рассказы сопровождаются біографическими очерками ихъ авторовъ, изъ нихъ читатели увидятъ, что слово у этихъ лицъ не шло въ разрѣзъ съ дѣломъ, и что собственная жизнь служитъ прямымъ подтвержденіемъ проводимыхъ ими идей.

Мы охотно рекомендуемъ эту книжку, вышедшую уже третьимъ изданіемъ, юнымъ читателямъ, жаль только, что большинство помѣщенныхъ въ книгѣ рисунковъ исполнено весьма небрежно и только портятъ впечатлѣніе, оставляемое книгой.

Товарищъ. Разсказъ Познякова. Изданіе II-ое А. Ф. Девриена. Спб. 1896 г. Стр. 248. Ц. 2 р.

Передъ нами второе изданіе этой прекрасной книжки, которую мы смѣло можемъ рекомендовать читателямъ, какъ одно изъ лучшихъ произведеній современной дѣтской баллетристической литературы.

Грустная судьба добраго сердечнаго мальчика-гимназиста Яковенка, умершаго отъ дифтерита, и его отношеніе къ главному дѣйствующему лицу разсказа—Борѣ Буланову, сыну помѣщика, привезенному изъ имѣнія въ гимназію и помѣщенному туда пансіонеромъ, служатъ канвой для этой повѣсти изъ школьной жизни, эпиграфомъ къ которой авторъ взялъ изреченіе Тургенева: „будь только человѣкъ добръ, его никто отразить не можетъ“. Эта мысль, подтверждающаяся всѣмъ ходомъ разсказа, производитъ чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе на читателя, который съ интересомъ слѣдитъ за картинами гимназическаго быта, живо и рельефно выступающаго передъ нимъ своими свѣтлыми и темными сторонами. Взрослый читатель невольно перенесетъ мыслью въ свое дѣтство, сравнивая прошлое гимназическое жите-бытье съ настоящимъ, а юный увлечется описаніемъ близкой и знакомой ему обстановки, въ которой онъ самъ, быть можетъ, вращается въ данный моментъ. Безъ сомнѣнія, авторъ или самъ пережилъ то, о чемъ теперь разсказываетъ читателю, или же изучилъ въ совершенствѣ тотъ бытъ, изъ котораго почерпнулъ свой симпатичный разсказъ. Во всякомъ случаѣ, намъ остается только посоветовать молодежи прочесть эту въ полномъ смыслѣ слова хорошую книгу.

Библиотека нашего юношества. Выпускъ X. Взбалмошная головка. Разсказъ Эмили Роденъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. Д. Михайловой. Спб. 1896. Изданіе книж. маг. М. М. Ледерле. Стр. 320. Цѣна 80 к.

Подлинникъ этого произведенія, подъ названіемъ „Der Trotzkopf“ принадлежитъ перу давно умершей нѣмецкой писательницы Эмили Фридрихъ, извѣстной подъ псевдонимомъ Эмили Роденъ. Въ русскомъ переводѣ „Взбалмошная головка“ появляется въ первый разъ. Не будучи основательно знакомымъ съ дѣтской литературой въ Германіи, мы не можемъ оспаривать мнѣніе автора предисловія этой книги, находящаго, что „Der Trotzkopf“ представляетъ особенное явленіе среди произведеній для нѣмецкаго юношества. Что же касается нашихъ дѣтскихъ книгъ, то мы можемъ найти среди нихъ не мало произведеній, стоящихъ гораздо выше разбираемаго разсказа.

„Взбалмошная головка“—это своевольная, капризная, избалованная дѣвочка лѣтъ 15, съ которой никто въ домѣ не могъ справиться, и которую, наконецъ, по настоянію мачехи, доброй и умной женщины, отдали въ

пансионъ для молодыхъ дѣвицъ. Пробывъ тамъ около двухъ лѣтъ, дѣвушка совершенно исправилась и, по возвращеніи домой, тотчасъ же сдѣлалась невѣстой человѣка, видѣвшаго ее всего одинъ разъ.

Разсказъ написанъ живо, естественно и навѣрно прочтется не безъ интереса молодыми читателями, которыхъ безъ сомнѣнія займетъ описаніе пансионной жизни. Но признать за этой книгой какое либо особенное воспитательное значеніе мы отказываемся, равно какъ и отказываемся считать ее „въ высшей степени“ полезной для юношества; книга не оставляетъ того глубокаго впечатлѣнія, какъ напр. разбираемый нами выше разсказъ „Товарищъ“, не заставляетъ читателя вдумываться, а только интересуется его во время чтенія, что далеко не составляетъ главной и конечной цѣли образцоваго произведенія для юношества.

Переведенъ разсказъ недурно, но все же нѣкоторыя выраженія и фразы постоянно напоминаютъ читателю, что передъ нимъ переводъ, а не оригинальное произведеніе.

Ал. Можаровскій. Лиса Патрикѣевна. Одна изъ сказокъ русскаго животнаго эпоса. Изданіе 4-е книг. Ступина. Москва. 1896 г.—Стр. 284. Цѣна 75 к.

— Дѣти слушатели—почва,
А разсказчики—ихъ плугъ.

— Говоритъ г. Можаровскій въ присказкѣ къ своей „Лисѣ Патрикѣевнѣ“, и мы совершенно согласны съ справедливостью этой его мысли, которая поэтому и даетъ намъ право со всей строгостью отнестись къ тѣмъ „сѣменамъ“, которыя онъ бросаетъ въ „почву“ т. е. въ душу и воображеніе „дѣтей слушателей“. Въ названной нами книгѣ собраны, въ видѣ одного цѣльнаго разсказа, нѣсколько сказокъ русскаго животнаго эпоса, въ связи съ которыми передъ читателемъ проходятъ также и сцены изъ крестьянскаго быта. Такая трудная задача оказалась не подъ силу автору, задумавшему изложить свое произведеніе стихами. Послѣдніе вышли очень неудачны, а мѣстами даже очень грубы и неправильны. Что же касается до самаго содержанія, то и тутъ мы находимъ, что авторъ былъ не совсѣмъ правъ, представивъ главнаго героя—лису не какъ хитрое и умное животное, какимъ она является обыкновенно въ русскихъ народныхъ сказкахъ, а какимъ то глупымъ звѣрькомъ, надъ которымъ потѣшаются не только люди, но даже пѣтухъ и свинья, причемъ послѣдней „удается въ концѣ концовъ даже перекинуть лису и сбросить ее въ яму.

Помимо этого основнаго недостатка книжки, нельзя не указать еще на множество встрѣчающихся въ ней непонятныхъ словъ; правда, къ ней приложенъ толкователь, но, думается намъ, въ сказкахъ для дѣтей лучше пользоваться понятными словами. Совершенно излишни, если не сказать больше, попадающіяся въ книгѣ грубыя выраженія, какъ напр., подлець, и т. п.

Остается только пожалѣть объ иллюстраторѣ, снабдившемъ это слабое произведеніе такими изящными художественными рисунками и о дѣтяхъ, которымъ дается эта книжка, выходящая уже четвертымъ изданіемъ.

О. Лорисъ-Меликова.

Журнальное обозрѣніе.

(„Новое слово“ №№ 9 и 10 1896. „Русское Богатство“ № 6 1895 и № 7 1896). Новые беллетристы: М. Горькій. С. Семеновъ. А. Яблоновскій. Оздоровленіе русской прессы).

За послѣдніе годы въ журналахъ и газетахъ появляется много мелкихъ беллетристическихъ произведеній, подписанныхъ „новыми“ именами. Многія изъ нихъ прочитываются не безъ интереса, но глубокаго впечатлѣнія они не оставляютъ: отложена въ сторону книга, забытъ и рассказъ. Не таковы маленькіе рассказы М. Горькаго, особенно „Челкашъ“ (Р. Б. № 6 1895) и „Тоска“ (Н. С. №№ 9 и 10 1896); они, подобно произведеніямъ нашихъ лучшихъ писателей: Тургенева, Толстого и другихъ, *всплываются* въ память. Картины и образы, нарисованные въ нихъ, рельефно и ярко встаютъ передъ нашими глазами всякій разъ, какъ жизнь воснется нашихъ чувствъ чѣмъ-нибудь сроднымъ съ ними. У Горькаго, судя по „Челкашу“ и „Тоскѣ“, на лицо всѣ признаки крупнаго художественнаго таланта. Герои его въ одно и то же время и типичны, и индивидуальны; отражая въ себѣ признаки, характерныя для извѣстной категоріи, каждый изъ нихъ носитъ и личный, индивидуальный отпечатокъ, выдѣляющій его изъ всѣхъ остальныхъ людей. Это—не случайныя фотографіи, но и не безжизненныя схемы. Авторъ беретъ людей въ сущности обычныхъ, всѣмъ знакомыхъ, но умѣетъ ихъ сдѣлать всѣмъ интересными, отличая въ ихъ внутреннемъ и внѣшнемъ обликѣ черты, ускользающія отъ вниманія обыкновеннаго наблюдателя. Тотъ увидѣлъ бы въ „Челкашѣ“, напр., лишь гуляку и неисправимаго преступника, талантливый же художникъ сумѣлъ замѣтить въ немъ любовь къ свободѣ, отвагу и рѣдкое великодушіе.

Въ Тихонѣ Павловичѣ (изъ „Тоски“) подъ оболочкой деревенскаго кулака авторъ отмѣтилъ чуткую, тоскующую душу, пытающуюся свинуть завалившій ее житейскій хламъ. Въ истасканныхъ, въ истерзанныхъ душахъ общественныхъ отбросовъ (Безрукаго, Тани, Аннушки и др. изъ „Тоски“) авторъ нашелъ „искры Божіи“, нашелъ и умъ, и зачатки поэтическаго чувства. Посмотрите хоть, какъ онъ относится къ ихъ пѣснѣ, какіе звуки, какія чувства улавливаетъ онъ въ ней?! Даже по маленькому отрывку изъ чуднаго описанія этой пѣсни можно судить о глубинѣ таланта Горькаго.

„Трое актеровъ пѣли, сами себя очаровавъ своею пѣсней, и она звучала то мрачная и страстная, какъ молитва кающагося грѣшника, то печальная и кроткая, какъ плачь больного ребенка, то полная отчаянной и безнадежной тоски, какъ всякая хорошая русская пѣсня.

„Э я-сизу-у-мо-оря-а...“

рыдалъ Костя, у котораго отъ напряженія выступилъ потъ на лбу и катился по щекамъ, какъ слезы;

„Эо-а, э-оо-э-оа!“

вторилъ ему безрукій одними гласными. Онъ плотно зажмурилъ глаза, и ноздри его нервно дрожали, дрожали и губы, и подбородокъ.

„Доли-себѣ жду-у!“

голосомъ, полнымъ безнадежности и покачивая головой, пѣла Тania и улыбалась, такой тоскливой, острой улыбкой.

„Душу мою...“

звенѣлъ и плакалъ теноръ Костя.

„Слезы-и-и...“

„Слезы жгучи моятъ...“

дрожащею голосъ безрукаго.

Звуки все плакали, плыли, казалось, что вотъ-вотъ они оборвутся и умрутъ, но они снова возрождались, оживляя умирающую ноту, снова поднимали ее куда-то высоко; тамъ она билась и плакала, падала внизъ; фальцетъ безрукаго отбѣнялъ ея агонію, а Тania все пѣла, и Костя опять рыдалъ, то обгоняя ея слова, то повторяя ихъ, и, должно быть, не было-бы конца у этой плачущей и молящейся пѣснѣ—разсказу о поискахъ доли сиротой—человѣкомъ.“

Къ своимъ созданіямъ, къ своимъ „героямъ“ Горькій не можетъ относиться равнодушно, онъ ихъ любитъ, жалѣетъ, онъ мучится вмѣстѣ съ ними и передаетъ эти чувства читателю, но, не смотря на это, онъ даетъ имъ думать и дѣйствовать самостоятельно, „по своему“. *Онъ не массируетъ жизнь тенденціей.* Онъ умѣетъ сливаться съ самыми разнородными натурами и смотрѣть на окружающую ихъ обстановку не своими, а ихъ глазами. На „похороны писателя“ („въ Тоскѣ“) онъ смотритъ, напр., не своими глазами, а глазами „Тихона Павловича“; море онъ обрисовываетъ именно такъ, какъ онъ должно было казаться контрабандисту-поэту Челкашу.

Онъ обладаетъ способностью „превращать слухъ въ зрѣніе“, заставлять читателя видѣть то, о чемъ онъ рассказываетъ, но еще сильнѣе развита у него способность передавать ощущенія, заставлять чувствовать и *ощущать* именно то, что чувствуетъ и ощущаетъ изображаемое лицо; для этого онъ прибѣгаетъ къ смѣлымъ сравненіямъ и тонкимъ указаніямъ на *физическіе* симптомы, сопровождающіе чувствованія.

Описывая, напр., душевное состояніе Тихона Павловича, вызванное пѣсней, онъ говоритъ:

„Тихонъ Павловичъ давно уже неподвижно сидѣлъ на стулѣ, низко свѣсивъ на грудь голову и жадно вслушиваясь въ звуки пѣсни. Они снова будили въ немъ его тоску, но теперь въ ней примѣшивалось *что-то подко-сладкое, шекочущее сердце.* Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто его обливало *что-то теплое и густое, какъ парное молоко,* обливало и пронизало внутрь его существа, наполняло собой всѣ жилы, очищало кровь, тревожило его тоску и, развивая ее и увеличивая, все болѣе смягчало. Было еще что-то жгучее и щиплющее во всѣхъ этихъ ощущеніяхъ—оно было въ каждомъ изъ нихъ и, соединяясь, образовало въ душѣ мельника странную сладкую боль, точно большая, давившая его сердце ледина таяла, распадалась на куски, и *они кололи его такъ, внутри.*“

Вообще всѣ сравненія у Горькаго отличаются яркой смѣлостью!

Контральто поющей Тани онъ сравниваетъ съ „широкой полосой бархата, извивавшейся въ пространствѣ“ и на немъ, на этомъ бархатѣ, говоритъ онъ, „въ фантастическихъ узорахъ дрожали золотныя и серебряныя нити—голосовъ Безрукаго и Кости“. „Тучи“ онъ сравниваетъ съ „волнами, ринувшимися на землю внизъ кудрявыми, съдymi хребтами и на пропасти, изъ которыхъ вырваны эти волны вѣтромъ, и на зарождавшіеся валы, еще не покрытые зеленоватою пѣной бѣшенства и гнѣва“. „Сырая каменная стѣна мола“ сопоставляется съ „холодной и тяжелой змѣей“, черный корпусъ морскаго судна безъ мачтъ—съ огромнымъ гробомъ, удары волнъ въ бока котораго родятъ „глухое гудкое эхо, похожее на тяжелый вздохъ“ и т. д.

Объ вещи Горькаго очень не велики („Челкашъ“—34 стр., „Тоска“—44 стр.), сюжеты ихъ не замысловаты, но, не смотря на это, въ нихъ кроется, какъ во всякомъ крупномъ произведеніи, глубокой, общечеловѣческой смыслъ. Особенно, это можно сказать про „Челкаша.“ Не отражается ли въ столкновеніи взглядовъ на свободу и счастье Гаврилы и Челкаша столкновеніе міросозерцаній деревенскаго мелкаго собственника и городскаго пролетарія, и ихъ борьба не прообразъ ли будущей великой борьбы собственниковъ и пролетаріевъ?!

Внѣшняя отдѣлка въ обоихъ разсказахъ безукоризненна; видно, что авторъ потрудился надъ ними...

Намъ невольно при этомъ вспоминается сцена, происходившая лѣтъ 15 тому назадъ между однимъ нашимъ пріятелемъ и однимъ русскимъ маститымъ писателемъ. Пріятель отдалъ писателю для просмотра тетрадки своихъ мелкихъ, слѣшно написанныхъ разсказовъ и явился къ нему, чтобы узнать безпристрастный отзывъ. Старикъ писатель встрѣтилъ молодого человѣка торжественно съ тетрадюю разсказовъ въ рукахъ.

„Милостивый государь“—началъ онъ, обращаясь къ юному автору,— „міромъ править Богъ (и онъ поднялъ указательный палецъ къ небу) и трудъ (и онъ опустилъ руку къ землѣ), въ вашихъ же произведеніяхъ нѣтъ ни того, ни другого, они—не литература. Идите и трудитесь, можете быть, тогда къ Вамъ и явится Богъ“. Если бы къ этому маститому писателю явился Горькій съ своими „Челкашемъ“ и „Тоской“, старикъ, вѣроятно, обратился бы къ нему съ слѣдующей рѣчью:

„Милостивый государь, въ вашихъ произведеніяхъ есть и Богъ, и трудъ, это—настоящая литература. Но остерегайтесь! Если вы перестанете трудиться, если Вы послѣдуете въ этомъ отношеніи примѣру большинства современныхъ писателей, то отъ васъ уйдетъ и Богъ, уйдетъ талантъ, уйдетъ идея... Работайте упорно, но не спѣшите, не печатайте вашихъ произведеній, но отдѣлавъ ихъ самымъ тщательнымъ образомъ, не продумавъ каждой мысли до самаго конца. Лучше голодайте, но не оскорбляйте Вашего Бога!“

Какъ-то даже страшно привѣтствовать новый талантъ: сколько ужъ молодыхъ писателей жестоко обманули возлагавшіяся на нихъ надежды. Откровенно сказать, мы боимся и за М. Горькаго, тѣмъ болѣе, что ему, вѣроятно, приходится жить литературнымъ трудомъ. Гдѣ же ждать вдохновенія, когда необходимъ „гонораръ“, чтобы уплатить за квартиру или купить провизіи для обѣда?

Рядомъ съ „Тоской“ въ 10-ой книжкѣ „Новаго Слова“ помѣщенъ „Пересолтъ“—маленькій рассказъ писателя-крестьянина С. Т. Семенова. Этотъ рассказъ, какъ и всѣ предыдущія произведенія симпатичнаго писателя, поражаетъ своей наивной простотой и яснымъ, здоровымъ взглядомъ на хорошо знакомую автору крестьянскую среду. Семеновъ всегда даетъ читателю свѣжую, хотя и не слишкомъ глубокую мысль, но въ его произведеніяхъ нѣтъ художественныхъ красотъ, яркихъ образовъ, умѣнья тонко анализировать душу человѣка; онъ обыкновенно какъ бы рассказываетъ о жизни людей, а не даетъ читателю самому заглянуть въ эту жизнь, но, тѣмъ не менѣе, его рассказы прочтутся всякимъ, а особенно „среднимъ“ читателемъ съ интересомъ и съ пользою.

Такою же безхитростностью и задушевностью отличаются и рассказы, кажется, совсѣмъ еще юнаго писателя Яблоновскаго, хотя они затрагиваютъ иную среду, чѣмъ Семеновъ. Мы припоминаемъ его хорошенькій рассказъ изъ военной жизни, помѣщенный въ прошломъ году въ „Русскомъ Богатствѣ“.

Въ этомъ рассказѣ просто, но съ теплымъ и благороднымъ чувствомъ рисуются безплодные мечтанья двухъ молодыхъ офицеровъ, собиравшихся открыть воскресную школу для солдатъ. Въ этомъ году въ 7-ой книжкѣ „Русскаго Богатства“ мы встрѣчаемъ другой его очеркъ „Дебютъ“, гдѣ правдиво описываютъ „авторскія чувства“ гимназиста, первое произведеніе котораго напечатано въ провинціальной газетѣ.

Особенно характерно то разочарованіе, который испытывалъ юноша-писатель, „окунувшись въ первый разъ въ газетную трущобу“ и убѣдившись, что редакция часто бываетъ не храмомъ, не „священнымъ мѣстомъ“, а грязной лавочкой. Выходя оттуда бѣдная повторяетъ: „ахъ, какая гадость! какая гадость!“

„Ему казалось, что только-что при немъ оскорбили, унизили, предали поруганію то, что онъ привыкъ считать священнымъ, въ чему до сихъ поръ относился съ чувствомъ глубокаго уваженія“.

Правда, тяжело юношѣ-дебютанту испытать это горькое чувство разочарованія при видѣ поруганія „священнаго“ печатнаго слова какимъ-нибудь лавочникомъ, воображающимъ себя редакторомъ, но еще тяжелѣе, я думаю, старому, честному писателю видѣть, какъ на страницахъ журнала, гдѣ когда-то помѣщались произведенія Толстого и Тургенева, подвизается „начинающій свою карьеру“ „дѣятель“ въ родѣ Медвѣдскаго. Странно, что этого „дѣятеля“ допустилъ у себя подвизаться журналъ, издаваемый „Товариществомъ общественной пользы“, которое основано врядъ-ли для поощренія литературныхъ доносовъ. Такое поощреніе невыгодно даже и для „кармановъ“ господъ пайщиковъ, такъ какъ журналъ, которому „задаетъ тонъ“ г. Медвѣдскій, неминуемо обреченъ на погибель. Уже въ болно некрасивомъ нравственномъ „неглиже“ предсталъ онъ передъ публикой; не даромъ органы чуть ли не всѣхъ направленій отзываются о немъ съ брезгливостью. Въ сущности такія ничтожныя „переметныя сумы“, какъ Медвѣдскій, мало опасны, гораздо больше вреда прогрессивнымъ идеямъ могутъ принести „честные писатели“, неразборчивые въ выборѣ журналовъ для помѣщенія своихъ произведеній и „честные журналы“, неразборчивые въ выборѣ сотрудниковъ. Изъ современныхъ журналовъ-по,

жаду, одно только „Русское Богатство“ не допустить на свои страницы произведенія авторовъ, пишущихъ „гдѣ угодно“. Здоровая, добролюбивская нетерпимость была бы въ наше время умѣстище проповѣдуемой съ разныхъ сторонъ оппортунистической терпимости. Мы боимся, что именно этотъ современный оппортунизмъ продиктовалъ проектъ общества литераторовъ, о которомъ теперь много говорятъ и пишутъ. Между прочимъ, и „Р. Б.“ относится къ этому проекту какъ будто сочувственно, замѣчая, что если проекту общества удастся устранить многочисленныя препятствія и собрать воедино на широкомъ фундаментѣ разсыпанную храмину российской прессы, то, конечно, это будетъ большая заслуга и передъ обществомъ, и передъ печатью. Да... *если!*

Теперь вообще у насъ много толкуютъ о злоупотребленіяхъ печатнымъ словомъ и необходимости принять мѣры для его оздоровленія, потому талантливый корреспондентъ „Русскаго Богатства“ Н. К. *) очень кстати посвятилъ свое послѣднее письмо характеристикѣ болѣзней современной французской печати. Она безпощадно раскрываетъ продажность нѣкоторыхъ вліятельныхъ органовъ, въ особенности пресловутаго бульварнаго „друга Россіи“ „Фигаро.“ Если мы внимательно присмотримся къ современной русской прессѣ, то безъ труда замѣтимъ и въ ней зародыши „продажности“, безудержнаго рекламированья, вообще служенія „грубо меркантильнымъ интересамъ“ и очень возможно, что вмѣстѣ съ развитіемъ у насъ „могущества печати“ разовьются не только здоровые зачатки, но и эти болѣзненные. Особенно любопытно, что заболѣваніе замѣчается какъ разъ въ тѣхъ органахъ, которые больше всего кричатъ объ оздоровленіи; впрочемъ, понятіе о „болѣзни“ у нихъ нѣсколько иное, чѣмъ у Н. К.; по ихъ мнѣнію, печать не стоитъ на должной высотѣ, злоупотребляетъ своимъ могуществомъ, если критикуетъ тѣ или другія стороны общественной жизни по убѣжденію, выходя изъ извѣстнаго міровоззрѣнія, но они сами не прочь во многихъ случаяхъ послѣдовать примѣру французскихъ бульварныхъ собратьевъ, они не прочь написать и пасквиль, и рекламу, ихъ порицанія и похвалы не только отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлымъ учрежденіямъ обуславливаются далеко не всегда внутреннимъ убѣжденіемъ. Конечно, доказать эту продажность въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ такъ же трудно, какъ и во Франціи: „какъ разъ за диффамацию притянуть!“ Но можно доказать, что среди видныхъ представителей того направленія нашей печати, на которое „оздоровители“ указываютъ какъ на зловердное, на которое приглашаютъ цензуру направить свои громы, нѣтъ ни одного, котораго можно было заподозрить въ продажности. Не даромъ, многіе иностранцы почтительно удивляются, что въ некультурной Россіи такъ сравнительно много серьезныхъ и неподкупныхъ журналовъ и, если имъ не приходится почтительно удивляться столичнымъ газетамъ, то въ этомъ виноваты не тѣ, которыхъ Катковъ называлъ „разбойниками пера“, а тѣ, которые уклоняются объ „оздоровленіи“. Нѣтъ, господа, вамъ не „оздоровить“ печатное слово, потому что не на вашей сторонѣ то, что „пра-

*) Вообще Н. К. пишетъ умно и интересно, не даромъ на него съ особенною силой ополчился г. Медвѣдскій въ своемъ анонимномъ доносѣ на зловердное „Р. Б.“ и на попустительницу-цензуру.

вить міромъ“, не на вашей сторонѣ „Богъ и трудъ“, не на вашей сторонѣ таланты, которыми гордилась, гордится и будетъ гордиться Россія. Не на вашей сторонѣ стоитъ величайшій изъ современныхъ писателей Л. Н. Толстой, не въ вашихъ журналахъ появляются такіе „новыя“ таланты, какъ Мельшицъ, Горькій, Сѣрошевскій и др. И кого вы противопоставите имъ? Не „литераторовъ“ ли, заканчивающихъ у васъ свою „эволюцію“?!

В. Поссе.

Дѣтское Чтеніе.—Январь—іюнь 1896 г.

Очень трудно находить мѣрки для дѣтской литературы и ихъ невольно иногда мѣняешь, прикладывая то ту, то другую. Одно время, напримѣръ, было большое увлеченіе утилитарнымъ направленіемъ; чтеніе, естественно являясь главнымъ помощникомъ учителей, должно было во всѣхъ своихъ строкахъ продолжать уроки, давать знаніе, питать умъ; сказка—нарядный другъ воображенія—была особенно въ загонѣ, считалась врагомъ работы умственной, отупляющимъ гашишемъ для дѣтей; чувствительный рассказъ тоже подвергался осужденію и осмѣянію. Затѣмъ, утилитаризмъ смягчился; нельзя дѣтямъ ежечасно учиться; можно имъ, когда хотятъ, почитать пустяки; „чудо-юдо рыба-китъ“ вернулся къ своимъ правамъ на дѣтскую любовь. А чувствительный рассказъ? Онъ оказался особенно живучимъ и, конечно, не только мы, но и наши внуки, и правнуки не придумаютъ другой преобладающей формы правоучительности для дѣтей. Правоучительность и сама по себѣ, независимо отъ ея формы, вызвала когда-то отрицаніе, но не дальше, какъ въ теоріи: на практикѣ, нельзя воспитать ребенка безъ правоученій, т. е. безъ разъясненій того, что хорошо и что дурно. Каждое новое маленькое лицо должно заново пройти вступленіе въ науку жизни, заново продумать и прочувствовать все то, что дѣлаетъ человека твердымъ въ добрѣ или въ злѣ. И вотъ, очень цѣнно, чтобы это иллюстрировалось, закрѣплялось примѣрами ясными, понятными, рельефными. Родная семья и семьи знакомыхъ даютъ примѣры самые сильныя, конечно, но въ нихъ обыкновенно только матеріалъ для подражательности, а не для умственныхъ выводовъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, умственный выводъ—результатъ предшествовавшихъ разъясненій. Изъ разъясненій одни скользятъ, другія западаютъ; это зависитъ отъ степени подготовленности почвы, отъ воспримчивости ребенка, отъ его наслѣдственныхъ свойствъ, отъ яркости самыхъ разъясненій (многіе воспитатели думаютъ замѣнить яркость растянутостью, вдалбливаніемъ, и жестоко ошибаются). Каждый изъ насъ, взрослыхъ людей, оглядываясь назадъ, можетъ припомнить отдѣльные случаи, дававшіе толчекъ мысли, отдѣльныя вліянія, оставившія слѣдъ. Много толчковъ, много вліяній получено и не прямо отъ жизни, а черезъ чтеніе, и вотъ тутъ-то, припомная, всего больше запутываешься въ опредѣленіи мѣрки. Начинаетъ иногда казаться, что спеціально-дѣтскаго чтенія совсѣмъ не нужно, что самой большой силой обладаютъ крупныя произведенія всемірной литературы и что достаточно положиться на нихъ—пусть дѣти читаютъ, пусть высасываютъ, что могутъ, пусть dorостають. Съ другой стороны, въ воспоминаніяхъ выплываетъ

какой-нибудь самый немудреный рассказец, когда-то прочитанный, поразивший, тронувший въ высокой степени.

- „Сестра Анна, сестра Анна! не видишь ли кого? не ѣдет ли кто?
- Нѣтъ никого. Только вѣтеръ несетъ пылъ по дорогѣ.
- Сестра Анна, сестра Анна! не видишь ли кого? не ѣдет ли кто?
- Вижу, ѣдутъ два рыцаря...“

Съ какимъ напряженнымъ томленіемъ ждало дѣтское сердце этихъ двухъ рыцарей, чтобъ они спасли бѣдную молодую жену „Синей Бороды“! Пять, шесть, десять разъ читалась сказка, и каждый разъ горячо хотѣлось счастливаго конца, успѣшнаго заступничества сильныхъ за слабую. Несомнѣнно, прокладывалась дорожка опредѣленному направленію чувства. И не только изъ сязокъ Перрольта, въ своемъ родѣ тоже „всемирныхъ“, но изъ самыхъ незначительныхъ книжекъ припоминаются страницы, во-время освѣтившія дѣтскому уму то или другое явленіе, и чѣмъ незатѣйливѣе была при этомъ фабула, чѣмъ рѣзче фигуры, чѣмъ проще отношеніе къ добродѣтели и пороку, тѣмъ глубже врѣзывалось впечатлѣніе.

Что же изъ этого слѣдуетъ? Да вотъ именно то, что дѣтская литература, должно быть, нужна, но что достоинства ея трудно-уловимы. Отрицательныя качества указать легче: не слѣдуетъ давать примѣровъ „успѣха зла“ (фельетонныя романы бульварныхъ листовъ Парижа—образецъ такого рода вредной литературы), хотя въ жизни зло, разумѣется, очень часто успѣваетъ и совершенно безнаказанно: не слѣдуетъ поддерживать никакой вражды—племенной или сословной (многія изъ французскихъ дѣтскихъ книгъ полны враждой къ нѣмцамъ, и въ этомъ глубокая ошибка, даже преступленіе противъ будущихъ поколѣній); не слѣдуетъ лѣстить дѣтямъ (нѣкоторые это любятъ: „Милыя дѣти! какъ вы чудесно пишете письма въ редакцію!“ „Милыя дѣти! какъ вы мило сочиняете загадки!“ и т. д.); не слѣдуетъ давать беспросвѣтно-тяжелыхъ сценъ—это можетъ только надламывать неокрѣпшую волю; не слѣдуетъ фиглярничать—смѣшивать грубымъ смѣхомъ; и т. под. Если вообще „съ словомъ надо обращаться честно“, то съ словомъ, адресуемымъ къ дѣтямъ, тѣмъ болѣе. Въ этомъ главное, а тамъ—кому что Богъ на душу положитъ сказать ребенку.

Передъ нами теперь шесть первыхъ №№ „Дѣтскаго Чтенія“ за нынѣшній годъ—600 слишкомъ страницъ. Намѣренія всѣхъ этихъ страницъ хорошия, заигрыванья съ читателями нигдѣ нѣтъ, авторы, повидимому, не притворяются передъ „милыми дѣтями“, а просто пишутъ, потому что имъ самимъ хочется писать. Нравоучительности много; и пускай, Богъ съ ней! Гдѣ проскользнетъ, а гдѣ, можетъ быть, и на мѣсто попадетъ, заронитъ доброе зерно. Взрослому человѣку нравоучительность не правится, потому что онъ ее угадываетъ съ перваго слова, и она уже на него не дѣйствуетъ; все, что она можетъ предложить ему, онъ и безъ того „самъ знаетъ“; или уже давно привыкъ исполнять, или же не привыкнетъ никогда и не желаетъ. Ребенку, наоборотъ, этимъ дается указаніе для его складывающихся вкусовъ. И вотъ, въ „Дѣтскомъ Чтеніи“, съ перваго же номера его, видимъ, напримѣръ, „Горемычнаго Митю“ (святочный рассказъ Фаусека), прильнувшего снаружи къ барскому окошку, въ полномъ самозабвеніи передъ красивой зажженной елкой; дальше находимъ такого же Митю въ рассказѣ „Маевка“ (Ю. Марьиной) подъ видомъ босоногого Степы, съ вос-

торгом слѣдующаго за игрой въ мячъ графскаго сына Оеди и его товарищей, или въ разсказѣ „Тихонъ Михайловичъ“ (К. Лукашевичъ) подѣ видѣмъ Анютки, ставящей все свое счастье въ томъ, чтобы не спускать глазъ съ пріѣзжей на лѣто въ деревню гимназистки и ея брата, тоже гимназиста. Предполагается вызвать къ Митѣ, Степѣ, Анютѣ большую долю вниманія, чѣмъ они вызываютъ въ жизни; оттѣновъ этого вниманія здѣсь нѣсколько покровительственный, напоминающій: „не пренебрегайте бѣдными“. Въ разсказѣ Ильиной: „Необыкновенный случай“ степень отношенія выше; здѣсь маленькій заблудившійся мальчикъ, сынъ богатаго отца, самъ попадаетъ подѣ покровительство бѣдняковъ; необыкновенность случая заключается преимущественно въ томъ нравственномъ толчкѣ, который переживается отцомъ, черствымъ эгоистомъ, при встрѣчѣ съ простыми, ласковыми людьми, безкорыстно пригрѣвшими его ребенка. „Кара-Ханымъ“ (Мамина-Сибиряка) даетъ еще иной примѣръ отношенія; это образованная женщина-вдова, пріѣхавшая въ жалкое башкирское селеніе, чтобы внести сколько-нибудь свѣта въ тьму полнаго, грубаго невѣжества; башкиры обворовываютъ ее и не могутъ надивиться, почему она, дура, такъ поддается имъ, никого не притягиваетъ къ отвѣту, какъ будто не видитъ, и все продолжаетъ объ нихъ заботиться—ходить за больными, обмываетъ ребятъ, учить на свой счетъ подростковъ; постепенно, однако, они оказываются покоренными ея настойчивостью и терпѣніемъ, измѣняются къ ней, перестаютъ воровать, учатся въ ея школѣ, берутъ примѣръ съ ея небольшого хозяйства. Понять ея дѣлей они не могутъ, но одна старуха, умирая, зоветъ ее и таинственно шепчетъ: „Я теперь все знаю... все... Тебя послалъ къ намъ Аллахъ, Караханымъ..“

Очень симпатиченъ разсказъ Станюковича: „Максимка“. Это картинка изъ прошлой морской жизни, рисующая спасеніе нашимъ военнымъ паровымъ клиперомъ маленькаго негритенка, найденнаго въ морѣ на обломкѣ разбитаго судна. Имя Максима негритенокъ получилъ отъ одного изъ матросовъ, Лучкина, горькаго пьяницы, но добраго человѣка, принявшаго самое живое участіе въ бѣдномъ найденшѣ. „Потому, какъ его въ день святого угодника Максима спасли, онъ и выходитъ Максимка... Лучкинъ и платье ему отъ себя смастерилъ и всѣмъ объявилъ, что будетъ „доглядывать“ за нимъ. „Значить, вродѣ бытто няньки будешь у Максима?“ подтрунивали товарищи. „То-то, за няньку! отвѣчалъ съ добродушнымъ смѣхомъ Лучкинъ.—Нешто я въ няньки не гожусь, братцы? Не къ барчуку вѣдь!... Тоже и этого черномазаго надо обрядить... другую смѣну одежды спить, да башмаки, да шапку справить... Дохтуръ ископочеть, чтобы, значить, товаръ казенный выдали... Пушай Максимка добромъ вспомнить россійскихъ матросиковъ, какъ оставить его безпризорнаго на Надежномъ Мысу. По крайности, не голый будетъ ходить“. Негритенокъ, раньше знавшій только побой, загнанный, какъ жалкій звѣрекъ, не замедлилъ всѣмъ сердцемъ откликнуться на встрѣченную ласку матросовъ и особенно Лучкина, „Лючика“, какъ называлъ онъ его. Сколько могъ, съ усердіемъ помогалъ въ работахъ, лазилъ по снастямъ, какъ обезьяна, шторма не пугался, въ свободныя минуты забавлялъ своими танцами на бакѣ и своими родными пѣснями. На Надежномъ Мысу (т. е. на мысѣ Доброй Надежды) его не оставили, а по просьбѣ всего экипажа капитанъ согласился увести

его въ Кронштадтъ, гдѣ онъ поступилъ потомъ въ школу фельдшерскихъ учениковъ и гдѣ привязавшись къ нему всей душой Лучиниъ даже научился, ради него, пить „съ разсудкомъ“.

Въ разсказѣ „Васька-горнистъ“, г. Мачтета, тоже встрѣчаемъ дружбу стараго и малаго, но только выросшую на другой почвѣ. Пастуху изъ оставшихъ солдатъ, старому Титычу, дали въ помощники сироту-мальчика, къ которому онъ очень привязался и котораго выучилъ играть на свирѣли. Много военныхъ разсказовъ выслушалъ Васька отъ Титыча, а тутъ и настоящая война подошла—къ Севастополю потребовали ратниковъ. Мѣстный помѣщикъ снарядилъ свой отрядъ ополченія, Титычъ ожилъ, сбросилъ фельдфебелемъ, взялъ съ собой въ походъ и Ваську, равнагося не отстать отъ „мира“. Васькѣ было только пятнадцать лѣтъ, но изъ него сдѣлали горниста—онъ игралъ сигналы, подъ его рожокъ люди бодрѣе шли. Вторая часть рисуетъ тяжелый походъ, встрѣчи съ непріятелемъ, плѣны, потомъ возвращеніе въ деревню по окончаніи войны. Краски вездѣ положены въ мѣру, и въ этомъ главное достоинство разсказа. Есть еще другой разсказъ „про войну“; онъ называется: „Страница изъ исторіи Москвы“. Это 12-й годъ, Наполеонъ въ Москвѣ, пожаръ Москвы, отступленіе непріятеля и затѣмъ Наполеонъ на островѣ св. Елены, воспоминающей начало своей гибели. Написано довольно блѣдно, но весь этотъ періодъ самъ по себѣ такъ ярокъ, что всегда говоритъ за себя. Кромѣ этихъ двухъ разсказовъ, русскихъ историческихъ темъ касаются еще двѣ статьи: „Вѣнчаніе русскихъ государей на царство и коронаціонныя празднества“ въ майскомъ № и „Коронаваніе Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны“ въ июньскомъ №. Исторія всеобщая мелькаетъ только въ одномъ біографическомъ очеркѣ: „Сократъ и софисты“; по языку это довольно трудная статья и можетъ годиться преимущественно при томъ условіи, чтобы ребенокъ прочелъ ее съ помощью взрослого.

Точно такъ же съ помощью взрослыхъ должны читаться статьи Корочевского, заимствованныя у Ревлю: „Изъ жизни ручья“—рядъ очерковъ, его же „Прогулка и купанья“, ботаническія статьи Долина, составленныя по Страсбургеру и Ванъ-Тигему: „Сѣмя, почка и спора“, „Клѣточка“, „Корень“, „Цвѣтокъ“, и прекрасная статья Слѣщовой: „Борьба растений“. Конечно, могутъ встрѣтиться дѣти, уже имѣющія извѣстную подготовку и способныя справиться со всѣми этимъ собственными силами; помощи мы желали бы для неподготовленныхъ, т. е. для тѣхъ, которымъ болѣе чѣмъ другимъ подобныя статьи нужны и которыя, по неумѣнью владѣть, часто откидываютъ такое чтеніе, находя „неинтереснымъ“.

Отчасти естественно-историческій, отчасти этнографическій матеріалъ встрѣчается въ нѣсколькихъ статьяхъ и разсказахъ: „Въ Уссурійской тайгѣ“, „Прогулка по Московскому зоологическому саду“, „Ловля китовъ“, „Черепашка“. Наиболѣе цѣнной и очень живой этнографической статьей надо назвать очеркъ Носилова: „Неволя“ (имя маленькаго самоѣда); печальный уголокъ крайняго сѣвера согрѣтъ въ этомъ очеркѣ ласковымъ чувствомъ автора и къ этому самому сѣверу, освѣщаемому своими удивительными сіянціями, и къ его обитателямъ.

Самыми крупными по размаху из всего напечатаннаго въ первомъ полугодіи „Дѣтскаго Чтенія“ являются двѣ, еще неоконченныя повѣсти: „Драма во дворѣ“, Потапенко и „Снѣжокъ и Картошка“ Альбова. Въ той и другой главными дѣйствующими лицами видимъ домашнихъ собакъ. Какъ по воспоминаніямъ собственнаго дѣтства, такъ и по наблюденіямъ надъ дѣтми не сомнѣваемся, что у этого рода рассказовъ всегда найдутся горячіе друзья. Кажется, каждый ребенокъ съ естественными дѣтскими вкусами или любить какую-нибудь собаку, или по крайней мѣрѣ мечтаетъ, какъ любилъ бы ее, еслибы она у него была; эта любовь, этотъ интересъ переносится и на рассказы о собачьихъ приключеніяхъ, которыя, надо прибавить, почти всегда очень удаются своимъ авторамъ. Съ точки зрѣнія дѣтей, надо думать, что и Потапенко, и Альбовъ должны одинаково увлекать своихъ читателей, но съ точки зрѣнія взрослыхъ, второй изъ рассказовъ несравненно вѣрнѣе, ровнѣе, художественнѣе. Бродячая собака Альбова совершенно живая, со всѣми доступными ей мыслями и чувствами; нѣтъ ни одного лишняго штриха, который бы заставилъ подумать: ну, ужъ это не естественная! У Потапенки, напротивъ, рядомъ съ очень милыми и вѣрными страницами (особенно удачно вышли не животныя, а разсужденія ихъ гувернера—Федьки) проскальзываетъ очень много растянутаго, невѣрнаго, вродѣ того, на примѣръ, что гусакъ, принимающій участіе въ старой собакѣ, прикидывается хромымъ и не идетъ къ пруду, чтобы остаться наблюдать, не сдѣлаютъ ли чего худо Медвѣдкѣ. Сказочная Андерсеновская манера перемѣшивается здѣсь съ манерой бытового рассказа, и получается нѣчто запутанное, нестройное.

Запутаннымъ и нестройнымъ представляется еще намъ, уже не въ одномъ какомъ нибудь рассказѣ, а вообще въ журналѣ, характеръ того отношенія, въ которое мы ставимъ дѣтей къ животнымъ, давая имъ рядомъ „Драму во дворѣ“ (адвокатура въ пользу больной, старой собаки, которую кучеръ памѣревается извести, чтобы „не мучилась“), рассказъ „Первый олень“ (общая радость и торжество, когда мальчикъ-самоѣдъ становится ступлюмъ), рассказъ «Сайгачата» („Почти ежедневно ему вспоминалась убитая имъ сайгачиха и ея сироты сайгачата; это воспоминаше угнетало его душу, мучило его...“), и т. д. Что-нибудь одно: или позволительно *радоваться* пролитію крови или не позволительно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ если не позволительно, то естественно, конечно: на примѣръ, когда убить волкъ, нашъ личный врагъ, врагъ нашего стада. Пастухъ отбилъ у него «бѣдную овечку»; ребенокъ, которому читаютъ или разсказываютъ про это, радуется погибели хищника, и пускай радуется—онъ видитъ только хорошую, героическую сторону такого случая. Завтра тотъ же пастухъ самъ зарѣжетъ «бѣдную овечку» и ребенку дадутъ поглотить ея косточку, но ему при этомъ не дадутъ описанія убійства: косточки, котлеты, ростбифы сами собой являются на тарелкахъ, ихъ приносятъ готовыми изъ кухни, а на бойню ребенка не водятъ, и хорошо, что не водятъ. Мясника не дѣлаютъ героемъ дѣтскаго разсказа, мясникъ дѣйствуетъ гдѣ-то тамъ, вдали, гдѣ не только дѣти, но и мы сами его не видимъ. Зачѣмъ же дѣлать героемъ дѣтскихъ рассказовъ охотника? Охотникъ есть на свѣтѣ, какъ есть и мясникъ; но соотвѣтствуетъ ли текущему періоду цивилизаціи дѣлать изъ него героя, восторгаться имъ? Не лучше ли оставить его для дѣтей въ тѣни? Если же

восторгаться, то не надо таких жалких словъ, какъ о сайгачихъ съ сайгачатами, не надо Тургеневскаго разсказа «Перепелка» и т. под.

Кромѣ всего указаннаго выше, въ журналѣ есть еще много небольшихъ легендъ, очерковъ, картинокъ съ натуры, было бы длинно ихъ перечислять здѣсь. Нѣкоторые изъ нихъ слабоваты, безцвѣтны, другіе недурны. Довольно забавенъ разсказъ про короля и пастуха: король, гуляя одинъ, забылъ подъ дубомъ свою книгу; возвращаться было жарко и онъ попросилъ встрѣчнаго мальчика, пасшаго стадо гусей, добѣжать до указаннаго ему мѣста; пастухъ колебался, боясь, что стадо безъ него разбредется, что господину не углядѣть; полученная монета рѣшила дѣло—мальчикъ показалъ, какъ надо хлопать бичомъ и убѣжалъ; король задумался, гуси сейчасъ смекнули про свою свободу и забрались въ запретное для нихъ поле; пастушонокъ по возвращеніи очень взволновался, захопоталъ, съ трудомъ собралъ бѣглецовъ и серьезно выговаривалъ своему замѣстителю: «такъ и зналъ, что не сумѣете!» Король попробовалъ его утѣшить, назвавъ себя, но получилъ возраженіе: «Я былъ глупъ, когда вамъ довѣрилъ стадо, но не поглупѣю же до того, чтобы васъ принять за короля». Новая подаренная монета лучше уладила дѣло; успокоенный мальчикъ сказалъ въ заключеніе: «я вижу, что вы добрый человѣкъ; только помините мое слово: никогда изъ васъ не выйдетъ хорошаго пастуха!»

Кое-что сообщается въ «Дѣтскомъ Читеніи» изъ текущихъ новостей; въ соотвѣствующихъ №№ находимъ «Новооткрытые лучи» (Рентгена), «Полярная экспедиція Нансена», «Изъ исторіи печатнаго дѣла» (въ связи съ бывшей Петербургской выставкой).

Въ каждомъ № есть шарады, загадки, ребусы. Къ разсказамъ и дѣловымъ статьямъ приложены рисунки.

Е. Свѣшникова.

КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Заборовскій, Историческій человѣкъ. Пер. съ франц. Общепольз^ная библиотека для самообразованія. Изд. М. В. Клюкина, М. 1896. Ц. 40 к.

Павлова, С. Сборникъ подвижныхъ игръ на открытомъ воздухѣ и въ школѣ. съ рис. Ц. 1 руб. М. 1896.

Савелова, З. Вышиваніе по канвѣ съ 29 рис. и 5 чертежами. Изд. К. Тихомирова, М. 1896. Ц. 15 к.

Ростовцевъ, проф. Картофельная болѣзнь. Изд. К. Тихомирова. Ц. 15 к. М. 1896.

Кюнеръ, д-ръ. Гигіена любви. Ц. 50 к. Одесса. 1896.

Рубакинъ, Н. Разсказъ о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Изд. 3-ое О. Н. Поповой. Ц. 18 к. Спб. 1896.

Бѣлоусовъ, И. Малыши. Разсказъ и стихотв. для дѣтей. 2-е изд. М. Клюкина. М. 1896. Ц. 30 к.

Гебель, В. Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе, построеніе и доказательство. Ц. 40 к. М. 1896.

Граменицкій, С. Руководство ариметики. Изд. 2-е М. 1896. Ц. 40 коп.

Его же. Очеркъ развитія народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ. Ташкентъ 1896.

Малиссъ, Я. Сборникъ правилъ русскаго правописанія. 2 изд. Ц. 50 к. М. 1896.

Васильевскій, Н. Гигіена и санитарія въ примѣненіи къ земскимъ народнымъ школамъ Херсонской губ. Изд. Херсон. Земск. Упр. Херсонъ 1896.

Къ сѣверному полюсу на воздушномъ шарѣ. Проектъ Андре съ историческимъ очеркомъ и таблицей рисунковъ. Спб. 1896. Ц. 35 к.

Legrain, Dr Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Пер. Л. Н. Бастамова подъ ред. врача В. Башкова. Тверь. 1896. Ц. 75 к.

Бесѣды дѣдушки, Пахома о худой болѣзни. Изд. книжн. магаз. М. Ледерле. Ц. 10 к. Спб. 1896.

Изданія СПБ. Комитета Грамотности. № 42. К. Станюковичъ. Между матросами. Изд. 2-ое Ц. 5 к. № 43. Его же—Двѣ елѣи. Ц. 3 к. № 76. Жоржъ Зандъ. Великанъ Іеусъ. Ц. 5 к. № 78. Ея же. Крылья мужества. Ц. 8 к. № 81. Разсказъ Додэ. Ц. 3 к. № 82. Уйда. Маленькій графъ Ц. 6 к. № 83. Разсказы Дж. Верга. Ц. 3 к. № 84. Жоржъ Зандъ-Чародѣйка. Ц. 15 к. № 85. А. Потѣхивъ. Около денегъ. Ц. 25 к. № 86. Бьернстjerne Бьернсонъ. Свадебный маршъ. Ц. 6 к. № 87. Амичья. Мать. Ц. 3 к. № 88. Зола. Наводненіе. Ц. 3 к. № 89. Станюковичъ. Нянька. Ц. 8 к. № 90. Бьернстjerne-Бьернсонъ. Два дѣтѣля. Ц. 5 к. № 91. Васни И. А. Крылова. Полное собраніе. Ц. 35 к

Изданія Посредника. М. 1896. № 244. Разсказы объ Австраліи и Австраліядахъ. сост. М. Черняева съ 34 рис. Ц. 20 к. № 243. Разсказы о Литвѣ и Литовцахъ. Ц. 15 к. № 234. Маленькій оборвышъ по Гринвуду. Ц. 30 к. № 242. Какъ лѣчить раны, сост. Григорій Коваленко. Ц. 1½ к. № 245. Милосердные вѣри. Разсказы Горбунова-Посадова. № 247. На сходкѣ. Разсказъ. Ц. 3 к. № 248. Руководство къ посѣву, уходу, уборкѣ, обмолоту и сохраненію сѣянныхъ травъ. Изд. 2-е Ц. 3 к. № 249. О разведеніи ягодныхъ кустовъ въ крестьянскихъ огородахъ. сост. И. Елинъ. Ц. 1½ к. № 250. Страшныя видѣнія Диккенса. Ц. 6 к. № 251. Чѣмъ помочь великому горю? какъ остановить пьянство? Сост. д-ръ Алексѣевъ. Ц. 1½ к. № 253. Сирота въ неволѣ. Разсказъ. Ц. 3 к. Богу или Маммонъ? Л. Толстого. Ц. 1½ к.

Аккерманскіе мужскіе воскресные и вечерніе курсы для взрослыхъ за 189½ уч. годъ. Аккерманъ. 1896.

Отчетъ по народнымъ чтеніямъ въ г. Самарѣ за I половину 1896. Самара.

Краткій очеркъ развитія начальнаго народнаго образованія въ Нижегородскомъ уѣздѣ 1865—1896. Изд. Нижегород. Уѣздн. Земства 1896. Нижній-Новгородъ.

Отчетъ о состояніи Бирской Инородческой Учительской школы за 1896 г. Казань. 1896.

Краткій историческій очеркъ дѣятельности Общ. распространенія нач. образованія въ Нижегородской губ. 1872—1895 г. Нижній-Новгородъ. 1896.

Бѣлинскій.

Сочиненія Бѣлинскаго, изданіе Ф. Павленкова).

I.

У всякаго народа въ историческомъ прошломъ найдется не мало спорныхъ именъ и фактовъ, и чѣмъ значительнѣе имя и вліятельнѣе фактъ, тѣмъ больше можетъ быть разнообразныхъ мнѣній. «Судъ мертвыхъ» отнюдь не менѣе сложная задача, чѣмъ судъ живыхъ, особенно если духъ мертвыхъ продолжаетъ тяготѣть надъ мыслью и чувствами живыхъ въ теченіи десятилѣтій и даже вѣковъ.

Эту истину можно провѣрять до послѣднихъ дней на біографіяхъ и характеристикахъ величайшихъ дѣятелей европейской цивилизаціи и на исторіи ея достопамятнѣйшихъ эпохъ. Самые, повидимому, научные историческіе труды безпрестанно оказываются личными исповѣдями авторовъ, самозащитой партій, откровеніемъ современныхъ полититическихъ или философскихъ направленій. И иной порядокъ вещей трудно представить тамъ, гдѣ лично мыслящій и общественно дѣйствующій человѣкъ говоритъ о чужой мысли и чужой дѣятельности.

Но неопредѣленность и прихотливость сужденія объ историческихъ личностяхъ нигдѣ не достигаютъ такихъ предѣловъ, какъ у насъ. Съ тѣхъ поръ, какъ русское общество стало имѣть свои мнѣнія о своемъ прошломъ и настоящемъ, оно не успѣло составить вполне опредѣленныхъ и безусловно обязательныхъ представлений о самыхъ крупныхъ и настоятельныхъ предметахъ. Достаточно вспомнить, что всѣ преобразовательныя движенія въ нашей исторіи, начиная съ петровскихъ реформъ, до сихъ поръ не вышли изъ круга *публицистическихъ* вопросовъ и чуть не ежедневно можно упадать въ необходимость защищать и разъяснять событія, давно уже пережившія нѣсколько юбилеевъ. Это зависитъ, конечно, прежде всего отъ неполноты, а еще чаще—прямо отъ отсутствія подлинныхъ сдѣланныхъ у русскаго человѣка о недавнихъ и отдаленныхъ временахъ своей исторіи. Но еще болѣе важная причина лежитъ въ способѣ, какимъ русскій человѣкъ приобрятаетъ свои взгляды и убѣжденія.

Только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ они основываются на

личною доскональною знакомствѣ съ предметомъ, и имъ предшествуетъ личная добросовѣстная и вдумчивая работа надъ фактами. На каждомъ шагѣ такъ называемыя убѣжденія не болѣе, какъ случайныя, хотя и сильныя, впечатлѣнія, внѣшнія внушенія или даже голосъ личнаго самолюбія и прихоть воображенія, принявшія категорическую форму. Вы помните, напримѣръ, сцену Базарова съ Аркадіемъ?

«Нигилистъ» приписываетъ Пушкину недѣльную мысль, — пріятель возмущается и возражаетъ, что Пушкинъ ничего подобнаго не писалъ. Для Базарова это не убѣдительно: если не писалъ, то *могъ* или *долженъ былъ* написать. И замѣтите, — такъ рассуждаетъ несомнѣнно умный, талантливыи и въ высшей степени энергичный человекъ. Но и для его приговора хотя бы даже надъ Пушкинымъ достаточно общаго «нигилистическаго» правовѣрнаго воззрѣнія, — Базаровъ самъ отнюдь не потрудится раскрыть сочиненія Пушкина и провѣрить свои идеи о немъ *по источнику*. И мы знаемъ, эта сцена — не плодъ авторской фантазіи. Именно такимъ путемъ у даровитѣйшихъ русскихъ публицистовъ разрушалась «эстетика» какъ разъ по произведеніямъ Пушкина, и даже Лермонтовъ попадалъ не болѣе, какъ въ поэта чахоточныхъ барышень.

Вы скажете, — это невѣроятно... Что же тогда означаетъ изгнаніе поэта и торжество петербургскаго «свѣта» по случаю его смерти? Въ томъ то и дѣло, — что все это и многое прочее не имѣетъ никакого значенія въ глазахъ русскаго «убѣжденнаго» человека, все равно къ какому бы лагерю онъ ни принадлежалъ. Онъ осудилъ раньше, чѣмъ изслѣдовалъ, подчасъ просто по одному слову: поэтъ, стихи, — значитъ — недѣльность, пустой человекъ. И результаты получаются въ высшей степени печальныя и въ полномъ смыслѣ самобытныя.

Нигдѣ нельзя встрѣтить такого количества «поумнѣвшихъ» и «отрезвѣвшихъ», какъ у насъ, и нигдѣ одинъ «убѣжденный» русскій человекъ такъ мало не цѣнитъ мнѣній другого «убѣжденнаго». Онъ *по себѣ* знаетъ, какъ дешево достаются убѣжденія и какъ легко преобразовываются — вплоть до полнаго контраста. Мѣняются условія или источники внушенія, — и «принципы» оказываются другими. Отсюда, — что ни историческое имя, то два совершенно противоположныхъ представленія — одинаково рѣшительныя и нетерпимыя.

Попробуйте отыскать двухъ нѣмцевъ, имѣющихъ непримиримыя взгляды на Шиллера, Лессинга или Гете. Вы непременно услышите рядъ вполне определенныхъ и ужъ, конечно, восторженныхъ мыслей. Развѣ только какою нибудь оригиналь вздумаетъ разыграть роль Зоила — для собственнаго удовольствія. Что же у насъ?

Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ вы могли имѣть удовольствіе прочесть критику о Гоголѣ, какъ самомъ заурядномъ и даже безграмотномъ писателѣ, во время открытія памятника Пушкину могли слышать изъ самыхъ повидимому, почтенныхъ и компетентныхъ устъ, что это торжество — пошлая комедія. Таковы сужденія убѣжденныхъ русскихъ людей о писателяхъ —

художникахъ, которыхъ нельзя заподозрить ни въ какихъ тенденціяхъ,— совершенно напротивъ... Что же происходитъ съ именами *критиковъ*, представителей общественной мысли?

Здѣсь, надо полагать, безпристрастіе намъ такъ же недоступно, какъ древнимъ іудеямъ по отношенію къ самаритянамъ. Достаточно произнести то или другое имя, чтобы образованные читатели сразу прониклись извѣстнымъ настроеніемъ. Эти настроенія будутъ рѣзко различаться, смотря *кто* произноситъ или читаетъ. Историческая истина и самые краснорѣчивые факты безслѣдно меркнутъ предъ внушеннымъ или преднамѣренно воспринятымъ мнѣніемъ. Остается шаблонная этикетка той или другой окраски и на нее нанизываются подходящія украшенія—не ради *самого предмета*, а ради друзей или враговъ—по извѣстному личному «убѣжденію» въ данное время.

Достигается какая угодно цѣль здѣсь въ высшей степени просто. Для изображенія личности писателя—существуютъ свидѣтельства современниковъ. А такъ какъ у всѣхъ писателей и особенно у талантливыхъ и вліятельныхъ—всегда имѣются враги и противники,—ихъ сообщенія и сужденія и сойдутъ за біографію. Въ результатѣ,—характеристику Бѣлинскаго мы будемъ имѣть по отзывамъ Достоевскаго, лично не выносившаго самого существованія критика.

Для оцѣнки идей—предъ нами сочиненія писателя. Но чѣмъ этихъ сочиненій больше и чѣмъ они содержательнѣе, тѣмъ легче отыскать въ нихъ противорѣчія—дѣйствительныя или мнимыя. Въ результатѣ,—авторъ будетъ лишень права на твердыя и самостоятельныя убѣжденія.

Мы приводимъ всѣ эти соображенія—не по личной фантазіи, а на основаніи подлинныхъ фактовъ русской публицистики. Подобныя явленія вездѣ возможны,—нѣмцу-католику, положимъ, естественно написать пасквиль на Лютера,—но нигдѣ нѣтъ *партийныхъ* литературныхъ гонимыхъ. Тотъ же нѣмецъ-католикъ, уничтоживъ ученіе Лютера, ни на минуту не задумается—оцѣнить по достоинству заслуги реформатора, какъ нѣмецкаго писателя. Для русскаго публициста этотъ подвигъ далеко не всегда оказался бы по силамъ. Для его собрата Лютеръ—великій писатель, для него самого такой же еретикъ въ литературѣ, какъ и въ религіи.

Въ результатѣ—о заслуженнѣйшихъ дѣятеляхъ русской общественной мысли говорить становится подчасъ очень трудно. Русскій читатель привыкъ слышать противоположныя мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ, имѣетъ всѣ основанія думать, что данныя для этихъ мнѣній подобраны нарочито, съ цѣлью убѣдить его—читателя—именно въ такой, а не иной истинѣ. Если этотъ читатель сочтетъ нужнымъ обзавестись однимъ какимъ-нибудь взглядомъ,—онъ составитъ его не столько по сообщаемымъ ему свѣдѣніямъ и выводамъ, сколько по раннимъ внушеніямъ и предубѣжденіямъ или по соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ исторіей и логикой. И трудно пересчитать, сколько въ русской публикѣ вращается самыхъ превратныхъ представленій о цѣлыхъ эпохахъ и людяхъ

сравнительно недавняго прошлаго! Одинъ изъ самыхъ убѣдительныхъ примѣровъ—Бѣлинскій.

Со смерти критика протекло почти полвѣка, и уже сорокъ семь лѣтъ тому назадъ Добролюбовъ восторженно привѣтствовалъ первое изданіе его сочиненій, а въ настоящее время они по цѣнѣ являются доступными самому широкому кругу читателей, — и всетаки можно быть увѣреннымъ, содержаніе и смыслъ дѣятельности Бѣлинскаго долго еще останутся для публики смутной хотя и привлекательной тайной, для публицистовъ — предметомъ самыхъ разнообразныхъ и неожиданныхъ упражненій. Мы все еще будемъ читать въ нѣкоторыхъ органахъ о Бѣлинскомъ.—фантастическомъ эстетикѣ, малосвѣдущемъ и пристрастномъ критиканѣ, безпринципномъ въчномъ ученикѣ чужой мысли или безпомощной жертвѣ мимолетныхъ впечатлѣній и капризовъ. И при чтеніи подобныхъ приговоровъ далеко не всякому читателю придетъ на умъ, что каждое слово судей—актъ неблагодарности и легкомысленнаго забвенія, что самыя понятія о принципахъ, эстетикѣ и даже художественномъ впечатлѣніи—прямое наследствіе осуждаемаго писателя, и безъ его многолѣтней черной работы новѣйшіе эстетники и ученые врядъ-ли могли бы такъ свободно знать и понимать простѣйшія явленія русской литературы.

Дѣло въ томъ, что судить Бѣлинскаго въ высшей степени легко—и именно въ отрицательномъ направленіи. Это можетъ сдѣлать безъ малѣйшихъ усилій любой борзописецъ, совершающій набѣги «ради матерьяла» на чужія даже серьезныя произведенія. Стоитъ взять нѣсколько томовъ сочиненій Бѣлинскаго и раскрыть ихъ наудачу въ разныхъ мѣстахъ: немедленно можетъ составиться пребойкая обвинительная статейка какъ разъ на указанныя выше темы.

Прежде всего невольно придется отмѣтить странную манеру критика говорить о весьма многихъ предметахъ будго стихами въ прозѣ. Предъ нами не спокойное логическое разсужденіе, не послѣдовательная цѣпь опредѣленій и доказательствъ, а взрывы вдохновеннаго лиризма, искры поэтическихъ фигуръ и олицетвореній. Плавная рѣчь безпрестанно прерывается восклицаніями, переходитъ въ діалогъ и пестритъ многоточіями. Произведенія начинающаго талантливаго поэта оказываются утренней зарей, обещающей прекрасный день. Разочарованный взглядъ на любовь опровергается стремительнымъ гимномъ въ честь сердечныхъ увлеченій. Міросозерцаніе античнаго грека изображается въ драматической формѣ. Значеніе театра характеризуется пламеннымъ монологомъ, обращеннымъ къ читателю и будто извлеченнымъ изъ какой-нибудь романтической поэмы. Но трудно и сказать, что дѣлается съ критикомъ, когда онъ начинаетъ говорить объ *идеѣ*! Какихъ только сравненій, образовъ, безграничныхъ перспективъ не подсказываетъ ему его страстное чувство! Въ каждой фразѣ критикъ стремится захватить весь трепетомъ своего взволнованнаго существа и—помимо всякихъ отвлеченныхъ доводовъ и разсужденій—увлечь

вась бурей своего восторга и подчинить вашъ разсудокъ мощной искренности своихъ вѣрованій.

А какіе эпитеты разбѣяны рядомъ съ самыми, повидимому, строгими понятіями и прозаическими предметами! Такъ рѣшались писать развѣ только очень отважные романтики и то въ минуты исключительнаго протеста противъ золотой середины и мѣщанскаго стиля. И критикъ не преувеличиваетъ, сравнивая художественныя волненія съ песчаными мятелями въ безбрежныхъ степяхъ Аравіи. Написать столько страницъ такихъ горячихъ, ни на минуту не ослабѣвающихъ и не тускнѣющихъ изліяній можно только подъ властью самаго настоящаго вдохновенія этими впечатлѣніями и мыслями.

И это не мимолетныя, случайно взвинченныя настроенія. Предъ читателемъ подлинная естественная *натура* писателя и человѣка. Откройте частныя письма Бѣлинскаго, выберите изъ нихъ именно тѣ, гдѣ онъ могъ имѣть въ виду одну непосредственную правду и простую дѣйствительность,—вы встрѣтите того же энтузіаста, ту же неуправимую силу личныхъ ощущеній. Явленія внѣшняго міра, едва способныя привлечь ваше вниманіе, повергаютъ этого человѣка въ жаръ и холодъ и вызываютъ у него такую вереницу общихъ идей и искреннѣйшихъ сердечныхъ откровеній, какой иному не испытать и въ самые сильные моменты своей жизни. Можно подумать,—здѣсь жизнь воспринимается какъ-то иначе, чѣмъ всѣми другими людьми, этотъ человѣкъ одаренъ, повидимому, неизмѣримо большимъ количествомъ тончайшихъ путей, какими впечатлѣнія доходятъ до его ума и сердца и дивной, внутренней лабораторіей, неутомимо выбрасывающей снопы остроумнѣйшихъ мыслей и блестящихъ картинъ...

Все это справедливо,—скажутъ намъ, и всякій можетъ въ томъ убѣдиться при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ Бѣлинскимъ. Но только перечисленные качества отнюдь не безусловныя добродѣтели. Блескъ и остроуміе не дѣлаютъ критика. Онъ прежде всего долженъ быть мыслителемъ, т. е. обладать твердымъ, вполне опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, ясной системой художественныхъ принциповъ и общественныхъ идеаловъ,—и на публику долженъ дѣйствовать не поэтическимъ азартомъ, а неопровержимой логикой фактовъ и доказательствъ. И еще вопросъ,—можетъ-ли писатель, подверженный такой впечатлительности и безпрестанно состязающійся съ лириками, — обладать строго послѣдовательнымъ умомъ и прочными идеями. Вѣдь извѣстно, напримѣръ, какъ Бѣлинскій скоропалительно провозгласилъ Достоевскаго гениемъ за *Бѣдныхъ людей*, а потомъ жестоко раскаявался въ своемъ увлеченіи. Да и одно-ли это увлеченіе. Возьмите самыя блестящія и остроумныя страницы,—извлеките изъ нихъ самыя, повидимому, прочувствованныя и убѣдительныя идеи, сопоставьте ихъ другъ съ другомъ и сдѣлайте выводъ... Окажется, предъ вами нѣчто въ родѣ современнаго критика-импрессиониста, гордаго именно своей непослѣдовательностью и капризной игрой ума и воображенія. Это хорошо

для какого-нибудь Лемэтра, — но вѣдь не допустятъ же русскіе почитатели Бѣлинскаго подобнаго таланта въ своемъ избранномъ критикѣ!..

И доказательствъ опять можно найти сколько угодно.

Бѣлинскій писалъ всего въ теченіи четырнадцати лѣтъ, — срокъ сравнительно непродолжительный, но сколько разъ онъ то проклиналъ, то благословлялъ однихъ и тѣхъ же боговъ! Проклиналъ — въ буквальный смыслъ, со всею страстью и откровенностью своего взволнованнаго чувства.

Сначала «достойнымъ проклятыя» оказывался поэтъ, который «своими сочиненіями старается заставить васъ смотрѣть на жизнь съ его точки зрѣнія». Въ такомъ случаѣ, онъ даже лишается права считаться поэтомъ: онъ «мыслитель и мыслитель дурной, злонамѣренный, моралистъ», и критикъ сознавался, что такой поэтъ утрачивалъ надъ нимъ свою «чародѣйскую власть».

Немного спустя, всего годъ, публика узнавала, что съ грѣхомъ пополамъ можетъ быть сопричисленъ къ сонму чародѣевъ и поэтъ, пересоздающій жизнь по собственному идеалу. Правда, — онъ ниже качествомъ поэта, просто воспроизводящаго жизнь «во всей ея наготѣ и истинѣ», — за то уже проклятій по его адресу не слышно.

Но это не значило, что читатели окончательно освободились отъ сюрпризовъ и критикъ больше не станеть преслѣдовать ихъ «безсознательностью» и «откровенной свыше» художественностью. Напротивъ, они еще прочтутъ необычайно рѣшительныя нападки на Мольера, на Бомарше — за сатиру и тенденціозность, узнаютъ, до какой степени мало художественно *Горе отъ ума* и ниже всякой критики — главный герой комедіи. Въ грибоѣдовскомъ произведеніи нѣтъ идеи, а Чацкій — «просто крикунъ, фразеръ, идеальный шутъ, на каждомъ шагу профанирующій все святое, о которомъ говорятъ»...

Возможно ли до такой степени просмотрѣть смыслъ пьесы и роль ея героя? Вѣдь достаточно прочесть эту страницу въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, чтобъ у иного современнаго читателя вырвалось самое нелестное восклицаніе о талантѣ и даже личности критика.

Но мы еще не говоримъ о Бородинскихъ статьяхъ, гдѣ читатели приглашались наотрѣзъ отказаться отъ собственной личности и уничтожиться предъ дѣйствительностью, какова бы она ни была. И потому эта удивительная истина: «общество всегда правѣе и выше частнаго человѣка и частная индивидуальность только до такой степени и дѣйствительность, а не призракъ, до какой она выражаетъ собою общество»...

Вотъ какую проповѣдь произносилъ критикъ со всеѣмъ пыломъ молодого вдохновенія! И мы не должны забывать объ этомъ: Бѣлинскій *весь* — до послѣдней черты — долженъ предстать предъ нами. Особенно сомнительная и, повидимому, несимпатичная черта его критической дѣятельности должна быть выставлена ярко и неуклонно. Поступая такъ, мы дѣйствуемъ въ духѣ самого Бѣлинскаго, никогда не отступавшаго предъ своими ошибками и какими угодно послѣдствіями. Но легче ли отъ этого тѣмъ, кто захотѣлъ бы оправдать его въ непослѣдовательности идей,

въ прихотливости и чрезмѣрной стремительности приговоровъ надъ важнѣйшими фактами русской и иностранной литературы?

Окончательно развѣнчивъ Чацкаго и «частную индивидуальность» и поставивъ на недосыгаемой высотѣ общество, — критикъ въ слѣдующемъ же году воспѣлъ Байрона за «гордое возстаніе», за «могучій стоицизмъ», и рѣчь критика на этотъ разъ звучала будто невольнымъ чувствомъ состраданія и удивленія къ «несправедливо отягощенной страданіемъ личности». Это начало новаго преобразованнаго Бѣлинскаго, но все еще подверженнаго колебаніямъ, оговоркамъ, какому то мучительному раздвоенію мысли и личныхъ сочувствій. И именно теперь онъ доставляетъ обильный и благодарный матеріалъ искателямъ противорѣчій, теперь его умъ будто мечется на распутьи, раннія увлеченія тускнѣютъ и расплываются въ разнообразныхъ уступкахъ новымъ идеямъ, но они еще окончательно не утратили своей власти и продолжаютъ вести борьбу съ постепенно надвигающимся теченіемъ. Провозглашается право поэта гремѣть благороднымъ негодованіемъ, молитву оставлять для проповѣди и лиру мѣнять на свистокъ сатиры, и здѣсь же посылаются привѣтствіе раздраженнымъ стихамъ Пушкина о презрѣнной черни и недоступномъ пѣвцѣ.

Во что вѣруеть критикъ? По какимъ даннымъ произносить свои приговоры? Немного требуется недоброжелательной и преднамѣренно скептической воли, чтобъ усумниться въ руководящихъ принципахъ по прежнему страстнаго и безпощаднаго судьи и закрыть его книги съ чувствомъ недовѣрія и снисходительной ироніи. Для извѣстной цѣли достаточно. Вполнѣ доказано, — предъ нами какой то странный критикъ-поэтъ, резонеръ-лирикъ, неуловимо-перемѣнчивый въ своихъ сочувствіяхъ и негодованіяхъ. Можетъ-ли онъ сообщить читателю какое либо прочное фактическое свѣдѣніе, вкоренить въ него строгую обоснованную идею? Кто поручится, — что въ слѣдующей статьѣ этотъ фактъ и эта идея не будутъ сброшены и растоптаны новымъ порывомъ проклятій — въ совершенно другомъ направленіи и еще болѣе бурный лиризмъ воздвигнетъ не менѣе обожаемое, но столь же скоротечное, божество!

Такой процессъ неоднократно совершался и долго еще будетъ совершаться надъ именемъ и дѣломъ Бѣлинскаго. И такова обоюдоострая привилегія всякаго плодовитаго ума и богатой глубокой личности. Кому за всю жизнь удалось приобрѣсти двѣ-три идеи и въ нихъ почерпнуть совершенно достаточный умственный и нравственный матеріалъ для всего своего существованія, — тому нечего опасаться противорѣчій, измѣнъ и раскаяній. Кто, не мудрствуя лукаво, идетъ волгѣдъ другимъ по ясной и торной дорогѣ, того навѣрно не постигнуть ни сомнѣнія, ни крутыя ошибки, ни опрометчивыя увлеченія. И снисходителенъ будетъ къ нему судъ людей: вѣдъ кругомъ него подавляющее большинство — одной съ нимъ природы и однихъ духовныхъ силъ! Но за то горе тому, кто осмѣлится не только уклониться съ общей дороги, а еще дерзнетъ «проклясть» ее и пригласить другихъ отправиться на поиски за другими путями и

цѣпями. Тогда каждый шагъ станетъ подвергать его все большей отвѣтственности, и наблюдатели со стороны откроютъ фальшь и неразуміе всюду, гдѣ не поймутъ или не захотятъ понять новаго движенія.

Все это всёмъ извѣстныя и даже всёмъ надоѣвшія истины, а между тѣмъ онѣ неизмѣнно ложатся въ основу неумирающей вражды косныхъ и рабскихъ инстинктовъ противъ жизни и оригинальности. Носители инстинктовъ, конечно, никогда не сознаются, что ихъ проповѣди вдохновляются такими банальными и недостойными чувствами. Но сравните нападки современниковъ Бѣлинскаго съ новѣйшими навѣтами, вы будете поражены ихъ тождественностью. И не относительно только Бѣлинскаго. Упреки въ безграмотности и неучености—исконный воинственный приѣмъ критиковъ, нравственно или умственно слишкомъ ничтожныхъ, чтобы въ области убѣжденій подняться выше данной будничной дѣйствительности и въ области знанія выше компиляторства и педантизма.

Но вѣдь и приведенные выше факты изъ сочиненій Бѣлинскаго вполне достовѣрны. Отрицать нельзя, что онъ въ теченіи четырнадцати лѣтъ прошелъ въ своемъ родѣ безпримѣрный путь идейнаго развитія, до такой степени рѣшительный и быстрый, что исходная и заключительная точка могутъ показаться непримиримыми контрастами. Ни у какого современнаго критика подобнаго явленія нельзя открыть. Съ именемъ каждаго непременно соединяется представленіе о цѣльной единой системѣ художественныхъ воззрѣній, о такой определенной литературной школѣ. А здѣсь представители всѣхъ школъ отъ чистаго художника до вдохновеннаго публициста могутъ черпать одинаково, повидимому, сильные оправдательные документы... Какъ же это объяснить и на какомъ выводѣ останутся, независимо отъ какихъ бы то ни было личныхъ отношеній къ таланту и личности критика?

Вопросъ въ высшей степени любопытный—и не только для характеристики положительнаго значенія Бѣлинскаго. Во всѣхъ европейскихъ литературахъ текущаго столѣтія нельзя указать ни одного случая, который представилъ бы подобный вопросъ въ такой полнотѣ и требовалъ отвѣта поучительнаго для цѣлой эпохи, даже вообще для исторіи русскаго просвѣщенія. Нигдѣ и никогда личность одного писателя не воплощала въ себѣ столько основныхъ историческихъ чертъ родной культуры и нигдѣ столь короткая авторская дѣятельность не распадалась на такіе значительные по смыслу психологическіе періоды. Можно сказать, — Бѣлинскій, какъ человѣкъ и какъ писатель, воспроизвелъ въ своемъ нравственномъ развитіи и литературной дѣятельности подробную схему многообразныхъ судебъ нашей общественной мысли.

II.

Одинъ изъ самыхъ положительныхъ русскихъ писателей-художниковъ, Писемскій, сорокъ лѣтъ тому назадъ высказалъ очень оригинальное наб-

луденіе. «Ни одна, вѣроятно, страна», писалъ онъ, «не представляетъ такого разнообразнаго столкновенія въ одной и той же общественной средѣ, какъ Россія. Не говоря ужъ объ общественныхъ сборищахъ, какъ, на примѣръ, театральная публика или общественныя собранія, — на одномъ и томъ же балѣ, составленномъ изъ извѣстнаго кружка, въ одной и той же гостинной, въ одной и той-же, наконецъ, семьѣ, вы постоянно можете встрѣтить двухъ-трехъ человекъ, которые имѣютъ только нѣкоторую разницу въ лѣтахъ и уже говоря между собою не понимаютъ другъ друга».

Это замѣчаніе не осталось одинокимъ. До послѣднихъ дней безпрестанно можно слышать жалобы на счетъ русскихъ молодыхъ поколѣній, мыслящихъ и дѣйствующихъ будто не помня родства. Пропастъ между *отцами* и *детьми* — периодическое явленіе нашей жизни, въ теченіи почти цѣлаго вѣка не утрачивающее своей яркости и свѣжести. По временамъ оно принимаетъ особенно рѣзкую окраску, и литература успѣла уже не разъ отмѣтить эти времена. Къ нимъ, можетъ быть, принадлежитъ и нашъ «конецъ вѣка», — во всякомъ случаѣ принадлежали тридцатые годы, когда пришлось стать писателемъ Бѣлинскому.

Онъ, какъ и многіе его сверстники, безъ особеннаго усилія молодого воображенія и самолюбія могъ представить, что съ него начинается новый порядокъ вещей. Кругомъ, среди отцовъ и учителей не предвидѣлось отвѣтовъ на задушевнѣйшія желанія и идеи молодежи. Старое поколѣніе жило крѣпостнымъ правомъ, ученѣйшіе наставники твердили юнымъ слушателямъ чуть не вѣковую старину схоластической мысли и литературы. Шла безконечная исторія о правилахъ и формахъ, о порядкѣ, о подчиненіи поэтическаго таланта учебникамъ, а между тѣмъ молодежь естественно рвалась къ свободѣ и оригинальному творчеству. Но на этомъ пути не оказывалось ни руководителя, ни даже поощрителя: приходилось самимъ мечтателямъ опредѣлять свои желанія и доказать ихъ законность, — и въ жизни и въ искусствѣ. Легко при такихъ условіяхъ вообразить себя героемъ, преобразователемъ, призваннымъ борцомъ противъ устарѣвшихъ идей и явленій! И именно Бѣлинскому родственнѣе и желательнѣе, чѣмъ кому либо другому должны были являться эти настроенія. — Ему, съ дѣтства одинокому, съ первой молодости — тѣсному всяческими лишеніями и обидами, и одновременно исполненному «мучительнаго голода» — умственной дѣятельности!..

И вотъ онъ — студентъ университета — въ роли Барла Мора, весь дышащій восторгомъ предъ мятежными рѣчами шиллеровскихъ героевъ, самъ подражающій имъ въ романтической трагедіи на тему крѣпостнаго права. Это — одинъ Бѣлинскій. Пока ничего необыкновеннаго. Кто въ зеленые годы не изображаетъ изъ себя призваннаго благодѣтеля человечества, избобрѣтателя новыхъ источниковъ мирового счастья и непобѣдимаго истребителя всяческихъ неправдъ! Все это не столько результатъ умственнаго развитія и нравственнаго благородства, сколько естественный голосъ здороваго

юношескаго темперамента. И подобный идеализм самъ по себѣ можетъ не имѣть никакихъ плодотворныхъ послѣдствій и не представлять ни малѣйшей положительной силы. Если въ обществѣ первую «гимназическую» любовь принято считать чувствомъ пустыннымъ и бесплоднымъ, — не выше слѣдуетъ смотрѣть и на юношескій идеалистическій азартъ. Онъ рано или поздно можетъ разрѣшиться удручающей прозой и самой подлинной пошлостью «опытнаго» и «остывшаго» филистера.

Вполнѣ зауряденъ и слѣдующій моментъ духовной жизни Бѣлинскаго. Изъ шиллеровскаго героя быстро выросъ положительный мыслитель, столь же страстно обоготворяющій дѣйствительность, какъ раньше — идеаль. Такъ случается безпрестанно и съ талантливыми и неталантливыми рыцарями на часъ. Тотъ фактъ, что Бѣлинскій свою остуду привязалъ къ гегелевскому учению, не имѣетъ большого значенія. Смыслъ въ стремленіи во чтобы то ни стало примириться съ даннымъ житейскимъ порядкомъ, подыскать ему всяческія оправданія и лично войти въ него какимъ бы то ни было звеномъ. Другіе болѣе мелкіе мечтатели большей частью стараются по возможности незамѣтно перейти въ новую религію и весьма рѣдко бравируютъ своимъ «отрезвленіемъ» и покаяніемъ. Бѣлинскому по натурѣ недоступны полумѣры и опасенія, по принципу — ненавистны недомолвки и двусмысленности. И онъ — въ новомъ порывѣ — сразу ударить до конца и бросить жесточайшій вызовъ своимъ прежнимъ единомышленникамъ и друзьямъ. Болѣе искреннаго и рыцарственнаго поклонника врядъ ли когда знала «русская дѣйствительность» и врядъ ли въ какое время было рискованнѣе — въ литературномъ и нравственномъ отношеніи — столь громко заявить этотъ культъ. И Бѣлинскій это сдѣлалъ. На той точкѣ, какой ежедневно втихомолку достигаютъ вчерашніе пламенные идеалисты и умѣютъ до конца сохранить все спокойствіе и чинность поступковъ, — Бѣлинскій закипѣлъ настоящей бурей восторговъ и проклятій, отрѣзая себѣ всѣ пути возможнаго отступленія.

И кто бы могъ подумать, — этотъ обожатель дѣйствительности какъ разъ среди своихъ восторговъ изнывалъ въ холодѣ и голодѣ, несъ чисто подвижническій искусъ въ честь своей любви. Очевидно, — здѣсь героизмъ не былъ проданъ за какую-либо «похлебку» и пребывалъ на прежней высотѣ, хотя мечтатель отказался играть роль героя и покорно склонился предъ «цѣлымъ» и «общимъ».

Здѣсь бы ему и остановиться. Тогда вѣтъ всякаго сомнѣнія онъ прослылъ бы за человѣка съ самыми прочными убѣжденіями. Никто бы не поставилъ ему въ вину, что по молодости лѣтъ онъ упивался громкими монологами фантастическихъ разбойниковъ и мечталъ о золотомъ вѣкѣ. Онъ сторицей исполнилъ свою опрометчивость, — и увѣнчалъ дѣятельность Бѣлинскаго приговоромъ надъ Чацкимъ, — онъ и для благоразумныхъ современниковъ и для благонамѣренныхъ потомковъ сошелъ бы за просвѣщеннаго и поучительнѣйшаго мыслителя.

Но это оказалось недостижимой мудростью для нашего критика. Онъ

въ сущности не промѣняетъ своего божества на другое, не отречется отъ дѣйствительности ради мечтаній,—онъ только съ обычной искренностью и горячностью станетъ изслѣдовать обожаемый предметъ, всматриваться въ него пристально и неутомимо анализирующимъ взоромъ... И, естественно,—въ божествѣ откроются кое-какіе изъяны и смертныя черты. Открытія эти не тайна и для другихъ, и разница между ними и Бѣлинскимъ будетъ только въ способѣ пользоваться своими свѣдѣніями. Повидимому, разница неважная, но именно она и отдѣлила роковой гранью Бѣлинскаго отъ его безпощадныхъ судей. Онъ позволилъ себѣ тщательно изучить «дѣйствительность» и по обыкновению горячо и во всеуслышаніе заявить о результатахъ своего изученія.

Вотъ секретъ всѣхъ противорѣчій. Все оказывается въ высшей степени просто и даже буднично. Никакихъ экстренныхъ скачковъ, ни малѣйшихъ вопіющихъ измѣнъ и еще менѣе деспотическихъ внѣшнихъ вліяній и рабскаго ученичества съ чужого голоса, Бѣлинскій до 1840 года—обыкновенный русскій юноша, сначала созидающій въ пылкой фантазіи необозримыя перспективы подвиговъ, а потомъ—подъ вліяніемъ грустной житейской правды—утрачивающій сладость мечтаній и переходящій на положеніе практическаго резонера. У Бѣлинскаго только этотъ переходъ совершается слишкомъ громко и, такъ сказать, торжественно и *резонеръ* у него не успѣваетъ развиться въ *практика*. Сущность явленія вполне общерусская. Но дальше вопросъ усложняется. Бѣлинскій переходитъ обычные предѣлы эволюціи, и эти шаги до такой степени рѣдкостны въ нашемъ обиходѣ, что могутъ показаться полнѣйшимъ—незаконнымъ и нелогическимъ—разрывомъ съ предшествующими идеями. А между тѣмъ, идея—значеніе дѣйствительности—осталась неизмѣнной, измѣнилось только чувство, точнѣе отношеніе къ дѣйствительности. Но было-ли это виной самого идеалиста?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ не представляетъ затрудненій. Гораздо любопытнѣе другая задача. Почему именно съ Бѣлинскимъ произошла столь богатая послѣдствіями перемѣна чувствъ? Почему именно онъ—сдѣлалъ шагъ, грозившій въ будущемъ навлечь на него столько укоровъ и обвиненій?

Здѣсь личный и литературный характеръ критика является для нашей «дѣйствительности» столь же исключительнымъ, сколь обыкновенны ранніе періоды развитія. Одинъ изъ современниковъ Бѣлинскаго говорилъ о немъ: «совершенно русская свѣтлая голова, удивительно послѣдовательная, бьющая до конца».

Послѣдовательность Бѣлинскаго не подлежитъ сомнѣнію, но эпитетъ *совершенно русская*—врядъ-ли справедливъ. Русскому человѣку не особенно свойственна—въ полномъ смыслѣ западчивая, мучительно неугомонная страстность во имя отвлеченныхъ идей, какая обуревала Бѣлинскаго до конца жизни. Именно въ этомъ свойствѣ критика и заключается камень преткновенія для суда надъ нимъ. Уже сами по себѣ западчивость и страстность—качества подозрительныя и на обычный житейскій взглядъ мало почетныя. Ихъ еще можно простить романтическому юношѣ, но хра-

нить ихъ непривосновенно и поминутно проявлять ихъ безпокойную власть въ теченіи всей жизни—это нѣчто странное и одинаково неудобное для открытыхъ враговъ и скромныхъ друзей.

И Бѣлинскій дѣйствительно еще при жизни неоднократно ставилъ даже своихъ единомышленниковъ въ тягостныя положенія. Объ идолопоклонствѣ предъ дѣйствительностью—нечего и говорить. Гораздо позже ему случалось досажать друзьямъ то своими толками о художественности, то слишкомъ прямыми заявленіями въ пользу «соціальности», т. е. общественно-проповѣдническаго направленія литературы, то подъ самый конецъ жизни, — неожиданнымъ сочувствіемъ нѣкоторымъ національнымъ идеямъ славянофиловъ. Никогда нельзя было удержать этого человѣка на помочахъ кружковыхъ воззрѣній, — и въ то время, когда одни продолжали отдыхать на отвоеванномъ полѣ дѣйствія, онъ неудержимо стремился впередъ, и въ четырнадцать лѣтъ пережилъ,—всею мощью души и сердца воспринялъ—весь кругъ культурнаго развитія, возможный для русскаго публициста не только въ половинѣ XIX-го вѣва, а и до послѣднихъ дней. До какой степени это движеніе было быстро и въ то же время глубоко, показываетъ позднѣйшая судьба русской критики.

Одинъ изъ талантливейшихъ преемниковъ Бѣлинскаго—Добролюбовъ, только постепенно дошелъ до исходныхъ идей своего предшественника. При всей молодости Добролюбову казалось будто жуткимъ воспринять непосредственно наслѣдство учителя, и онъ десять лѣтъ спустя послѣ смерти Бѣлинскаго все еще толковалъ объ олимпійскомъ равнодушіи художника къ текущей жизни, объ эпискомъ талантѣ и непогрѣшимомъ вседовлѣющемъ инстинктѣ...

Эти толки были, несомнѣнно уклоненіемъ назадъ сравнительно съ послѣдними статьями Бѣлинскаго, и Добролюбовъ съ теченіемъ времени освободился отъ эстетическихъ отголосковъ добраго стараго времени и вполне оправдалъ свое восторженное заявленіе при выходѣ сочиненій Бѣлинскаго: «идеи гениальнаго критика были всегда святы для насъ»...

Но если для Добролюбова оказались возможными колебанія и недоразумѣнія и сравнительно—на довольно значительномъ промежуткѣ послѣ дѣятельности Бѣлинскаго, что же могло происходить съ другими, званными, но не избранными преемниками писателя сороковыхъ годовъ?

Отсюда новый источникъ прямо непониманія идей Бѣлинскаго. А въ соединеніи съ оригинальной, прямо исключительной натурой критика, эти идеи должны были оставаться явленіемъ страннымъ и даже недоступнымъ.

Да, личность имѣеть рѣшающее значеніе въ судьбѣ писателя, и среди современниковъ и среди потомства. Какимъ-то чудомъ въ полусонномъ, эгоистическомъ обществѣ появляется наивный человѣкъ, не дающій покоя ни себѣ ни другимъ своимъ душевнымъ голодомъ. Наивный до того, что на студенческой скамьѣ сочиняетъ драму съ самыми шиллеровскими протестами противъ крѣпостнаго права и ждетъ лавровъ и всяческихъ благъ

отъ публики и университетскаго начальства, а въ концѣ жизни вступаетъ въ жестокой споръ съ писателемъ-художникомъ о настоящемъ смыслѣ произведеній этого самаго писателя! Мало этого. Онъ до такой степени близко принимаетъ къ сердцу всякое отступленіе отъ того убѣжденія, какое въ данную минуту владѣетъ имъ, что не стѣсняется въ письмахъ къ будущей женѣ осыпать проклятіями ея старомодныхъ родственниковъ—рабовъ разныхъ московскихъ свадебныхъ обычаевъ, невѣсту укорять въ томъ же рабствѣ и грозить ей, что онъ посѣдѣетъ отъ гнусной жениховской «пытки!» Онъ видимо дрожить при одной мысли—вступить въ сдѣлку съ ненавистнымъ «общественнымъ мнѣніемъ», слова—«низко», «недостойно», гремятъ безпрестанно; для него въ сущности нѣтъ даже понятій *теорія* и *практика*, для него это—нѣчто цѣльное, неразрывное и кровно связанное со всѣмъ его существомъ...

На иной взглядъ можетъ показаться едва вѣроятнымъ и даже забавнымъ, какъ человекъ поднимаетъ бурю изъ такого второстепеннаго вопроса, вѣнчаться-ли по общепринятому порядку, въ присутствіи родственниковъ, или какъ-нибудь проще. Но для Бѣлинскаго здѣсь вопросъ—*кровный*, какъ онъ самъ выражается, именно потому, что выступаетъ на сцену мысль о сдѣлкѣ, хотя бы даже и ничтожной измѣнѣ убѣжденію. Для него благородная мысль, пребывающая въ области идеала и заглушаемая въ дѣйствительности, совершенная бессмыслица: «это значить молиться Богу своему втайнѣ, а въявь приносить жертвы идоламъ»...

И намъ трудно представить, сколько дѣйствительно заключалось здѣсь природы и крови. Послушайте, что Бѣлинскій пишетъ невѣстѣ въ отвѣтъ на ея доводы о неизбѣжности вмѣшательства «общественнаго мнѣнія» въ ея свадьбу. Мы приведемъ всего нѣсколько строкъ, по истинѣ замѣчательныхъ, вскрывающихъ съ анатомической точностью душу этого удивительнаго человека.

«Письмо ваше, Marie, заставило меня перегорѣть въ жгутемъ мучительномъ огнѣ такихъ адскихъ мукъ, для выраженія какихъ у меня нѣтъ словъ. Мнѣ хотѣлось броситься не на полъ, а на землю, чтобы грызть ее. Задыхаясь и стоная валялся я по дивану. Мой докторъ говорилъ на сторонѣ, что если бы я не послалъ къ нему,—я или бы умеръ къ утру отъ удара въ голову или сошелъ бы съ ума»...

Становится трудно мириться съ подобными изліяніями, иной невольно приметъ ихъ за рисовку, молодечество, нарочито взвинченную реторику... Но слишкомъ дорого обходилось бы Бѣлинскому суетное желаніе поиграть въ эффектъ! Съ такою же стремительностью онъ писалъ и говорилъ о вещахъ, которыя могли навлечь и дѣйствительно навлекали на него бездну неприятностей—со стороны имъ же уважаемыхъ и любимыхъ людей. Сочинить бородинскія статьи накануне сороковыхъ годовъ стоило громаднаго риска въ томъ кругу, гдѣ вращался критикъ. И сочинить совершенно безкорыстно, ради только единственнаго удовольствія—высказать свое мнѣніе!

И что же? Никакія статьи, оказалось, не способны поколебать *нравственного* авторитета автора. Бѣлинскій какъ былъ, такъ и остался чистѣйшимъ духовнымъ зеркаломъ для близкихъ ему людей. Такіе различныя по характеру и умственному направленію очевидны, какъ Панаевъ, Тургеневъ, Кавелинъ единодушно свидѣтельствуютъ о кристальной чистотѣ нравственной природы Бѣлинскаго и чисто стоическомъ благородствѣ и неподкупности его стремленій. Съ общаго безмолвнаго согласія онъ превратился въ оригинальнаго «цензора нравовъ». Люди, чувствовавшіе за собой какой либо изъянъ, тщательно таили его отъ взоровъ безпощаднаго энтузіаста, будто отъ воплощенной совѣсти и невольно становились лучше въ присутствіи неподкупнаго судьи, одинаково строгаго къ себѣ и къ другимъ.

Даромъ не даются такія права. Человѣческой эгоизмъ только въ исключительныхъ случаяхъ поступаетъ своими притязаніями, — и дѣятельность и личность Бѣлинскаго была именно такимъ случаемъ среди современниковъ, считавшихъ въ своемъ кругу первостепенныя художественныя и умственныя силы. Не простили бы другому и гимны дѣйствительности, — не простили бы именно при общественныхъ и литературныхъ условіяхъ эпохи. Но относительно Бѣлинскаго никто не смѣлъ помыслить о злорадной мести, объ унижительныхъ намекахъ. Онъ будто парилъ на недостигаемой высотѣ — если не идейной непогрѣшимости во всѣхъ частныхъ вопросахъ, то — общей принципиальной безупречности. И позднѣйшимъ противникамъ критика приходилось жаловаться на *деспотизмъ* имени и дѣятельности Бѣлинскаго. Такія жалобы, напримѣръ, пускалъ въ ходъ одинъ изъ даровитѣйшихъ младшихъ современниковъ критика, — Валерьянъ Майковъ, рѣшившійся спорить съ великимъ противникомъ по нѣкоторымъ второстепеннымъ предметамъ искусства.

Стоитъ сколько нибудь вдуматься въ эти явленія, — и чрезвычайность ихъ, особенно въ исторіи нашего общества, должна поразить самаго предубѣжденнаго наблюдателя. И не столько любопытно отношеніе къ Бѣлинскому людей болѣе или менѣе единомышленныхъ съ нимъ, сколько его ярхъ противниковъ. Мы говоримъ исключительно о современникахъ.

Обвиненія въ противорѣчіяхъ и въ недостаткѣ точныхъ устойчивыхъ принциповъ возникли позже, — очевидцамъ дѣятельности Бѣлинскаго страннымъ образомъ не приходило на мысль *это* оружіе борьбы. Безчисленныя статьи, направленные противъ критика, сводятся къ двумъ существеннымъ пунктамъ: одинъ мы не станемъ разбирать, — онъ вполне отвѣчаетъ за себя, уже давно охарактеризованный терминомъ «юридическихъ бумагъ». Другой — повидимому, литературнѣе: упреки въ малой образованности, неучености. Бѣлинскій, какъ извѣстно, былъ уволенъ изъ университета, не успѣвъ кончить полнаго курса, — и вотъ этотъ то злосчастный аттестатъ явился благодарнѣйшимъ метательнымъ снарядомъ въ рукахъ и тѣхъ, кому посчастливилось пройти курсъ и даже тѣхъ, кто не былъ вовни на какомъ курсѣ.

Въ одной комедіи Островскаго купецъ, встрѣчая незнакомаго человѣка, первымъ дѣломъ спрашиваетъ у него на счетъ чина. «Какой на тебѣ чинъ, такой съ тобой и разговоръ будетъ»,—изясняетъ купецъ свою философію общезитія... Совершенно по такой же системѣ разные профессоры эловенціи боролись съ Бѣлинскимъ, допекая его «семинарствомъ» и недоконченнымъ университетскимъ курсомъ.

На всякій безпристрастный взглядъ—юридическое творчество и педагогическій азартъ одинаково свидѣтельствовали объ умственной нищетѣ и литературной бездарности,—слѣдовательно—о бессиліи въ борьбѣ. Но были читатели, не вывелись они и до сихъ поръ, на которыхъ особенно убѣдительно дѣйствуетъ именно отсутствие всякой убѣдительности. Помните, какъ гоголевскій Кочкаревъ доказываетъ Марьѣ Тихоновнѣ, что всѣ женихи «дрянь» въ сравненіи съ Подколесинымъ... Вотъ такъ приблизительно доказывается подчасъ несостоятельность непосильнаго противника его литературными врагами. Бѣлинскій мало обращалъ вниманія на своихъ зоиловъ,—и только изрѣдка, напримѣръ, въ статьѣ—Педантъ—принималъ вызовы.

Для него достаточно было болѣе плодотворной положительной работы,—тѣмъ болѣе, что онъ воочію видѣлъ ея результаты, быстро возраставшее свое вліяніе, не смотря на самыхъ усердныхъ добровольцевъ.

Но вопросъ о *научномъ* содержаніи дѣятельности Бѣлинскаго отнюдь не разрѣшался успѣхомъ его критики. Если для современниковъ не представляли затрудненій его идейныя эволюціи, если каждый изъ нихъ могъ видѣть и вполне оцѣнить самоотверженную искренность и своего рода аскетическое подвижничество писателя на пути къ истинѣ,—точное представленіе о *знаніяхъ* Бѣлинскаго казалось не столь простымъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ,—Бѣлинскій не прошелъ университетскаго курса, дурно зналъ иностранныя языки въ самомъ началѣ своего авторства, постоянно обращался за свѣдѣніями по иноземнымъ литературамъ къ болѣе освѣдомленнымъ пріятелямъ, у Тургенева учился гегельянству, у Кетчера—заимствовалъ матеріалъ—изъ исторіи нѣмецкой словесности. Завѣдомо были и другіе учителя... Все это—факты. Какъ же они отразились на произведеніяхъ критика, при томъ такого страстнаго, необычайно стремительнаго въ работѣ?

Вопросъ этотъ для насъ распадается въ сущности на два вопроса:—какой научный и образовательный капиталъ давалъ Бѣлинскій своимъ современникамъ и что изъ этого капитала осталось цѣннаго и поучительнаго для насъ, которымъ предстоитъ скоро вспомнить полуувѣковую годовщину кончины писателя?

III.

Читателямъ извѣстна, несомнѣнно, удивительная идея греческаго философа Платона на счетъ поетовъ, точнѣе всѣхъ вообще служителей

искусствъ. Онъ рекомендовалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ съ честью выводить этихъ вредныхъ людей изъ его идеальнаго государства. Поэтамъ не могло быть мѣсто рядомъ съ мудрецами-діалектиками, правителями республики и вообще, поясняя законодатель, — философія искони не въ ладу съ поэзіей...

Платонъ когда-то слылъ чуть не за пророка, — и вотъ именно въ приведенномъ курьезномъ разсужденіи онъ дѣйствительно проявилъ, если угодно, пророческій даръ. Ни въ комъ поэтическое творчество и свободное развитіе искусствъ не встрѣчало и до сихъ поръ не встрѣчаетъ болѣе фатальнаго врага, чѣмъ въ разнаго рода діалектикахъ и философахъ, говоря проще, — въ ученыхъ эстетикахъ, по старинному — профессорахъ поэзіи и краснорѣчія. Такъ не особенно давно именовались оффиціально истинные бичи тѣхъ самыхъ предметовъ, надъ которыми были призваны изощрять свои способности.

Вдаваться въ подробности мы не можемъ въ настоящее время, — для насъ достаточно вспомнить, сколько тлетворнаго вліянія оказало дѣтище новѣйшихъ «діалектиковъ», такъ называемый «классическій стиль», или просто «классицизмъ» — на всю европейскую литературу. Измышленный французской академіей при самомъ ея зарожденіи, — онъ будто тьмой египетской покрылъ лучшіе художественные таланты — чуть ли не на два столѣтія. Сколько живыхъ поэтическихъ вдохновеній было принесено въ жертву мнимой аристотелевской цѣткѣ, сколько оригинальныхъ блестящихъ дарованій поблекло и опошлилось подъ давленіемъ академической розги, сколько личныхъ авторскихъ натуръ было унижено и осуждено на измѣльчаніе и игрушечное ремесленническое стихоплетство и словесное шутовство ради такъ называемаго «хорошаго вкуса!» Съ того момента когда Корнелю — автору *Сиды* — было приказано писать «по правиламъ» и за неисполненіе приказанія поэту грозила чуть не гражданская смерть, — надъ европейской литературой повисъ мечъ настоящей инквизиціи. И трудно было бы даже фантазіи Платона измыслить болѣе жестокую иронію, чѣмъ деспотическая власть тупыхъ безжизненныхъ резонеровъ надъ вдохновенными избранныками генія и мысли! Вообразите, — предъ вами картину Рафаэля стали бы цѣнить по добротности холста, на которомъ она нарисована и количеству красокъ, на нее израсходованныхъ... Вотъ именно такъ въ теченіи цѣлой громадной эпохи судили оффиціальные и неоффиціальные Шаплены, Батте и Тредьяковскіе о Мольерахъ и Шекспирахъ!

Да, прикидывать классическую цѣтику, измышленную людьми безъ единой поэтической искры въ душѣ, къ великимъ произведеніямъ искусства отнюдь не менѣе возмутительное варварство, чѣмъ Аполлона Бельведерскаго взвѣшивать на пуды и Сикстинскую Мадонну измѣрять аршинами!

И посмотрите, что творилось подобными оцѣнщиками еще на памяти нашихъ дѣдовъ! Посмотрите, сколько гениальныхъ созданій — безсмертной славы и чести нашей литературы — было обезчещено рабскимъ посягатель-

ствомъ «ученыхъ» и «образованныхъ охранителей порядка» въ литературѣ! Появятся *Горе отъ ума* или *Ревизоръ*—раздаются вопли:—нѣтъ завязки, нѣтъ настоящей любовной интриги, нѣтъ развязки, нѣтъ благороднаго стиля, нѣтъ характеровъ! Выйдутъ повѣсти Гоголя—это «отступленія отъ устава вкуса и законовъ изящнаго!» О стихахъ Пушкина нечего и говорить—это сплошные пустячки, недостойные пѣническаго Парнасса!..

Намъ могутъ быть смѣшны въ настоящее время подобныя изреченія,—но представьте, каково было авторамъ жить и писать подъ фанатическими залпами риторовъ и словесниковъ! Не всёмъ удавалось такъ спокойно судить о назойливомъ бормотанѣй педантовъ, какъ Грибоѣдову: Пушкинъ, напримѣръ, безпрестанно выходилъ изъ себя, несмотря на полный успѣхъ своихъ произведеній въ публикѣ, и счастье было Гоголю, что онъ нашелъ заступника и поощрителя въ томъ же Пушкинѣ! Существовай у насъ столь же сильное официальное судилище надъ талантами, какимъ было пристанище французскихъ педантовъ—«Институтъ»—еще неизвѣстно, какое наслѣдство оставили бы намъ Пушкины и Гоголи. Потому что—невообразимо сильна власть общепризнаннаго книжнаго авторитета даже надъ людьми, носящими въ своей личной натурѣ протестъ противъ «пыли вѣковъ!» Примѣръ—даровитѣйшій изъ профессоровъ поэзіи и краснорѣчія—Мерзляковъ. Самъ поэтъ, одаренный оригинальнымъ и живымъ эстетическимъ чувствомъ,—онъ до конца дней изнываетъ въ сѣтяхъ пѣнигъ и реторикъ. Онъ плачетъ, читая студентамъ стихотворенія Пушкина, но плачетъ безмолвно или здѣсь же твердитъ имъ о *правилахъ* и *формахъ*. «Онъ чувствовалъ, что это—прекрасно, но не могъ отдать себѣ отчета въ этой красотѣ». Такъ выражается очевидецъ о слезахъ Мерзлякова надъ *Кавказскимъ плыникомъ*...

И Мерзляковъ былъ далеко не совершеннымъ и вѣрнымъ слугой школьной словесности. Менѣе даровитые не шли дальше допотопныхъ учебниковъ, немногимъ отличавшихся отъ темныхъ средневѣковыхъ схоластическихъ трактатовъ, неустанно обременяли своихъ питомцевъ хрями, опредѣленіями и формулами и всякое отступленіе отъ авторитета считали смертнымъ грѣхомъ.

Вскорѣ послѣ Мерзлякова на словесной кафедрѣ того же Московскаго университета явился, повидимому, еще болѣе отзывчивый преподаватель, одновременно и журналистъ—Надеждинъ. Онъ даже считается учителемъ и предшественникомъ Вѣлинскаго. Дѣйствительно,—на первыхъ порахъ онъ выказалъ неслыханную смѣлость, развѣнчалъ всю старую русскую подражательную литературу, порвалъ, слѣдовательно, съ классической рутиной и возжаждалъ жизни и правды. Но, очевидно, какой-то фатумъ тяготѣлъ надъ университетской критикой. Именно величайшую поэтическую силу, во всей полнотѣ осуществлявшую правду и жизнь,—Надеждинъ и подвергъ остракизму. Это онъ первый произнесъ въ русской литературѣ слово *нигилистъ* и окрестилъ имъ современныхъ молодыхъ поэтовъ съ Пуш-

кинымъ во главѣ, страдавшихъ, по мнѣнію критика, полнѣйшимъ отсутствіемъ *идеи*, равнодушныхъ къ смыслу и размышленію. И такой приговоръ поражалъ одинаково и легкія стихотворенія и всего *Евгенія Онегина*! Мало этого,— вообще вся пушкинская поэзія, съ грандіозно-профессорской точки зрѣнія, оказывалась *пародіей*...

Такия истины сообщалъ студентамъ несомнѣнно въ высшей степени умный и для своего времени и особенно для своей среды исключительно отважный критикъ!

Представьте теперь усерднѣйшаго ученика подобныхъ наставниковъ, пусть онъ, съ самымъ блестящимъ литературнымъ талантомъ, примется воспроизводить въ статьяхъ лекціи Мерзлякова или толковать диссертацию Надеждина о романтической поэзіи... Сколько бы художественныхъ явленій первостепенной важности приняли въ его ученыхъ глазахъ совершенно превратную форму! Сколько бы прегрѣшеній совершилъ онъ предъ родной словесностью, публикой и потомствомъ во имя «изящнаго вкуса» или наивно-выспренней нестерпимо-торжественной «идейности»! Очевидно, — въ интересахъ самой науки объ изящномъ предстояло покинуть заиндевѣвшія высоты казенной учености и снизить до того «гласа народа», который, вопреки всѣмъ патентованнымъ Аристархамъ, восторженно привѣтствовалъ своевольную грибоѣдовскую комедію и легкомысленныя пушкинскія эпиграммы и поэмы. Спасеніе русской критики и, слѣдовательно, литературы, заключалось въ освобожденіи отъ каедральной поэзіи и профессорскаго краснорѣчія.

Вы думаете, — этого легко было достигнуть? Стоило только не повторять правилъ и формулъ съ чужаго голоса и слѣдовать внушеніямъ естественнаго художественнаго чувства... Теперь, дѣйствительно, вопросъ разрѣшается просто, и самому обыкновенному смертному легко убѣдиться, что создавать поэтическія произведенія и цѣнить и понимать ихъ— таланты родственные и прирожденные, отнюдь не внушаемые учебниками и диссертациями. Но далеко не такъ было шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Рядомъ съ фанатикомъ ученой идеи—Надеждинымъ—дѣйствовалъ родоначальникъ журнальной русской критики—Полевой, — человекъ въ полномъ смыслѣ замѣчательный. Бѣлинскій, горячо съ нимъ полемизировавшій, считалъ его имя—именемъ цѣлой эпохи, подобно именамъ Ломоносова и Карамзина. И Полевой, дѣйствительно, — революціонеръ сравнительно съ профессорами поэзіи и краснорѣчія. Самоучка, самъ создавшій и себя и свою журнальную карьеру, онъ менѣе всего могъ пытаться схоластическимъ хламомъ и, насколько позволяло время, провозгласилъ свободу, оригинальность и новизну въ литературѣ, падая ницъ предъ Гюго и Шекспиромъ.

И что же? Вышло, — легче быть романтикомъ и объявить войну «литературнымъ старовѣрамъ», чѣмъ вникнуть въ простую, будничную правду, общечеловѣческую реальную дѣйствительность—и усмотрѣть здѣсь предметы, достойные творчества. Полевому—свободному и воинственному—

оказалось это не подь силу, — и именно ему принадлежать самые удручающіе отзывы о *Ревизорѣ*, о *Мертвыхъ душахъ*, объ *Евгѣніи Онегинѣ*. Какой-нибудь профессоръ никакъ не могъ отдѣлаться отъ кошмара нѣмецкихъ и латинскихъ реторикъ, журналистъ во снѣ и наяву бредить «высокимъ *уморомъ* шекспировымъ» и «исполинскими образами Виктора Гюго», никакъ не попадая на мысль, что вѣдь свѣтъ не въ одномъ шекспировомъ окошкѣ и міръ поэзіи не клиномъ сошелся на романахъ Гюго. Нѣтъ! Разъ Гоголь и Лермонтовъ не напоминаютъ *авторитетовъ* — тѣхъ же авторитетовъ хотя и поэтическихъ — горе имъ: *Герой нашего времени* — пустяки, а *Мертвыя души* такъ плохи, что критикъ предпочелъ бы видѣть рѣшительное прекращеніе дѣятельности автора — лишь бы не появлялась на свѣтъ эта злосчастная поэма... Такъ писалъ сдѣлавшій эпоху журналистъ въ 1842 году!

Теперь обратитесь къ статьямъ Бѣлинскаго и къ пути его критическаго развитія. У кого и чему было научиться «неистовому Виссаріону»? Сохранилось преданіе, будто Бѣлинскій крайне лѣниво ходилъ на лекціи и дурно слушалъ ихъ... Легко повѣрить! У него вся душа горѣла неутолимой жаждой мысли и жизни — мысли самостоятельно продуманной и жизни лично воспринятой, — а здѣсь его отсылали къ закройщикамъ риторическаго искусства, расправлявшимся съ идеями и поэтическими образами будто съ пшечными пѣшками. И благо молодому студенту, что онъ ничему или весьма немногому научился отъ своихъ наставниковъ, столь остроумно изображенныхъ Лермонтовымъ — одноклассникомъ Бѣлинскаго — въ знаменитой студенческой поэмѣ. И еще большее счастье будущаго критика заключалось въ его «неистовствѣ», въ его бурныхъ запросахъ независимой умственной дѣятельности. Въ этихъ именно свойствахъ и таился матерьялъ критика-реформатора, столь необходимый въ эпоху академическаго педантизма и журнальной смуты.

И здѣсь не было у Бѣлинскаго предшественниковъ и учителей. Его отдѣльныя идеи можно найти у Веневитинова, Надеждина, Полевого, — ихъ можно, пожалуй, назвать разсѣянными лучами истины, но вся истина, цѣльная критическая натура, глубокая и послѣдовательная, — уже сама по себѣ настоящая система идей и чувствъ, — это было удѣломъ только Бѣлинскаго. И онъ совершалъ свой путь, не подбирая шагъ за шагомъ чужихъ мыслей, не сплетая своего вѣнка изъ разбросанныхъ раньше лавровъ, а двигаясь впередъ будто стихія, вкладывая въ каждый моментъ движенія весь свой умъ и весь свой нравственный міръ, вѣрище — все свое существованіе, потому что у Бѣлинскаго до конца жизни не было личныхъ интересовъ — равноправныхъ съ его литературнымъ дѣломъ, не было счастья выше самоудовлетворенія писательской совѣсти. Это — литераторъ до мельчайшаго нерва и до послѣдняго вздоха, можно сказать — чистѣйшее воплощеніе идеи литературнаго труда и общественной мысли.

Эта цѣлостность и самобытность движенія сказались въ первой же статьѣ молодого критика. Она появилась въ журналѣ Надеждина, въ ней

можно найти не мало надеждинскихъ мыслей и, пожалуй, даже выражений,—но одинъ—капитальнѣйшій пунктъ статьи—исключительное достоиніе Бѣлинскаго: характеристика Пушкина. Припомните, что мы сейчасъ только говорили о положеніи великаго поэта въ современной критикѣ и — непосредственно послѣ надеждинскихъ издѣвательствъ и жестокихъ укоровъ Полевого — Пушкинъ оказывается «совершенное выраженіе своего времени», даже труженикъ просвѣщенія! Последнее обстоятельство, ставшее вполне яснымъ едва ли не со вчерашняго дня,—признано ученикомъ критика, видѣвшаго въ Пушкинѣ почти одинъ «нигилизмъ», т. е. отчаянную пустоту мысли и вдохновенія.

Столь же сильно и безповоротно былъ оцѣненъ и Гоголь въ статьѣ объ его повѣстяхъ. Критикъ, несомнѣнно, виталъ въ туманныхъ областяхъ отвлеченной, извнѣ навѣянной мысли, изнывалъ по нѣкоторой новой теории словесности и усиливаясь вложить въ ея рамки *общія* характеристики литературныхъ произведеній. На основаніи ея онъ произнесетъ уничтожающій приговоръ надъ грибоѣдовской пьесой, какъ художественной комедіей. Въ сущности этотъ судъ будетъ единственнымъ серьезнымъ «философскимъ» грѣхомъ Бѣлинскаго, но онъ не помѣшаетъ критику увидѣть въ нехудожественной комедіи гениальную сатиру. До такого признанія и здѣсь не доходилъ ни одинъ изъ раннихъ судей, а что касается личности Чацкаго,—она и у Пушкина встрѣтила не болѣе благосклонный отзывъ, чѣмъ у Бѣлинскаго. Для дѣйствительной вполнѣ логической оцѣнки безпокойнаго героя не достаточно было художественныхъ впечатлѣній,—только личная психологія автора и основательное историческое знакомство съ почвой и цѣлью протеста героя могли указать вѣрный путь къ пониманію «ума» и «фразъ» Чацкаго. Это общая судьба горячихъ общественныхъ сатиръ: ихъ смыслъ и значеніе дѣлаются вполне ясными только на извѣстномъ разстояніи, какъ и самыя общественныя явленія.

И именно Бѣлинскій съ первой же статьи обнаружилъ способность скорѣе всѣхъ другихъ пройти это разстояніе. Упорные толки о художественномъ осуществленіи идеи не помѣшали ему провозгласить принципъ, грозившій неминуемой гибелью всѣмъ отвлеченностямъ и празднему философствованью. Даже гегельянскій культъ дѣйствительности помогъ отчасти Бѣлинскому освободиться отъ нѣмецкихъ тумановъ. «Поэзія жизни, поэзія дѣйствительности—истинная и настоящая поэзія нашего времени».... «гдѣ истина—тамъ и поэзія». Это самыя раннія заявленія Бѣлинскаго. Правда,—еще Надеждинъ толковалъ о сліяніи жизни и поэзіи, но для профессора не все живое и естественное было жизнью, не все простое и будничное могло превратиться въ перлъ созданія подъ творческимъ воздѣйствіемъ поэзіи. Бѣлинскій не признавалъ никакихъ теоретическихъ граней,—и эта широта воззрѣнія на дѣйствительность и силу творческаго воспроизведенія ея—прямымъ путемъ привела его къ непогрѣшимой оцѣнкѣ пушкинскихъ и гоголевскихъ произведеній.

Для насъ теперь несомнѣнно великое общественное и даже историческое

содержаніе *Евгенія Онегина*, — но Бѣлинскій открывалъ въ полномъ смыслѣ Америку однимъ своимъ намѣреніемъ серьезно считаться съ пушкинскимъ романомъ. Въ такомъ же положеніи онъ явился среди современныхъ руководителей просвѣщеннаго мнѣнія и относительно *Мертвыхъ душъ*. Только избранные *художественные* таланты, вродѣ тѣхъ же Пушкина и Гоголя и раньше Грибоѣдова, поднимались до уровня критическихъ воззрѣній Бѣлинскаго. Это — въ высшей степени замѣчательный фактъ. Если ужъ дѣйствительно у Бѣлинскаго существуютъ подлинныя учителя и предшественники не по отдѣльнымъ идеямъ, а по общему эстетическому міросозерцанью, — это не журналисты и еще менѣе профессора, а великіе поэты. Грибоѣдовъ первый объявилъ, что «угождать теоретикамъ» значить «дѣлать глупости», и съ гордостью истинной сознающей себя силы отвернулся отъ «школьныхъ требованій» и «бабушкиныхъ преданій». Пушкинъ въ *Евгеніи Онегитѣ* съ неподражаемо-изящнымъ остроуміемъ осмѣялъ свои же былыя романтическія и байроническія увлеченія и грозилъ погрузиться въ «пестрый соръ фламандской школы». И именно Пушкинъ явился первымъ восторженнымъ критикомъ Гоголя, Бѣлинскій сталъ съ нимъ рядомъ, независимо отъ какихъ бы то ни было философскихъ кривотолковъ, — и сталъ потому, что съ фанатическимъ стремленіемъ къ истинѣ соединялъ чувство и отзывчивость настоящаго художника. Писемскій отмѣтилъ этотъ фактъ и справедливо призналъ въ немъ—идеалъ, къ какому только можетъ стремиться критика.

Но, говорятъ, на землѣ никакой талантъ не дается даромъ, а тѣмъ болѣе — нѣсколько талантовъ вмѣстѣ. И Бѣлинскому пришлось предъ самимъ собой расплачиваться за богатство своей натуры. Противорѣчія въ его раннихъ статьяхъ объясняются борьбой двухъ одинаково сильныхъ инстинктовъ: идейной вѣры и художественнаго увлеченія, стихійнаго, органическаго чутья правды и красоты и стремительной жажды усвоить и воспроизвести послѣдніе результаты современной европейской мысли. Эта жажда доходила часто до невѣроятной скромности, до готовности записать себя въ ученики и слушатели всякаго, кто произвелъ впечатлѣніе болѣе свѣдущаго и просвѣщеннаго. Можетъ быть, никогда еще такая пламенная и гордая юношеская натура не уживалась съ такими жертвами законнаго самолюбія и столь естественной молодой отваги!

Но за каждой усвоенной идеей немедленно начинался сложный и упорный процессъ. Онъ непосредственно обнаруживался на журнальной работѣ Бѣлинскаго. Можно, конечно, замѣтить: — не слѣдовало ли иной разъ автору повременить, пока процессъ придетъ къ одному опредѣленному результату и уже тогда излагать свои идеи? Мы не споримъ, —возможенъ и допустимъ такой упрекъ, —но только тогда на мѣсто Бѣлинскаго надо поставить совершенно другаго человѣка, какого нибудь самодовлѣющаго олимпійца, способнаго невозмутимо созерцать текущую мимо жизнь и пропускать мимо ушей виѣшній шумъ общественныхъ настроеній и идей. Не лишнее было бы и измѣнить условія: вмѣсто Бѣлинскаго — «пасынка судьбы» и

притомъ одного изъ «самыхъ нелюбимыхъ», какъ его называлъ одинъ современникъ, или челоѣка «фатальнаго», т. е. осужденнаго на вѣчныя неудачи, какъ о немъ выражалась сестра его невѣсты,—создать Sonntags-kind'a, съ завидной привилегіей—писать, когда хочется, говорить, когда не лѣнь и жить какъ Богъ на душу положить. Такіе счастливичики бывають на свѣтѣ,—но «неистовый Виссаріонъ», вѣроятно, почувствовалъ бы живѣйшее отвращеніе даже къ одной мысли о такомъ счастьѣ...

Его счастье заключалось въ вѣчномъ перегораніи внутреннихъ силъ, въ неустанной борьбѣ за «кровное убѣжденіе». И Бѣлинскому никогда и на умъ не могло придти—эгоистическое упорство защищать свое мнѣніе во что бы то ни стало, когда ясна его несостоятельность. Чтó значила личность предъ общимъ прогрессомъ и общимъ благомъ! «Я больше всего цѣню въ людяхъ эластичность души, способность ея движенія впередъ. Вотъ бѣда, когда эта божественная способность утрачена!»

Такъ писалъ Бѣлинскій въ своемъ интимномъ письмѣ, — и остался вѣренъ себѣ до конца.

За четырнадцать лѣтъ, прерываемыхъ постоянно нездоровьемъ и разнаго рода «проклятыми вопросами», онъ—успѣлъ сказать свое слово не только о важныхъ и историческихъ явленіяхъ русской литературы, но и о мимолетныхъ поденныхъ ея злобахъ. Его характеристики старыхъ писателей остаются неизмѣнными со временъ его первой статьи. Пушкинъ, Лермонтовъ и великая реальная школа истолкованы и навсегда утверждены его безпримѣрно страстной защитой Гоголя, вступавшей даже въ раздоръ съ самимъ Гоголемъ. Безчисленное множество свѣдѣній и общихъ эстетическихъ понятій, теперь усвоиваемыхъ изъ учебниковъ и повсѣдневной бесѣды,—наслѣдство Бѣлинскаго, и потомство живетъ этимъ наслѣдствомъ, часто даже не подозрѣвая благодѣтеля и не видя указующей руки: все равно какъ давно забыты имена творцовъ первѣйшихъ и необходимѣйшихъ условій общегитія и цивилизации. Только внимательно перечитывая статьи Бѣлинскаго и сравнивая ихъ—это безусловно настоятельно—съ современной ему критикой и общественной мыслью,—мы можемъ оцѣнить всю силу его идейной отваги, убѣдительности и пронизательности.

Всѣ эти заслуги были совершенно ясны ближайшимъ преемникамъ критика. Столь разные по направленію люди, какъ Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ, Григорьевъ—почти въ тождественныхъ выраженіяхъ засвидѣтельствовали недосыгаемо-высокую роль Бѣлинскаго въ исторіи русской критики. Авторъ *Эстетическихъ отношеній искусства къ действительности*, разбирая статьи Бѣлинскаго заявлялъ: «лучше ничего нельзя не только сказать, но и подумать въ настоящее время». Еще энергичнѣе писалъ Аполлонъ Григорьевъ, въ общемъ противникъ Бѣлинскаго, мечтавшій о созданіи своей критической школы.

«Оппозицію Бѣлинскому составляли или беззубые виршенплеты или поборники мрака.... Если бы Бѣлинскій прожилъ до нашего времени, онъ и теперь стоялъ бы во главѣ критическаго сознанія».

Послѣднія слова—правдивый и точный отзывъ не только о талантѣ Бѣлинскаго, а, что еще важнѣе, — о самой сущности его нравственной и общественной личности. Она — воплощеніе самоотверженнаго, неутомимаго движенія къ совершенствованію, къ культурному развитію личности и къ обогащенію общественнаго сознанія. Самая непрочность новѣйшихъ представленій о Бѣлинскомъ и значеніи его дѣятельности доказываетъ необычайно жизненное, до сихъ поръ *современное* содержаніе личнаго характера дѣятеля и его дѣла. Судя Бѣлинскаго, безпрестанно судятъ самыя жгучіе вопросы нашихъ дней, изрекая тотъ или другой приговоръ надъ критикомъ, — доподлинно свидѣтельствуютъ о своемъ я — нравственномъ и общественномъ.

И не скоро такой порядокъ станетъ предметомъ воспоминаній: слишкомъ богатую энциклопедію фактовъ и мыслей и совершенно исключительную— въ русскомъ обществѣ — *исторію души* оставилъ по себѣ Бѣлинскій писатель и—великій человѣкъ!..

Ив. Ивановъ.

Эгоизмъ и нравственность.

Б. Карнери.

Ничего не можетъ быть проще, какъ, осудивъ безповоротно эгоизмъ, провозгласить альтруизмъ единственно нравственнымъ принципомъ человѣческаго поведенія. Принимая за различіе между ними то, что альтруизмъ ведетъ человѣка къ самопожертвованію, а эгоизмъ къ принесенію другихъ себѣ въ жертву, приходятъ къ такого рода противопоставленію понятій, которое не только, повидимому, исключаетъ всякую возможность ихъ примиренія, но дѣлаетъ такое примиреніе совершенно излишнимъ. Дѣйствительно, исходитъ ли этикъ въ данномъ случаѣ изъ категорическаго императива, предписывающаго человѣку могущественное: «ты долженъ», принимаетъ ли онъ за начало, побуждающее человѣка къ добру, а слѣдовательно и къ альтруизму, моральное чувство, прирожденное сердцу, какъ категорическій императивъ уму, — во всякомъ случаѣ у него нѣтъ основанія ослабить эту противоположность — болѣе того, отъ него требуется рѣзкое обособленіе понятій. Путь къ добродѣтели данъ; остается вполне уяснить себѣ ее самое, ея различные виды и подвиды, и руководство морали готово. Но тутъ, какъ бы испугавшись простоты дѣла, прибѣгаютъ къ казуистикѣ и путаются въ ужасающихъ коллизіяхъ обязанностей, пока острый умъ счастливо не вывернется изъ нихъ.

Совершенно въ другомъ свѣтѣ является дѣло для этики, котораго изслѣдованіе человѣческой природы привело къ убѣжденію, что, такъ называемый, категорическій императивъ дѣйствителенъ не самъ по себѣ, но въ силу измѣнчивыхъ побочныхъ условій, опредѣляющихъ рѣшеніе, что человѣкъ по натурѣ злое животное, которому не свойственно вообще никакое моральное чувство. Съ этой точки зрѣнія человѣкъ управляется исключительно аффектами, которые возникаютъ изъ его взаимодействія съ окружающимъ міромъ и равнодѣйствующая которыхъ проявляется въ инстинктъ самосохраненія, угасающемъ лишь со смертію. Очевидно, что эта «борьба за существованіе» можетъ быть разсматриваема лишь какъ эгоизмъ, и что поэтому всякое человѣческое дѣйствіе въ концѣ-концовъ сводится на эгоистическій моментъ. Для насъ вполне понятно, что столь

многіе боятся прямо взглянуть въ лицо истинѣ, сталкивающей человѣка съ пьедестала добродѣтели, на которомъ онъ столько времени могъ являться предметомъ удивленія для самого себя. Но что толку въ этой боязни, если человѣкъ и на пьедесталѣ, на который его возвело недостаточное знаніе своей сущности и умышленное потворство своему тщеславію, все же въ концѣ концовъ не умѣетъ заставить себя отречься отъ порока, какъ часто ни требуютъ этого отъ него неумолимые моралисты. Фактъ тотъ, что еще не написано такого руководства морали, которое достаточно было бы лишь основательно протудировать, чтобы, независимо отъ всякаго вознагражденія на томъ свѣтѣ, изъ чистой любви къ добродѣтели пожертвовать своимъ собственнымъ благополучіемъ благополучію другихъ.

Что такая книга только не написана—это, впрочемъ, еще самое меньшее, что можно сказать,—горе въ томъ, что она и не можетъ быть написана, поскольку требуетъ отъ человѣка чего либо противнаго его природѣ. Можно такъ воспитать человѣка, что желаніе добра сдѣлается его второю натурой; точно также истинная любовь, всецѣло захвативъ индивидуума, можетъ постепенно передѣлать его по образцу любимаго существа,—но тотъ, кому не помогли сдѣлаться нравственно возвышенной личностью ни любовь, ни воспитаніе,—тотъ по просту не имѣетъ чувства, которое предполагается въ немъ моралистѣ.

Если теперь мы рассмотримъ основаніе этого чувства тамъ, гдѣ оно уже достигнуто, то обнаружимъ, что оно есть стремленіе къ наиболѣе желательному. Добро дѣлаютъ не потому только, что оно признается за высшее, но потому, что оно кажется намъ наиболѣе прекраснымъ, и, какъ таковое, проявляетъ болѣе притягательной силы; поэтому то мы и дѣлаемъ его охотнѣе. Въ этомъ «охотнѣе дѣлаемъ» проглядываетъ уже нѣчто эгоистическое, противорѣчащее ходячему понятію добродѣтели, такъ какъ оно уменьшаетъ заслугу, безъ которой эта добродѣтель немислима. Добродѣтель считается, именно, тѣмъ выше, чѣмъ труднѣе удается индивидууму удержаться на ея стезѣ.

Воля, въ силу своей природы, опредѣляется лишь сильнѣйшими мотивами, причѣмъ рѣшающее значеніе принадлежитъ особенностямъ индивидуальнаго склада, отъ котораго исключительно зависитъ, какіе мотивы получать перевѣсъ какъ сильнѣйшіе. Могутъ спросить еще: какимъ путемъ дошло человечество до понятія нравственно хорошаго? Легко замѣтить, что самый опытъ долженъ былъ вести его къ признанію ничтожности обособленнаго существованія, къ признанію того, что оно получаетъ цѣнное содержаніе лишь подъ условіемъ раздѣленія его съ другими. Любовь стремилась къ обладанію, а также и къ сохраненію обладанія. Поэтому она должна была признать и за другими то, на что претендовала сама, поскольку лишь подъ этимъ условіемъ ея собственные притязанія могли быть уважаемы другими. Мотивъ былъ эгоистическій, но человѣкъ не удержался бы на пути, столь богатомъ жертвами, если бы это не приносило ему пользы. Каждая новая жертва давала новые плоды, и инстинктъ самосохраненія

отдѣльнаго индивидуума, просвѣтляясь во все болѣе облагораживающееся стремленіе къ счастью, отождествился сначала съ инстинктомъ самосохраненія нѣсколькихъ другихъ индивидуумовъ, а затѣмъ и цѣлаго рода. Конечно, это еще не значитъ, чтобы всѣ сдѣлались такими. Лишь нѣкоторые, благодаря особенно счастливымъ обстоятельствамъ, воспользовались собственнымъ и чужимъ опытомъ и поднялись на такую высоту, съ которой могли выяснять другимъ, въ чемъ заключается нравственность. Что все это было возможно лишь въ рамкахъ государства, безъ которыхъ человѣкъ постоянно возвращался бы сызнова къ естественному состоянію, — мы оговоримся лишь для полноты. Этимъ бѣглымъ обзоромъ мы хотимъ только констатировать, что понятіе моральнаго, давно уже прочно установленное, въ цѣломъ признается не только каждымъ отдѣльнымъ этикомъ, но и цивилизованными народами, какъ таковыми, поскольку оно составляетъ основу ихъ моральнаго прогресса. Работа была общая, и ея результатъ есть равнодѣйствующая безчисленныхъ разнообразнѣйшихъ стремленій. Но это не отвѣчаетъ на вопросъ о томъ, что побуждаетъ быть нравственнымъ отдѣльное лицо. Разрѣшеніе его есть главная задача практической морали. Если въ дѣйствительности у отдѣльныхъ лицъ категорической императивъ отличается такою жизненностью или моральное чувство такъ могущественно заявляетъ о себѣ, что они повинуются требованіямъ нравственности, то достиженіемъ этого они обязаны воспитанію и притомъ такому, которое начинается не на высшихъ уже ступеняхъ умственнаго развитія, но съ самаго ранняго дѣтства. Будучи нравственными, они дѣйствуютъ, сообразно со своей природой, между тѣмъ какъ ходячая мораль учитъ, что мы «должны» быть нравственны, вопреки ей. Теперь мы убѣдились, что альтруизмъ не только возникаетъ изъ эгоизма, но что онъ сохраняетъ эгоистическую природу даже въ лучшихъ своихъ проявленіяхъ, и мы покажемъ, что лишь открытое признаніе этого факта выводитъ этику на вѣрный путь.

У Рила во второй части второго тома философскаго критицизма (Лейпцигъ, 1885 г., стр. 338), мы находимъ, поистинѣ, золотыя слова: «Пусть возможно для человѣка приносить въ жертву свое индивидуальное существованіе высшимъ, имъ самимъ признаваемымъ и преслѣдуемымъ цѣлямъ, на примѣръ, нравственнымъ и политическимъ; но возможнымъ это дѣлается лишь потому, что онъ перелагаетъ въ эти цѣли свой инстинктъ самосохраненія и отождествляетъ ихъ такимъ образомъ со своимъ личнымъ существованіемъ». Въ этихъ словахъ выражена, собственно, вся наша мысль. Чтобы быть въ состояніи жертвовать своимъ индивидуальнымъ бытіемъ, мы должны посредствомъ нашихъ стремленій, возрѣній и любви такъ расширить наше Я, чтобы сознавать и чувствовать себя высшимъ индивидуумомъ, который, именно въ силу эгоизма, считаетъ принесеніе въ жертву своей личности меньшимъ зломъ, если дѣло идетъ о спасеніи высшаго достигнутаго бытія. Всякое другое самопожертвованіе противоестественно и мыслимо лишь при умственной ограниченности или извѣстнаго рода тщеславіи. Конечно, «сама индивидуальность есть понятіе относительное, —

говорить Риль, — поскольку мы, постоянно воспринимая вещество изъ вещественнаго міра, представляемъ единственно обмѣнъ веществъ; также относительна и обособленность нашего сознанія отъ сознанія другихъ людей, такъ какъ ихъ мышленіе продолжается въ нашемъ мышленіи, и наше мышленіе было бы невозможно безъ ихъ мышленія, предшествующаго нашему, сопутствующаго ему и за нимъ слѣдующаго». Однако, для отдѣльнаго лица въ этой относительности—все. Черезъ нее онъ становится тѣмъ, что онъ есть, вмѣстѣ со своею индивидуальностью уничтожается и онъ.— Но существуетъ-ли въ дѣйствительности единичное бытіе? могутъ намъ еще возразить. Въ абсолютномъ смыслѣ, конечно нѣтъ,—это знали уже элеаты. Вообще, мы не знаемъ ничего абсолютнаго, потому что располагаемъ лишь относительнымъ человѣческимъ умомъ. Згѣсь мы имѣемъ дѣло съ относительнымъ человѣческимъ бытіемъ, такимъ оно является для насъ и въ своей индивидуальности, оно естественно эгоистично, какъ въ высшихъ проявленіяхъ, такъ и въ первобытной грубости.

Почему же мы подчеркиваемъ это? Потому, что считаемъ грубо ошибочнымъ господствующій методъ воспитанія. Онъ перевертываетъ истину вверхъ ногами и, благодаря этому обстоятельству, по нашему мнѣнію, индивидуализмъ проявляется въ такой формѣ, которая по справедливости можетъ быть порицаема. Исходя изъ понятія человѣка, заимствованнаго изъ временъ метафизики, утверждаютъ, что мы носимъ въ себѣ духъ, одаренный свободной волей и долженствующій дѣйствовать въ противоположность демону, какимъ считается въ нашемъ тѣлѣ природа съ ея естественными влеченіями, какъ причина зла и посяганій борьбы, не дающей покоя бѣдному духу. Форма, въ которой объявляютъ войну эгоизму, приноситъ тотъ вредъ, что мы вырастаемъ съ ошибочнымъ понятіемъ о природѣ. Мы принуждены смотрѣть на нее какъ на зло, но въ то же время отлично знаемъ, что она наша собственная природа. Возможно-ли удалиться отъ себя самихъ? Не будемъ-ли мы тогда съ особенной жадностью прислушиваться къ ученіямъ, которыя говорятъ намъ, что природа добра, что все въ ней прекрасно, что у нея должны мы учиться? Последнее ложно, какъ и первое, такъ какъ природа не добра и не зла. Первобытный человѣкъ золь, потому что у него къ естественнымъ влеченіямъ присоединяется грубый умъ съ ясно сознанными цѣлями. Но первобытнаго человѣка не существуетъ еще, коль скоро мы приступаемъ къ воспитанію маленькаго ребенка. Выростая во лжи, можемъ-ли мы созрѣть для истины? Какъ нѣтъ ни доброй, ни злой природы, такъ нѣтъ и въ человѣкѣ ни добрыхъ, ни злыхъ наклонностей. Человѣкъ начинаетъ съ грубыхъ побужденій, и въ ихъ облагороженіи заключается задача воспитанія. Стремиться искоренять склонности вмѣсто того, чтобы облагораживать ихъ, значить уродовать человѣка; если это и удастся, то мы воспитаемъ скопцовъ, не годныхъ ни къ чему путному, —въ противномъ же случаѣ, оставшаяся грубой, природа прорветъ несносныя путы и проложитъ себѣ путь, какъ индивидуализмъ нашихъ

дней, который выспимъ благомъ считаетъ чувственное наслажденіе и не страшится основывать свое благополучіе на обломкахъ чужого.

Отстаивая эгоизмъ, мы добиваемся лишь того, чтобы все называлось настоящимъ именемъ. Для каждаго человѣка на первомъ планѣ является онъ самъ, что и должно быть, и чего онъ, конечно, не станетъ отрицать, если такъ же правдивъ по отношенію къ другимъ, какъ къ самому себѣ. Но при этомъ онъ долженъ знать, что эгоизмъ образованнаго человѣка не то, что эгоизмъ дикаря; онъ долженъ настолько вырасти въ чувствахъ, которыя расширяютъ его *я*, чтобы оно обнимало собою все человѣчество. По самой его природѣ,—говоря еще разъ вмѣстѣ съ Рилемъ,—«то, для чего онъ жертвуетъ своей личностью, должно быть для него еще болѣе его *я*, чѣмъ то, что онъ жертвуетъ». Вотъ это—сообразный съ природой, вѣрный самому себѣ, откровенный альтруизмъ, который ищетъ лишь собственной пользы, но для котораго таковою является общепользное. Впрочемъ, понятіе пользы слишкомъ узко, чтобы охватывать все, находящееся у насъ передъ глазами; объ это то и разбивается ученіе утилитаризма. Въ его основѣ также лежитъ эгоизмъ, но онъ хочетъ судить обо всемъ съ точки зрѣнія пользы, поэтому его расчеты не всегда сбываются. Не только не оказывается возможнымъ установить совершенную гамму, о которой мечтаютъ современные утилитаристы,—бываютъ случаи, когда человѣкъ для ближняго или для высшей цѣли жертвуетъ жизнью и когда уже смѣшно говорить о его собственной пользѣ. Если упорно отстаивать понятіе пользы, то окажется, что великодушный на землѣ постоянно въ проигрышѣ...

Ошибка утилитаризма въ томъ и заключается, что онъ апеллируетъ исключительно къ уму, не налагая отпечатка на чувство. Путь, по которому долженъ идти индивидуумъ, чтобы сдѣлаться нравственно возвышенной личностью, есть путь, на которомъ достигнуто понятіе нравственности все человѣчество. Оно никогда не пришло бы къ нему или утратило бы его опять, если бы ему не доставляло такъ много счастья практическое примѣненіе нравственныхъ началъ. Этому счастью мы обязаны идеаломъ, при свѣтѣ котораго наша жизнь становится прекрасной жизнью. Но для благословеній этого идеала индивидуумъ долженъ быть воспитанъ. Если его склонности правильно развиты, въ немъ не можетъ быть борьбы двухъ враждебныхъ существъ. Одно достигается легче, другое труднѣе, но въ общемъ ему будетъ ясно, что онъ дѣйствуетъ такимъ образомъ и что не можетъ дѣйствовать иначе, потому что дѣйствуетъ, сообразно со своею собственной природой. Душевный миръ, порождаемый такимъ пониманіемъ, уже самъ по себѣ имѣетъ неоспоримую цѣну. Мы охотно согласимся, что человѣкъ нравственный по натурѣ не можетъ претендовать на заслугу, которую приобретаетъ добродѣтель, побѣдоносная послѣ жестокой борьбы,—мы спросимъ только, менѣе-ли полезенъ человѣчеству индивидуумъ, воспитаніе котораго мы рекомендуемъ, и не въ немъ-ли, именно, находить свое лучшее выраженіе истинное человѣческое достоинство! Вообще, я могу лишь въ томъ случаѣ пожертвовать жизнью отечеству или любимому существу,

если мнѣ доставляетъ болѣе счастья ихъ спасти, чѣмъ пережить погибающихъ. Если же кто либо думаетъ, что въ своемъ рѣшеніи онъ всегда опредѣляется единственно чувствомъ долга, то онъ попросту пропускаетъ скрывающееся за нимъ убѣжденіе, что, уклонившись отъ обязанности, онъ былъ бы безнадежно несчастливъ всю остальную жизнь. Даже тотъ, кто слѣдуетъ долгу изъ одного страха, дѣлаетъ это изъ страха передъ большимъ зломъ. Для бѣднаго изъ бѣдныхъ, такъ же какъ и для всякаго другого, существуетъ вѣчто лучшее, котораго онъ ищетъ, покуда живетъ, потому что въ этомъ заключается прелесть жизни. Именно, здѣсь то мы и видимъ съ особенной отчетливостью, что нравственность не въ отрѣшеніи отъ эгоизма, но въ просвѣтленіи его. Просвѣтляетъ же его облагороженное пониманіе счастья. Поэтому, если только стремленіе къ счастью объясняетъ дѣйствія людей, то оно же дѣлаетъ понятными и успѣхи человѣчества съ первыхъ его шаговъ до высшихъ ступеней цивилизаціи, именно, какъ естественно необходимое развитіе инстинкта самосохраненія.

Почему бы моральному индивидууму совершенствоваться иначе, нежели физическому? Развѣ въ дѣйствительности они не одно и то же? Всего менѣе слѣдуетъ упускать изъ виду единство нашей природы. Не цѣлый-ли человѣкъ думаетъ, чувствуетъ и желаетъ? Мы, всѣ конечно, называли бы глупостью желаніе уничтожить желудокъ на томъ основаніи, что онъ можетъ склонить насъ къ обжорству и пьянству, потому что послѣдствія здѣсь непосредственно очевидны, но эта глупость лишь удобопонятнѣе, но не больше, чѣмъ желаніе уничтожить эгоизмъ. Ни одна человѣческая склонность не должна быть подавляема; всѣ ихъ нужно развивать равномѣрно, хотя и сообразуясь съ ихъ важностью. Человѣчество состоитъ изъ индивидуумовъ, и его достоинство опредѣляется степенью ихъ пригодности.

Мы не скрываемъ отъ себя, что воспитаніе, которое мы здѣсь отстаивали, также имѣетъ свои темныя стороны. Самостоятельные характеры, которые изъ него получаются, труднѣе поддаются управленію, но зато они могутъ лучше управлять собою. Самъ себѣ голова (*Selbst ist der Mann*), гласитъ старинное изреченіе, которое одинаково далеко, какъ отъ низкаго себялюбія, жертвующаго чужимъ благомъ собственному, такъ и отъ тщеславной самоотверженности, приносящей собственное благо въ жертву ничтожнымъ цѣлямъ. Только сознаніе своей самостоятельности даетъ намъ правильный масштабъ для опредѣленія нашего отношенія къ міру. Какая ему польза въ обыденномъ состраданіи, которое никогда не поднимется до великаго спасительнаго дѣла? Что ему въ чрезмѣрной добротѣ, которая потому-то и чрезмѣрна, что она доброта слабости, а не силы и на которую поэтому нельзя положиться?

Какъ часто слышимъ мы возгласы родителей: съ нынѣшними молодыми людьми нельзя ни за что взяться! Имъ и въ голову не приходитъ, что они сами воспитали ихъ для бесполезности. Они дали имъ вырости безъ идеаловъ или выставили передъ ними идеалъ, лишенный плоти и

крови. Руководство морали ничего не может сдѣлать, въ то время, какъ для воспитанія, за безконечно малыми исключеніями, возможно все. Правильно воспитанный человѣкъ дѣлаетъ не мало ошибокъ, но онъ не погибаетъ въ своихъ заблужденіяхъ. Онъ всегда стремится, по возможности, исправить то зло, которое онъ сдѣлалъ, и охотно беретъ на себя послѣдствія своихъ ошибокъ, какъ единственную искупительную жертву, которую онъ признаетъ. Онъ не можетъ дѣйствовать иначе, ибо воспитаніе сдѣлало это его второй натурой. Свои недостатки онъ видитъ ясно, потому что его сознаніе такъ же мало затемнено сверхчеловѣческимъ идеаломъ, какъ и его совѣсть. И такъ какъ въ своихъ недостаткахъ онъ видитъ лишь препятствія на своемъ пути къ счастью, то онъ стремится посылно устранять ихъ, не гоняясь за совершенствомъ, о которомъ онъ знаетъ, что оно недостижимо. Поэтому онъ не высокобренъ, но и не приниженъ. Ему достаточно сознанія, что его хорошія свойства перевѣшиваютъ дурныя, и всегда безъ принужденія онъ можетъ выдавать себя за то, что онъ есть. Его счастье покоится на богатомъ развитіи его индивидуальности, объемлющей любовью все человѣчество и только посредствомъ большого количества такихъ индивидуумовъ мы можемъ подвинуть впередъ родъ человѣческій: свѣтильникъ, освѣщающій этотъ путь, называется правдивостью.

Кто назоветъ парадоксальнымъ это разсужденіе, тотъ насъ не понялъ. Мы знаемъ такъ же хорошо, какъ и онъ, что эгоизмомъ называютъ лишь себялюбиваго въ дурномъ смыслѣ. Но мы добиваемся, чтобы, говоря въ данномъ случаѣ о себялюбіи, осторожнѣе обращались съ терминомъ эгоизмъ, злоупотребленіе которымъ вытекаетъ изъ воззрѣній, несовмѣстимыхъ съ воззрѣніями новаго времени и до такой степени сбивающихся съ толку, что нѣкоторые, сами того не замѣчая, дѣлаются лицемѣрами по отношенію къ самимъ себѣ. Ничто духовное не должно подвергаться окаменѣнію; то же самое слѣдуетъ сказать и относительно словоупотребленія.

Перев. М. П.

Очки, ихъ польза и вредъ.

Весьма часто приходится, при назначеніи очковъ для занятій, замѣтить выраженіе тревоги на лицѣ пациента. Одни боятся испортить себѣ глаза очками, и пока они въ состояніи еще кое-какъ разбирать свою работу, хотя бы и при сильномъ напряженіи глазъ, они считаютъ нужнымъ не прибѣгать къ очкамъ. Они отодвигаютъ отъ себя подальше книгу, подносятъ ее къ самому пламени, щурятъ глаза, время отъ времени бросаютъ работу, такъ какъ въ глазахъ начинаетъ рябить и буквы сливаются, а въ вискахъ и лбу появляется ломота—но они все же продолжаютъ заниматься безъ очковъ, полагая, что этимъ они сохраняютъ свои глаза.

Другіе стараются обойтись безъ очковъ по другой причинѣ: они знаютъ, что съ теченіемъ времени приходится усиливать № очковъ, и опасаются, что къ старости не хватитъ номеровъ для ихъ глазъ.

Третьи—преимущественно дамы—избѣгаютъ очковъ по соображеніямъ совсѣмъ иного свойства: онѣ полагаютъ, что надѣваніемъ очковъ онѣ прямо записываются въ ряды старухъ.

Наконецъ, другія дамы не желаютъ надѣвать очки просто потому, что это некрасиво: обыкновенной формы очки (съ заушниками) придаютъ видъ какой-то ученой, а *pinse-nez*, хотя и красивѣе, но, образуя вдавленіи на переносѣ, безобразятъ лицо. При полной невозможности работать безъ стеколъ, нѣкоторыя изъ этихъ дамъ находятъ свое спасеніе въ лорнетѣ, который онѣ и держатъ передъ глазами во все время занятій!

Рядомъ съ этимъ замѣчаются совершенно обратныя явленія. Многіе молодые люди любятъ щеголять въ очкахъ. Кто желаетъ получить солидный и ученый видъ, надѣваетъ очки съ заушниками; кто хочетъ выгладѣть пошкарнѣе, тотъ себѣ приобретаетъ *pinse-nez*; болѣе фешенебельные щеголи предпочитаютъ монокли; дамы же любятъ въ общественныхъ мѣстахъ употреблять лорнеты: это имъ придаетъ «интеллигентный» видъ.

Приобрѣтаются эти очки совершенно простымъ путемъ. Закупая себѣ бретели и различныя другія бездѣлушки, молодой человекъ заходитъ, между прочимъ, и въ оптической магазинъ, гдѣ онъ и выбираетъ себѣ очки «по глазамъ», т. е. такія очки, въ которыхъ онъ можетъ ясно видѣть. Часто

это улучшение зрѣнія бываетъ лишь кажущееся, — часто выбранный № стеколь значительно сильнѣе того №, который соотвѣтствуетъ глазамъ покупателя, — часто улучшение ясности зрѣнія, получающееся отъ такимъ образомъ выбранныхъ очковъ, сопровождается сильной ломотой въ глазахъ при болѣе или менѣе продолжительномъ ношеніи очковъ — молодому человеку что за дѣло до всего этого? Онъ видитъ въ очкахъ не хуже, чѣмъ безъ очковъ — слѣдовательно, ихъ можно носить; онъ даже видитъ въ очкахъ лучше, чѣмъ безъ нихъ — слѣдовательно, эти стекла нужно носить.

Бываютъ даже и такіе случаи, что очки приобретаются безъ вѣдома того лица, для котораго они предназначены. Путешествуя по мѣстамъ, славящимся хорошими оптическими магазинами, покупаютъ для друга въ подарокъ — лорнетъ. Соотвѣтствуютъ ли стекла этого лорнета глазамъ того, для кого онъ купленъ, это второстепенный вопросъ; главную роль играетъ здѣсь изящество ручки.

Такое сочетаніе какого то суевѣрнаго страха передъ оптическими стеклами съ чрезвычайно легкомысленнымъ отношеніемъ къ послѣднимъ, обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что у многихъ не имѣется никакого представленія о роли и значеніи очковъ.

I.

Ясное зрѣніе имѣетъ мѣсто при тѣхъ условіяхъ, когда разсматриваемые предметы даютъ точное изображеніе на сѣтчаткѣ смотрящаго глаза. Для этого требуется, чтобы преломляющая сила глаза точно соотвѣтствовала разстоянію разсматриваемаго предмета отъ глаза — чтобы глазъ былъ «установленъ» къ разсматриваемому предмету. Благодаря же находящейся внутри глаза т. наз. приспособляющей мышцѣ, при сокращеніи которой происходитъ утолщеніе хрусталика, дающее увеличеніе преломляющей силы глаза, можно видѣть одинаково ясно какъ предметы, находящіеся на очень близкомъ разстояніи, такъ и предметы, расположенные въ безконечномъ пространствѣ.

Такою способностью обладаютъ, однакожъ, лишь *нормальные* глаза, и притомъ глаза молодые. При покойномъ состояніи приспособляющей мышцы, глаза эти видятъ совершенно ясно лишь предметы, расположенные на безконечно далекомъ разстояніи; при напряженіи же приспособленія, они получаютъ возможность ясно видѣть предметы, находящіеся на близкомъ разстояніи, и чѣмъ ближе разсматриваемый предметъ, тѣмъ большее требуется напряженіе приспособленія.

Предположимъ, что въ такомъ нормальномъ глазу способность приспособленія парализована, — какъ это, напр., наблюдается въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ впусканія капель атропина въ глазъ или въ теченіе болѣе продолжительнаго времени при параличѣ приспособляющей мышцы

послѣ дифферита. На сѣтчаткѣ такого глаза будутъ получаться ясные образы лишь отъ предметовъ, находящихся въ безконечномъ пространствѣ и посылающихъ параллельные лучи въ глазъ. Для того, чтобы этотъ глазъ могъ ясно различать предметъ, напр., свѣтлую точку, находящуюся на разстояніи, скажемъ, 1 метра, нужно приставить къ глазу двояковыпуклое стекло силою въ 1 діоптрію *): расходящіеся лучи, идущіе отъ точки въ глазъ, въ данномъ случаѣ превратятся, по прохожденіи черезъ стекло, въ параллельные и, проходя затѣмъ въ глазъ, дадутъ на сѣтчаткѣ ясное изображение точки (см. рис. 1). Предметъ, находящийся на разстояніи $\frac{1}{2}$ метра передъ глазомъ, дастъ ясный образъ на сѣтчаткѣ въ томъ случаѣ, если къ глазу будетъ приставлено двояковыпуклое стекло въ 2D. Наконецъ, для яснаго различенія предметовъ, находящихся на разстояніи $\frac{1}{3}$ метра отъ глаза, нужно будетъ приставить къ глазу двояковыпуклое стекло въ 3D, — иначе говоря, придется увеличить силу преломленія глаза на 3 діоптріи.

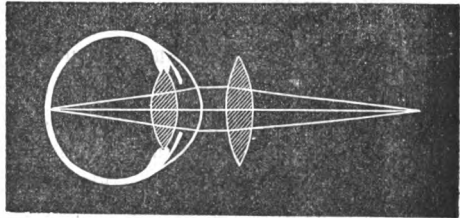

Рис. № 1.

*) Въ двояковыпуклыхъ стеклахъ обѣ поверхности представляютъ одинаковые отрѣзки сферической поверхности. Чѣмъ меньше радіусъ этихъ отрѣзковъ, — иначе говоря, чѣмъ меньше радіусъ того шара, которому эти отрѣзки принадлежатъ, тѣмъ выпуклѣе стекла и тѣмъ они сильнѣе. Сила стекла выражается по длинѣ его фокуснаго разстоянія, т. е. по разстоянію между стекломъ и той точкой (фокусомъ), въ которой собираются параллельные лучи, падающіе съ другой стороны на стекло (см. рис. 1). Сила двояковыпуклаго стекла съ фокуснымъ разстояніемъ въ 1 метръ называется 1 діоптріей (1 D), при фокусномъ разстояніи въ $\frac{1}{2}$ метра, или 50 сантиметровъ, сила стекла равна 2 D и т. д. Такая нумерація стеколъ введена въ новѣйшее время взамѣнъ прежней нумераціи, при которой сила стекла обозначалась длиною его фокуснаго разстоянія, выраженного въ дюймахъ. Такимъ образомъ, стекло въ 1 D соответствуетъ приблизительно № 40 по старой нумераціи, стекло въ 2 D—№ 20, стекло въ 4 D—№ 10 и т. д. Неудобство старой нумераціи заключается, между прочимъ, въ томъ, что между слабыми стеклами имѣется цѣлый рядъ промежуточныхъ №№, представляющихъ совершенно незамѣтные для глаза переходы въ силѣ,—напр. №№ между 40-ымъ (1D) и 32-ымъ (1,25 D) или между 20-ымъ (2D) и 18-ымъ (2,25 D),—въ то время какъ при обозначеніи сильныхъ стеколъ приходится прибѣгать къ дробнымъ цифрамъ: такъ, № 5 соответствуетъ 8D, № 4—10D, № 3—13D, № 2—20 діоптріямъ, повышение на 1 № съ 4-го до 3-го соответствуетъ, слѣд., увеличенію силы стекла на цѣлыхъ 3D, а повышение на 1 № съ 3-го до 2-го соответствуетъ повышенію силы стекла на цѣлыхъ 7D; для всѣхъ этихъ промежуточныхъ стеколъ требуются уже дробныя цифры — такъ, 9D соответствуютъ № $4\frac{1}{2}$, 15D соответствуютъ № $2\frac{1}{3}$, 16D—№ $2\frac{1}{2}$ и т. д. Эта го особенность старой нумераціи и служитъ причиною того ложнаго страха, что съ повышеніемъ силы стеколъ не хватитъ къ старости №№ для глазъ.

„Образованіе“ Отдѣлъ II. № 9.

Приблизительно на расстоянии $\frac{1}{3}$ метра происходят наши обыкновенныя занятія — чтеніе, письмо, черченье, шитье и т. п., и нормальный глазъ съ нормальной способностью приспособленія столь же отчетливо видитъ на этомъ разстояніи мельчайшія буквы, благодаря сокращенію приспособляющей мышцы, какъ такой же глазъ съ парализованнымъ приспособленіемъ видитъ при приставкѣ двояковыпуклаго стекла въ 3D. Отсюда мы заключаемъ, что *напряженіе приспособленія, производимое нормальнымъ глазомъ при чтеніи, соответствуетъ силѣ преломленія двояковыпуклаго стекла въ 3 диоптрій.*

Что для молодого нормального глаза такое напряженіе приспособленія ни чуть не обременительно, видно изъ того, что нормальный глазъ въ возрастѣ 10 лѣтъ обладаетъ способностью приспособить свой глазъ къ разстоянію 7 сантиметровъ, т. е. обладаетъ силою приспособленія въ 14 диоптрій. Но — съ повышеніемъ возраста, эластичность хрусталика уменьшается, сокращеніе приспособляющей мышцы сопровождается болѣе слабымъ утолщеніемъ хрусталика — способность приспособленія ослабѣваетъ:

Въ 10 лѣтъ сила приспособл.	равна	14	D
» 15 » » » »		12	D
» 20 » » » »		10	D
» 25 » » » »		8,5	D
» 30 » » » »		7	D
» 35 » » » »		5,5	D
» 40 » » » »		4,5	D
» 45 » » » »		3,5	D
» 50 » » » »		2,5	D
» 55 » » » »		1,75D	
» 60 » » » »		1,0	D
» 65 » » » »		0,75D	
» 70 » » » »		0,25D	
» 75 » » » »		0.	(По Дондерсу).

И вотъ, въ 50 лѣтъ нормальный глазъ, продолжая видѣть вдаль почти такъ же хорошо, какъ въ дни юности, настолько теряетъ силу приспособленія къ близкимъ предметамъ, что на разстояніи $\frac{1}{3}$ метра, на которомъ обыкновенно держатъ книгу, онъ не въ состояніи уже разбирать мелкія буквы, такъ какъ максимальная сила его приспособленія равна всего лишь 2,5D, для разстоянія же $\frac{1}{3}$ метра, какъ мы видѣли, требуется напряженіе приспособленія въ 3D. Отодвиганіе книги на большее разстояніе не особенно помогаетъ, ибо, хотя силы приспособленія для чтенія на болѣе далекомъ разстояніи и хватало бы еще, но чѣмъ больше разстояніе, тѣмъ крупнѣе должны быть буквы, чтобы онѣ могли быть разобраны; слѣд., мелкаго шрифта въ этомъ возрастѣ не удастся уже разобрать—ни на обыкновенномъ разстояніи чтенія, ни на болѣе далекомъ разстояніи.

Затѣмъ слѣдуетъ еще принять во вниманіе слѣдующее обстоятельство.

Если наибольший грузъ, который мы въ состояніи поднять, равняется, допустимъ, 3 пудамъ, то держать цѣлыхъ 3 пуда въ теченіе нѣкотораго болѣе или менѣе продолжительнаго времени мы не сумѣемъ. То же и съ силой приспособленія. Если вся сила приспособленія равна $3D$, то на разстояніи $\frac{1}{2}$ метра возможно лишь разобрать нѣсколько словъ, но заниматься на такомъ разстояніи нельзя. Читать въ теченіи продолжительнаго времени возможно лишь въ томъ случаѣ, когда на установку глаза къ предмету чтенія расходуется не вся сила приспособленія, а лишь часть ея. По изслѣдованіямъ Ляндольта, продолжительныя занятія возможны лишь тогда, когда на установку глаза расходуется не больше $\frac{2}{3}$ всей силы приспособленія; $\frac{1}{3}$ этой силы должна остаться въ запасѣ.

Исходя изъ этого положенія, мы видимъ, что 40 лѣтъ есть тотъ предѣльный возрастъ, за которымъ глазъ не можетъ уже одинъ справиться съ своей работой при занятіяхъ на близкомъ разстояніи, ибо въ 40 лѣтъ вся сила приспособленія нормальнаго глаза дѣлается равной $4,5D$, а $\frac{2}{3}$ этой силы составляетъ $3D$, т. е. ровно столько, сколько нужно для занятій. Въ 45 лѣтъ остается уже для работы всего лишь $3,5 \cdot \frac{2}{3} = 2,33D$, а такой силы приспособленія уже недостаточно для продолжительныхъ занятій.

Пониженіе силы приспособленія съ возрастомъ—такъ называемая *старческая дальнорокость* наступаетъ у всѣхъ безъ исключенія. Ни усиленныя занятія не виноваты въ наступленіи старческой дальнорокости—какъ одни думаютъ, ни часто проливаемые слезы—какъ полагаютъ другіе: пониженіе силы приспособленія съ возрастомъ—ослабленіе эластичности хрусталика—есть такой же неумолимый законъ природы, какъ посѣдніе волосъ, какъ морщинки на лицѣ. Разумѣется, и въ ослабленіи силы приспособленія такъ же выступаютъ на видъ индивидуальныя особенности, какъ и въ наступленіи старческихъ измѣненій вообще: у одного затрудненіе при чтеніи начинается появляться уже въ 38 лѣтъ, у другого лишь на 42 году. Но раньше или позже ослабленіе зрѣнія вблизи неминуемо наступаетъ у всѣхъ.

Въ этой слабости зрѣнія мы должны различать 2 степени. При легкой степени старческой дальнорокости буквы еще разбираются, хотя и съ трудомъ; чтеніе еще возможно, но требуетъ чрезмѣрнаго напряженія глазъ; наступающее временами истощеніе всего запаса силы приспособленія сопровождается расплываніемъ буквъ, проясняющихся снова лишь послѣ нѣкотораго отдыха глазъ. При слабыхъ же степеняхъ старческой дальнорокости и приходится бороться съ предубѣжденіемъ публики противъ очковъ.

При высокихъ степеняхъ старческой дальнорокости дѣло обстоитъ иначе. Въ этихъ случаяхъ занятія вблизи съ мелкими предметами абсолютно невозможны, и лицамъ, нуждающимся въ ясномъ зрѣніи вблизи, приходится уже въ такихъ случаяхъ волей неволей прибѣгнуть къ помощи очковъ. Но вмѣсто того, чтобы обратиться къ врачу для опредѣленія № нужныхъ имъ стеколъ, лица эти часто пользуются другими путями. Одни примѣ-

ряютъ себѣ очки, попадающіеся имъ гдѣ нибудь на рынкѣ, другіе пользуются очками своихъ знакомыхъ. Легко понять, что выбранные такимъ образомъ очки не всегда соотвѣтствуютъ степени имѣющейся старческой дальнорзости. Возьмемъ для примѣра старческую дальнорзость въ 3 D. Лица, имѣющія такую дальнорзость, видятъ свою работу безъ стеколъ очень плохо. Если имъ попадутся въ руки очки, скажемъ, въ 2 D, то съ такими очками они будутъ видѣть свою работу несравненно яснѣе, чѣмъ безъ очковъ; полагая, что глаза испорчены продолжительными занятіями и потускнѣли отъ старости, они вполне удовлетворятся такимъ улучшеніемъ зрѣнія. А между тѣмъ, эти очки переведутъ лишь ихъ сильную дальнорзость въ слабую—въ 1 D, и въ результатѣ получится чрезмѣрное напряженіе приспособленія во время занятій.

Лучше поступаютъ тѣ, которые выбираютъ себѣ очки въ оптическомъ магазинѣ. Здѣсь покупателю предлагается полный выборъ стеколъ, слѣд., дается ему возможность выбрать себѣ очки, наиболѣе соотвѣтствующіе его глазамъ. Но и тутъ возможны ошибки въ выборѣ. Покупатель не знаетъ, что очки вполне исправляютъ старческую дальнорзость лишь для опредѣленнаго разстоянія; что тѣ очки, въ которыхъ имъ хорошо различаются предметы на разстояніи, скажемъ, 50 сантиметровъ отъ глаза, годятся для чтенія нотъ, но недостаточны для обыкновеннаго чтенія книги на разстояніи 30 сантиметровъ; что тѣ очки, въ которыхъ онъ хорошо различаетъ черты стоящаго поодаль лица, не дадутъ ему яснаго зрѣнія при занятіяхъ на близкомъ разстояніи. И вотъ, сплошь и рядомъ встрѣчаются случаи, гдѣ очки, выбранные въ магазинѣ, значительно слабѣе противъ дѣйствительно нужнаго №. Правда, опытные приказчики въ оптическихъ магазинахъ обращаютъ вниманіе покупателей на это обстоятельство. Но и въ хорошихъ оптическихъ магазинахъ могутъ быть выбраны несоотвѣтствующія стекла, безъ всякой вины со стороны приказчика: это, именно, бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, кромѣ старческой дальнорзости, имѣется еще астигматизмъ глаза, либо неодинаковое строеніе глазъ, о чемъ рѣчь впереди.

Еслибы лица, страдающія старческой дальнорзостью, знали, какой степени можетъ достигать вредъ, причиняемый глазамъ, а иногда и всему организму, чрезмѣрнымъ напряженіемъ приспособленія во время занятій при неисправленной или плохо исправленной старческой дальнорзости, то, быть можетъ, ни вопросы чисто косметическаго свойства, ни боязнь прослыть пожилыми не удержали бы ихъ отъ пользованія очками, и легкомысленное отношеніе многихъ лицъ къ выбору очковъ при работѣ, въ-ротно, исчезло бы.

Чрезмѣрное напряженіе приспособляющей мышцы, при недостаточности силы приспособленія для требуемыхъ занятій, вызываетъ отраженныя боли въ вискахъ и лбу, часто распространяющіяся на всю голову. Боли эти обыкновенно исчезаютъ по прекращеніи занятій; но съ теченіемъ времени онѣ могутъ сдѣлаться болѣе постоянными, принимая характеръ ми-

тени, противъ которой, разумѣется, никакія «облатки» не въ состояніи чѣмочъ.

Есть нѣкоторое основаніе допустить, что чрезмѣрное напряженіе приспособленія при занятіяхъ можетъ способствовать развитію весьма опасной для зрѣнія болѣзни пожилого возраста — глаукомы (т. наз. зеленой воды).

Наконецъ, чрезмѣрное напряженіе приспособленія при продолжительныхъ занятіяхъ можетъ вызвать приливъ крови къ слизистой оболочкѣ и краямъ вѣкъ, результатомъ чего можетъ явиться хроническое воспаленіе этихъ частей глаза.

Посмотримъ теперь, въ какихъ размѣрахъ приходится увеличивать № очковъ противъ старческой дальнозоркости съ повышеніемъ возраста. Мы видѣли выше, что для чтенія на разстояніи $\frac{1}{3}$ метра возрастъ въ 40 лѣтъ не требуетъ никакихъ очковъ, такъ какъ $3,0 - \frac{4,5.2}{3} = 0$. Для 50 лѣтъ потребуется $3,0 - \frac{2,5.2}{3} = 1,33$ — около 1,5 D, а въ 60 лѣтъ понадобится уже $3,0 - \frac{1,0.2}{3} = 2,33$ — около 2,5 D для занятій. За 60-лѣтнимъ возрастомъ старческая дальнозоркость начинаетъ уже нѣсколько медленно повышаться, и въ 70 лѣтъ требуется $3,0 - \frac{0,25.2}{3} = 2,83$ D — всего лишь на 0,5 діоптрии больше, чѣмъ въ 60 лѣтъ.

Таковы цифры для рабочихъ стеколъ при старческой дальнозоркости, получающіяся теоретически путемъ вычисленія. Практика даетъ нѣсколько большія цифры, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы для рабочихъ стеколъ при старческой дальнозоркости, составленной мною на основаніи 427 случаевъ старческой дальнозоркости.

Возрастъ.	Рабочее стекло.
40 лѣтъ	0,75 D.
45 »	1,75 »
50 »	2,0 »
55 »	2,5 »
60 »	3,0 »
65 »	3,25 »
70 »	3,5 »

Слѣдуетъ, однакожъ, принять во вниманіе то обстоятельство, что съ 55-лѣтняго возраста нормальный глазъ начинаетъ приобрѣтать истинно дальнозоркое строеніе, т. е. такое строеніе, когда, какъ мы увидимъ ниже, и для яснаго зрѣнія вдаль уже требуется извѣстная степень напряженія приспособленія, при зрѣніи же вблизи напряженіе приспособленія увели-

чивается на степень истинной дальности. Таким образом, приходится за первые 10 лѣтъ старческой дальности, т. е. съ 40 до 50 лѣтъ, увеличить № стекла на 1,25 D, а за 2-ое десятилѣтіе съ 50 до 60 лѣтъ приходится увеличить № очков не на 1 лишь диоптрію, какъ это видно изъ таблицы для старческой дальности, а на 1,5 D, такъ какъ въ 60 лѣтъ образуется уже слабая степень истинной дальности въ 0,5 диоптріи, и слѣд. въ 60 лѣтъ придется дать лицу, имѣвшему въ молодые годы нормальные глаза, не 3, а 3,5 диоптріи. Далѣе, съ 60 до 70 лѣтъ № очковъ соответственно нарастанію старческой дальности долженъ быть увеличенъ всего лишь на 0,5 D, на самомъ же дѣлѣ приходится за это десятилѣтіе повысить № рабочихъ стеколъ на 1,25 D, такъ какъ рядомъ съ старческой дальностью нарастаетъ за это 10-лѣтіе и истинная дальность—на 0,75 D.

Въ общемъ, можно сказать, что, начиная съ 40 лѣтъ, очки для занятій приходится мѣнять приблизительно черезъ каждыя 5 лѣтъ, увеличивая № стеколъ на 0,5—0,75 D.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что указанные №№ стеколъ для исправленія старческой дальности высчитаны для разстоянія $\frac{1}{2}$ метра, т. е. для такого разстоянія, на которомъ происходятъ обыкновенныя занятія—чтеніе, шитье и т. п. Для другихъ разстояній эти стекла уже не годятся: для болѣе близкихъ разстояній они слишкомъ слабы, для разстояній болѣе отдаленныхъ они слишкомъ сильны. Вдаль же въ этихъ стеклахъ совсѣмъ плохо видно, и тѣмъ хуже, чѣмъ сильнѣе № очковъ. Этой то ограниченности района дѣйствія и отличается искусственная установка глаза къ близкимъ разстояніямъ помощью стеколъ отъ естественной его установки посредствомъ сокращенія приспособляющей мышцы. Здоровая нога куда лучше костыля!

Нерѣдко попадаются такія лица, которые не хотятъ признавать этого отличія. Купивши себѣ очки, прописанныя врачомъ для занятій, они на другой же день являются снова къ этому врачу или къ оптику съ жалобой на то, что имъ выбраны очки не по глазамъ, что читать то они могутъ въ очкахъ, но лишь только они переведутъ глаза на предметы окружающей обстановки, какъ все оказывается въ туманѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что невозможность видѣть въ очкахъ какъ вдаль, такъ и вблизи, необходимость безпрестанно снимать и надѣвать очки, представляетъ большое неудобство. Многие въ виду этого неудобства, а не съ одной лишь косметическою цѣлью, вмѣсто очковъ съ заушниками приобретаютъ себѣ для занятій pince-nez. Но и съ такими очками не мало возни, особенно при надѣваніи; къ тому же не у всѣхъ носъ приспособленъ для pince-nez, а если pince-nez слабо держится на носу и при всякомъ удобномъ случаѣ спадаетъ, то заниматься въ такихъ

очках—настоящая пытка. Нѣкоторые лица укрѣпляютъ себѣ *pinse-nez* не на переносѣ, а пониже, у середины носа; иные даже носятъ свое *pinse-nez* у крыльевъ носа, ничуть не стѣсняясь ни получающимся при этомъ затрудненіемъ дыханія черезъ носъ, ни смѣшнымъ видомъ своего носа; при смотрѣніи вдаль имъ тогда очки не мѣшаютъ, на предметъ же занятій они смотрятъ внизъ сквозь стекла. Впрочемъ, надѣваніемъ *pinse-nez* на средину или нижній конецъ носа преслѣдуется еще иная цѣль. Дѣло въ томъ, что чѣмъ дальше передъ глазами помѣщаются двояковыпуклыя стекла, тѣмъ сильнѣе оказывается ихъ дѣйствіе; и это можно уже сказать навѣрно: кто видитъ яснѣе свой предметъ занятій при сдвиганіи стеколъ къ концу носа, чѣмъ при укрѣпленіи ихъ на переносѣ, у того стекла слишкомъ слабы.

Не говоря уже о томъ, что всѣхъ этихъ манипуляцій уже никакъ нельзя продѣлать съ обыкновенными очками—а послѣднія, въ виду опредѣленнаго и неизмѣннаго ихъ положенія передъ глазами, представляютъ наилучшій способъ исправленія слабости зрѣнія стеклами, — не говоря ужъ о томъ, что при надѣваніи *pinse-nez* на конецъ носа приходится во все время чтенія держать глаза сильно повернутыми внизъ, что чрезвычайно утомительно,—не говоря обо всемъ этомъ, болѣе или менѣе значительное отодвиганіе очковъ отъ глазъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть допущено по той причинѣ, что при этомъ глаза смотрятъ на предметъ занятій не сквозь центры стеколъ, а нѣсколько кнутри отъ центровъ; точная же центрировка очковыхъ стеколъ съ зрачками представляетъ необходимое условіе для правильной функціи очковъ.

Вліяніе рабочихъ очковъ при смотрѣніи вдаль можетъ быть устранено гораздо болѣе цѣлесообразнымъ путемъ, а именно—срѣзавіемъ верхняго края стеколъ (см. рис. 2). Такія очки весьма полезны напр. живописцамъ, которымъ приходится во время работы постоянно переводить взглядъ съ дальнихъ предметовъ—оригинала или ландшафта—на полотно.

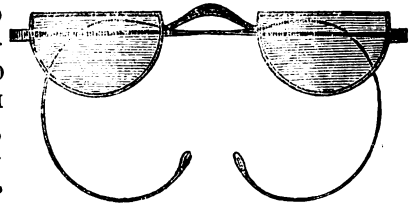

Рис. № 2.

II.

До сихъ поръ рѣчь шла о нормальныхъ глазахъ, сила приспособленія которыхъ къ близкимъ предметамъ дѣлается недостаточною лишь въ поздніе годы. Въ т. наз. *дальнозоркихъ* глазахъ недостаточность приспособленія можетъ обнаружиться въ самомъ раннемъ возрастѣ. Въ публикѣ обыкновенно ошибочно толкуютъ этотъ терминъ и подъ словомъ «дальнозоркость» понимаютъ способность глаза очень далеко видѣть. На

самомъ же дѣлѣ «дальнозоркость» обозначаетъ лишь то, что зрѣніе вдаль въ большей или меньшей степени сохранено, ослаблено же лишь зрѣніе вблизи. Еще правильнѣе будетъ понимать подъ словомъ «дальнозоркость» такое строеніе глаза, при которомъ зрѣніе вдаль лучше развито, чѣмъ зрѣніе вблизи.

Мы должны различать 3 степени дальнозоркости. При слабыхъ степеняхъ дальнозоркости, зрѣніе вдаль очень хорошее, а занятія вблизи хотя и сопровождаются нѣкоторымъ напряженіемъ глаза, но все же возможны. При среднихъ степеняхъ дальнозоркости зрѣніе вдаль лишь немногимъ хуже, чѣмъ въ нормальныхъ глазахъ, но для установки къ близкимъ предметамъ сила приспособленія глаза оказывается уже недостаточной. Наконецъ, въ высокихъ степеняхъ дальнозоркости ослаблено какъ зрѣніе вдаль, такъ—въ еще большей степени—и зрѣніе вблизи.

Преломляющая сила дальнозоркаго глаза меньше силы преломленія нормальнаго глаза. На сѣтчаткѣ дальнозоркаго глаза, приспособляющая мышца котораго находится въ покоѣ, получаютъ ясные образы лишь отъ предметовъ, посылающихъ въ глазъ сходящіеся лучи, т. е. отъ предметовъ, находящихся въ такомъ пространствѣ, которое можно себѣ лишь теоретически представить — въ пространствѣ отрицательномъ. Для того, чтобы ясно видѣть предметы, находящіеся въ безконечномъ пространствѣ, дальнозоркій глазъ долженъ уже увеличить свою преломляемость, напрягая часть своей силы приспособленія; тѣмъ болѣе, понятно, приходится ему напрягать свое приспособленіе при разсматриваніи болѣе близкихъ предметовъ. Слѣд., въ дальнозоркихъ глазахъ приспособляющая мышца находится постоянно въ состояніи большаго или меньшаго сокращенія, разсматриваются ли предметы отдаленные или близкіе. (См. рис. 3, гдѣ напряженіе приспособленія дальнозоркаго глаза къ точкѣ, находящейся въ безконечности, замѣнено двояковыпуклымъ стекломъ).

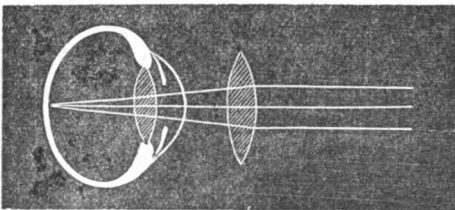

Рис. № 3.

Такъ какъ дальнозоркіе тратятъ уже часть своей силы приспособленія при зрѣніи вдаль, то понятно, что при смотрѣніи вблизи имъ приходится больше сокращать приспособляющую мышцу, нежели лицамъ съ нормальными глазами; а именно, степень приспособленія къ близкимъ предметамъ въ дальнозоркомъ глазу равна таковой въ нормальномъ—той степени приспособленія, которую этому дальнозоркому глазу приходится употреблять при смотрѣніи вдаль и которая въ нормальномъ глазу, какъ мы видѣли, равна 0. По той же причинѣ недостаточность приспособленія къ близкимъ предметамъ занятій должна наступить у дальнозоркихъ въ болѣе раннемъ возрастѣ, нежели у лицъ съ нормальными глазами, и тѣмъ раньше, чѣмъ выше степень дальнозоркости.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Дальнозоркость въ 1 диоптрію. Это такая степень дальнозоркости, при которой ясное зрѣніе вдаль возможно лишь при напряженіи приспособленія съ силою 1 D, или при приставкѣ къ глазу двояковыпуклаго стекла въ 1 D—въ случаѣ парализованнаго состоянія приспособляющей мышцы. При такой степени дальнозоркости требуется для яснаго зрѣнія на разстояніи $\frac{1}{2}$ метра напряженіе приспособленія не въ 3 D, какъ при нормальномъ строеніи глаза, а въ $3 + 1 = 4$ D. Для продолжительнаго же чтенія на разстояніи $\frac{1}{3}$ метра потребуется, на основаніи вышесказаннаго, не меньше $4 \cdot \frac{2}{3} = 6$ D, а такую силу приспособленія обладаютъ лица не старше 33 лѣтъ. Слѣд., при столь слабой степени дальнозоркости, — въ 1 D, при которой зрѣніе вдаль весьма хорошо развито, недостаточность приспособленія при чтеніи, — иначе говоря, старческая дальнозоркость—наступить уже на 33 году жизни. Такія лица принуждены, слѣд., прибѣгать къ очкамъ для занятій уже съ 34-лѣтняго возраста.

При дальнозоркости въ 4 D, требуется для чтенія напряженіе приспособленія въ $3 + 4 = 7$ D. У такихъ лицъ, слѣдов., старческая дальнозоркость наступаетъ уже въ такомъ возрастѣ, когда максимальная сила приспособленія равна $7 \cdot \frac{2}{3} = 10,5$ D, т. е. въ 18—19 лѣтъ.

При дальнозоркости въ 6 D, приходится прибѣгать къ ношенію очковъ при чтеніи уже въ такомъ возрастѣ, когда наивысшая степень напряженія приспособленія даетъ увеличеніе преломленія глаза на $(6 + 3) \cdot \frac{2}{3} = 13,5$ D. И если бы мы и тутъ придерживались названія «старческая дальнозоркость» для недостаточности приспособленія къ близкимъ предметамъ, то мы должны были бы сказать про такихъ лицъ, что старческая дальнозоркость наступаетъ у нихъ на 11 году жизни!

Отсюда видно, какое условное понятіе представляетъ слово «старческая дальнозоркость», и какъ неправильно назначеніе двояковыпуклыхъ стеколъ для занятій считать признакомъ наступившей старости.

Все то, что раньше было сказано о неприятныхъ послѣдствіяхъ неисправленной недостаточности приспособленія въ нормальныхъ глазахъ пожилыхъ людей, имѣть особенную силу при дальнозоркомъ строеніи глаза. Не подлежитъ сомнѣнію, что одной изъ наиболѣе частыхъ причинъ головныхъ болей среди дѣтей школьнаго возраста, какъ и у взрослыхъ лицъ, служитъ чрезмѣрное напряженіе приспособленія. При старческой дальнозоркости въ нормальныхъ глазахъ, головныя боли рѣдко достигаютъ такой интенсивности и такого постоянства, какъ у лицъ съ истинно-дальнозоркими глазами, у которыхъ эти головныя боли иногда тянутся съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Иногда въ приспособляющей мышцѣ, вслѣдствіе постояннаго и чрезмѣрнаго напряженія, развивается такая высокая степень раздражительности, что достаточно лишь немного почитать, чтобы развилась

сильная боль въ глазахъ и головѣ, сопровождаемая головокруженіемъ, тошнотой и даже рвотой *).

Приливъ крови къ краямъ и слизистой оболочкѣ вѣкъ также наблюдается довольно часто у дальнорзкихъ. Приливъ къ краямъ вѣкъ особенно неприятенъ тѣмъ, что сопровождается частымъ появленіемъ ячменей. При употребленіи соответствующихъ очковъ, облегчающихъ работу дальнорзкихъ глазъ, уменьшается приливъ крови къ вѣкамъ во время занятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ячмени перестаютъ показываться.

Въ иныхъ случаяхъ приспособляющая мышца не выдерживаетъ продолжительнаго напряженія и совсѣмъ парализуется. Въ этихъ случаяхъ дальнорзкій глазъ и вдаль перестаетъ хорошо видѣть, вблизи же онъ теряетъ всякую возможность видѣть мелкіе предметы.

Наконецъ, чрезмѣрное напряженіе приспособленія къ близкимъ предметамъ вызываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сходящееся косоглазіе.

*) Весьма рѣзко выраженный случай подобнаго рода мнѣ пришлось наблюдать, въ свою бытность въ Харьковѣ, 5 лѣтъ тому назадъ. Это была молодая женщина N. изъ Обл. Войска Донскаго. Она сопровождала своего мужа, пришедшаго ко мнѣ съ просьбой назначить ему защитительныя очки противъ свѣта. Г-нъ N, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что онъ возвращается изъ заграничнаго путешествія, гдѣ жена его лѣчилась отъ истерическихъ припадковъ, но — безуспѣшно. Припадки эти заключаются въ томъ, что всякій разъ, какъ больная всматривается въ какойнибудь предметъ, у нея тутъ же являются головокруженіе и тошнота, сопровождающіяся сильнымъ суженіемъ поля зрѣнія. Вслѣдствіе этого г-жа N уже давно не читаетъ, не пишетъ и не шьетъ. На мой вопросъ, обращалась ли больная за совѣтомъ къ главному врачу, супруги отвѣтили отрицательно; и тутъ же г-жа N заявила, что она и не согласится на такое изслѣдованіе, такъ какъ при первой попыткѣ читать съ нею навѣрное случится припадокъ.

Я предположилъ у г-жи N несильную степень дальнорзости, заключая это изъ того, что вдаль она очень хорошо видѣла. Убѣдиться въ наличности дальнорзости, а тѣмъ болѣе опредѣлить точно степень дальнорзости помощью глазнаго зеркала или помощью стеколь я не могъ въ виду непреодолимаго страха больной передъ этими изслѣдованіями.

Больная согласилась лишь на мое предложеніе — попробовать немного почитать въ очкахъ. Стекла я, разумѣется, выбралъ наугадъ, руководясь лишь тѣмъ приблизительнымъ представленіемъ, которое я себѣ составилъ о степени имѣвшейся у больной дальнорзости. Когда больная со страхомъ взглянула на книгу, она къ своему удивленію замѣтила, что въ состояніи совершенно легко читать. Попробовала еще немного почитать — все ничего: ни суженія поля зрѣнія, ни тошноты. Тогда уже я, безъ всякаго сопротивленія со стороны больной, опредѣлилъ съ точностью степень ея дальнорзости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и № требуемыхъ ей для занятій очковъ, въ которыхъ больная прочитала еще около $\frac{1}{4}$ часа безъ малѣйшихъ признаковъ головокруженія.

Исправленіе дальнорзости стеклами производится, въ общемъ, такимъ образомъ, что молодымъ лицамъ назначаются какъ для зрѣнія вдаль, такъ и для занятій одни лишь стекла, исправляющія степень ихъ дальнорзости. Въ пожилые же годы приходится уже назначить 2 пары очковъ: для дали—стекла, исправляющія степень истинной дальнорзости, а для занятій—стекла, исправляющія одновременно степень истинной и старческой дальнорзости. Такъ, дальнорзкій въ 2 D нуждается въ 45-лѣтнемъ возрастѣ въ очкахъ съ двояковыпуклыми стеклами въ 2 D для дали и въ очкахъ съ двояковыпуклыми же стеклами въ $2 + 1,5 = 3,5$ D для занятій. Въ этихъ случаяхъ можно съ большимъ удобствомъ пользоваться для занятій *накиднымъ лорнетомъ* (см. рис. 4), исправляющимъ одну лишь степень стар-

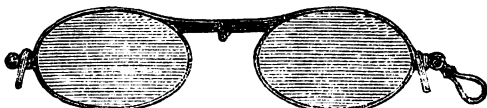

Рис. № 4.

ческой дальнорзости и прикрѣпляющимся помощью крючковъ къ оправѣ очковъ, исправляющихъ зрѣніе вдаль. Это тѣмъ болѣе удобно, что стекла для зрѣнія вдаль остаются безъ перемѣны на всю жизнь (до 55—60 лѣтъ), и лишь стекла, исправляющія степень старческой дальнорзости, приходится мѣнять черезъ каждыя нѣсколько лѣтъ, какъ и при старческой дальнорзости въ нормальныхъ глазахъ.

Впрочемъ, многія лица съ невысокой степенью дальнорзости ограничиваются одними лишь очками для близи, безъ которыхъ они ужъ дѣйствительно не могутъ и не должны обойтись; при зрѣніи же вдаль они удовлетворяются той ясностью, какая у нихъ получается безъ очковъ.

Что же касается до тѣхъ занятій, при которыхъ требуется безпрестанная и точная установка глаза къ отдаленнымъ и близкимъ предметамъ, то въ такихъ случаяхъ находятъ себѣ примѣненіе т. наз. *франклиновскія* очки. Это такія стекла, верхнія половины которыхъ отшлифованы по №, исправляющему зрѣніе вдаль, а нижнія исправляютъ зрѣніе близи.—Можно также и въ этихъ случаяхъ пользоваться *накиднымъ лорнетомъ*, срѣзывая лишь верхніе края его стеколъ и прикрѣпляя его во время занятій къ очкамъ, исправляющимъ зрѣніе вдаль.

Лица, страдающія одновременно истинной и старческой дальнорзостью и нуждающіяся въ очкахъ для занятій на близкомъ разстояніи, часто по недоразумѣнію получаютъ въ оптическихъ магазинахъ стекла, исправляющія ихъ зрѣніе не близи, а вдаль. Лица эти остаются очень часто вполне довольны такимъ образомъ выбранными очками, и именно въ тѣхъ случаяхъ, когда степень старческой дальнорзости не очень велика, а слѣдовательно, и не велика разница между стеклами для дали и близи. Они видятъ въ своихъ очкахъ и вдаль, и на близкомъ разстояніи, и не должны ихъ поминутно снимать при перерывахъ во время занятій. Напряжение,

ощущаемое ими въ глазахъ во время занятій, они приписываютъ какимъ нибудь другимъ причинамъ, а необходимость для болѣе яснаго зрѣнія отодвигать книгу они считаютъ совершенно въ порядкѣ вещей: вѣдь на то же они дальнзоркіе.

III.

Въ *близорукихъ* глазахъ сила преломленія выше, чѣмъ въ глазахъ нормальныхъ. Поэтому близорукіе, даже при совершенно расслабленномъ состояніи приспособляющей мышцы, различаютъ ясно предметы, находящіеся на близкомъ отъ нихъ разстояніи. При напряженіи приспособленія они могутъ ясно видѣть предметы на еще болѣе близкомъ разстояніи; при максимальномъ же напряженіи силы приспособленія, близорукій глазъ можетъ видѣть предметы на столь близкомъ разстояніи, на которомъ ни дальнзоркій, ни даже нормальный глазъ не въ состояніи ихъ различить. А такъ какъ при приближеніи предмета къ глазамъ увеличивается его изображеніе на сѣтчаткѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ становятся болѣе отчетливыми мельчайшія его детали, то близорукіе могутъ различать такіе микроскопически мелкіе предметы, которыхъ и нормальный глазъ не въ состояніи разобрать, не говоря уже о глазѣ дальнзоркомъ.

За то вдаль близорукіе не видятъ; и чѣмъ выше степень близорукости, тѣмъ меньше то разстояніе, до котораго еще возможно ясное зрѣніе. По этому то разстоянію отъ глаза дальнѣйшей точки яснаго зрѣнія и опредѣляется степень близорукости. Опредѣляется она также по силѣ того двояковогнутого стекла *), которое переводитъ близорукое преломленіе глаза

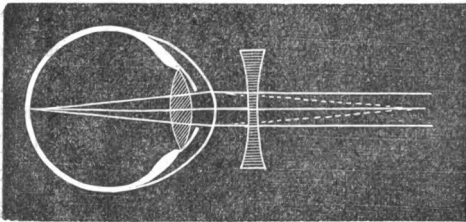

Рис. № 5.

въ нормальное. Такъ, близорукость въ 1 діоптрію есть такая степень близорукости, которой дальнѣйшая точка яснаго зрѣнія находится на разстояніи 1 метра передъ глазомъ. Двояковогнутое стекло въ 1 D, приставленное къ такому глазу, превращаетъ параллельные лучи, исходящіе

отъ весьма отдаленнаго предмета, въ столь расходящіеся, какъ будто бы предметъ этотъ находился на разстояніи 1 метра передъ глазомъ (см. рис. 5, гдѣ разсматриваемый предметъ для простоты представленъ въ видѣ

*) Въ *двояковогнутыхъ* стеклахъ обѣ поверхности представляютъ одинаковый отпечатокъ шаровыхъ отрѣзковъ. Параллельные лучи, падающіе на такія стекла, расщѣваются ими въ расходящіеся лучи, и та точка, изъ которой эти лучи кажутся какъ бы выходящими, представляютъ фокусъ стекла (см. рис. 5). Нумерація двояковогнутыхъ стеколъ производится по ихъ фокусному разстоянію такимъ же образомъ, какъ въ стеклахъ двояковыпуклыхъ.

точки). Если дальнѣйшая точка яснаго зрѣнія находится на разстояніи $\frac{1}{3}$ метра, то степень близорукости равна 3 D. Такой глазъ видитъ совершенно ясно весьма отдаленные предметы лишь при помощи двояковогнутого стекла въ 3 D. Если глазъ видитъ предметы находящіеся на бесконечно далекомъ разстояніи, лишь при помощи двояковогнутого стекла въ 6 D, то степень близорукости такого глаза равна 6 D; дальнѣйшая точка яснаго зрѣнія находится передъ такимъ глазомъ всего лишь на разстояніи $\frac{1}{6}$ метра (около 17 сантиметровъ).

Близорукіе, единственная привилегія которыхъ заключается въ ихъ способности хорошо видѣть вблизи, тѣмъ не менѣе принуждены въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгать къ помощи очковъ для занятій. Въ этомъ отношеніи мы должны различать 2 степени близорукости: слабую (до 3—4 D), среднюю (до 6—8 D) и высокую.

Близорукіе въ *слабой* степени могутъ всю жизнь обойтись безъ всякихъ очковъ для занятій; и лишь при очень слабыхъ степеняхъ близорукости, да притомъ въ весьма пожилые годы, имъ приходится прибѣгать къ помощи двояковыпуклыхъ стеколъ. При назначеніи такимъ лицамъ двояковыпуклыхъ стеколъ для занятій, мы поступаемъ совершенно обратно тому, какъ дѣлали при дальнорукости: тамъ мы къ силѣ стекла, исправляющаго степень старческой дальнорукости, прибавляли силу стекла, соответствующаго степени истинной дальнорукости, здѣсь же мы изъ силы стекла, соответствующаго старческой дальнорукости, вычитываемъ силу стекла, исправляющаго близорукость.

Возьмемъ для примѣра близорукій глазъ въ 1 D. Такой глазъ будетъ въ 50 лѣтъ видѣть такъ же плохо вдаль, какъ и въ малые годы; но онъ и вблизи будетъ плохо видѣть. Разница лишь между такимъ глазомъ и глазомъ нормальнымъ та, что послѣдній нуждается въ такомъ возрастѣ въ 2 D для занятій на разстояніи $\frac{1}{3}$ метра, въ то время какъ близорукій глазъ въ 1 D потребуетъ для такихъ занятій лишь двояковыпуклаго стекла въ $2 - 1 = 1$ D. Въ 40 лѣтъ такой близорукій глазъ еще вовсе не будетъ нуждаться въ очкахъ для занятій. Близорукій глазъ въ 2 D обходится безъ очковъ для занятій до 50 лѣтъ. У лицъ же, имѣющихъ близорукость въ 3 D, вполнѣ легкое чтеніе безъ очковъ возможно до 60-ти лѣтняго возраста—почти всю жизнь. Вотъ эти то лица и представляютъ предметъ удивленія и зависти со стороны лицъ съ нормальными и дальнорукими глазами, принужденныхъ уже рано прибѣгать къ очкамъ для занятій.

При *среднихъ* степеняхъ близорукости, очки для занятій необходимы и въ молодые годы. Но родъ стеколъ, назначаемыхъ такимъ близорукимъ (двояковогнуты), и назначеніе этихъ стеколъ совершенно противоположны тому, что имѣетъ мѣсто при старческой и при истинной дальнорукости.

Дѣло въ томъ, что, при значительныхъ степеняхъ близорукости, мелкіе предметы различаются глазомъ лишь на очень близкомъ разстояніи, на примѣръ, при близорукости въ 8 D мелкія буквы различаютъ лишь на

разстояніи 13 сантиметровъ D не дальше. Заниматься же на такомъ разстояніи не только неудобно, но и весьма вредно какъ для глазъ, такъ и для всего организма, и вотъ почему. При разглядываніи предмета, мы всегда сводимъ свои глаза такимъ образомъ, чтобы лучи, исходящіе отъ этого предмета, направлялись черезъ середины обомъ зрачковъ къ центральной части сѣтчатки въ каждомъ глазу, такъ наз. желтому пятну, такъ какъ лишь этой частью сѣтчатки мы въ состояніи отчетливо различать форму предметовъ. Это сведеніе достигается при помощи сокращенія такъ называемыхъ внутреннихъ прямыхъ мышцъ, прикрѣпляющихся въ каждомъ глазу къ носовой его поверхности. Легко понять, что чѣмъ меньше разстояніе, на которомъ находится рассматриваемый предметъ, тѣмъ больше приходится сводить глаза. Чрезмѣрное же и продолжительное напряженіе сводящихъ мышцъ вызываетъ ломоту въ глазахъ и вокругъ глазъ, напоминающую отраженные боли при чрезмѣрномъ напряженіи приспособляющей мышцы, а съ теченіемъ времени можетъ вызвать полное расстройство въ двигательномъ приборѣ глазъ: либо внутреннія прямыя мышцы ослабѣваютъ, и вслѣдствіе перевѣса наружныхъ мышцъ надъ внутренними развивается расходящееся косоглазіе,—либо внутреннія мышцы вслѣдствіе постоянного упражненія получаютъ перевѣсъ надъ наружными прямыми мышцами, и въ результатъ образуется сходящееся косоглазіе. Кроме того, напряженіе сводящихъ мышцъ всегда сопровождается соответствующимъ напряженіемъ приспособляющей мышцы, чрезмѣрное же напряженіе приспособления можетъ вызвать наростаніе степени близорукости и различныя болѣзненные измѣненія въ глазахъ.

Таковы вредныя послѣдствія, получающіяся въ такихъ случаяхъ, когда предметъ занятій, напримѣръ, книга, держится на очень близкомъ разстояніи отъ глазъ, читающій же сидитъ прямо. При письмѣ же такимъ близорукимъ приходится уже обыкновенно нагибаться надъ бумагой, лежащей на столѣ, а при этомъ къ сильному сведенію глазъ присоединяется еще сгибаніе всего туловища, имѣющее своимъ послѣдствіемъ искривленіе позвоночника (сутуловатость), и сгибаніе головы, вызывающее застой крови въ головѣ и, въ частности, въ глазахъ—вслѣдствіе происходящаго при этомъ сдавливанія шейныхъ венъ; застой же крови въ глазахъ можетъ съ своей стороны способствовать наростанію степени близорукости и заболѣванію глаза.

Назначая такимъ близорукимъ для занятій двояковогнутыя стекла, которыя отодвинули бы нѣсколько подалеже ихъ дальнѣйшую точку яснаго зрѣнія, мы можемъ избѣгать всѣхъ перечисленныхъ вредныхъ послѣдствій. Обыкновенно эта точка переводится на разстояніе обычныхъ занятій— $\frac{1}{3}$ метра, причеиъ назначаютъ такія стекла, которыя ослабляютъ имѣющуюся степень близорукости до 3 D. Такимъ образомъ, близорукому въ 5 D назначаютъ двояковогнутыя стекла въ 2 D, близорукому въ 8 D—двояковогнутыя стекла въ 5 D и т. д. Особенно частое примѣненіе такіе

очки находятъ при школьныхъ занятіяхъ, гдѣ они необходимы для правильной посадки близорукихъ учениковъ во время работы.

При *высокихъ* степеняхъ близорукости, приходится, однакожь, ограничиться менѣе далекимъ перемѣщеніемъ дальнѣйшей точки, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы назначить очень сильныя стекла, а послѣднія не могутъ считаться совершенно безразличными для такихъ слабыхъ глазъ, какъ глаза съ высокой степенью близорукости. Дѣло въ томъ, что двояковогнутыя стекла уменьшаютъ величину разсматриваемаго предмета, и чѣмъ сильнѣе стекла, тѣмъ значительнѣе уменьшеніе предмета; но чѣмъ меньше изображеніе, получающееся отъ разсматриваемаго предмета на сѣтчаткѣ, тѣмъ труднѣе его различить. Въ этомъ заключается недостатокъ сильныхъ двояковогнутыхъ стеколъ. Назначая ихъ при сильныхъ степеняхъ близорукости, мы не вполне достигаемъ цѣли: хотя близорукость и уменьшается нами въ требуемой степени, — допустимъ, до 3 діоптрій, — но подобные близорукіе, у которыхъ острота зрѣнія большею частью ослаблена вслѣдствіе различныхъ болѣзненныхъ измѣненій внутри глаза, все же не будутъ видѣть мелкихъ предметовъ на разстояніи $\frac{1}{2}$ метра, какъ этого слѣдовало бы ожидать; для того, чтобы увеличить изображеніе этихъ предметовъ на сѣтчаткѣ и сдѣлать ихъ себѣ такимъ образомъ болѣе отчетливыми, эти близорукіе должны приблизиться къ нимъ на меньшее разстояніе, — скажемъ, на $\frac{1}{4}$ метра. Но на разстояніи $\frac{1}{4}$ метра требуется сила преломленія глаза въ 5 діоптрій, а такъ какъ взятый въ прижрѣ глазъ имѣетъ искусственную близорукость въ 3 D, то недостающія 2 діоптріи ему придется возмѣстить напряженіемъ приспособленія. А между тѣмъ, способность приспособленія, хотя и присуща близорукому глазу наравнѣ съ другими, но при высокихъ степеняхъ близорукости — вслѣдствіе почти полного бездѣйствія приспособляющей мышцы — она ослабвваетъ въ значительной степени. Въ виду этого, самое слабое напряженіе приспособленія вызываетъ уже въ такихъ глазахъ раздраженное состояніе. При высокихъ же степеняхъ близорукости, большею частью имѣются уже кое-какія болѣзненные измѣненія въ глазахъ, и небольшое раздраженіе, легко переносимое вполне здоровыми глазами, можетъ оказаться весьма вреднымъ для болѣзненнаго близорукаго глаза. Ближайшимъ послѣдствіемъ напряженія приспособленія въ близорукихъ глазахъ является: обостреніе болѣзненнаго процесса внутри глаза и нарастаніе степени близорукости.

Выше мы видѣли, что напряженіе приспособленія и нарастаніе близорукости являются результатомъ чрезмѣрнаго сведенія глазъ при занятіяхъ безъ очковъ. Тѣ же самыя послѣдствія, какъ мы видимъ теперь, могутъ получиться и при ношеніи очковъ во время занятій. Вотъ это то положеніе между Сциллой и Харибдой и дѣлаетъ весьма серьезнымъ и отвѣтственнымъ назначеніе стеколъ для занятій при высокихъ степеняхъ близорукости. Установить для этихъ случаевъ какое-либо определенное правило невозможно. Здѣсь приходится примѣняться къ особенностямъ каждаго отдѣльнаго случая. Смотря по состоянію сводящихъ мышцъ, по силѣ

сохранившейся еще способности приспособленія, по обширности имѣющихся внутри глаза болѣзненныхъ измѣненій—назначаютъ въ однихъ случаяхъ болѣе сильныя стекла для занятій, въ другихъ—менѣе сильныя. При недостаточности сводящихъ мышцъ и одновременно существующихъ значительныхъ внутри глазныхъ измѣненіяхъ, назначаются не очень сильныя двояковогнутыя стекла въ комбинаціи съ призмами, облегчающими работу сводящихъ мышцъ. При сильно развившихся и нарастающихъ внутриглазныхъ измѣненіяхъ, приходится совершенно отказаться отъ употребленія очковъ. Такимъ больнымъ приходится либо значительно ограничить продолжительность занятій, требующихъ работы глазъ, либо на время вовсе запретить подобныя занятія. Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется уже вполнѣ развившееся косоглазіе и когда одинъ глазъ либо постоянно отклоненъ въ сторону, либо отходитъ въ сторону во время занятій, ничуть не мѣшая зрѣнію работающаго глаза,—въ такихъ случаяхъ, разумѣется, о предотвращеніи напряженія сводящихъ мышцъ при работѣ не можетъ быть и рѣчи, а слѣдовательно, и очки для занятій въ этихъ случаяхъ совершенно излишни—по крайней мѣрѣ, при такихъ занятіяхъ, какъ напримѣръ, при чтеніи, когда не требуется сгибанія тѣла надъ предметомъ занятія.

Все, что мы говорили до сихъ поръ объ очкахъ для занятій при значительныхъ степеняхъ близорукости, обыкновенно очень мало интересуется близорукихъ. Къ чему имъ очки для занятій, когда они и безъ нихъ хорошо видятъ? Правда, имъ приходится сгибаться въ три погябелы надъ работой, водить носомъ по книжкѣ при чтеніи и пачкать его въ чернила при письмѣ—но все же работать можно. Вотъ, очки для зрѣнія вдаль—это другое дѣло. Тутъ сейчасъ видна польза.

Въ этомъ отношеніи, какъ, къ сожалѣнію, еще во многихъ другихъ, взгляды публики идутъ въ разрѣзъ со взглядами гигиенистовъ. Съ точки зрѣнія гигиены глаза, совершенно безразлично, видитъ ли близорукій вдаль хорошо, или плохо. Ни напряженія приспособленія, ни сведенія глазъ при смотрѣніи близорукихъ вдаль не происходитъ, а узнаетъ ли близорукій своихъ знакомыхъ на улицѣ, въ состояніи ли онъ не только себя показать, но и на другихъ посмотреть — это его дѣло. Мы не особенно настаиваемъ на томъ, чтобы близорукіе непремѣнно носили очки для улучшенія зрѣнія вдаль; и если попадаются такія лица, которыхъ вовсе не интересуютъ подробности уличной жизни, то мы и не стараемся особенно возбудить въ нихъ интересъ къ этой жизни, тѣмъ болѣе, что часто недостаточное знакомство съ этими подробностями возмѣщается у этихъ лицъ богатымъ содержаніемъ ихъ внутренняго міра.

Съ другой стороны, нельзя не признать справедливыми желанія другихъ лицъ—пользоваться всѣми тѣми благами, которыя имъ могутъ быть доставлены ихъ зрительными впечатлѣніями. Удивительное зрѣлище звѣзд-

наго неба, красивые виды мѣстности, художественное исполненіе артистовъ на сценѣ — всѣхъ этихъ впечатлѣній лишень близорукій, и если ему достаточно приставить стеклышко къ глазу, чтобы увидѣть все это, то кто же рѣшился бы лишить его всѣхъ этихъ наслажденій?

Стекла, вполне исправляющія степень близорукости, дающія столь же ясное зрѣніе вдаль, какъ въ нормальномъ глазу, могутъ быть разрѣшаемы близорукимъ, но лишь для кратковременнаго пользованія, и при томъ лишь для смотрѣнія на отдаленные предметы. Такія стекла лучше всего примѣнять въ видѣ лорнета.

Что же касается двояковогнутыхъ стеколъ, назначаемыхъ для болѣе постояннаго ношенія, то такія стекла всегда берутся нѣсколько меньшей силы по сравненію съ степенью имѣющейся близорукости; разумѣется, ясность зрѣнія вдаль при этихъ очкахъ не достигаетъ такой степени, какъ при полномъ исправленіи близорукости. Основаніемъ къ назначенію для зрѣнія вдаль стеколъ, неполнѣй исправляющихъ степень близорукости, служить въ этихъ случаяхъ то же самое соображеніе, которое при высокихъ степеняхъ близорукости удерживаетъ отъ перенесенія дальнѣйшей точки яснаго зрѣнія на $\frac{1}{3}$ метра отъ глаза — а именно, при смотрѣніи въ этихъ очкахъ на близко расположенные предметы получится раздраженіе глаза вслѣдствіе напряженія приспособляющей мышцы.

При сильныхъ степеняхъ близорукости, когда напряженіе приспособленія наиболѣе вредно, благоразумнѣе всего пользоваться для зрѣнія вдаль тѣми же самыми очками, которыя назначаются для работы. Въ этихъ очкахъ близорукій видитъ вдаль все же несравненно лучше, чѣмъ безъ очковъ, и многія лица вполне удовлетворяются такимъ улучшеніемъ зрѣнія. Для тѣхъ же случаевъ, когда желательно точно разглядѣть отдаленные предметы, можно пользоваться приставкой обыкновеннаго или наклоннаго лорнета, стекла котораго увеличиваютъ силу постоянныхъ очковъ до полнаго исправленія степени близорукости.

При слабыхъ степеняхъ близорукости можно носить для зрѣнія вдаль стекла, почти вполне исправляющія степень близорукости. Но при этомъ слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на то, чтобы очки, назначаемыя для ношенія вдаль, не употреблялись при занятіяхъ на близкомъ разстояніи. Напряженіе приспособленія, достигающее при этомъ значительной степени, сейчасъ же обнаруживаетъ свое вредное вліяніе въ видѣ ломоты въ глазахъ, и многіе сами замѣчаютъ, что въ очкахъ, въ которыхъ они хорошо видятъ вдаль, имъ труднѣе работать, чѣмъ безъ очковъ. Но не всякій обращаетъ на это вниманіе. Мало того. Попадаютъ такія лица, которыя носятъ постоянно, какъ при смотрѣніи вдаль, такъ и при занятіяхъ на близкомъ разстояніи, очки, превосходящія по своей силѣ степень исправляемой ими близорукости! Помощью такихъ стеколъ близорукіе глаза превращаются не въ нормальные, а въ дальнорукіе. Но если дальнорукій глазъ съ сильно развитой приспособляющей мышцей въ состояніи преодолѣть то напряженіе приспособленія, которое ему приходится дѣлать, тоа

как справиться съ такимъ постояннымъ напряженіемъ приспособленія глазу близорукому съ его слабой приспособляющей мышцей? Немудрено, что такимъ лицамъ приходится въ концѣ концовъ обратиться къ помощи врача вслѣдствіе невыносимой ломоты, которую они начинаютъ испытывать въ глазахъ при самыхъ непродолжительныхъ занятіяхъ.

IV.

Мы видѣли, что нормальный глазъ видитъ одинаково хорошо какъ вдаль, такъ и вблизи, дальнозоркій видитъ вдаль лучше, чѣмъ вблизи, а близорукой глазъ вблизи видитъ лучше, чѣмъ вдаль. *Астигматическій* глазъ видитъ плохо какъ вдаль, такъ и вблизи. Астигматическимъ называется такое строеніе глаза, при которомъ сила преломленія неодинакова въ различныхъ меридіанахъ глаза. Линіи, радіусообразно проведенныя изъ точки во всѣ стороны, (см. рис. 6) равно какъ и цифры на часовомъ циферблатѣ, различаются такимъ

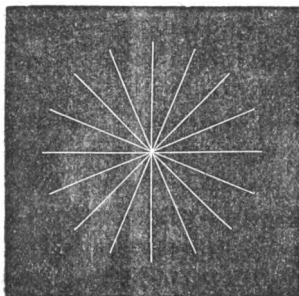

Рис. № 6.

глазомъ неодинаково: въ одномъ изъ диаметровъ линіи и цифры различаются такимъ глазомъ наиболѣе отчетливо, а въ другомъ—перпендикулярномъ къ 1-ому—наименѣе ясно; линіи же, расположенныя по остальнымъ диаметрамъ, представляютъ по своей отчетливости постепенный переходъ отъ наиболѣе къ наименѣе яснымъ. Тѣ 2 диаметра, въ которыхъ лежатъ наиболѣе и наименѣе отчетливыя линіи, соответствуютъ положенію т. наз. главныхъ меридіановъ астигматическаго глаза. Главные меридіаны могутъ имѣть какъ направленія вертикальное и горизонтальное—что бываетъ чаще всего—такъ и косое положеніе, причеиъ однако-жъ всегда расположены перпендикулярно другъ къ другу.

Степень астигматизма обозначается по разницѣ, существующей между силою преломленія обоихъ главныхъ меридіановъ. Если, напр., вертикальный меридіанъ глаза представляетъ дальнозоркость въ 3 D, а горизонтальный — дальнозоркость въ 1 D, то въ такомъ глазу имѣется простая дальнозоркость въ 1 D, общая обоимъ меридіанамъ, и кромѣ того дальнозоркій астигматизмъ въ $3 - 1 = 2$ D; такой астигматизмъ называется *сложнымъ дальнозоркимъ*. — *Простымъ дальнозоркимъ астигматизмомъ* называется такой, при которомъ лишь одинъ меридіанъ представляетъ дальнозоркое строеніе, въ другомъ же меридіанѣ имѣется нормальное преломленіе.—Если вертикальный меридіанъ глаза представляетъ близорукость въ 6 D, а горизонтальный—близорукость въ 4 D, то сила преломленія, общая обоимъ меридіанамъ, равна 4 D, а разница между ними равняется 2 D; въ такомъ глазу имѣется, слѣд., близорукость въ

4 D + близорукій астигматизмъ въ 2 D — *сложный близорукій астигматизмъ*. — При *простомъ близорукомъ астигматизмѣ* имѣется близорукое преломленіе въ одномъ меридіанѣ и нормальное преломленіе въ другомъ. — Наконецъ, а *стигмаизмомъ смѣшаннымъ* называется такой, при которомъ одинъ меридіанъ представляетъ дальнорукое строеніе, а другой — близорукое. Степень астигматизма въ этомъ случаѣ равна суммѣ степени дальнорукости въ одномъ меридіанѣ со степенью близорукости въ другомъ. Такъ, если въ вертикальномъ меридіанѣ имѣется близорукость въ 2 D, а въ горизонтальномъ — дальнорукость въ 1 D, то степень астигматизма равна 3 D.

Предположимъ, что передъ нами имѣется глазъ, вертикальный меридіанъ котораго представляетъ дальнорукость въ 3 D, а горизонтальный — дальнорукость въ 5 D. Въ этомъ глазу имѣется, слѣд., сложный дальнорукій астигматизмъ — простая дальнорукость въ 3 D и дальнорукій астигматизмъ въ 2 D. Если мы къ этому глазу приставимъ двояковыпуклое стекло въ 3 D, исправляющее дальнорукость, общую обоимъ меридіанамъ, то зрѣніе улучшится, но не станетъ совсѣмъ яснымъ, такъ какъ двояковыпуклымъ стекломъ мы вполне исправили лишь вертикальный меридіанъ; въ горизонтальномъ же меридіанѣ осталась еще часть дальнорукости — въ 2 D. Такой глазъ будетъ хорошо различать лишь горизонтальныя линіи, вертикальныя же будутъ ступеваны. Для того, чтобы этотъ глазъ получилъ возможность одинаково ясно видѣть какъ горизонтальныя, такъ и вертикальныя линіи — что необходимо для различенія очертанія буквъ и другихъ предметовъ—къ глазу должно быть приставлено такое стекло, которое имѣло бы въ горизонтальномъ меридіанѣ такую же силу преломленія, какъ двояковыпуклое стекло въ 2 D, вертикальный же меридіанъ не имѣлъ бы никакого оптическаго дѣйствія. Такія стекла существуютъ. Они называются *цилиндрическими* въ виду того, что поверхность ихъ имѣетъ кривизну цилиндрическаго отрѣзка (по направленію оси цилиндра)—выпукло-цилиндрическаго стекла—или кривизна поверхности стеколь соотвѣтствуетъ отпечатку поверхности цилиндрическаго отрѣзка — вогнуто-цилиндрическаго стекла. Стекла эти не производятъ никакого оптическаго дѣйствія въ направленіи, соотвѣтствующемъ оси цилиндра и называемомъ *осью* цилиндрическаго стекла. Въ направленіи же, перпендикулярной оси, стекла эти дѣйствуютъ на подобіе выпуклыхъ или вогнутыхъ сферическихъ стеколь.

Для исправленія астигматизма во взятомъ нами примѣрѣ слѣдуетъ, такимъ образомъ, приставить къ глазу выпукло-цилиндрическое стекло въ 2 D, причемъ ось этого стекла должна соотвѣтствовать вертикальному меридіану глаза, не нуждающемуся въ исправленіи стеклами. Въмѣсто того, однако-жь, чтобы къ двояковыпуклому стеклу, исправляющему въ нашемъ случаѣ простую дальнорукость въ 3 D, прибавлять еще цилиндрическое стекло,—что весьма неудобно—мы пользуемся такимъ стекломъ, въ которомъ одна поверхность сферически выпуклая съ силою преломленія въ

3 D, а другая—цилиндрически выпуклая съ силою въ 2 D, въ горизонтальномъ направленіи.

Каковъ бы ни былъ астигматизмъ, дальнорукій-ли, или близорукій, его нужно исправить. Необходимо это, во 1-хъ, потому, что въ астигматическомъ глазу, привыкающемъ видѣть какъ близкіе, такъ и отдаленные предметы въ неясныхъ очертаніяхъ, съ теченіемъ времени развивается слабость зрѣнія, которую уже затѣмъ не удастся исправить стеклами. Во 2-хъ, неясность зрѣнія вблизи заставляетъ астигматиковъ чрезмѣрно приближать предметъ занятій къ глазамъ, а это, какъ мы видѣли выше, сопровождается какъ чрезмѣрнымъ напряженіемъ сводящихъ мышцъ глаза, такъ и напряженіемъ приспособленія; послѣднее, разумется, особенно рѣзко сказывается у лицъ съ дальнорукимъ астигматизмомъ. Наконецъ, въ 3-хъ, стремленіе астигматика видѣть одинаково отчетливо линіи всѣхъ направленій вызываетъ неравномѣрное сокращеніе приспособляющей мышцы, которымъ и выравнивается отчасти разница въ преломленіи различныхъ меридіановъ глаза; но такое постоянное напряженіе, какъ легко понять, далеко не можетъ считаться безразличнымъ для глаза.

При сложномъ астигматизмѣ мы съ дальнорукостью или близорукостью, остающимися по исправленіи простого астигматизма, поступаемъ точно такимъ образомъ, какъ въ простыхъ случаяхъ дальнорукости и близорукости: дальнорукость исправляемъ сполна, близорукость же лишь отчасти.

При смѣшанномъ же астигматизмѣ мы исправляемъ ненормальное преломленіе въ обоихъ меридіанахъ, назначая выпукло-вогнуто цилиндрическія стекла т. е. такія стекла, въ которыхъ одна поверхность исправляетъ дальнорукій астигматизмъ, а другая исправляетъ близорукій астигматизмъ. Стекла эти назначаются для постоянного ношенія—какъ для дали, такъ и для занятій. Такъ мы поступаемъ обыкновенно лишь при исправленіи астигматизма у молодыхъ лицъ. Лицамъ же болѣе или менѣе пожилымъ мы назначаемъ для занятій выпукло цилиндрическія стекла, которыя вполнѣ исправляютъ имѣющуюся степень астигматизма и, кромѣ того, дѣйствуютъ еще какъ сферически выпуклыя стекла, облегчая работу приспособляющей мышцы. Такъ, если напр. въ вертикальномъ меридіанѣ имѣется близорукость въ 1,5 D, а въ горизонтальномъ—дальнорукость въ 2 D, то мы назначаемъ выпукло-цилиндрическія стекла въ 3,5 D съ вертикальной осью. Въ этомъ случаѣ близорукость вертикальнаго меридіана остается неисправленной; въ горизонтальномъ же меридіанѣ дѣйствуетъ выпуклое стекло въ 3,5 D, которое, сверхъ исправленія его дальнорукости, дѣлаетъ его еще искусственно близорукимъ въ 1,5 D. Такимъ образомъ, въ обоихъ меридіанахъ получается близорукость въ 1,5 D, т. е. глазъ превращается въ простой близорукій. Такими очками можно слѣд. пользоваться для занятій до 45—50 лѣтъ. За этимъ возрастомъ приходится уже усиливать сферическое дѣйствіе этихъ очковъ—для исправленія нарастающей старческой дальнорукости.

Необходимымъ условіемъ для полезнаго дѣйствія цилиндрическихъ сте-

коль является правильное положеніе ихъ оси. Ось цилиндрическаго стекла должна въ точности соответствовать положенію главнаго меридіана глаза. При малѣйшемъ перемѣщеніи оси изъ правильнаго положенія, при самомъ незначительномъ поворотѣ стекла уменьшается ясность зрѣнія, и предметы показываются какъ бы скосившимися.

Въ виду столь важнаго значенія, которое имѣетъ положеніе оси стекла для зрѣнія астигматиковъ, цилиндрическія стекла не должны быть употребляемы въ формѣ *pinse-nez*; оправка должна быть очковая—съ заушниками. Исключеніе можно сдѣлать лишь для тѣхъ случаевъ, когда форма переносья позволяетъ *pinse-nez* крѣпко держаться на носу, но и въ этихъ случаяхъ должно употребляться не обыкновенное, складное *pinse-nez*, а *раздвижное* (см. рис. 7).

При выборѣ очковъ въ оптическихъ магазинахъ имѣется всегда дѣло съ сферическими двояко-вогнутыми или двояковыпуклыми стеклами. О распознаваніи и исправленіи астигматизма здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ, лица, имѣющія простой или смѣшанный астигматизмъ, остаются вовсе неудовлетворенными представленными имъ для выбора очками, такъ какъ ни вогнутыя, ни выпуклыя стекла не могутъ, хотя бы отчасти, исправить ненормальное преломленіе ихъ глазъ. Лица же, имѣющія сложный астигматизмъ, выбираютъ себѣ стекла, исправляющія лишь ихъ дальнозоркость или близорукость, — астигматизмъ остается неисправленнымъ; и лица съ сложнымъ близорукимъ астигматизмомъ надѣваются очки, совершенно исправляющіе близорукость, которой не нужно вполнѣ исправить, и оставляющіе безъ исправленія близорукій астигматизмъ, который долженъ быть совершенно исправленъ.

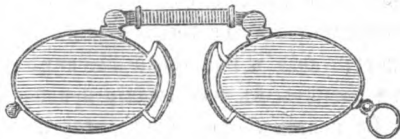

Рис. № 7.

У.

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ очкахъ, исправляющихъ *неодинаковое строеніе глазъ*. Разница между глазами можетъ быть самаго разнообразнаго вида. Одинъ глазъ можетъ быть нормальный, а другой близорукій или дальнозоркій; или одинъ глазъ близорукій, а другой дальнозоркій; либо оба глаза близорукіе или дальнозоркіе, но въ различной степени; наконецъ, въ одномъ глазу можетъ быть дальнозоркость или близорукость, а въ другомъ—дальнозоркій или близорукій астигматизмъ.

Такая разница въ строеніи глазъ легко обнаруживается въ томъ случаѣ, когда каждый глазъ изслѣдуется отдѣльно. При подборѣ № очковъ въ оптическихъ магазинахъ эта разница остается незамѣченною, такъ какъ выборъ очковъ производится помощью лорнетокъ съ одинаковыми стеклами для обоихъ глазъ. Въ результатѣ получается то, что одинъ глазъ исправляется очка-

ми вполне, а другой лишь отчасти, или что еще хуже — передь однимъ изъ глазъ оказывается стекло, совершенно не соответствующее его строенію.

Возьмемъ для примѣра такой случай, когда одинъ глазъ имѣетъ близорукость въ 3 D, а другой—близорукій астигматизмъ въ такой же или иной степени. Въ этомъ случаѣ лицо, выбирающее себѣ стекло «по глазамъ», возьметъ очки съ одинаковыми двояковогнутыми стеклами силою въ 3 D и останется совершенно довольнымъ своими очками, вовсе не догадываясь о томъ, что передь однимъ глазомъ находится стекло, ничуть не исправляющее его зрѣнія и палящее совершенно ненужнымъ образомъ приспособленіе этого глаза.

Вотъ еще 2 примѣра, изъ которыхъ видно, какое важное значеніе имѣетъ распознаваніе и исправленіе неодинаковости преломленія обоихъ глазъ.

Въ правомъ глазу имѣется дальнорукость въ 2 діоптріи, а въ лѣвомъ степень дальнорукости равна 4 D. Очки съ одинаковыми двояковыпуклыми стеклами въ 2 D на первое время оказываются вполне удовлетворительными. Но лѣвый глазъ принужденъ во время занятій напрягать свое приспособленіе на 2 D больше, чѣмъ правый, и это чрезмѣрное напряженіе не можетъ остаться безъ вліянія на глазъ: ломота въ лѣвомъ глазу, боль вокругъ глаза и въ лѣвой половинѣ головы являются часто послѣдствіемъ этой разницы въ напряженіи приспособленія.

Въ правомъ глазу близорукость въ 5 D, въ лѣвомъ дальнорукость въ 0,5 D. Такъ какъ правый глазъ даетъ болѣе ясное зрѣніе вблизи, чѣмъ лѣвый, то при чтеніи употребляется преимущественно правый глазъ, и предметъ чтенія держится на такомъ близкомъ разстояніи—20 сант., чтобы правый глазъ могъ ясно видѣть. При такихъ условіяхъ лѣвому глазу приходится дѣлать значительное напряженіе приспособленія—въ $5,0 + 0,5 = 5,5$ D. Такое напряженіе приспособленія тѣмъ труднѣе для лѣваго глаза, что въ правомъ глазу въ то же время не происходитъ никакого сокращенія приспособляющей мышцы. Исходъ изъ этого положенія получается тотъ, что либо послѣдствія чрезмѣрнаго напряженія лѣваго глаза заставляютъ больного обратиться къ врачу, либо лѣвый глазъ вовсе перестаетъ устанавливать къ предмету чтенія; разсматриваемыя буквы даютъ неясное изображеніе на сѣтчаткѣ этого глаза, что только мѣшаетъ ясному видѣнію праваго глаза, и лѣвый глазъ поэтому вовсе исключается изъ совмѣстнаго зрѣнія при чтеніи: или глазъ прикрывается вѣками во время занятій, или онъ совсѣмъ отклоняется въ сторону—образуется расходящееся косоглазіе. Всѣ эти неприятыя послѣдствія весьма легко устранить соответствующими очками для занятій. Слѣдуетъ лишь уменьшить степень близорукости въ правомъ глазу и облегчить работу приспособляющей мышцы въ лѣвомъ глазу; что и получится въ томъ случаѣ, если передь правымъ глазомъ будетъ двояковогнутое стекло въ 2 D, позволяющее держать книгу на обычномъ разстояніи— $\frac{1}{3}$ метра, а передь лѣвымъ глазомъ—двояковыпуклое стекло въ 1,0 или 1,5 D.

Резюмируя вкратцѣ все вышесказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ положеніямъ о пользѣ и вредѣ очковъ:

1) Очки *необходимо* носить—во время занятій—при старческой и истинной дальноркости и при астигматизмѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при близорукости.

2) Очки *полезно* носить—для яснаго зрѣнія вдаль—при астигматизмѣ, истинной дальноркости и близорукости.

3) *Вредно* носить: при занятіяхъ—очки, вполнѣ исправляющіе степень близорукости и неполнѣ исправляющіе степень дальноркости, а при зрѣніи вдаль—очки, превосходящіе по своей силѣ степень близорукости.

Р. Кацъ.

Психологія и наука объ обществѣ.

Густавъ Лебонъ, Психологія народовъ и массъ. Перев. съ франц. Спб. 1896 г.
Стр. 329. Ц. 1 р. Изд. Ф. Павленкова.

Lester Ward, The psychic factors of civilisation. Boston. 1893. p. 369.

Въ послѣднее время психологія привлекаетъ къ себѣ вниманіе съ различныхъ сторонъ и по различнымъ побужденіямъ. Для любителей чистаго знанія изслѣдованіе душевныхъ явленій—одна изъ самыхъ любопытныхъ областей изслѣдованія. Человѣкъ живетъ не столько хлѣбомъ и водой, сколько чувствованіями, страстями, мыслями, и знакомство съ этимъ центромъ жизни, съ фокусомъ, въ которомъ сосредоточивается вся вселенная, очень занимательно. А новѣйшія экспериментальныя и вообще строго положительныя изслѣдованія душевныхъ явленій усиливаютъ этотъ интересъ. Прикладное значеніе психологіи велико. Что педагогика есть въ значительной мѣрѣ прикладная психологія—давно было извѣстно; тѣсная связь психологіи съ ученіемъ о нравственности, эстетикой, логикой, теоріей познанія понятна всякому, знакомому съ перечисленными областями вѣдѣнія. Въ послѣднее время выясняется примѣненіе психологическихъ данныхъ въ новой области, доселѣ развивавшейся независимо отъ науки о душѣ, именно къ ученію объ обществѣ, его организаци, его культурѣ и развитію. Кромѣ индивидуальной психологіи зарождается психологія общественная—народовъ, толпы, культуры, первобытной и современной. Разработкѣ этой любопытной темы посвящены, между прочимъ, два сочиненія, заглавія которыхъ приведены въ началѣ статьи.

Лебонъ ставитъ себѣ двѣ задачи: подвести твердый фундаментъ подъ исторію и выяснитъ свойства толпы, способъ ея мысли, чувствъ и дѣйствій.

Обыкновенныя сочиненія по исторіи Лебонъ признаетъ почти бесполезными и безплодными, такъ какъ въ нихъ сущность дѣла почти не затрогивается, они совершенно фантастичны. «Мѣсить известку—дѣло гораздо болѣе полезное, чѣмъ писать такія книги». Въ нихъ излагаются разныя событія изъ народной жизни, описываются войны, правленіе, указывается ходъ законодательства, но до сущности дѣла, до источника вѣсѣхъ описываемыхъ явленій, до народной души авторы историческихъ сочиненій не дохо-

дять. Жизнь народа, его учрежденія, его вѣрованія и искусства суть только видимыя обнаруженія его невидимой души. Каждый народъ обладаетъ столь же устойчивымъ душевнымъ строемъ, какъ и анатомическими особенностями. Чтобы передѣлать свои учрежденія, измѣнить свои вѣрованія, народъ долженъ сначала передѣлать свою душу. Слѣдовательно, для пониманія исторіи народовъ нужно изслѣдовать народную душу, ея постоянныя и временныя свойства, ихъ измѣненіе, а не просто описывать различныя событія, народный бытъ, вѣрованія и пр.

Изложенная мысль совершенно справедлива. Нѣкоторыя другія мысли и сужденія Лебона также, по нашему мнѣнію, безспорны. Такъ онъ высказываетъ такую здравую мысль, что психическій складъ расы представляетъ не только синтезъ составляющихъ ее живыхъ существъ, но въ особенности синтезъ всѣхъ предковъ, способствовавшихъ ея образованію. Не живые только, но и мертвые играютъ преобладающую роль въ современной жизни какого-нибудь народа. Они творцы его морали и бессознательные двигатели его поведенія. Въ такомъ общемъ видѣ высказанная мысль совершенно справедлива, но для того, чтобы придать ей научное и жизненное значеніе, необходимо ее подробно развить и фактически обосновать въ примѣненіи къ исторіи народовъ, чего Лебонъ не дѣлаетъ.

Другія мысли Лебона, въ родѣ слѣдующихъ: ни случай, ни внѣшнія обстоятельства, ни въ особенности политическія учрежденія не играютъ главной роли въ исторіи какого-либо народа; различные элементы цивилизаціи народа, будучи лишь внѣшними знаками его психическаго склада, не могутъ передаваться совершенно безъ измѣненій народамъ воплиъ иного психическаго склада; передаваться же могутъ только внѣшнія, поверхностныя и не имѣющія значенія формы; среди наиболѣе важныхъ руководящихъ идей каждой цивилизаціи находятся религіозныя идеи. Изъ измѣненій религіозныхъ вѣрованій непосредственно произошло большинство историческихъ событій, исторія человечества всегда была параллельна исторіи его боговъ—всѣ эти и нѣкоторыя другія мысли, защищаемыя Лебономъ, имѣютъ весьма значительную долю справедливости. Но полную настоящую научную цѣнность онѣ получаютъ только тогда, когда будутъ твердо и обстоятельно обоснованы и раскрыты, а между тѣмъ такого раскрытія высказанныхъ мыслей мы и не находимъ у Лебона.

Нужно прямо сказать: сочиненіе Лебона серьезнымъ характеромъ не отличается. Онъ взялъ весьма интересную тему, высказалъ нѣсколько справедливыхъ общихъ мыслей, но раскрылъ ихъ и обосновалъ весьма недостаточно. Еще древніе греческіе философы держались такого, совершенно справедливаго, мнѣнія, что числа составляютъ сущность вещей. Но отъ подобной общей мысли до дѣйствительнаго выясненія значенія числа при пониманіи явленій природы очень далеко. Съ ловкостью и легкостью француза Лебонъ набросалъ нѣсколько соображеній по интересному сюжету, но этимъ и ограничился. Душа народа, говоритъ онъ, составляетъ источникъ всѣхъ явленій его исторической жизни. Прекрасно. Нельзя ли теперь ознакомиться

хотя немного съ душами народовъ? Вполнѣ возможно, отвѣчаетъ Лебонъ, и предлагаетъ главу: «психологическая іерархія расъ». Съ психологической точки зрѣній расы человѣчества можно раздѣлить на четыре группы: первобытныя расы, низшія, среднія и высшія.

Такимъ образомъ на душахъ расъ прямо ставится отмѣтка: единица, двойка, тройка, четверка и утверждается, что между этими группами невозможно никакое сліяніе, такъ какъ раздѣляющая ихъ пропасть безмѣрна. Подобная характеристика душъ постановкой балловъ едва-ли можетъ кого-либо удовлетворить и сколько-нибудь выяснить и опредѣлить дѣйствительную природу душъ народностей. Баллы и въ школахъ даже ничего не выясняютъ и не опредѣляютъ, а потому хорошими педагогами избѣгаются, характеризовать же души народностей какъ низшія, среднія и высшія—значитъ быть и очень смѣлымъ, слишкомъ полагаться на свою психологическую проицательность, чтобы произносить такіе приговоры, да къ тому же и очень неопредѣленнымъ, потому что такія характеристики ничего не даютъ. Болѣе же подробныхъ указаній на свойства расовыхъ душъ мы почти не находимъ, а если что и находимъ, то давнымъ давно извѣстное. Такова характеристика расовыхъ душъ латинской—французовъ и англо-саксонской—англичанъ. Французская душа характеризуется одной чертой—поглощеніемъ личности государствомъ. То, чего всѣ французы одинаково горячо желаютъ, несмотря на различіе партій и доктринъ, это—старый централистскій и цезаристскій режимъ, государство, всѣмъ управляющее, все регулирующее, все поглощающее, освобождающее гражданъ отъ проявленія инициативы и размышленія.—Англо-саксонская душа характеризуется противоположнымъ свойствомъ—доведеніемъ до минимума дѣятельности государства и до максимума дѣятельности частныхъ лицъ. Въ Англии и Америкѣ порты, каналы, желѣзныя дороги, учебныя заведенія создаются и поддерживаются частной инициативой, а не государствомъ.

Такая характеристика давно извѣстна, требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ и ограниченій и, какъ указывающая лишь одну черту, очень скудна и недостаточна.

Вторая задача, которую ставить Лебонъ,—выясненіе психологіи толпы, способовъ ея мышленія и дѣйствій, также весьма любопытна. Подобное изслѣдованіе представляетъ прямой практическій интересъ для всѣхъ, имѣющихъ дѣло съ толпой. Многія замѣчанія Лебона о свойствахъ толпы и ея дѣйствіяхъ, о ея нравственности, преувеличеніяхъ, нетерпимости и др., представляютъ хорошія наблюденія и обобщенія, но основныя его идеи являются весьма сомнительными.

По мнѣнію Лебона, главною характеристическою чертою нашей эпохи служить замѣна сознательной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ бессознательною дѣятельностью толпы. Уже этотъ общій взглядъ на наше время, чтобы въ немъ возрастала бессознательная дѣятельность толпы, совершенно несправедливъ. Откуда почерпнулъ Лебонъ такое свѣдѣніе, гдѣ подтверждающіе его факты? Самъ же онъ признаетъ, что «въ настоящее время

притязанія толпы становятся все болѣе и болѣе опредѣленными», что «толпа выработала идеи, если не совсѣмъ справедливыя, то во всякомъ случаѣ вполне опредѣленныя, о своихъ интересахъ, и получила сознание своей силы». Здѣсь прямое сознание, а не бессознательность.

Что такое толпа? Она есть нѣчто цѣлое, дающее одно направленіе идеямъ и чувствамъ отдѣльныхъ единицъ, ее составляющихъ; она имѣетъ свою коллективную душу, временную, но очень опредѣленную; она представляетъ совершенно новыя свойства, отличающіяся отъ тѣхъ, которыя характеризуютъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, входящихъ въ составъ толпы. Эта послѣдняя черта особенно важна. Толпа не составляетъ ни суммы, ни средняго входящихъ въ составъ ея элементовъ, она представляетъ новыя свойства, подобно тому, какъ въ химіи сочетаніе извѣстныхъ кислотъ, оснований, элементовъ даетъ новое тѣло, обладающее совсѣмъ иными свойствами по сравненію съ элементами. Въ толпѣ отдѣльная личность исчезаетъ, на мѣсто сознательной личности становится бессознательная, всѣ члены толпы получаютъ одинаковое направленіе чувствъ и идей, опредѣляемое внушеніемъ, всѣ стремятся превратить немедленно въ дѣйствія внушенныя идеи. Въ толпѣ разнородное утопаетъ въ однородномъ, въ ней берутъ верхъ бессознательныя качества. А соединеніе заурядныхъ качествъ даетъ въ результатъ, что толпа никогда не можетъ выполнить дѣйствій, требующихъ возвышеннаго ума. «Рѣшенія, касающіяся общихъ интересовъ, принятыя собраніемъ даже знаменитыхъ людей въ области разныхъ специальностей, мало все-таки отличаются отъ рѣшеній, принятыхъ собраніемъ глупцовъ, такъ какъ и въ томъ и другомъ случаѣ соединяются не какія-нибудь выдающіяся качества, а только заурядныя, встрѣчающіяся у всѣхъ. *Въ томъ можетъ происходить накопленіе только глупости, а не ума*». Отдѣльно извѣстный человѣкъ—культурный человѣкъ, а въ толпѣ онъ становится варваромъ. Въ умственномъ отношеніи толпа всегда ниже отдѣльной личности, но съ точки зрѣнія чувствъ и поступковъ она можетъ быть и лучше и хуже, смотря по обстоятельствамъ. Толпа анонимна и потому не несетъ на себѣ отвѣтственности. Чувство отвѣтственности, сдерживающее отдѣльныхъ лицъ, совершенно исчезаетъ въ толпѣ. Толпа чрезвычайно воспримчива къ внушенію, и въ этомъ заключается самая главная причина, обуславливающая появленіе у индивидуумовъ въ толпѣ такихъ специальныхъ свойствъ, которыя могутъ не встрѣчаться у нихъ въ изолированномъ положеніи. Толпы Лебонъ дѣлитъ на двѣ главные группы: толпу разнородную и толпу однородную. Первую составляютъ анонимная (напримѣръ, уличная толпа) и неанонимная (присяжные, парламентскія собранія и т. д.); вторую составляютъ: секты (политическія, религіозныя), касты (военная, духовная, рабочіе) и классы (буржуазный, крестьянскій и т. д.). Таковы самыя главные мысли Лебона о толпѣ. Посмотримъ, насколько онъ состоятеленъ.

Основной недостатокъ взглядовъ Лебона на психологію толпы заключается въ чрезвычайно широкомъ пониманіи толпы. То, что онъ говоритъ

о свойствах толпы, в значительной степени приложимо к толпе в собственном смысле этого слова, т. е. к толпе анонимной, уличной, площадной, театральной толпе, созерцающей всякого рода зрелища и процессии. Что же касается, такъ называемой Лебономъ, толпы неанонимной, собранія присяжныхъ, засѣданій парламентовъ и всякого рода другихъ собраний, преслѣдующихъ совершенно опредѣленные цѣли и намѣренно подбирающихъ своихъ членовъ, то называть такія собранія толпой не приходится, а утверждать, что въ такой толпе «можетъ происходить накопленіе только глупости, а не ума», есть прямая глупость. Въ подобныхъ собраніяхъ участвуетъ не уличный сбродъ, а просвѣщенные выборами, отборные умы, специально призванные къ обсужденію поставленныхъ вопросовъ. Въ такихъ собраніяхъ говорятся и пустыя, праздыя рѣчи, но каждый слышалъ въ нихъ весьма много умнаго, освѣжающаго и возбуждающаго. Разные комитеты, собранія, комиссіи общества, суть двигатели культуры въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ. Лебонъ говоритъ людямъ: разсѣйтесь, разоидитесь, а то поглупѣете, сдѣлаетесь варварами, «въ собраніяхъ умъ не играетъ никакой роли, и двигателями являются безсознательныя чувства», «если дѣло касается общихъ вопросовъ, то подача голосовъ сорока академикомъ окажется нисколько не лучше подачи голосовъ сорока водоносовъ». Исторія же культуры говоритъ людямъ: соединяйтесь въ общества и собранія, только такимъ путемъ вы можете укротить въ себѣ звѣря и жить по человѣчески. И все, что есть у людей цѣннаго въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ, все это создано дружными соединенными усиліями людей. Въ одиночку человѣкъ безсиленъ и физически и нравственно; въ обществѣ, въ собраніи, въ союзѣ съ другими онъ великая сила. Толпа не есть стадо, различные собранія и общества, съ сложнымъ выборомъ членовъ и съ опредѣленными сложными задачами, не суть толпы. А Лебонъ все свалилъ въ одну кучу: стадо, толпу и собраніе, вслѣдствіе чего и вышло Богъ знаетъ что, такой хаосъ, въ которомъ ничего не разберешь.

Иначе взглянулъ на дѣло авторъ другого произведенія, поименованнаго нами въ началѣ статьи, американецъ Лестеръ Уордъ. Онъ также имѣетъ цѣлью выяснитъ значеніе психическихъ факторовъ въ развитіи и строѣ культуры, но относится къ вопросу несравненно серьезнѣе и научнѣе Лебона.

Уордъ признаетъ, что социологія въ цѣломъ основывается прежде всего на психологіи, что это ея естественная основа въ іерархіи наукъ. Соціальныя дѣятельности животныхъ возникаютъ изъ ихъ душевныхъ способностей, и это справедливо какъ о муравьяхъ и пчелахъ, такъ о волкахъ и буйволахъ. Человѣческое общество, будучи высшимъ продуктомъ эволюціи, естественно зависитъ отъ ума, который въ свою очередь есть высшее свойство матеріи. Подъ умомъ же нужно разумѣть не только рассудокъ, но и чувствованія и желанія, словомъ все то, что обыкновенно называется душой или психическими явленіями. Вся психологія раздѣ-

лится такимъ образомъ на субъективную—ученіе о чувствованіяхъ и желаніяхъ—и объективную, ученіе о мышленіи.

Къ слову сказать, этому раздѣленію психологіи на субъективную и объективную, Уордъ придаетъ почему-то особенно важное значеніе, носится съ нимъ, какъ съ великимъ открытіемъ, хотя въ немъ рѣшительно нѣтъ ничего новаго. Это обычное дѣленіе душевныхъ явленій на чувствованія и волю съ одной стороны и умственные процессы съ другой, съ поставленіемъ лишь чувствованій и воли, вопреки обычному порядку, впереди ума. Къ такому раздѣленію психологіи Уордъ присоединяетъ еще мысль Шопенгауэра о первенствѣ желаній и воли предъ умомъ. Воля и желанія суть болѣе основныя и первичныя состоянія души, чѣмъ умственные процессы.

Задача Уорда заключается въ томъ, чтобы представить главнѣйшія данныя психологіи въ примѣненіи къ объясненію социальныхъ явленій. Онъ такъ и дѣлаетъ, рассматривая сначала субъективные факторы, потомъ объективные и наконецъ социальный синтезъ факторовъ. Сущность психологіи Уорда заключается въ слѣдующемъ.

Предметы производятъ впечатлѣнія на чувствительные нервы и вызываютъ ощущенія, которыя можно раздѣлить на слѣдующіе классы: 1) интенсивныя, подраздѣляющіяся на пріятныя и мучительныя и 2) безразличныя, подраздѣляющіяся на сознательныя и бессознательныя. Субъективная психологія имѣетъ дѣло съ интенсивными ощущеніями и тѣми явленіями, которыя развиваются изъ ощущеній. Объективная психологія возникаетъ изъ индифферентныхъ ощущеній. Ощущенія, настолько слабыя, что не возбуждаютъ ни удовольствія, ни страданія, даютъ свѣдѣнія о предметахъ, производящихъ впечатлѣнія. Изъ этихъ свѣдѣній и развивается мыслительный процессъ.

Одинъ изъ существенныхъ вопросовъ въ субъективной психологіи есть вопросъ о происхожденіи и значеніи удовольствія и страданія. По мнѣнію Уорда, удовольствіе и страданіе не коренятся въ самой природѣ вещей, но имѣютъ начало въ природѣ пластическихъ организмовъ, и единственная функція этихъ основныхъ душевныхъ волненій заключается въ сохраненіи жизни или путемъ устраненія опасностей во враждебной средѣ (страданія) или путемъ доставленія побужденій къ питанію и размноженію (удовольствія). Обыкновенно предполагаютъ, что удовольствія и страданія суть противоположности, но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Практически они независимы одно отъ другого. Противоположность удовольствія заключается въ отсутствіи удовольствія, и противоположность страданія заключается въ освобожденіи отъ муки. И то и другое суть физиологическія состоянія, возникающія отъ условій дѣятельности соответственныхъ нервовъ. Эти нервы по большей части специализованы по отношенію къ страданіямъ и удовольствіямъ, способны давать или пріятныя или же страдательныя ощущенія, но не тѣ и другія вмѣстѣ, примѣры чего мы встрѣчаемъ въ областяхъ осязанія, вкуса и обонанія. Нельзя представлять удовольствіе положительнымъ

состояніемъ, а страданіе лишь отрицательнымъ. Оба положительны и оба неодинаковы. Нѣтъ ничего болѣе положительнаго, какъ страданіе, хотя отсутствіе страданія и можетъ быть понято гораздо легче, чѣмъ отсутствіе удовольствія.

Припомнаніе пріятнаго ощущенія и сопровождавшихъ его обстоятельствъ даетъ начало представленію удовольствія, не испытываемому сейчасъ. Такое умственное состояніе, дѣйствуя на чувство, производитъ специальную форму ощущенія, называемаго желаніемъ. Желаніе по своей природѣ страдальческое состояніе. Подобно другимъ ощущеніямъ, желаніе сопровождается движеніями, и сокращающіеся мускулы побуждаютъ организмъ достигать желаемаго предмета. Достиженіе предмета прекращаетъ желаніе и возбуждаетъ удовольствіе.

Въ объективной психологіи Уордъ разсматриваетъ главнымъ образомъ два вопроса: объ интуиціи и творчествѣ.

Интуиція есть способность изслѣдованія болѣе или менѣе сложнаго ряда обстоятельствъ, и замѣчанія, что движенія, не находящіяся въ порядкѣ первоначальной психической силы, въ будущемъ обѣщаютъ успѣхъ. Интуиція можетъ быть названа психическимъ притяженіемъ, она есть воспріятіе отношеній, не только во времени и пространствѣ, но и отношеній сопротивленія и направленія. Интуиція есть форма мышленія, но находится въ подчиненіи волѣ, она есть произведеніе давленія неудовлетвореннаго желанія и такимъ образомъ имѣетъ свое начало въ эмоциональной сторонѣ человеческой природы. Въ дѣйствительности интуиція есть самъ интеллектъ въ его основной формѣ, она старше разума и собственно есть родитель всѣхъ позднѣйшихъ рефлексивныхъ и абстрактныхъ способностей.¹

Надо сознаться, что всѣ эти опредѣленія интуиціи довольно туманны и не даютъ вполнѣ отчетливаго представленія о соответствующемъ слову душевномъ процессѣ. Корень ея въ субъективной сторонѣ души—желаніи, а сама она принадлежитъ объективной и есть не что иное, какъ интеллектъ. Все это неясно, и туманъ разсѣвается нѣсколько разсужденіемъ специально о женской интуиціи.

Женская интуиція имѣетъ свой корень въ защитѣ матери и дѣтей. Она есть часть материнскаго инстинкта и, подобно всѣмъ инстинктамъ, владѣетъ остротой и тонкостью, пропорціональными тѣснотѣ ея дѣятельности. Способность женщинъ къ быстрымъ и точнымъ сужденіямъ относительно всего, что угрожаетъ здоровью и цѣлости какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ дѣтей, развивавшаяся въ теченіе всей исторіи человеческого рода, перешла къ людямъ отъ животныхъ. Съ возникновеніемъ и развитіемъ цивилизаціи, эта способность возросла въ сложности и сдѣлалась оплотомъ семьи противъ всякаго рода покушеній съ какой бы то ни было стороны. Женская интуиція упражняется постоянно въ обереганіи добродѣтели женщинъ, открытіи невѣрностей супруговъ, въ защитѣ дѣтей отъ искушеній и опасностей, въ избѣжаніи несправедливостей со стороны

супруга и суровости отца, въ сдерживаніи мужа отъ увлеченій и т. п. По всѣмъ подобнымъ вопросамъ женщины унаслѣдовали массу органическихъ опытовъ отъ безконечнаго прошлаго, въ ихъ умѣ находятся наготовѣ всякія соображенія и мысли по подобнымъ случаямъ и долго раздумывать въ такихъ положеніяхъ имъ нечего. Опасности, которыя издавна угрожали женщинѣ въ силу ея безпомощности, требовали быстрого дѣйствія и не оставляли времени на размышленіе. Она должна была мгновенно дѣйствовать, иначе погибала. Естественный подборъ сохранялъ тѣхъ, кто умѣлъ такъ дѣйствовать, такъ что теперь оказываются справедливыми, съ виду странныя, слова Аддисона, что «женщина, которая разсуждаетъ,—погибла».

Дѣятельность женщинъ постоянно носила оборонительный характеръ. Женщина, при быстротѣ своихъ дѣйствій, должна была поступать осторожно, избирать болѣе вѣрныя и извѣстныя пути. Если ей представлялись два исхода: одинъ извѣстный и испытанный, хотя и не совсѣмъ удобный и удовлетворительный, другой, обѣщавшій лучшее будущее, но неизвѣстный, то женщина всегда предпочитала первый. Сохранить существующее, обезопасить положеніе, защитить отъ угрожающихъ бѣдъ—вотъ задача женской дѣятельности. Поэтому женщина крайне консервативна. Женская интуиція болѣе отрицательна или пассивна, а мужская болѣе активна и прогрессивна; женская способствуетъ пассивной твердости и постоянству типа, мужская—его активному развитію и прогрессу.

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій о женской интуиціи, не говоря уже о томъ, насколько интуиція въ изложенномъ смыслѣ дѣйствительно характеризуетъ психику женщинъ, можно вывести одно: ничего особеннаго въ интуиціи нѣтъ, она представляетъ обыкновенное разсужденіе, лишь менѣе сознательное, продуманное и систематическое, чѣмъ настоящее развитое разсужденіе. Болѣе въ ней ничего своеобразнаго нѣтъ.

Другой умственный процессъ, которымъ занимается Уордъ во второмъ отдѣлѣ своей книги, есть психологія изобрѣтенія. Изобрѣтеніе и интуиція равно заключаются въ воспріятіи отношеній и притомъ того же класса—сопротивленія, направленія, скорости движенія, разстоянія. Интуиція есть субъективная и даже эгоистическая форма мысли, а изобрѣтеніе—объективная и безъ личнаго интереса. Въ интуиціи всегда имѣется въ виду отношеніе матеріальныхъ предметовъ къ субъекту, къ его выгодамъ и интересамъ, въ изобрѣтеніи же вниманіе направляется исключительно на внѣшніе предметы или силы безъ всякаго отношенія къ субъекту. Какъ скоро въ процессъ изобрѣтенія входитъ личный интересъ, такъ сейчасъ же форма процесса измѣняется, и онъ становится субъективнымъ. Собственно и изобрѣтатель имѣетъ въ виду пользу, самый процессъ изобрѣтенія можетъ быть даже опредѣленъ какъ воспріятіе отношеній пользы. Но эта польза, которая имѣется въ виду изобрѣтателемъ и которая составляетъ сущность процесса изобрѣтенія, есть польза общая, всѣхъ тѣхъ, кто воспользуется его изобрѣтеніемъ, а не личная. Въ

этомъ смыслѣ изобрѣтатель можетъ быть названъ наиболее практичнымъ изъ всѣхъ людей. Отношенія, которыя изучаетъ изобрѣтатель, хотя и физическія, но часто бываютъ чрезвычайно сложными и болѣе скрытыми, чѣмъ субъективныя отношенія. Развитие изобрѣтательной способности человѣчества Уордъ прослѣживаетъ въ слѣдующихъ направленіяхъ: изобрѣтательный геній, творческій геній, спекулятивный геній, интеллектъ, посвящая каждому изъ упомянутыхъ предметовъ отдѣльныя главы. Нужно замѣтить, что Уордъ совершенно справедливо обратилъ серьезное вниманіе на процессъ изобрѣтенія, такъ какъ этотъ процессъ имѣетъ громадное значеніе въ развитіи цивилизаціи. Главы, посвященныя выясненію природы, развитія и значенія этого процесса, читаются съ интересомъ.

Не входя въ подробную оцѣнку психологіи Уорда, мы должны сказать, что онъ, соотвѣственно своей задачѣ, касается лишь нѣкоторыхъ психологическихъ вопросовъ, рассматривая ихъ постоянно въ цѣломъ и въ общихъ чертахъ, выясняя самую сущность ихъ, но не вдаваясь въ подробности. Специальныхъ психологическихъ анализовъ у него нѣтъ. Душевыя явленія человѣка Уордъ старается ставить въ связь, съ одной стороны, съ душевною жизнью животныхъ и физиологическими данными, а съ другой—съ жизнью человѣческаго общества. Широкая точка зрѣнія Уорда на душевыя явленія даетъ ему возможность высказывать подчасъ на трактуемые психическіе процессы новые взгляды, которые не всегда будутъ раздѣляемы психологами, но которые во всякомъ случаѣ возбуждаютъ вниманіе и желаніе критической провѣрки.

Третій отдѣлъ книги Уорда посвященъ специально синтезу изслѣдованныхъ факторовъ. Здѣсь авторъ коротко обсуждаетъ основы и развитіе политической экономіи, указывая начала ея въ мірѣ животныхъ, основы и развитіе правительства, законодательства и сжато начерчиваетъ свой идеаль рациональнаго общественнаго устройства.

Прогрессъ человѣчества авторъ видитъ въ развитіи общественнаго сознанія, общественной воли и общественнаго интеллекта. Существующія правленія еще далеки отъ выраженія истиннаго идеала правительства, потому что общественное собраніе очень слабо; общественная воля есть только масса сталкивающихся желаній, нейтрализующихъ другъ друга и обусловливающихъ слабое поступательное движеніе въ данномъ направленіи; социальный интеллектъ недостаточно руководитъ людьми, но не потому, впрочемъ, чтобы онъ самъ былъ слабъ, а потому, что знаніе того, что касается общества, его жизни и развитія, очень ограничено, а то, что извѣстно, составляетъ принадлежность людей, не имѣющихъ вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ. Серьезное улучшеніе положенія общества и всѣхъ его дѣлъ возможно лишь подъ условіемъ «всеобщаго распространенія максимальной суммы наиболее важныхъ знаній». Только когда пройдетъ достаточно длинный періодъ примѣненія въ жизни этой формулы, только тогда душа общества, воплощаемая въ его сознаніи,

волю и интеллектъ можетъ стать въ такое же отношеніе къ социальному организму, въ какомъ индивидуальная душа стоитъ къ индивидуальному организму, а вмѣстѣ съ тѣмъ явится возможность развитія и усовершенствованія искусства управленія.

Какъ различны эти рѣчи о развитіи общественнаго собранія, общественной воли и общественнаго интеллекта, какъ единственныхъ источниковъ общественнаго благоустроенія и усовершенствованія, отъ рѣчей Лебона, который въ сообществѣ людей сейчасъ же готовъ усмотрѣть толпу, а въ толпѣ лишь накопленіе глупости! Несомнѣнно, что разсужденія Уорда болѣе здравы и симпатичны, чѣмъ разсужденія Лебона.

П. Каптеревъ.

Силы природы и естественные законы.

А. Лампа.

Что такое работа?

Величина работы и ея измѣреніе.

Теперь мы воспользуемся прежними нашими разъясненіями для того, чтобы подробнѣе разсмотрѣть, что такое работа. Мы уже говорили, что понятіе о работѣ машинъ, о работѣ природы человѣкъ получилъ, наблюдая естественныя движенія; поэтому, разсмотрѣвъ послѣднія, мы въ состояніи доставить читателю наглядное представленіе о работѣ. Но мы, конечно, оставимъ въ сторонѣ понятіе объ умственной работѣ, такъ какъ оно сюда не относится.

Всякая внѣшняя работа совершается человѣкомъ при помощи силы, собранной въ его мышцахъ. Если мышцы повреждены, то рука не въ состояніи исполнить никакой работы; движущая сила мышцъ должна находиться въ живомъ состояніи, и сами мышцы должны повиноваться приказаніямъ, которыя мозгъ посылаетъ по нервамъ; лишь въ такомъ случаѣ данный членъ способенъ къ разнообразнымъ движеніямъ и можетъ съ помощью различныхъ инструментовъ совершать ту или иную работу.

То же самое мы можемъ сказать про машины. Мы пользуемся безконечно разнообразными механизмами для самыхъ различныхъ работъ. Но, несмотря на разнообразіе, всѣ машины имѣютъ нѣчто общее: онѣ нуждаются въ движущей силѣ, которая приводитъ бы ихъ въ движеніе, подобно тому, какъ человѣческая рука приводитъ въ движеніе инструменты.

Но работа кузнеца требуетъ гораздо большаго напряженія мышцъ, чѣмъ работа музыканта, играющаго на скрипкѣ; точно также и мышцы различаются по силѣ и продолжительности дѣйствія приводящаго ихъ въ движеніе двигателя. Когда мы говоримъ о размѣрѣ работы какой-нибудь машины, то мы подразумѣваемъ подъ этимъ именно эти различія, соотвѣтствующія различнымъ степенямъ напряженія мышцъ при работѣ человѣка. Стало быть, мы понимаемъ при этомъ не различныя движенія, которыя при этомъ исполняетъ машина, но исключительно трату или потребленіе ея силы. Выраженіе «потребленіе силы» означаетъ, что употребляемая сила тратится и исчезаетъ, и это обстоятельство приводитъ

насъ къ дальнѣйшему сравненію между движеніемъ человѣческой руки и движеніемъ машинъ. Человѣческая рука устаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ значительнѣе и чѣмъ дольше напряженіе ея, потому что при этомъ временно истрачивается запасъ ея двигательной силы. Это свойство силы—тратиться при работѣ—присуще также естественнымъ двигателямъ. Въ этомъ замѣчаніи заключается зерно второго основного закона естествознанія, и физиологія учитъ насъ, что свойственная нашимъ членамъ усталость есть лишь одно изъ безчисленныхъ слѣдствій этого закона. Уставшія мышцы требуютъ отдыха, который доставляютъ ей покой и питаніе; но и естественные двигатели могутъ воротить себѣ потраченную силу, хотя для этой цѣли служатъ иныя средства, чѣмъ тѣ, которыя восстанавливаютъ силу человѣческой руки.

Понятіе о размѣрѣ работы мы можемъ получить изъ ощущенія напряженія и усталости собственныхъ мышцъ; но подобное сравненіе доставляетъ намъ слишкомъ неопредѣленную оцѣнку, и потому мы должны установить болѣе ясныя и опредѣленные понятія о мѣрѣ, которою мы опредѣляемъ величину работы.

Найти эту мѣру для естественныхъ силъ гораздо легче, чѣмъ для мышцы животнаго или человѣка, представляющей весьма сложный аппаратъ съ очень хитрымъ механизмомъ.

Разсмотримъ для этого извѣстную намъ тяжесть съ точки зрѣнія двигателя; такимъ двигателемъ является, напримѣръ, тяжесть въ обыкновенныхъ часахъ съ гириями, которая подвѣшена къ нити, перекинутой черезъ валикъ съ первымъ зубчатымъ колесомъ часовъ. Гиря же можетъ двигаться подъ вліяніемъ тяжести не иначе, какъ приводя въ движеніе весь механизмъ часовъ. Обратимъ теперь вниманіе на слѣдующее обстоятельство: гиря приводитъ въ движеніе часы лишь въ томъ случаѣ, если падаетъ все ниже и ниже, пока не вытянется на всю длину нити; тогда часы останавливаются, потому что работоспособность гири истрачена до конца. Тяжесть или вѣсъ ея не исчезли и не уменьшились, и гиря притягивается землею съ прежней силой, какъ мы въ томъ можемъ убѣдиться при помощи вѣсовъ; но способность приводить въ движеніе часы утратилась, тяжесть теперь удерживаетъ гирю въ самой нижней точкѣ ея пути, но не можетъ привести ее въ дальнѣйшее движеніе. Но, подтянувъ гирю силой нашей руки вверхъ, мы снова возвращаемъ ей работоспособность, и часы приходятъ въ движеніе.

Такимъ образомъ, мы узнаемъ, что поднятая на извѣстную высоту гиря представляетъ двигателя, но чтобы двигатель этотъ дѣйствовалъ, гиря непременно должна опускаться; даѣе, что этотъ двигатель тратитъ свою силу при опусканіи, но что другой двигатель, именно наша рука, въ состояніи привести его въ прежнюю дѣятельность.

Конечно, работа гири, приводящей въ движеніе часы, незначительна. Ей приходится непрерывно преодолевать сопротивленіе, возникающее отъ тренія осей и зубцовъ, отъ сопротивленія воздуха, и тратить часть своей силы на слабые удары и звуки, которые издаетъ качающійся маятникъ. Если снять

съ часовъ гирю, то маятникъ качается еще нѣкоторое время, но движенія его становятся все слабѣе и, наконецъ, прекращаются по причинѣ указанныхъ выше мелкихъ сопротивленій. Такимъ образомъ, для непрерывнаго движенія часовъ необходимъ, хотя и ничтожный, но постоянно дѣйствующій двигатель, каковымъ и является тяжесть.

Впрочемъ, этотъ примѣръ можетъ намъ доставить мѣру для опредѣленія величины работы. Предположимъ, что наши часы приводятся въ движеніе гирей, вѣсомъ въ килограммъ, которая въ 24 часа опускается на 1 метръ. Если поставить рядомъ 10 такихъ часовъ и заставить ихъ идти 24 часа, то 10 килограммовъ, опустившись на 1 метръ, произведутъ въ 10 разъ большую работу, причемъ каждый часъ будутъ преодолевать одинаковое сопротивленіе. Изъ этого мы заключаемъ, что при одинаковой высотѣ паденія работа увеличивается въ одинаковомъ отношеніи съ вѣсомъ гирь. Если мы удлинимъ шнурокъ настолько, чтобъ гиря опускалась на 2 метра, то часы будутъ идти безъ завода не одинъ, а 2 дня и въ теченіе этого второго дня гиря еще разъ преодолеетъ тѣ же сопротивленія, которыя она преодолевала въ первый день, т. е. въ общемъ совершитъ вдвое большую работу, чѣмъ при паденіи на 1 метръ. Изъ этого вытекаетъ, что за мѣру работы мы должны принимать, по крайней мѣрѣ для даннаго примѣра, произведенія вѣса на высоту, съ которой онъ спускается.

На самомъ дѣлѣ, примѣненіе этой мѣры не ограничивается даннымъ примѣромъ часовъ: въ технику для опредѣленія величины работы служить мѣра килограммо-метръ, т. е. работа, которую можетъ произвести килограммъ, падая съ высоты 1 метра. Но для практики эта мѣра слишкомъ мала, и потому вмѣсто нея служить лошадиная сила, равняющаяся 75 килограммо-метрамъ.

Эту мѣру рабочей силы мы можемъ примѣнять ко всякимъ машинамъ, потому что слабая машина можетъ подобно часамъ быть приведена въ движеніе валомъ съ гирей. Такимъ образомъ, мы можемъ опредѣлять силу каждаго двигателя любой машины, величиной и высотой паденія такой тяжести, которая поддерживала бы движеніе машины, пока она не выполнитъ данную работу. Вотъ почему измѣреніе рабочей силы посредствомъ килограммо-метра имѣетъ всеобщее примѣненіе.

На практикѣ пользованіе тяжестью въ качествѣ двигателя совсѣмъ не выгодно въ случаяхъ, когда приходится поднимать ту же тяжесть на прежнюю высоту рукою, такъ какъ проще приводитъ машину въ движеніе прямо силою руки. Мы подбѣживаемъ гирю къ часамъ, замѣняя этимъ человѣка, который стоялъ бы около часовъ и постоянно приводилъ бы ихъ въ движеніе. При заводкѣ часовъ мы снабжаемъ ихъ запасомъ силы для движенія въ теченіе 24 часовъ.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло, когда мы пользуемся тяжестью, которую сама природа поднимаетъ вверхъ. Конечно, она производитъ эту операцію не надъ твердыми тѣлами, но подъ водой, которую она, посредствомъ ме-

метеорологическихъ процессовъ подымаеъ на склоны горъ, послѣ чего вода бѣжитъ обратно внизъ. Мы пользуемся тяжестью воды въ качествѣ двигателя въ водяныхъ мельницахъ и въ турбинахъ, представляющихъ изъ себя также колеса съ продольными ящиками, въ которые сама собою и стекаетъ вода. Тяжесть этихъ ящиковъ приводитъ въ движеніе колесо, причемъ они сами собою опорожняются на обратномъ пути вверхъ. Ясно, что и здѣсь колесо двигается подъ вліяніемъ тяжести воды въ ящикахъ, которые опускаются внизъ, и что при этомъ тяжесть ни на каплю не уменьшается, хотя, дойдя до низу, она уже не въ состояніи вращать дальше колесо, дальнѣйшее движеніе производится новымъ количествомъ воды, вливающимся въ очередные порожніе ящики. Но если позади мельницы почва понижается, то вылившуюся изъ ящика воду можно снова употребить для движенія колесъ второй, третьей и т. д. мельницъ. Когда, наконецъ, вода дотекаетъ до самаго низкаго мѣста, т. е. до моря, она теряетъ послѣдній остатокъ своей рабочей силы, протекающей отъ притяженія земли, и дальнѣйшую работу вода можетъ произвести лишь послѣ того, какъ она снова подыметъ на высоту, и это производитъ, благодаря метеорологическимъ процессамъ — испаренія, образованія облаговъ и дождя.

Зависимость между работой и энергіей механическихъ силъ.

Наблюденіе маятника.—Кинетическая и потенциальная энергія.—Положеніе о постоянствѣ энергіи.—Примѣры.—Золотое правило механики.

Для выясненія отношенія между скоростью движущагося тѣла и его рабочей силы воспользуемся какимъ-нибудь простымъ примѣромъ. Этотъ примѣръ доставитъ намъ маятникъ, представляющій какой-нибудь грузъ, подвѣшенный на нить. Предположимъ, что грузъ имѣетъ форму шарика. Извѣстно, что въ состояніи покоя маятникъ занимаетъ всегда такое положеніе, что нить его при продолженіи прошла бы черезъ центръ земли. Этимъ приборомъ въ формѣ отвѣса пользуется каждый каменщикъ при возведеніи стѣнъ. Если мы предположимъ, что маятникъ виситъ надъ гладкой поверхностью воды, то нить его образуетъ съ этой поверхностью прямой уголъ, откуда бы мы ни смотрѣли; иными словами, нить его занимаетъ отвѣсное положеніе. Изъ этого ясно, что въ этомъ положеніи грузъ маятника находится ближе къ поверхности воды, чѣмъ при всякомъ другомъ положеніи. Если мы отклонимъ грузъ, натянувши нить, въ сторону, то разстояніе между нимъ и поверхностью воды увеличится. Обозначимъ эту разницу въ высотѣ черезъ букву H . Такимъ образомъ, отклонивши маятникъ въ сторону, мы въ сущности подняли его на высоту H , т. е. совершили нѣкоторую работу, равную произведенію вѣса маятника на высоту H ($A = P \cdot H$). Эту работу мы совершили, преодолевая тяжесть, которая, конечно, равна вѣсу груза; тяжесть оказывала сопротивленіе рукъ, отводившей маятникъ, потому что она стремится удерживать грузъ его на

самой низкой точкѣ. Если выпустить грузъ изъ рукъ, то маятникъ возвращается къ своему прежнему нормальному положенію. Но онъ достигаетъ его съ извѣстной пріобрѣтенной имъ скоростью и потому не можетъ остановиться здѣсь: онъ откачивается въ противоположную сторону и при томъ какъ разъ на такое разстояніе, на какое первоначально былъ отведенъ. Стало-быть, онъ снова поднялся на высоту H . Достигнувъ предѣльной точки, маятникъ снова начинаетъ скользить внизъ, и движенія или качанія его между крайними точками продолжались бы, конечно, если бы сопротивление воздуха и треніе въ точкѣ привѣса не полагали бы имъ конецъ. Чѣмъ слабѣ эти препятствія, тѣмъ дольше качается маятникъ и, устраняя ихъ, не трудно достигнуть того, что маятникъ будетъ качаться въ теченіе многихъ часовъ.

Но для нашей цѣли намъ достаточно взять полтора качанія, которыя мы разбиваемъ на три части (I, II, III) соответственно двумъ крайнимъ точкамъ и точкѣ покоя. I-ю часть маятникъ проходитъ отъ точки, куда мы отвели его рукою, до точки покоя; II-ю часть онъ проходитъ отъ точки покоя до противоположной крайней точки, а III-ю отъ нея обратно къ точкѣ покоя. Въ I-й части мы произвели рукою указанную выше работу; та же работа совершается во II-й части, но уже не силою руки, а благодаря скорости, которую маятникъ имѣлъ, проходя черезъ самую низкую точку. Она, стало бытъ, въ состояніи поднять грузъ маятника какъ разъ на ту высоту, на которую онъ спустился, двигаясь въ I-й части пути. Если скорость въ состояніи совершить работу, то она есть энергія, и вотъ такую-то заключающуюся въ движеніи энергію мы называемъ *кинетической энергіей* (*kineo*—по гречески значитъ—двигаю).

Не приводя относящіяся сюда формулы, скажемъ только, что кинетическая энергія движущагося тѣла всегда равна половинѣ его вѣса, умноженной на квадратъ скорости движенія.

Формула эта необычайно поучительна. Она показываетъ намъ, что для произведенія работы выгоднѣе пользоваться большой скоростью, а не большой массой. Еслибъ мы задумали вогнать гвоздь въ доску простымъ давленіемъ положенной на него массы, то послѣдняя должна быть весьма значительна; между тѣмъ, легкій молотокъ въ нашей рукѣ производитъ ту же работу. Далѣе, благодаря этой формулѣ, мы понимаемъ, почему пуля, представляющая въ состояніи покоя самую безвредную вещь,—при выстрѣлѣ производитъ смертельный ударъ: масса ея, конечно, не велика, за то скорость движенія весьма значительна. Вотъ почему изобрѣтатели ружей и пушекъ стараются увеличить скорость движенія снаряда. Не трудно вычислить, насколько увеличеніе скорости снаряда увеличиваетъ силу удара, т. е. кинетическую энергію его. Пуля ружья Вердья имѣетъ начальную скорость въ 500 метровъ, между тѣмъ, какъ пуля ружья Манлихера по выходѣ изъ дула движется со скоростью 600 метровъ; предположивъ, что вѣсъ пуль одинаковый, мы видимъ, что по формулѣ сила удара ихъ выражается цифрами 500×500 и 600×600 , т. е. отношеніе между этими силами, какъ 250,000 къ 360,000 или какъ 25 къ 36.

Такимъ образомъ, хотя скорость пули ружья Манлихера превосходить лишь на $\frac{1}{8}$ силу ружья Веридля, однако, кинетическая энергія или сила удара ея больше почти на $\frac{1}{3}$.

Кинетическая энергія помимо своего примѣненія въ технику часто проявляется въ разныхъ другихъ случаяхъ. Желая перескочить черезъ канаву, мы дѣлаемъ разбѣгъ въ случаяхъ, когда не надѣемся, что мышцы нашего тѣла въ состояніи перебросить насъ на тотъ берегъ. Мы пользуемся, такимъ образомъ, кинетической энергіей нашего тѣла послѣ разбѣга. Точно также тяжело нагруженные возы двигаются передъ небольшимъ подъемомъ съ большою скоростью, чтобы запастись кинетической энергіей.

Но возвратимся къ нашему маятнику. Движенія его показываютъ намъ ясно, какимъ образомъ кинетическая энергія можетъ превращаться въ работу, и работа обратно въ кинетическую энергію. Однако, намъ при этомъ нужно обратить особое вниманіе на одно обстоятельство. Въ той точкѣ, гдѣ маятникъ на мгновенно останавливается предъ тѣмъ, какъ откачнуться въ обратную сторону, онъ не обладаетъ кинетической энергіей, но за то обладаетъ способностью совершить работу. Но мы уже сказали, что способность совершить работу есть энергія, а потому мы должны признать, что маятникъ въ этой точкѣ обладаетъ ею. Такую энергію мы называемъ возможной или *потенціальной* энергіей, потому что въ этой формѣ энергія обладаетъ возможностью совершить работу, но не можетъ сдѣлать ея непосредственно, а должна предварительно обратиться въ кинетическую энергію. Изъ всего сказаннаго раньше намъ теперь ясно, откуда происходитъ потенциальная энергія: она происходитъ изъ работы, которая была потрачена, чтобы поднять массу до указанной точки, но она не только происходитъ отъ этой работы, но и совершенно равна ей, ибо, когда масса маятника достигаетъ самой низкой точки, то она нисколько не заключаетъ въ себѣ потенциальной, а лишь одну кинетическую энергію. Если мы остановимъ маятникъ въ то время, какъ онъ проходитъ черезъ самую низкую точку, то онъ, конечно, уже не станетъ качаться дальше. Такимъ образомъ, потенциальная энергія въ моментъ поворота маятника совершенно равна кинетической энергіи въ моментъ его прохожденія черезъ самую низкую точку, а стало быть, обѣ онѣ равны той работѣ, которую мы потратили, когда выводили маятникъ изъ состоянія покоя.

Все сказанное есть наиболѣе общее выраженіе для отношеній, существующихъ между обоими родами энергій и работой. Разсмотримъ теперь грузъ маятника въ какой-нибудь точкѣ I-й части пути. Въ этой точкѣ грузъ обладаетъ уже извѣстной скоростью, а стало быть, и кинетической энергіей. Но онъ обладаетъ также и потенциальной энергіей, такъ какъ, будучи задержанъ, можетъ всетаки совершать небольшія качанія, т. е. нѣкоторую работу. Изъ вышесказаннаго ясно, что кинетическая энергія груза въ этой точкѣ есть не что иное, какъ та форма, въ которой проявляется потраченная до этого момента потенциальная энергія; такимъ об-

разомъ для каждой точки пути сумма кинетической и потенциальной энергій есть неизмѣняющаяся величина, равная работѣ, которая была потрачена для созданія потенциальной энергій. Указанное нами отношеніе примѣнимо къ каждой точкѣ и къ каждому качанію маятника и не только къ качанію маятника, но вообще ко всякому движенію. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ положенію, что *сумма потенциальной и кинетической энергій есть постоянная величина.*

Положеніе это относилось первоначально къ механической энергій и было доказано еще въ прошломъ столѣтіи; но открытіе, что оно составляетъ всеобщій законъ природы и притомъ самый главный и основной, — осталось на долю нашему столѣтію (1847). Съ этимъ открытіемъ связано имя знаменитаго нѣмецкаго физика Германа Гельмгольца.

Этотъ законъ разъясняетъ намъ, почему вода на вершинѣ горы отличается отъ воды въ морѣ: первая обладаетъ въ зависимости отъ высоты извѣстнымъ количествомъ потенциальной энергій, которую вторая уже успѣла истратить, вслѣдствіе чего ее нельзя примѣнить для тѣхъ цѣлей, для которыхъ служитъ вода, падающая съ высоты.

Разсмотримъ теперь другія механическія силы, напримѣръ, силу упругихъ тѣлъ. Въ карманныхъ часахъ гири замѣняются стальными пружинами; такую пружину при заводкѣ часовъ мы закручиваемъ для того, чтобы она, медленно раскручиваясь, приводила въ движеніе часы. Для того, чтобы завести часы, мы должны потратить извѣстную работу, такъ какъ необходимо преодолѣть сопротивленіе упругой силы пружины. Напряженіе пружины есть потенциальная энергій; при движеніи часовъ она превращается въ кинетическую энергій, которая доставляетъ необходимую работу для преодоленія тренія зубчатыхъ колесъ.

То же самое наблюдаемъ мы на самострѣлѣ. Тетиву его необходимо натянуть рукою, благодаря чему снарядъ заряжается потенциальной энергій; въ моментъ выстрѣла эта потенциальная энергій превращается въ кинетическую, которая, преодолевая сопротивленіе воздуха и ударяясь въ цѣль, совершаетъ требуемую отъ снаряда работу.

Но если мы сравнимъ оба приведенные нами примѣра, то откроемъ между ними большое различіе. Самострѣлъ сгущаетъ въ одинъ моментъ всю работу, которую сообщила тетивѣ рука въ теченіе нѣсколькихъ секундъ натягиванья; между тѣмъ, какъ пружина часовъ тратитъ ее въ теченіе одного или нѣсколькихъ дней. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ мы не приобретаемъ избытка работы, оба механизма даютъ намъ ровно столько работы, сколько имъ было сообщено; но за то мы получаемъ ее въ удобной, соответствующей нашей цѣли формѣ, въ чемъ заключается новая громадная выгода, доставляемая накопленіемъ потенциальной энергій.

Духовое ружье, стрѣляющее сжатымъ воздухомъ, представляетъ такой же примѣръ, какъ и примѣръ самострѣла. Вообще, примѣненіе газовъ весьма обширное. Но, обыкновенно, энергій сообщается имъ не помощью

сжатія, а посредствомъ теплоты. Поэтому мы не будемъ разсматривать здѣсь этого примѣра.

Но противъ закона о постоянствѣ энергіи, который означаетъ, въ сущности, то, что работа получается лишь изъ работы же, кто-нибудь, пожалуй, нашелъ бы какія-нибудь возраженія. Всѣмъ извѣстно, что человекъ можетъ поднять на высокое зданіе при помощи блока такой грузъ, котораго онъ иначе не въ состояніи поднять. Развѣ нельзя бы было заставить какую-нибудь большую тяжесть опускаться внизъ, приводить въ движеніе машину и затѣмъ подымать ее вверхъ при помощи воротовъ, системы блоковъ или какого-нибудь иного механизма. Повторяя этотъ процессъ, можно заставить и работать и накапливать потенциальную энергію, не затрачивая на то никакой особой работы.

Возраженіе это устраняется тѣмъ простымъ разсужденіемъ, что ворота, подземный кранъ, система блоковъ и прочіе механизмы затягиваютъ работу какъ разъ настолько, насколько они облегчаютъ ее, такъ что и съ помощью ихъ не получается какой-либо работы изъ ничего.

Представимъ себѣ, что четыре работника должны при помощи простого ворота поднять грузъ въ 4 центнера. Всякій разъ, какъ они опустятъ веревку на метръ внизъ,—грузъ поднимается на метръ вверхъ. Но если мы подвѣсимъ грузъ къ системѣ изъ 4-хъ блоковъ, то для поднятія его достаточно одного рабочаго, работающаго съ той же самой силой, какъ и прежде. За то теперь на метръ вытянутаго каната грузъ поднимается лишь на четверть метра, такъ какъ вытянутая длина должна распредѣлиться между всѣми четырьмя блоками, вслѣдствіе чего разстояніе между ними сокращается лишь на четверть. Такимъ образомъ, при поднятіи груза на ту же высоту, одинъ работникъ долженъ работать въ четыре раза дольше. Въ общемъ работа нисколько не измѣняется, исполняютъ ли ее четыре работника въ четверть часа или одинъ рабочій въ теченіе часа. «Изъ ничего не выходитъ ничего», учили еще древніе философы.

Пер. Н. Березинъ.

Письма изъ провинціи.

Народное образованіе въ Нижегородской губерніи.

Изъ Нижняго Новгорода.

Въ настоящее время къ Нижнему-Новгороду привлечено вниманіе всей Россіи. Поэтому кстати будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о состояніи народнаго образованія въ Нижегородской губерніи.

По послѣднему отчету дирекціи народныхъ училищъ, *общее число всѣхъ училищъ*, находящихся въ исключительномъ вѣдѣніи дирекціи и совмѣстномъ вѣдѣніи дирекціи и училищныхъ совѣтовъ, въ Нижегородской губерніи къ 1 января 1896 г. было 504, изъ нихъ 5 мордовскихъ и 3 татарскихъ. Всѣхъ учащихся было 30,350, изъ нихъ 23,924 мальчиковъ и 6,426 дѣв. Въ 1894—95 учебномъ году окончило курсъ 3,630 чел. обоюго пола. Вновь открыто было только 6 училищъ. Ремесленные классы существуютъ при 6 училищахъ, рукодѣлье (кройка, шитье, вязанье) преподается дѣвочкамъ въ 50 училищахъ. «Неудобныхъ» школьныхъ помѣщеній отчетъ опредѣляетъ числомъ 120 ($\frac{1}{4}$ часть). Конечно, это число большое. Однако, какъ это видно изъ того же отчета, сами сельскія общества все болѣе и болѣе убѣждаются въ необходимости улучшить школьную обстановку. По крайней мѣрѣ, за отчетный годъ было построено 15 новыхъ помѣщеній и до 50 школъ основательно отремонтированы.

Въ отчетѣ находимъ также въ высшей степени интересныя свѣдѣнія о томъ, на какое количество жителей по уѣздамъ приходится одна школа, и о содержаніи школъ.

Первое мѣсто въ губерніи по развитію у себя народно-школьнаго дѣла занимаетъ, какъ и слѣдуетъ, Нижегородскій уѣздъ, гдѣ одна школа приходится на 26 кв. в. и на 1690 жителей; затѣмъ слѣдуютъ въ постепенномъ порядкѣ уѣзды: Балахнинскій — на 2,368 ж., Арзамасскій — на 2,603 ж., Ардатовскій — на 2,878 ж., Горбатовскій — на 3,343 ж., Макарьевскій — на 3,941 ж., Лукьяновскій — на 3.948 ж., Васильскій — на

5,013 ж., Семеновскій—на 5073 ж., Сергаческій—на 5,155 ж. и Книгинскій—на 5,440 ж. На содержаніе училищъ въ истежемъ году израсходовано 315,228 р., изъ нихъ земствомъ—144½ т., т. е. почти половина всего школьнаго бюджета. Содержаніе каждаго училища обходится въ среднемъ въ 625 р., каждаго учащагося—въ 10 р. 45 к. въ годъ (т. е. немного болѣе рубля за каждый учебный мѣсяць).

Всѣхъ учащихся въ училищахъ состояло: законоучителей—463, учителей — 340 и учительницъ — 297. Минимальное жалованье учителя было 100 р., максимальное—450 р. въ годъ.

Но что особенно указываетъ на успѣхи народнаго образованія *въ массѣ* населенія нашей губерніи, такъ это очень замѣтное развитіе въ послѣднее время вспомогательнымъ школамъ средствъ просвѣщенія. Распространеніе народныхъ библиотекъ и читаленъ, народныхъ чтеній, организація по мѣстамъ воскресно-повторительныхъ классовъ для взрослыхъ и—главное—успѣхъ всѣхъ этихъ начинаній въ народѣ—все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что сознаніе необходимости просвѣщенія все болѣе и болѣе дѣлается достояніемъ массы.

Наиболѣе культурнымъ центромъ въ губерніи оказывался прежде всего, конечно, самъ Нижній-Новгородъ. Въ текущемъ году исполнилось 10 лѣтъ, какъ здѣсь существуютъ уже постоянныя народныя чтенія, съ конца января пошелъ второй годъ, какъ открыта народная бесплатная библиотека-читальня, готовится къ открытію въ недалекомъ будущемъ другая такая же читальня.

Народныя чтенія въ Нижнемъ, организуемая мѣстнымъ «обществомъ распространенія начальнаго образованія», поставлены въ очень благоприятныя условія, сравнительно съ другими городами, какъ по средствамъ, которыя на нихъ расходуются, такъ и по мѣсту, гдѣ они происходятъ. Городская дума ассигнуетъ въ помощь «обществу» 300 р. въ годъ. Кроме того, въ текущемъ году, напримѣръ, собрано съ платныхъ посѣтителей 606 р. За вычетомъ расхода (580 р.), остатокъ, вмѣстѣ съ субсидіей отъ города, обращенъ «обществомъ» на приобрѣтеніе собственныхъ фонарей и картинъ для чтеній. Залъ всесловнаго клуба, гдѣ ведутся чтенія, можетъ вмѣстить болѣе 1,000 чел.

Въ теченіе 1895 г. было 22 чтенія по воскреснымъ днямъ. Среднимъ числомъ на каждомъ чтеніи было 733 чел. Платныхъ посѣтителей было 10108 чел., бесплатныхъ 6035 чел. И общее число посѣтителей, и разовое неизмѣнно увеличивается. Бесплатные билеты рассылались по фабрикамъ, солдатамъ, въ домъ трудолюбія, въ школы и пріюты и т. д. По составу слушателей чтенія въ значительной части оправдываютъ наименованіе ихъ *народными* (особенно что касается бесплатныхъ посѣтителей), хотя чтенія охотно посѣщались также мѣщанами, прикащиками, ремесленниками, учащимися и даже очень многими и изъ интеллигентнаго общества. Въ чтеніяхъ, чередуясь, принимали участіе мѣстные хоры, также военный оркестръ и оркестръ убѣжища малолѣтнихъ дѣтей.

Кромѣ всесословнаго клуба, «общество распространенія начальнаго образованія» поддерживало чтенія фонарями и картинами и во многихъ другихъ пунктахъ города (всего до 15); въ домѣ трудолюбія, въ мѣстныхъ казармахъ и т. д., такъ какъ оно располагало уже 300 собственныхъ картинъ (на 50 чтеній), да кромѣ того временно пользовалось богатой коллекціей картинъ изящной затраничной работы отъ г. Сназина изъ Твери. И тѣмъ не менѣе не могло ссудить всѣхъ, желавшихъ воспользоваться услугами общества.

По программѣ чтенія 1895 г. (въ клубѣ) распадались на двѣ части. Въ первомъ отдѣленіи систематически велись чтенія по русской исторіи, по географіи и естественной исторіи, во второмъ—читались литературныя произведенія, но за скудостью «дозволеннаго» матеріала, чтенія приходилось повторять. Въ виду этого «обществомъ» возбуждено даже ходатайство о разрѣшеніи для народныхъ чтеній книгъ по каталогу библиотекъ народныхъ училищъ. Чаще другихъ читались: Кавказскій Пльбникъ (Л. Толстого), купецъ Калашниковъ, Крутиковъ, старикъ Никита и др.

Говоря вообще, народныя чтенія въ Нижнемъ пользуются полнымъ сочувствіемъ во всѣхъ слояхъ населенія, такъ что теперь жъ можно считать вполне привившимися въ городѣ. Между тѣмъ ранѣе бывали минуты, когда имъ угрожала опасность.

Что дѣло народнаго въ собственномъ смыслѣ образованія у насъ развивается и неизмѣнно идетъ впередъ, новымъ доказательствомъ того можетъ служить также успѣхъ упомянутой бесплатной библіотеки-читальни въ Нижнемъ. Вотъ нѣкоторыя относящіяся сюда данныя изъ отчета завѣдующаго библіотекой А. И. Звѣздина за первый годъ ея существованія.

Библіотека-читальня была открыта 22 января 1895 г. по инициативѣ того же «общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи», которое организуетъ и мѣстныя народныя чтенія. Съ перваго же дня она стала развивать свою дѣятельность весьма успѣшно. Къ концу отчетнаго года собственно бесплатная библіотека заключала въ себѣ уже 2335 книгъ въ 2990 томахъ; изъ нихъ журналовъ за разные годы было 208 въ 655 томахъ. Кромѣ того, имѣется до 1,500 книгъ, пожертвованныхъ разными лицами, еще не рассмотрѣнныхъ и не допущенныхъ къ обращенію въ библіотекѣ. По содержанію своему имѣющіяся книги по отдѣламъ распредѣляются такъ: беллетристика — 955 т., богословіе—356 т., исторія—214, естествовѣдѣніе—145, географія—118 т. и т. д.

Въ минувшемъ году библіотека и читальня была открыта 344 дня, при чемъ посѣтителей было: въ читальнѣ—8,200 чел., въ библіотекѣ—17,800 чел., всего же—26 т. чел. и это — *минимальная* цифра, такъ какъ статистика велась не все время. Подписчиковъ въ библіотекѣ въ теченіе года было 1271 чел.; изъ нихъ большинство мѣщанъ (765 чел. или 44,4%) и крестьянъ (543 чел. или 31,5%). Въ числѣ подписчи-

ковъ библиотеки, получившихъ начальное образованіе было 60%. Всего болѣе подписчиковъ и посѣтителей библиотеки было въ осеніе и зимніе мѣсяцы. Всего въ теченіе года изъ библиотеки затребовано было 31,450 книгъ или 18 книгъ на каждаго подписчика. Чаще всего спрашивали книги по беллетристикѣ—19,396 кн., журналовъ взято было 7,962 кн., по богословію—963 кн. Изъ отдѣльныхъ писателей болѣе всего спрашивали сочиненія Пушкина (956), Гоголя (752), Григоровича (671), Тургенева (569), Л. Толстого (577), Диккенса (538), Погосского (523), Гончарова (461), Лермонтова (366). «Нерѣдко запрашивали книги, указываетъ отчетъ, неразрѣшенныя для бесплатныхъ библиотекъ,—напримѣръ, сочиненія Некрасова, Михайлова, Помяловскаго, Писемскаго, Достоевскаго и др.»

«Вообще, слѣдуетъ замѣтить, добавляетъ отчетъ, что наличное число книгъ въ библиотекѣ далеко не отвѣчаетъ дѣйствительному на нихъ спросу... Чтобы народная библиотека была живымъ учрежденіемъ, необходимо теперь же возбудить ходатайство о разрѣшеніи новыхъ книгъ и изданій; только при этомъ условіи можно ожидать широкаго и вполнѣ нормальнаго развитія дѣятельности библиотеки».

Бесплатную читальню при библиотекѣ втеченіе отчетнаго года посѣтило 8,200 чел., всего болѣе въ октябрѣ—ноябрѣ (1,098 ч.) и ноябрѣ—декабрѣ (1,029 ч.). И здѣсь также, какъ и въ библиотекѣ, большинство составляли мѣщане (31,5%) и крестьяне (17%). Въ среднемъ посѣтителю читальни приходится по 24 чел. въ день. Любопытно, что въ числѣ посѣтителей были изъ далекой зарѣчной части города—изъ Банавина и Гордѣвки, также изъ фабричной слободы и даже изъ Сормова (за 10—12 вер.). Въ отчетномъ году читальня получала 12 журналовъ (ежемесячныхъ и еженедѣльныхъ) и 6 газетъ.

«Общество распространенія образованія» отпускало на библиотеку-читальню 300 р. въ годъ, тогда какъ расходъ простирается до 1,000 р. Недостающая сумма была покрыта благотворительными средствами.

Какъ мы замѣтили выше, готовится къ открытію въ наиболѣе удалой части города (близъ ночлежныхъ пріютовъ) другая бесплатная народная читальня—отъ города.

Помимо самаго города, образовательныя средства для населенія замѣтно увеличиваются и въ уѣздахъ нижегородской губ. Такъ, 11 февраля бесплатная народная библиотека-читальня открыта въ селѣ Богородскомъ, горбатовскаго у. Помѣщеніе для читальни отведено въ зданіи волостного правленія, въ особой комнатѣ. На первыхъ порахъ средства на библиотеку составились изъ частныхъ пожертвованій, членскихъ взносов, изъ пожертвованій отъ сельскаго общества (100 р.) и отъ уѣзднаго земства (100 р.). Книгъ въ библиотеку сразу выписано на 190 р., журналовъ и газетъ на 48 р. и отъ петербургскаго комитета грамотности поступило книгъ на 30—40 р. Жажущихъ чтенія оказалась масса: съ 11 февраля и по 11 марта въ читальнѣ перебивало уже 1,485 чел., главнымъ образомъ, какъ

и слѣдовало ожидать, въ праздничные дни. И это — кромѣ читающихъ газеты и журналы въ самой читальнѣ и помимо книгъ, взятыхъ на дому. Кстати сказать, въ томъ-же Богородскѣ возбужденъ въ сельскомъ обществѣ вопросъ объ открытіи двухкласснаго сельскаго училища, и ходатайство о немъ уже направлено въ министерство.

Кромѣ Богородска, въ нынѣшнемъ-же году открыты еще двѣ народныхъ читальни-библіотеки въ селахъ; Елховкѣ и Безводномъ (Нижегор. у.) — объ по постановленію минувшаго XXXI очереднаго нижегородскаго уѣзднаго земскаго собранія. Въ субботу и воскресенье особенно много является крестьянъ «почитать книжку» въ библіотекахъ, а нѣкоторые берутъ книги на домъ.

Одновременно съ библіотеками и читальнями въ селахъ Нижегородской губ. постепенно развиваются и воскресно-повторительныя школы. Такъ, въ нынѣшнемъ учебномъ году открыта воскресная школа въ с. Новинкахъ (Балахнин. у.), гдѣ обучалось 31 чел. Учащіеся приходили въ школу въ субботу, занимались съ учителемъ вечеромъ и оставались ночевать въ школѣ. Въ воскресенье занятія начинались съ утра и продолжались до вечера, когда учащіеся рясходились по домамъ. «Насколько велико желаніе у взрослыхъ учиться, замѣчаетъ мѣстный хроникеръ, видно изъ того, что нѣкоторые изъ нихъ приходятъ изъ деревень, отстоящихъ отъ села верстъ на пять и занимаются всѣ прилежно». Другая воскресная школа предполагалась къ открытію еще въ деревнѣ Соломанѣ (Балах. у.), гдѣ изъявили желаніе учиться 14 челов. Кромѣ того, вотъ уже второй годъ, какъ существуетъ воскресно-повторительная школа въ дер. Передѣлинѣ (Балахнинскаго-же у.), при земской школѣ, вблизи двухъ огромныхъ мукомольныхъ мельницъ Н. А. Бугрова. Въ этой воскресной школѣ въ нынѣшнемъ году училось болѣе 30 чел., изъ которыхъ половина состояла изъ подростковъ и половина — изъ взрослыхъ, почему и самыя занятія велись въ двухъ отдѣленіяхъ.

Собственно народныя чтенія, кромѣ Нижняго, болѣе прочно привились въ слѣдующихъ пунктахъ губ. въ томъ-же Передѣлинѣ, въ с. Большомъ Мурашкинѣ (Княгинин. у.) и на Сормовскихъ заводахъ. Въ первыхъ двухъ пунктахъ чтенія поддерживаетъ «Общество распространенія начального образованія». Въ Сормовѣ чтенія ведутся въ церковно-приходской школѣ, которая пользуется здѣсь исключительно-благопріятными условіями для своего существованія. Въ дер. Передѣлинѣ чтенія происходятъ въ земской школѣ и ведутся мѣстнымъ педагогическимъ персоналомъ. Они существуютъ здѣсь уже нѣсколько лѣтъ. Въ минувшемъ сезонѣ всѣхъ чтеній было 16, на которыхъ однихъ взрослыхъ перебивало около 4,000 чел. Для дѣтей отдѣльно было устроено 8 чтеній съ участіемъ на каждомъ до 200 чел. На чтеніяхъ было прочитано, между прочимъ, 5 рассказовъ беллетристическихъ, 6 историческихъ и 9 научно-популярныхъ статей, наприм., о землетрясеніяхъ, какъ нужно бороться съ чумой, оспой, холерой и т. л. Въ с. Мурашкинѣ каждое народное чтеніе (съ 7 янв.) собирало свыше

200 чел. Какъ здѣсь, такъ и въ Передѣлинѣ на чтеніяхъ демонстрировались туманныя картины при помощи волшебнаго фонаря. Вездѣ чтенія пользовались, по обыкновенію, успѣхомъ у мѣстнаго населенія, которое терпѣливо выстаивало на нихъ по 2 и болѣе часа, а нѣкоторые изъ посѣтителей дѣлали даже пожертвованія въ пользу чтеній.

О сормовскихъ чтеніяхъ, равно какъ и о другихъ, имѣющихся кое-гдѣ по губерніи, подробными свѣдѣніями пока не располагаемъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о дѣятельности двухъ мѣстныхъ обществъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ дѣлу народнаго образованія: «Общества взаимнаго вспомошествованія учителямъ и учительницамъ Нижегородской губ. и «Общества вспомошествованія учащимся въ начальныхъ школахъ Нижняго-Новгорода (о дѣятельности третьяго «Общества распространенія начального образованія» не разъ упоминалось выше).

Первое общество «взаимнаго вспомошествованія», въ виду предстоящей выставки организовало особую выставочную комиссію, которая теперь дѣятельно готовится для учителей и учительницъ, имѣющихъ посѣтить выставку, возможно дешевыя и удобныя квартиры (въ городскихъ школахъ) и все необходимое. Судя по поступившимъ заявленіямъ, выставку намѣревалось посѣтить отъ 3 до 4 тысячъ учащихся, тогда какъ комиссія могла размѣстить за разъ не болѣе 300 — 400 чел. Поэтому она рѣшила раздѣлить выставочное время на сроки—по 10 дней на каждаго изъ посѣтителей-учителей. За этотъ срокъ назначена ничтожная плата по 1 р. 50 к. съ человѣка на необходимые расходы (безъ содержанія). На выставку, какъ извѣстно, съѣхалась масса учащихся и изъ самыхъ различныхъ мѣстъ Россіи. Значительное количество учителей и учительницъ приходится на южныя губ. и Кавказъ, также на Западную Россію и Царство Польское; есть пріѣхавшіе и изъ Сибири. На приготовленіе помѣщеній городъ заимообразно далъ 500 р. и московскій комитетъ грамотности пожертвовалъ 100 руб.

То же общество взаимнаго вспомошествованія возбудило ходатайство предъ генеральнымъ комиссаромъ выставки о предоставленіи дѣйствительнымъ членамъ общества возможныхъ льготъ при посѣщеніи выставки, въ видѣ, наприм., освобожденія ихъ отъ платы за входъ или уменьшенія ея. По примѣру прежнихъ лѣтъ, оно обратилось также къ пароходнымъ обществамъ съ просьбой о предоставленіи льготъ учителямъ и учительницамъ при проѣздѣ.

Дѣла нижегородскаго общества вспомошествованія учащимся въ послѣднее время значительно улучшились. Кромѣ того, оно организовало лѣтнюю колонію для слабыхъ дѣтей, открытую съ нынѣшней весны (пока на 10 челов.). на что И. М. Мореновъ пожертвовалъ обществу изъ своего имѣнія 25 десятинъ. Въ настоящее время общество располагаетъ запаснымъ капиталомъ въ 3,300 р., фондомъ лѣтнихъ колоній въ 2,200 и общихъ суммъ имѣть 771 р.

Такъ въ общихъ чертахъ можно представить положеніе въ данную минуту народнаго образованія въ Нижегородской губ. и вспомошествоующихъ ему учрежденій.

Алексѣй Тихоновъ.

Дѣятельность товарищества бр. Нобель по народному образованію.

(Изъ Чернаго городка).

Въ дѣлѣ образованія дѣтей своихъ служащихъ и рабочихъ, а также вообще въ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ послѣднихъ, т-во бр. Нобель безспорно занимаетъ первое мѣсто въ ряду другихъ подобныхъ фирмъ. Нерѣдко у насъ въ Россіи и за границей раздаются справедливыя упреки въ эксплуатаціи предпринимателя рабочихъ массъ. Мало и очень мало найдется такихъ фирмъ, гдѣ бы производители труда и предприниматели находились въ хорошихъ взаимныхъ отношеніяхъ, не давили бы другъ друга. Товарищество же бр. Нобель началось, окрѣпло и продолжаетъ развиваться на почвѣ взаимнаго уваженія, симпатій предпринимателей и производителей, отчего все хорошее и привилось въ этомъ товариществѣ. Учредители настоящаго акціонернаго т-ва бр. Нобель были два брата: Робертъ и Людвигъ Эммануиловичи, родина коихъ городъ Стокгольмъ. Робертъ прибылъ въ Баку въ 1875 г., а Людвигъ — 1876 г.; въ это-то время они и положили начало правильному ходу нефтяного дѣла. Людвигъ Эммануиловичъ Нобель началъ свою практическую дѣятельность на заводѣ, какъ обыкновенный чернорабочій и послѣдовательно пройдя всѣ ступени заводской дѣятельности, онъ отлично изучилъ бытъ и нужды всѣхъ служащихъ и рабочихъ и впослѣдствіи всегда старался сдѣлать все лучшее для своихъ служащихъ и рабочихъ. Обеспечивъ ихъ въ матеріальномъ отношеніи, онъ выстроилъ для нихъ удобныя бесплатныя помѣщенія въ Черномъ городкѣ (мѣсто переработки нефти) и Балаханахъ (мѣсто добычи нефти). Кромѣ обыкновеннаго жалованья, трудъ еще поощрялся ежегоднымъ процентнымъ вознагражденіемъ, что еще болѣе заинтересовало всѣхъ въ дѣлѣ предпріятія и сблизило главу съ его помощниками. Матеріальное обезпеченіе и гуманное обращеніе привлекло на службу лучшія рабочія силы, чѣмъ и прочно обезпечился успѣхъ дѣла, ростъ котораго принималъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Какъ только нефтяное дѣло

получило здѣсь правильную организацію, въ Бакинскомъ районѣ было открыто двѣ школы: Черногородская и Балаханская, а въ Астраханскомъ— Астраханская. Изъ нихъ Черногородская открыта въ 1884 году, Балаханская—1886 г., а Астраханская въ 1889 году. Эти три школы обставлены во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно и имѣютъ довольно значительный контингентъ учащихся. Приведу здѣсь нѣкоторыя статистическія данныя изъ годового отчета Черногородской школы за 1895 годъ. Всего за 13 лѣтъ существованія въ ней обучалось мальчиковъ и дѣвочекъ 891 (618 м. 273 дѣв.). Въ 1884 году было 28 учащихся, а въ настоящее время 100 (64 м. 36 дѣв.). Въ школьной библіотекѣ состоитъ 610 книгъ, на сумму 816 р. 90 к., учебныхъ пособій: названій—228, предметовъ 272, на сумму 1,150 р. Содержаніе: завѣдующему—720 р., учительницѣ—300 р., законоучителю—300 р. Общій годовой расходъ за 1895 годъ—2,600 р.

Въ виду того, что въ прошломъ сентябрѣ пришлось многимъ желающимъ отказать въ приемѣ за недостаткомъ мѣстъ, предполагается съ этого учебнаго года открыть нормальное отдѣленіе, въ чемъ, надо надѣяться, не встрѣтятся препятствій—и тогда будетъ обучаться въ Черногородской школѣ до 150 дѣтей; также ожидается возобновить рукодѣлье, обученіе шитью и кройкѣ для дѣвочекъ учившихся даже и прежде.

Съ октября прошлаго года при Черногородской школѣ открыты для взрослыхъ вечерніе курсы технического черченія. Товарищество, сознавая пользу этихъ курсовъ, ассигновало на нихъ 600 р. ежегодно. Ученики, въ количествѣ 46, разбиты по возрасту на двѣ группы. Кромя того, товариществомъ учреждены въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ стипендіи для дѣтей, служащихъ въ товариществѣ. Для чернорабочихъ т-ва, въ Черномъ городкѣ, по временамъ устраиваются бесплатные спектакли, которые въ будущемъ предполагено ставить чаще.

4-го февраля настоящаго года Бакинскимъ отдѣленіемъ Императорскаго русскаго технического общества была открыта для всѣхъ рабочихъ Чернаго городка бесплатная библіотека-читальня; открыта она главнымъ образомъ на средства того же т-ва бр. Носель въ память покойнаго служащаго Алексѣя Семеновича Дорошенко. Значеніе этой народной библіотеки, кия единственной, не только въ Черномъ городкѣ, но и Баку, ясно каждому.

Самымъ важнымъ факторомъ развитія рабочихъ массъ можно считать народныя чтенія съ туманными картинами, которыя ведутся при главной конторѣ т-ва бр. Нобель въ Черномъ городкѣ. Чтенія эти происходятъ по воскресеньямъ, безъ малаго, отъ 3¹/₂ вечера до 5 приблизительно. На этихъ-то чтеніяхъ я хочу остановиться подольше. Народныя чтенія вездѣ вообще имѣютъ великое значеніе для народа, но значеніе чтеній въ Черномъ городкѣ еще болѣе усиливается, если принять во вниманіе нѣкоторыя исключительныя условія жизни его. Городакъ этотъ состоитъ изъ группъ заводовъ, мастерскихъ, складовъ нефти, керосина и прочихъ маселъ, помѣщенной рабочихъ и служащихъ семейныхъ и магазиновъ для нихъ. Всѣ постройки покрыты копотью и сажей, отчего онъ и получилъ названіе

Черного городка. Численность разноплеменного населения его простирается до 10 т., изъ которыхъ русскихъ около 2,000 человекъ, остальное же население составляютъ мусульмане и армяне, и отчасти шведы, нѣмцы, евреи и проч. Народы эти стянулись сюда со всѣхъ концовъ Россіи и другихъ государствъ; живутъ они каждый отдѣльно, общихъ интересовъ у нихъ почти совсѣмъ нѣтъ. Шесть дней недѣли, отъ 6 ч. утра до 6 ч. вечера, они заняты работой на заводахъ и мастерскихъ. Наступаетъ воскресенье—день отдыха. Что дѣлать? Многие отправляются въ Баку (Бѣлый городъ), который находится на разстояніи 15 минутъ пути конки. Все соблазняющее и развращающее имѣется тамъ: духаны и другія губительныя заведенія считаются «сороками» — есть гдѣ разгуляться широкой русской натурѣ рабочаго. Распушенность этого торговаго и промышленнаго города, къ тому же населеннаго большею частью необузданными туземцами, принимаетъ въ то время широкіе и грубые размѣры. Оставшіеся жители Чернаго городка обречены были бы на обычную и праздную скуку, если бы не было народныхъ чтеній, которыя въ то же время отвлекаютъ отчасти и отъ пагубнаго времяпровожденія въ духанахъ. Черногородскія чтенія являются истинно свѣтлымъ лучемъ въ черной жизни Чернаго городка. Благая мысль устройства народныхъ чтеній принадлежитъ кружку интеллигенціи изъ служащихъ въ т-вѣ бр. Нобель. Начало чтеній относится къ концу октября 1893 года. Фонарь съ экраномъ, стоимостью 256 р., для этихъ чтеній былъ пожертвованъ главою фирмы Эммануиломъ Людвиговичемъ Нобель. Картины для чтеній, брошюры къ нимъ на сумму 427 р. 43 к. приобрѣтены на пожертвованія служащихъ т-ва, и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, а также на средства, собранныя съ спектакля, устроеннаго служащими въ пользу этихъ чтеній. Средствами къ существованію чтеній, кромѣ взносовъ служащихъ въ т-вѣ болѣе 200 р., сбора съ спектаклей и частныхъ пожертвованій въ пользу ихъ, служитъ ежегодная субсидія, отпускаемая правленіемъ товарищества въ размѣрѣ 300 р. Вообще, устройство и дальнѣйшее существованіе этихъ чтеній съ матеріальной стороны вполне обезпечено. Нобелевскія народныя чтенія, обставленныя прекрасно въ матеріальномъ отношеніи, привлекаютъ все больше и больше массу рабочихъ не только т-ва, но и другихъ фирмъ. Надо замѣтить, что здѣсь же, при аудиторіи, съ февраля 1894 г. разрѣшена печателемъ кавказскаго учебнаго округа продажа книгъ и брошюръ, произнесенныхъ на народномъ чтеніи. Это устроено въ виду того, что многіе изъ слушателей изъявили желаніе прочитать на дому только что прочитанную книгу. Какъ видно изъ отчета за первый годъ ихъ существованія, а именно съ 28 октября 1893 г. по 1-е іюня 1894 года всего состоялось 26 чтеній. За это время общее число посѣтителей состояло 3,608 человекъ, изъ нихъ: мужчинъ 1,599, женщинъ 785, дѣтей (не моложе 10 лѣтъ) 1,224. Такимъ образомъ, въ среднемъ на каждое чтеніе за первый годъ ихъ существованія приходится до 139 слушателей. Изъ второго отчетнаго года, съ 9-го октября 1894 года по іюнь 1895 года, видно, что

Всего за это время состоялось 24 чтенія, причемъ общее число слушателей дошло до 3,749 человекъ; изъ нихъ мужчинъ 1,584, женщинъ—636, дѣтей 1,524, что въ среднемъ составляетъ на каждое чтеніе 156 слушателей. О результатахъ посѣщеній въ текущемъ отчетномъ году сказать вѣрно пока нельзя, потому что годъ еще не закончился, но по имѣющимся даннымъ за этотъ періодъ времени, съ 1-го октября 1895 года по 18-е февраля новаго года, видно, что всего чтеній было 20, общее число слушателей достигло уже 3,438 ч., изъ нихъ: мужчинъ 1,300, женщинъ—785, дѣтей—1,353, или въ среднемъ на каждое чтеніе 175 человекъ. Этотъ постепенный, правильный ростъ посѣтителей свидѣтельствуеетъ о томъ интересѣ, съ которымъ относится къ нимъ простой рабочий народъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на его потребность въ духовной пищѣ. Въ настоящее время эта потребность еще болѣе увеличивается, теперь число посѣтителей доходитъ до 312 ч., а нѣкоторымъ приходится отказывать за недостаткомъ мѣстъ, такъ какъ помѣщеніе аудиторіи не можетъ вмѣстить большаго количества. Надо надѣяться, что товарищество найдетъ средства къ расширенію аудиторіи. Несмотря на короткій періодъ существованія, руководители чтеній затрудняются въ выборѣ ихъ для прочтенія народу, такъ какъ репертуаръ народныхъ чтеній слишкомъ ограниченъ, а изъ числа дозволенныхъ къ произнесенію, многія, въ особенности историческаго содержанія, написаны тяжелымъ, мало понятнымъ языкомъ. Мы увѣрены, что на всѣхъ перечисленныхъ отрадныхъ явленіяхъ въ дѣлѣ удовлетворенія духовныхъ нуждъ рабочихъ, т-во, конечно, не остановится, а будетъ идти впередъ, слѣдуя примѣру основателя Л. Э. Нобеля, который всю свою жизнь видѣлъ въ трудѣ и гуманности.

Д. Рзянкинъ.

Двадцатипятилѣтній юбилей народнаго учителя.

(Изъ Гродненской губ.).

Скроменъ и, повидимому, незамѣтенъ трудъ сельскаго народнаго учителя. Но вотъ проходитъ десятокъ-другой лѣтъ—и плоды этого кропотливаго труда, какъ едва замѣтные въ началѣ молодые побѣги растенія, разрастаются въ широколиственное могучее дерево, покрытое роскошною зеленью. Въ первые годы учительской службы того или другого труженика на народной нивѣ большая часть окружающихъ его относится къ нему какъ бы съ недоувѣріемъ, подозрительно; но съ лѣтами, когда упорный,

честный трудъ, на виду всѣхъ, несетъ благо въ народную жизнь, онъ завоевываетъ себѣ всеобщее расположеніе, всеобщую любовь. Тогда идутъ къ такому учителю съ чувствомъ признательности выученныя и воспитанныя имъ дѣти, идутъ ихъ родители, идутъ всѣ, для кого святы и дороги интересы подрастающаго поколѣнія. Такое и въ высшей степени отрадное явленіе пришлось намъ отмѣтить на третій день минувшей ср. Пасхи въ с. Блуденѣ, Пружанскаго уѣзда.

Въ этотъ день тамъ совершалось всеобщее чествованіе многолѣтней учительской дѣятельности учителя Блуденскаго народнаго училища П. И. Кармазина. Началось оно поднесеніемъ иконы Спасителя отъ лицъ, служащихъ на станціи Московско-Брестской желѣзной дороги: «Берега», писанной на кипарисной доскѣ, въ серебряной вызолоченной ризѣ, въ изящномъ кіотѣ. Къ кіоту ея приложена металлическая вызолоченная дощечка съ надписью: «Отъ бывшихъ учениковъ, ученицъ и почитателей П. И. Кармазину, въ ознаменованіе его 25-ти лѣтней учебно-воспитательной дѣятельности. 1896 г.»

Стеченіе народа въ Блуденской церкви было въ этотъ день весьма большое. Обѣдню пѣли два хора: Блуденскаго народнаго училища и Березскаго министерскаго. Въ концѣ обѣдни настоятель церкви, о. Михаилъ Свабаллановичъ обратился къ учителю Кармазину съ слѣдующею рѣчью:

«Многоуважаемый Петръ Илларионовичъ! Посвящая въ теченіе болѣе четверти вѣка свои жизненные силы воспитанію и обученію дѣтей народа, въ скромной должности народнаго учителя, ты всегда стоялъ на высотѣ своего призванія, ты былъ не наемникомъ, а ревностнымъ труженникомъ, вложивъ въ великое дѣло народоучительства всю свою честную душу. Всѣ мы знаемъ, какъ ты работалъ: мы знаемъ, что для тебя не было опредѣленныхъ часовъ занятій и даже каникулярнаго отдыха, что свою классную комнату, переполненную дѣтьми, ты оставлялъ только тогда, когда убѣждался, что все преподанное усвоено памятью и сознаниемъ твоихъ питомцевъ. Серьезна и трудна задача обученія и воспитанія народа, но ты на дѣлѣ показалъ, какихъ прекрасныхъ результатовъ можно достигнуть при трудѣ и умѣнїи, всегда тебя отличавшихъ. Мы видѣли эти результаты. Мы видѣли отличное знаніе и хорошее настроеніе твоихъ учениковъ, какъ въ классѣ, такъ и на экзаменахъ. Скромно и честно работая на нивѣ народной, ты не жалѣлъ ни трудовъ, ни здоровья; съ бодрымъ духомъ, хотя и немощною плотію, ты сознательно и умѣло дѣлалъ свое дѣло, справедливо полагая въ такомъ трудѣ исполненіе долга. За все это ревнующее о народномъ образованіи начальство тебя отличало и, по возможности, поощряло, а благодарныя дѣти несли тебѣ свою чистую любовь. Какъ прїятно было видѣть тебя въ церкви, въ классѣ или на прогулкѣ, окруженнаго дѣтьми, какъ отратно было замѣчать любовное отношеніе къ тебѣ питомцевъ, съ которыми ты не порывалъ связи и по выходѣ ихъ изъ школъ, не переставая интересоваться ихъ судьбой, своимъ сочувствіемъ и мудрымъ совѣтомъ, направляя ихъ по из-

бранному пути. Сегодня, многоуважаемый Петръ Илларионовичъ, въ память четверть вѣковаго твоего учительскаго служенія и въ знакъ любви къ тебѣ, почитатели, сослуживцы и бывшіе твои ученики просятъ тебя принять святую икону».

Эта рѣчь о. Скабаллановича произвела такое пріятное и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательное впечатлѣніе, что у многихъ изъ присутствовавшихъ появились на глазахъ слезы умиленія. Поистинѣ, это была трогательная и назидательная картина! голосъ о. Михаила дрожалъ отъ волненія. Передъ нимъ на клиросѣ, скромно наклонивъ голову, стоялъ старикъ учитель, украшенный сѣдинами, посвятившій свои лучшіе молодые годы, силы и здоровье воспитанію подрастающаго поколѣнія.

Рѣчь свою священникъ Скабаллановичъ закончилъ приглашеніемъ помолиться о продленіи жизни полезнаго труженика и, по окончаніи, благословилъ Кармазина, пожертвованной ему иконой. Приложившись благоговѣйно къ св. иконѣ, Кармазинъ принялъ ее и сошелъ съ клироса на середину церкви, гдѣ ожидали его въ нарядныхъ костюмахъ двѣ бывшія его ученицы, а нынѣ учащіяся Березскаго двухкласснаго Министерскаго училища. Онѣ приняли отъ него икону и, слѣдуя впереди г. Кармазина, окруженнаго почитателями, направились въ его квартиру. Туда же явилось 20 человекъ учащихся названнаго Березскаго училища, которые, до открытія послѣдняго, состояли учащимися Блуденскаго народнаго училища. Одна изъ дѣвочекъ, ученица 2 класса, Елизавета Стригуцкая, бойко прочитала благодарственный адресъ и, словами—«примите на добрую память»—вручила его Кармазину. Мертвая тишина воцарилась при чтеніи дѣвочки: каждое ея простое слово вѣяло чѣмъ-то особенно отраднымъ и производило такое же пріятное впечатлѣніе, какое испытываетъ добрый отецъ, слушая искреннія слова благовоспитаннаго ребенка. Обильныя слезы умиленія появились и здѣсь у всѣхъ присутствовавшихъ, не исключая и самого виновника торжества и его семейства.

Когда ученица Стригуцкая вручила адресъ г. Кармазину, къ нему обратился съ рѣчью учитель Кирикъ и отъ имени нѣкоторыхъ сослуживцевъ, которые до поступленія въ учительскую семинарію, обучались въ школахъ у г. Кармазина, выразилъ ему въ общихъ чертахъ ихъ чувства сердечной признательности. Учитель Кармазинъ, глубоко растроганный вниманіемъ къ нему, въ краткихъ словахъ высказалъ свою благодарность дѣтямъ и всѣмъ собравшимся за оказанное ему лестное вниманіе.

Скромно описанное нами Блуденское торжество, но оно весьма поучительно и утѣшительно для беззавѣтныхъ тружениковъ на нивѣ народнаго образованія: оно возбуждаетъ въ нихъ жизнь, поддерживаетъ бодрость духа и укрѣпляетъ на подвигъ сѣятелей *разумнаго, добраго, вѣчнаго.*

А. В.—цевъ.

На Западъ.

Конгрессъ прикладной химіи въ Парижѣ.—Конгрессъ психологовъ въ Мюнхенѣ.—Школьный конгрессъ въ Женевѣ.

Конецъ лѣта и начало осени—это сезонъ всевозможныхъ конгрессовъ, по научнымъ, политическимъ и общественнымъ и разнымъ другимъ вопросамъ, за невозможностью резюмировать труды и значеніе всѣхъ этихъ собраній мы остановимся лишь на двухъ международныхъ ученыхъ сѣздахъ, особенно возбудившихъ общественное вниманіе: на конгрессѣ прикладной химіи, состоявшемся въ Парижѣ и конгрессѣ психологовъ въ Мюнхенѣ, а также на школьномъ конгрессѣ въ Женевѣ.

Второй международный конгрессъ химиковъ (первый происходилъ въ Брюсселѣ) отличался въ этомъ году особенно многочисленностью и обиліемъ иностранныхъ делегатовъ. Изъ 1597 делегатовъ конгресса 600—были иностранцы, причемъ рѣшительно всѣ страны свѣта имѣли своихъ представителей на этомъ конгрессѣ и даже восточныя государства прислали делегатовъ. Занятія конгресса имѣли слишкомъ спеціальныи характеръ и поэтому не могли представить особеннаго интереса для обыкновенной публики, но всеобщее вниманіе привлекла блестящая вступительная рѣчь Бертело, предсѣдателя конгресса, сказанная имъ при открытіи его засѣданій.

Почтенный ученый въ своей рѣчи представилъ краткій, но яркій обзоръ успѣховъ, достигнутыхъ химіей. Онъ настаивалъ на необходимости теоретическихъ познаній, такъ какъ лишь путемъ изученія чистой доктрины можно достигнуть полезныхъ результатовъ и дать возможность практикѣ слѣдовать по стопамъ теоріи. Какъ безуменъ теоретикъ, удовлетворяющійся только отвлеченною доктриной и презирающій прикладныя науки, такъ безуменъ и практикъ, удовлетворяющійся рутинной и не признающій никакихъ открытій новыхъ законовъ. Ни одна наука не требуетъ такого тѣснаго соединенія теоріи и практики, какъ химія. Область химіи безгранична; она захватываетъ всѣ науки и всѣ искусства и представляетъ неизсякаемый источникъ вдохновенія ученыхъ. Обширное поле химическихъ изслѣдованій расширилось еще болѣе послѣ открытія методовъ химическаго синтеза, химическій синтезъ явился настоящимъ творцомъ безчисленныхъ соединеній; онъ далъ міру красящія вещества, духи, медикаменты и даже распространился на приготовленіе пищи. Великія перемѣны должны будутъ про-

изойти въ тотъ день, когда лабораторные методы, служащія для приготовления жировъ и сахару, будутъ перенесены въ обыденную жизнь. Химіи уже успѣла произвести за послѣдніа сорокъ лѣтъ огромныа перемѣны въ сельскомъ хозяйствѣ и земледѣліи и великіа открытіа фізіологической химіи не мало измѣнили тѣ отрасли промышленности, въ основу которыхъ стаятся процессы броженія, а также много сдѣлали для усовершенствованія производства консервовъ и сохраненія растительныхъ продуктовъ и мяса. Химія доставила возможность отдаленнымъ пунктамъ земного шара обмѣниваться между собою своими сельско-хозяйственными продуктами; она бросила новый свѣтъ на медицинскую науку и гигиену, содѣйствовала прозрѣнію человѣческой жизни!

Бертело надѣется, что страшныа орудія истребленія, усовершенствованію которыхъ также много содѣйствовала химія, останутся еще долго безъ употребленія. Изготовленіе этихъ орудій однако сослужило то пользу, что привлекло вниманіе химиковъ на металлургическіе процессы и повело къ открытію новыхъ сплавовъ и металловъ. Кто можетъ предсказать, что химія не откроетъ еще новые металлы и не произведетъ огромнаго переворота въ металлургической промышленности? Химія подчинила себѣ электричество и благодаря примѣненію электричества настолько расширила поле своей дѣятельности, что границы его невозможно начертать заранѣе.

«Никто не станетъ отрицать, прибавилъ Бертело, что быть можетъ близокъ день, когда успѣхи химіи сдѣлаютъ возможной экономическую фабрикацію пищевыхъ веществъ, конечно, искусственное приготовленіе этихъ веществъ должно произвести переворотъ въ экономической жизни народовъ, но въ концѣ концовъ такое перемѣщеніе интересовъ должно принести только пользу народнымъ массамъ. Да какое же законодательство въ состояніи надолго задержать социальныа перевороты, которые явятся естественнымъ результатомъ всѣхъ научныхъ открытій?

«Въ самомъ непродолжительномъ будущемъ комбинированныа усилія химіи и физики должны разрѣшить задачу воздухоплаванія, и явится возможность управлять воздушными шарами такъ же, какъ управляютъ теперь кораблями на водѣ. Но въ тотъ день, когда будетъ разрѣшена эта задача и будетъ введено воздухоплаваніе, то кто можетъ сказать теперь, какъ это отразится на международныхъ отношеніяхъ, гражданскихъ и военныхъ, на таможенныхъ законахъ и торговлѣ?

«Я указываю здѣсь лишь на конечныа послѣдствія прогрессирующаго движенія науки. Нѣтъ сомнѣній, что это движеніе все ускоряется и что все увеличивающееся значеніе науки, огромныа услуги, которыа она оказываетъ народамъ и правительствамъ, подтверждаютъ, какъ нельзя болѣе ясно, что наука является новымъ и въ высшей степени важнымъ факторомъ во всѣхъ политическихъ и экономическихъ проблемахъ настоящаго времени. Факторъ этотъ едва существовалъ въ прѣжнее время, но теперь могущество его все увеличивается и противопоставляется узко-консервативному и неподвижному духу сторонниковъ прошлаго. Наука никогда не оста-

навивается и все идетъ впередъ, производи глубокія перемѣны въ міровоззрѣніяхъ людей и въ способахъ промышленнаго производства. Она начала уже производить измѣненія соціального строя и съ теченіемъ времени совершенно измѣнить распредѣленіе богатствъ и форму всѣхъ человѣческихъ обществъ и отношеній.

«Мы, прибавилъ въ заключеніе Бертело, по своему убѣжденію и по своему воспитанію, являемся рабами научнаго факта и принимаемъ его со, всѣми его послѣдствіями, каковы бы они ни были.

«Истина господствуетъ надъ всѣмъ. Нельзя безнаказанно отвергать ее и она одна только можетъ оказать окончательныя услуги. Нашъ долгъ намъ вполне ясенъ: будемъ дѣйствовать, т. е. будемъ работать, работать безостановочно, стараясь принести пользу человѣчеству. Любовь къ человѣчеству и полезная дѣятельность—вотъ чѣмъ мы должны руководствоваться какъ въ частной, такъ и въ соціальной жизни».

Рѣчь Бертело получаетъ особенное значеніе въ виду распространившихся въ послѣднее время нападокъ на науку и рѣчей о ея банкротствѣ. Многіе назовутъ Бертело мечтателемъ, но въ данномъ случаѣ быть можетъ лучше и полезнѣе для человѣчества вѣрить такъ горячо въ науку, какъ вѣрить въ нее Бертело, чѣмъ говорить о ея бессилии и складывать руки на томъ основаніи, что многое еще остается недоступнымъ человѣку, не смотря на огромный прогрессъ науки.

Въ высшей степени интереснымъ, какъ въ научномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи, оказался Мюнхенскій съѣздъ психологовъ. Это третій конгрессъ; первый былъ въ Парижѣ въ 1889 году, второй въ Лондонѣ въ 1892, отличавшійся многолюдностью и поражавшій обиліемъ громкихъ научныхъ именъ. Но третій конгрессъ не уступитъ въ этомъ отношеніи второму конгрессу, такъ какъ рѣшительно всѣ страны прислали въ Мюнхенъ своихъ представителей и даже изъ Индіи пріѣхали нѣсколько факировъ, которыхъ предполагали демонстрировать на конгрессѣ.

Первый международный съѣздъ психологовъ, происходившій въ Парижѣ, носилъ названіе конгресса «по физиологической психологіи». Предсѣдателемъ конгресса былъ избранъ Рибо, но состоялся конгрессъ лишь благодаря энергичной дѣятельности Рише и взаимодействию различныхъ «психологическихъ обществъ», образовавшихся въ разныхъ городахъ съ цѣлью изслѣдованія и изученія гипнотическихъ явленій и теленатическихъ галлюцинацій. Эти проблемы, такъ же какъ и вопросъ о наследственности, выдвинуты были на первый планъ. Второй конгрессъ, въ Лондонѣ въ 1892 г., назывался конгрессомъ по «экспериментальной психологіи». Предсѣдатель этого конгресса Седжвикъ въ своей вступительной рѣчи сказалъ, что слово «экспериментальная психологія» надо понимать въ общемъ смыслѣ, какъ индуктивный, основывающійся на методическомъ наблюденіи и расчлененіи фактовъ, способъ изслѣдованія. На этомъ конгрессѣ дѣйствительно были затронуты болѣе широкіе вопросы, но все же кругъ его занятій и обсуждаемыхъ на конгрессѣ проблемъ, далеко не былъ такъ

обширенъ, какъ на послѣднемъ конгрессѣ, происходившемъ въ Мюнхенѣ.

Предсѣдатель этого послѣдняго конгресса профессоръ Штуммъ счелъ нужнымъ объяснить въ своей вступительной рѣчи, почему нынѣшній конгрессъ, въ отличіе отъ лондонскаго, не носитъ названія конгресса экспериментальной психологіи. Въ Европѣ уже достаточно сознали значеніе точныхъ методовъ въ психологіи, такъ что подчеркивать ея принадлежность къ опытнымъ наукамъ уже нѣтъ болѣе надобности. Огромное разнообразіе, наблюдаемое въ психологическихъ методахъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что психологіею занимаются представители самыхъ различныхъ специальностей: этнографы, филологи, юристы, социологи, историки, педагоги, эстетики, физики, зоологи, анатомы, физиологи, паталогіи и психіатры, притомъ одни придаютъ большое значеніе самонаблюденію, другіе—наблюденію надъ животными и дѣтьми, третьи—экспериментамъ.

Далѣе профессоръ Штумпфъ упомянулъ о гениальномъ основателѣ психофизики Фехнерѣ, который посвятилъ всѣ свои силы на то, чтобы установить монистическое представленіе, рассматривающее душу и тѣло или духовныя и физическія явленія, какъ двѣ стороны одного и того же процесса. Послѣдователи Фехнера, однако, замѣнили ученіе о единствѣ этихъ явленій ученіемъ о ихъ *параллелизмѣ*. Что касается закона причинности, то нѣкоторые отрицаютъ его въ области психическихъ явленій, совершенно несправедливо, по мнѣнію Штумпфа, такъ какъ самое понятіе о причинности почерпнуто изъ психическаго міра. Въ физическихъ явленіяхъ вѣдь мы тоже не видимъ причины, а только признаемъ ея существованіе.

Вслѣдъ за профессоромъ Штумпфомъ сказалъ рѣчь баварскій министръ народнаго просвѣщенія, привѣтствовавшій конгрессъ отъ имени принца-регента и правительства. Въ своей рѣчи онъ, главнымъ образомъ, выразилъ надежду, что съѣздъ опровергнетъ *опасную* для культурныхъ народовъ психологическую теорію, слагающую съ людей отвѣтственность за ихъ поступки.

Изъ послѣдующихъ докладовъ огромное вниманіе и шумныя одобренія возбуждалъ докладъ проф. Рише о сущности боли и значеніи страданій въ жизни человѣка. Общая мысль его такова, что путемъ страданій мы приобретаемъ опытъ, нужный намъ для избѣжанія вредныхъ вліяній. Боль, по мнѣнію Рише, служитъ также основой нравственныхъ побужденій. Люди, не чувствительные къ боли, часто бываютъ черствыми людьми, неспособными чувствовать состраданіе, почти что нравственными уродами. Страданіе облагораживаетъ человѣка и даже цѣлые народы, какъ это можно видѣть изъ исторіи, зачастую нравственно возрождаются послѣ перенесенныхъ ими страданій. Но есть люди черзъчуръ уже чувствительные къ малѣйшему ощущенію боли и такіе люди составляютъ мученіе для всѣхъ окружающихъ. У нѣмцевъ есть характерное названіе для такого рода людей: «wehleidig». Довольно, чтобы у такого субъекта сдѣлался насморкъ, чтобы онъ замучилъ своими «оками» и вздохами всѣхъ своихъ близкихъ. Въ большинствѣ случаевъ это—баловни судьбы и черствые эгоисты, дѣ-

лающие свое «я» центромъ всѣхъ своихъ помышлений. Истинное страданіе дѣйствуетъ на такихъ людей иногда очень благотворно, вызывая у нихъ нравственный переворотъ. Съ физиологической стороны боль представляетъ измѣненіе нерва, вызываемое химическими или механическими раздражителями. Ріше полагаетъ, что обоняніе и вкусъ также могутъ являться источникомъ боли. Здоровый нервъ не такъ легко подвергается измѣненіямъ, вызывающимъ болевые ощущенія; тогда какъ болѣзненно измѣненный нервъ становится чрезвычайно чувствителенъ ко всякому раздраженію и поэтому нервнобольной человѣкъ испытываетъ страшную боль въ такихъ случаяхъ, когда нормальный человѣкъ будетъ испытывать лишь одно только непріятное ощущеніе, не болѣе.

Столь же блестящій докладъ сдѣланъ былъ профессоромъ Листомъ изъ Галле «объ уголовной вмѣняемости» (*Zurechnungsfähigkeit*). Докладъ этотъ возбудилъ особенное вниманіе, потому что почтенный профессоръ доказывалъ не столько необходимость установленія ученія о свободѣ воли, сколько необходимость пересмотра уголовного кодекса и замѣну тюремъ исправительными домами. Въ высшей степени было бы важно произвести пересмотръ уголовного права на психологическихъ началахъ, сказалъ профессоръ. Терминъ «свобода воли» далеко не всегда удовлетворяетъ дѣли, и поэтому его лучше было бы замѣнить терминомъ «нормальная воля». Неисправимые привычные преступники не обладаютъ нормальной волей и поэтому къ нимъ не можетъ быть примѣнима съ пользою обычная система наказанія. Тюремное заключеніе не только не приноситъ имъ пользы, т. е. не излѣчиваетъ ихъ отъ преступныхъ наклонностей, но причиняетъ вредъ, такъ какъ они выходятъ изъ тюрьмы обыкновенно еще худшими, чѣмъ поступили туда и становятся поэтому еще болѣе опасными для общества. Поэтому мѣсто такихъ субъектовъ не въ тюрьмахъ, а въ исправительныхъ домахъ, устроенныхъ на такихъ рациональныхъ началахъ, которыя давали бы право надѣяться на исправленіе закоренѣлыхъ преступниковъ и превращеніе ихъ въ безвредныхъ членовъ общества. По мнѣнію проф. Листа, вопросъ о привычныхъ преступникахъ представляетъ одну изъ наиболѣе интересныхъ и важныхъ проблемъ современнаго уголовного законодательства и содѣйствіе психологовъ можетъ въ значительной степени способствовать рѣшенію этой проблемы.

Такой отвѣтъ проф. Листа на высказанныя баварскимъ министромъ народнаго просвѣщенія ожиданія, что конгрессъ отвергнетъ «опасныя для культурныхъ націй» теории, конечно, не лишенъ нѣкоторой пикантности, тѣмъ болѣе, что гуманитарные взгляды, высказанные профессоромъ, вызвали такое шумное одобреніе со стороны членовъ конгресса, что оно почти имѣло характеръ демонстраціи противъ реакціонныхъ взглядовъ министра.

Изъ прочихъ докладовъ, прочитанныхъ уже въ отдѣльныхъ секціяхъ конгресса, большой интересъ возбудило сообщеніе профессора Флексига изъ Лейпцига о центрахъ ассоціаціи въ человѣческомъ мозгу. Работы знаме-

нитыхъ психіатровъ доказали, что отдѣльныя части мозга управляютъ опредѣленными душевными дѣйствіями и дѣйствія органовъ распределены также въ отдѣльныхъ частяхъ мозга. Благодаря этимъ изслѣдованіямъ былъ составленъ настоящій физиологическій или дѣйствующій планъ мозга съ точнымъ обозначеніемъ мѣста дѣйствія различныхъ органовъ чувствъ, движенія и т. д. Но чтобы рѣшить, какая часть мозга составляетъ центръ мышленія, являющагося результатомъ сочетанія и раздѣленія ощущеній, нужныхъ для образованія понятій, проф. Флексигъ прибѣгнулъ къ изслѣдованію исторіи развитія головного мозга и такимъ путемъ пришелъ къ заключенію, что часть мозга, развивающаяся позже другихъ, именно и представляютъ центры ассоціацій или сочетаній функций отдѣльныхъ органовъ чувствъ; въ ней то и сосредоточена вся умственная дѣятельность и она какъ бы служитъ колыбелью мышленія. Разстройство этого центра влечетъ за собою душевное разстройство, такъ какъ нарушается правильность ассоціацій. Клиническія наблюденія подтверждаютъ это, такъ какъ почти у всѣхъ душевнобольныхъ удавалось посредствомъ микроскопическихъ изслѣдованій констатировать измѣненія въ этихъ частяхъ мозга, что указываетъ на физическую почву всякихъ душевныхъ болѣзней, являющихся какъ бы послѣдствіемъ химическаго разстройства ассоціаціонныхъ центровъ мозга.

Проф. Патръ изъ Висбадена сдѣлалъ докладъ о психологіи ребенка, указывая, что генетическій методъ, употребляемый во всѣхъ отрасляхъ біологіи, очень полезенъ при изученіи психологіи ребенка. Необходимо также съ точностью опредѣлить всѣ морфологическія измѣненія дѣтскаго мозга въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ жизни и не только хронологически, но и сравнительнымъ путемъ установить ходъ развитія дѣтскаго ума и первые проблески психической дѣятельности. Изученіе психологіи ребенка имѣетъ огромное значеніе для познанаія всей психической организаціи человѣка, такъ какъ на ребенкѣ мы можемъ прослѣдить въ сокращенномъ видѣ всѣ фазы развитія человѣчества.

Проф. Эббингаузъ изъ Бреславля предложилъ новый способъ испытанія умственныхъ способностей, примѣненный имъ въ народныхъ училищахъ. Проф. Эббингаузъ былъ приглашенъ въ прошломъ году въ качествѣ эксперта въ гигиеническую комиссію, которая должна была изслѣдовать вопросъ, не оказываетъ ли пятичасовое ученіе въ школахъ пагубнаго вліянія на дѣтей? Для рѣшенія этого вопроса комиссія занялась собираніемъ матеріала, указывающаго, какую вообще умственную работу и какъ долго могутъ совершать дѣти безнаказанно для себя. Съ этою цѣлью дѣтей заставляли въ теченіе нѣсколькихъ часовъ кряду дѣлать арифметическія задачи, къ концу третьяго часа они обыкновенно уже такъ уставали, что не въ состояніи были безъ мучительнаго напряженія продолжать и дѣлали ошибки въ самыхъ простыхъ вычисленіяхъ. Считая вычисленія вообще очень скучною работою, ускоряющей усталость и вызывающей быстрое переутомленіе, проф. Эббингаузъ замѣнилъ ихъ другою

работой: онъ давалъ ученикамъ и ученицамъ какой нибудь неизвѣстный имъ рассказъ или стихотвореніе, въ которомъ нѣкоторыя слова или вовсе выпущены или замѣнены начальными буквами. По мнѣнію проф. Эббинггауза такой приемъ имѣетъ преимущество передъ арифметическимъ вычисленіемъ или заучиваніемъ наизусть, если нужно опредѣлить умственные способности дѣтей, такъ какъ это опредѣленіе вѣрнѣе достигается проверкой умѣнья комбинировать, нежели счисленіемъ и механическимъ заучиваніемъ. На основаніи своихъ опытовъ проф. Эббинггаузъ пришелъ также къ заключенію, что способность комбинировать ослабѣваетъ у дѣтей значительно къ концу учебнаго дня, что несомнѣнно указываетъ на переутомленіе ихъ мозга. Мы не имѣемъ возможности подробно изложить всѣ крайне интересные и важные въ научномъ отношеніи доклады, которые обсуждались на конгрессѣ психологовъ въ Мюнхенѣ, такъ какъ труды съѣзда являются въ печати не раньше осени; теперь же намъ поневолѣ приходится ограничиться лишь краткимъ перечисленіемъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ конгрессомъ психологовъ. Одною изъ характерныхъ чертъ этого конгресса безъ сомнѣнія является стремленіе къ научному изслѣдованію индивидуальныхъ психологическихъ различій, къ установленію такъ называемой индивидуальной психологіи рядомъ съ всеобщей психологіей. Психологъ старается изучить особенности индивидуальныхъ типовъ, характеровъ, темпераментовъ и способностей. Толчокъ къ основанію индивидуальной психологіи былъ данъ Франціей въ лицѣ проф. Бинзъ, изслѣдованія котораго сдѣлали огромный шагъ впередъ въ этомъ направленіи. Конгрессъ указалъ также на огромное практическое значеніе экспериментальной психологіи для педагогики и психіатріи. Благодаря экспериментальному методу педагогика вступила уже на новый путь и, не довольствуясь общими выводами дѣтской психологіи, старается изучить индивидуальные различія дѣтей и такимъ путемъ установить прочныя и практическія основы для методовъ преподаванія.

Гипнотизмъ занималъ на этомъ конгрессѣ психологовъ почти такое же выдающееся мѣсто, какъ и на предшествующемъ конгрессѣ, при чемъ обнаружилось два теченія, характеризующія отношенія психологовъ къ этому вопросу. Одни изслѣдователи стремятся главнымъ образомъ найти психологическія основы для объясненія гипнотическихъ явленій и, подведя ихъ подъ общіе законы, лишитъ ореола таинственности, благодаря которому эти явленія зачастую относятся къ области оккультизма, другіе же оставляя въ сторонѣ всякія теоріи, объясняющія гипнотическія явленія, изучаютъ преимущественно терапевтическое дѣйствіе гипнотизма и его примѣненіе въ различныхъ случаяхъ нервныхъ страданій. Изъ множества докладовъ, прочитанныхъ о гипнотизмѣ, обратили на себя особенное вниманіе сообщенія проф. Фореля объ отношеніи гипнотизма къ исторіи и доктора Берильона о значеніи гипнотизма въ педагогикѣ, а также докладъ доктора Ари де Йонга изъ Голландіи на ту же тему, доказывающую, что внушенія въ состояніи гипноза могутъ имѣть громадное педагогическое

значеніе. Доктор Іонгъ говоритъ, что онъ собственнымъ опытомъ убѣдился въ благотѣльномъ дѣйствиіи внушенія во многихъ случаяхъ и ему неоднократно удавалось искоренять такимъ образомъ дурныя наклонности дѣтей и приостанавливать дальнѣйшее развитіе этихъ наклонностей; даже въ такихъ случаяхъ, когда несомнѣнно существовало нравственное помѣшательство ему все таки удавалось путемъ гипнотическаго внушенія подавить у дѣтей порочныя стремленія.

Изъ этого краткаго изложенія нѣкоторыхъ докладовъ, обсуждавшихся на съѣздѣ психологовъ въ Мюнхенѣ, читатель можетъ судить о томъ, какъ была обширна программа этого конгресса, затрагивающая массу вопросовъ, имѣющихъ не только чисто научное, но и общечеловѣческое значеніе. Слѣдующій конгрессъ состоится по рѣшенію международной коммисіи въ 1900 году въ Парижѣ. Предсѣдателемъ этого будущаго конгресса избранъ Рибо, вице-предсѣдателемъ Рише, а секретаремъ Жанэ.

Э. Пименова.

По случаю выставки, въ Женевѣ былъ созванъ первый швейцарскій школьный конгрессъ, въ которомъ участвовали преподаватели французской, нѣмецкой и итальянской Швейцаріи. Благодаря полной свободѣ ассоціацій, въ Швейцаріи существуетъ масса всевозможныхъ обществъ; самыя многочисленныя изъ нихъ—педагогическія. Большинство преподавателей принадлежитъ къ какой нибудь изъ этихъ педагогическихъ ассоціацій. Главныя изъ нихъ слѣдующія три: швейцарскій союзъ учителей (Schweizerischer Lehrerverein), педагогическое общество французской Швейцаріи (Société Pédagogique de la Suisse Romande) и общество народнаго образованія (Società cantonale degli Amici dell' Educazione del popolo) въ Тессинѣ. Объединяющимъ для нихъ звеномъ служитъ органъ педагогическаго общества французской Швейцаріи: «Воспитатель» (L'Éducateur). Каждое изъ нихъ имѣетъ свое широкое самоуправленіе, свои секціи и свой органъ. (Въ Швейцаріи издается болѣе 20 педагогическихъ органовъ). По случаю выставки, эти три общества предложили создать первый, общій, національный конгрессъ въ Женевѣ, и преподаватели народныхъ школъ горячо откликнулись изъ всѣхъ уголковъ Швейцаріи.

На очереди стояли два вопроса: воспитательный элементъ въ преподаваніи (Enseignement éducatif) и дополнительная школа (Ecole Complémentaire). Конгрессъ желалъ обратить вниманіе преподавателей съ одной стороны на недостатокъ воспитательнаго элемента въ преподаваніи, такъ какъ школа должна не только образовывать умъ, но и воспитать сердце и волю ребенка; съ другой стороны, выработать наилучшій типъ дополнительной школы.

На конгрессъ пріѣхало болѣе 2,000 народныхъ учителей и учительницъ, которыхъ Женева гостепріимно встрѣтила. За весьма ничтожную плату (7 фр.), гости имѣли въ теченіе 3 дней столъ, квартиру (для

этой цѣли были утилизированы все школьныя зданія), даровой входъ на выставку и много разныхъ удовольствій, въ видѣ концертовъ, лекцій, прогулокъ и банкетовъ. Двери музея, лабораторій и университета были имъ широко раскрыты при любезномъ содѣйствіи гг. профессоровъ. Все желѣзныя дороги и парходныя общества сдѣлали конгрессистамъ 50 % скидки на цѣлую недѣлю. Конгрессъ закончился великолѣпнымъ ночнымъ праздникомъ на озерѣ.

Первый вопросъ, поставленный конгрессомъ: воспитательный элементъ въ преподаваніи (L'enseignement éducatif). Докладчиками были Ф. Гэ (Guex) и М. Стюки (Stucky).

Г. Гэ прежде всего обратилъ вниманіе на существующіе взгляды на школу: одни ждуть отъ школы только знанія; вторые признаютъ за ней одно утилитарное значеніе; третьи требуютъ отъ нея помимо образованія и воспитанія. Между тѣмъ, человѣкъ предназначенъ къ дѣятельности, а поведеніе его гораздо менѣе зависитъ отъ знанія, чѣмъ отъ характера. Слѣдовательно, нужно образовать сильный характеръ, а такъ какъ сила характера проявляется въ волѣ, то необходимо воздѣйствовать на волю ребенка. Эту задачу можетъ выполнить только воспитаніе, изъ чего слѣдуетъ, что преподаваніе должно непременно быть воспитательнымъ. Въ такомъ случаѣ, преподаваніе не можетъ быть цѣлью само по себѣ, а должно быть лишь средствомъ къ достиженію высшей цѣли.

Какія же условія требуются для того, чтобы преподаваніе было воспитательнымъ? Прежде всего, безкорыстная любовь ребенка къ ученію. Если ребенокъ полюбитъ ученіе, онъ полюбитъ и трудъ, и воля его будетъ развиваться и расти. Изъ этого слѣдуетъ необходимость изгнать изъ школы все искусственные побудители, въ видѣ наказаній и наградъ, какъ безнравственный элементъ въ преподаваніи. При несоблюденіи этого перваго, кореннаго условія, всякое преподаваніе сведется на дрессировку, попугайство и формализмъ.

Какъ же вызвать эту безкорыстную любовь къ ученію? Въ самой природѣ ребенка лежитъ драгоценное свойство, которымъ искусный преподаватель можетъ воспользоваться, какъ лучшимъ орудіемъ для достиженія своихъ идеальныхъ цѣлей: это дѣтская любознательность. Нужно лишь заинтересовать ребенка, и онъ станетъ работать, станетъ принимать активное участіе въ урокѣ. Разъ онъ изъ пассивнаго состоянія перешелъ въ активное, цѣль достигнута: волѣ ребенка данъ импульсъ. Интересъ — источникъ нашей воли, нашей дѣятельности, нашей жизни. Слѣдовательно, *интересъ долженъ быть краеугольнымъ камнемъ преподаванія*. Интересъ — тотъ рычагъ воспитанія, который искусно орудимый преподавателемъ, направитъ ребенка на прекрасное и разумное и создастъ изъ него человѣка полезнаго и дѣятельнаго въ будущемъ.

Какъ и гдѣ зарождается интересъ? На это даетъ отвѣтъ научная педагогика. Она говоритъ, что интересъ пробуждается тамъ, гдѣ есть аперцепція (aperception), т. е. воздѣйствіе новыхъ понятій на старыя. Изъ

этого слѣдуетъ, что преподаваніе должно всегда исходить изъ того, что ребенокъ уже знаетъ по собственному опыту, оно должно быть въ высшей степени нагляднымъ, оно должно переходить лишь съ крайней осторожностью отъ конкретнаго къ отвлеченному. Урокъ долженъ идти естественно развиваясь по слѣдующему плану: 1) приобрѣтеніе конкретныхъ понятій или intuition; 2) переходъ отъ конкретнаго къ отвлеченному, отъ частнаго къ общему; 3) практическое примѣненіе приобрѣтеннаго знанія. Отвлеченіе должно вытекать изъ урока и непременно быть формулированнымъ самими учениками.

И такъ, преподаватель долженъ искусно связывать новыя знанія съ уже приобрѣтенными, идти впередъ, чувствуя твердую почву подъ ногами. вмѣстѣ съ тѣмъ, сама программа должна быть составлена такъ, чтобы отвѣчать на эти психологическія требованія. Во-первыхъ, въ нее должны входить только такіе предметы, которые способны вызвать и поддержать интересъ въ ребенкѣ. Во-вторыхъ, предметы должны быть расположены и связаны по строго опредѣленному плану, такъ чтобы преподаваніе не разбрасывалось и знаніе не давалось бы какими-то безсвязными отрывками. Докладчикъ предлагаетъ раздѣлить предметы на нѣсколько группъ: 1) предметы, которые изучаютъ природу (ничто такъ не возбуждаетъ интереса въ ребенкѣ, какъ природа); 2) предметы, которые даютъ понятія о человѣкѣ, обществѣ и Богѣ; 3) родной языкъ; 4) предметы, требующіе спеціальнаго метода, какъ ариметика, рисованіе, пѣніе; 5) гимнастика и ручной трудъ. Въ каждомъ классѣ, на каждой ступени, одинъ какой нибудь предметъ долженъ быть выбранъ какъ центръ преподаванія. Такими предметами на первыхъ ступеняхъ должны быть наглядное обученіе и изученіе роднаго языка. Чрезвычайно важно, чтобы книга для класснаго чтенія была составлена такимъ образомъ, чтобы съ одной стороны служить для изученія роднаго языка, а съ другой — являться исходной точкой для преподаванія другихъ предметовъ. Кромѣ того, преподаваніе должно объединять родственные предметы, напримѣръ, естественную исторію и начальную географію, географію и исторію одной страны, ариметику, геометрію и рисованіе.

Такая концентрація имѣетъ цѣлью сохранить цѣльность каждаго предмета преподаванія, осуществивъ единство въ общемъ планѣ.

Второй докладчикъ, проф. М. Стюки, совершенно соглашаясь съ предыдущимъ ораторомъ, предостерегаетъ преподавателей отъ рутинны, отъ боязни новыхъ идей и нововведеній, напоминаетъ имъ, что преподаватель долженъ научить прежде всего ребенка думать, а не заучивать. «Духъ учителя — жизнь преподаванія!» заканчиваетъ онъ свой докладъ.

Конгрессъ принялъ единогласно выставленные проф. Гэ и Стюки тезисы:

I. Цѣль воспитанія — образовать въ ребенкѣ нравственный характеръ. Характеръ, это значитъ знаніе, это значитъ воля.

«Эта цѣль общая: она касается дѣтей всѣхъ странъ и всѣхъ профессій.

«Преподаваніе должно быть связано съ воспитаніемъ: оно дополняетъ тѣ знанія, которыя ребенокъ черпаетъ изъ своего опыта и изъ своихъ отношеній къ людямъ. Оно должно одновременно подготовить къ жизни и повліять на волю ребенка, облагородить его стремленія. Нельзя себѣ представить преподаваніе, которое не было бы связано съ воспитаніемъ».

II. «Интересъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ понимаетъ его научная педагогика, источникъ воли, двигатель нашихъ волевыхъ дѣйствій и основа воспитательнаго преподаванія. Интересъ зарождается тамъ, гдѣ есть аперцепція. Талантъ преподавателя заключается въ томъ, чтобы связать какъ нибудь новыя знанія съ уже приобретенными. Слѣдовательно, преподаваніе должно исходить изъ области знаній, приобретенныхъ ученикомъ опытомъ».

III. «Обученіе чтенію, письму и счету не должны быть центромъ начальнаго обученія. Только тѣ предметы, которые способны возбудить разнообразный интересъ, должны фигурировать въ программѣ, не тотъ интересъ, который возбуждается рассказомъ необыкновенныхъ и поразительныхъ фактовъ, а тотъ, который зарождается, когда новыя понятія встрѣчаются въ умѣ съ аналогичными и съ ними ассоціируются.

«Планъ ученія народной школы долженъ обнимать: а) тѣ предметы, которые знакомятъ съ природой, б) тѣ, которые даютъ необходимыя понятія о человѣкѣ, обществѣ и Богѣ, в) родной языкъ, г) тѣ, которые должны преподаваться по извѣстному методу: арифметика, рисованіе, пѣніе, е) гимнастика и ручной трудъ.

«Идея концентраціи примѣнима къ нашимъ настоящимъ программамъ: при выработкѣ будущаго плана ученія, нужно будетъ ее принять во вниманіе.

IV. Предоставляя учителямъ извѣстную свободу дѣйствій, нужно признать три естественныя ступени, но взбираясь по которымъ, можно образоваться и приобрести знанія. Самый рациональный методъ преподаванія заключается въ естественномъ ходѣ развитія урока (*la progression normale de la leçon*). Такой методъ наиболѣе соответствуетъ воспитательнымъ цѣлямъ, такъ какъ оно одновременно даетъ знаніе ребенку и воспитываетъ его сердце и волю».

Докладчики по 2 вопросу (гг. Винье, Веберъ и Жіани) прежде всего выясняютъ, что они подразумеваютъ подъ названіемъ *Ecole Complémentaire* (Дополнительной школы). Дѣло идетъ не о подготовительныхъ курсахъ для рекрутовъ и не о повторительныхъ курсахъ народной школы, отчасти профессиональныхъ, а о школѣ соответствующей нѣмецкой *Fortbildungsschule*, т. е. школѣ, дополняющей образованіе, школѣ совершенствованія. Предполагая, что народная школа длится 8 лѣтъ, а не 6, какъ теперь, они предлагаютъ 3-хъ-лѣтнюю дополнительную школу для подростковъ обоого пола отъ 14 до 17 лѣтъ. Такая школа, которая была бы не повтореніемъ, а продолженіемъ народной школы, является, по ихъ

миѣнію, насущной потребностью времени. Въ защиту этого положенія докладчики выставили слѣдующія соображенія:

1) Крайне важно, чтобы въ періодъ физическаго и нравственнаго кризиса, подростки находились подъ благотѣльнымъ влияніемъ школы. Между тѣмъ, дѣтей берутъ изъ школы и отдаютъ въ ученіе, когда характеръ ихъ еще окончательно не установился и подвергають вреднымъ влияніямъ мастерскихъ, фабрикъ и заводовъ, гдѣ подростки работаютъ совмѣстно съ взрослыми.

2) Извѣстно, что мозговые функціи атрофируются при бездѣйствіи. Кто не идетъ впередъ, идетъ назадъ или стоитъ. Подростки, бросающіе школу въ 14—15 лѣтъ, подвергаются опасности умственнаго застоя.

3) Швейцарія лишена сырого матеріала; она его получаетъ извнѣ и ей приходится при весьма невыгодныхъ условіяхъ конкурировать съ соседними государствами. Она можетъ выдержать эту конкуренцію только при высшемъ уровнѣ своихъ рабочихъ, при высшемъ нравственномъ и профессиональномъ образованіи народа.

4) Дѣти должны научиться исполнять свой гражданскій долгъ, а для этого они должны знать законы своего отечества, свои гражданскія права и обязанности. Необразованные граждане опасны для государства: они задерживаютъ его естественное развитіе.

5) Наконецъ, дѣти всѣхъ классовъ имѣютъ равное право на образованіе. Между тѣмъ, только дѣтямъ имущихъ классовъ доступны всѣ среднія и высшія учебныя заведенія; дѣти достаточныхъ родителей учатся до 23—25 и больше лѣтъ. Пусть же дѣти рабочихъ классовъ учатся, по крайней мѣрѣ, до 17 лѣтъ; 11 лѣтъ ученія, это тотъ минимумъ, который государство обязано дать каждому гражданину.

Въ виду всего этого дополнительная школа не должна быть ни въ какомъ случаѣ только повтореніемъ, а продолженіемъ народной школы. Она должна быть профессиональной, но вмѣстѣ съ тѣмъ, она должна усовершенствовать индивида, просвѣтить его умъ и укрѣпить его характеръ. Она должна указать ученику путь, чтобы слѣлаться гражданиномъ и челоувѣкомъ. Величіе Швейцаріи въ образованіи ея народа. Такая школа будетъ имѣть широкое экономическое, социальное, нравственное и патриотическое значеніе. Эта школа будетъ настоящей національной, народной школой. Но для выполненія этой задачи, она должна быть широко снабжена учебными пособиями и должна непременно имѣть хорошую бібліотеку, потому что она должна указать путь къ самообразованію.

Докладчики много и горячо говорили о томъ, что дополнительная школа должна быть бесплатной и обязательной (иначе она теряетъ свое значеніе) и о важности образованія для женщины, при помощи которой долженъ рѣшиться великій социальный вопросъ. Это не мѣшаетъ имъ дѣлать нѣкоторую разницу въ программѣ мужской и женской дополнительной школы. Такъ они замѣняютъ законовѣдѣніе гигиеной, домоводствомъ и рукодѣліемъ, а естественныя науки, по ихъ миѣнію, должны преподаваться женщинамъ примѣнительно къ домашнему обиходу.

Указывалось также на недостатокъ подготовки народныхъ учителей для преподаванія въ дополнительной школь и было предложено учредить съ этой цѣлью особенныя учительскія семинаріи или курсы. Собраніе высказалось за дневное преподаваніе въ дополнительной школь. Было обращено вниманіе на необходимость составить особенную книгу для класснаго чтенія, специально для дополнительной школы.

Делегатъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія, г. Бюиссонъ привѣтствовалъ горячо конгрессъ отъ имени французскихъ народныхъ учителей и учительницъ и въ своей рѣчи выразилъ мысль, что помимо всякихъ методовъ важна преданность учителя своему дѣлу и что международное братство учителей — лучший залогъ для осуществленія идеаловъ будущаго.

Тезисы, выставленные докладчиками (обязательная народная школа должна длиться 8 лѣтъ; дополнительная школа должна быть трехлѣтняя, обязательная и безплатная; число уроковъ не должно быть меньше 30 въ годъ, преподаваніе должно быть дневное, если возможно) были приняты конгрессомъ единогласно.

На конгрессѣ была прочитана петиція общества Société de Préforme Orthographique, поданная въ мартѣ 1896 г. французскому министру народнаго просвѣщенія, объ измѣненіи французскаго правописанія. Въ брошюркахъ, розданныхъ конгрессистамъ, этотъ проектъ реформы научно обоснованъ. Конгрессъ выразилъ желаніе присоединиться къ подавшимъ петицію, находя, что, чѣмъ проще будетъ орѳографія, тѣмъ больше времени будетъ оставаться на болѣе серьезныя и полезныя предметы преподаванія.

Конгрессъ закончился рѣчью президента конгресса, профессора В. Розье, въ которой онъ благодарилъ докладчиковъ и всѣхъ принимавшихъ участіе въ конгрессѣ и выразилъ надежду, что послѣ столь удачной попытки объединить школьныя интересы французской, нѣмецкой и итальянской Швейцаріи, школьныя конгрессы будутъ и впредь носить такой національный характеръ. Закончилъ онъ свою рѣчь возгласомъ: «Vive l'Union!» (Да здравствуетъ Единеніе!)

И дѣйствительно, хотя доклады читались на разныхъ языкахъ, но они слушались съ такимъ дружескимъ вниманіемъ и интересомъ и такъ сходились по своимъ требованіямъ, что производили глубокое впечатлѣніе единства и полной солидарности. Очевидно, культурѣ маленькой Швейцаріи не мѣшаетъ развиваться разнообразіе языковъ и вѣроисповѣданій.

А. Каменская.

Изъ области знаній.

Научныя бесѣды.

Возникновеніе органической жизни на землѣ.

Когда и какъ возникла на землѣ органическая жизнь? Дѣйствительно ли она возникла у насъ на землѣ, или же она переселилась къ намъ съ ка-кого нибудь небеснаго тѣла на метеоритѣ, въ видѣ космической пыли и т. д., или же, наконецъ, не можетъ быть рѣчи ни о какомъ возникновеніи ея, а можно лишь держаться тысячелѣтняго мнѣнія всѣхъ космогоній, которыя связываютъ въ своихъ повѣствованіяхъ возникновеніе жизни на землѣ съ существованіемъ доміроваго хаоса?

Вопросъ этотъ очень сложный вопросъ, и иной читатель можетъ прежде всего спросить, не является ли онъ совершенно празднымъ: данныхъ для рѣшенія его слишкомъ мало, и тѣ, которыя существуютъ, могутъ быть толкуемы и такъ, и эдакъ. Не лучше ли будетъ предоставить поэтому подобное изслѣдованіе ученымъ будущаго, болѣе вооруженнымъ для рѣшенія его, чѣмъ мы?

На это мы возразили бы, что всякій вопросъ не празденъ постольку, поскольку онъ интересенъ; интересъ же нисколько не уменьшается отъ невозможности удовлетворить его; а что занимающій насъ вопросъ не лишень интереса, доказывается разными гипотезами, какими ученые старались разрѣшить его. Интересъ, это своего рода возбудитель: онъ подстрекаетъ наши умственные силы и направляетъ ихъ къ изученію и творчеству, которое если и не достигаетъ, именно, намѣченной цѣли, то все же даетъ въ результатъ нѣчто новое, перѣдко чреватое великими послѣдствіями.

По существу, конечно, изслѣдованіе о томъ, откуда и какъ возникъ міръ органическихъ существъ, неразрѣшимо, потому что никто не былъ свидѣтелемъ тому, какъ на землѣ зарождалась жизнь; однако, можно подборомъ и группировкой имѣющихся данныхъ построить такое предположеніе, которое наиболѣе правдоподобно и близко къ истинѣ. Въ жизни мы поступаемъ такимъ образомъ очень часто: наприимѣръ, когда преступникъ

не сознается въ своемъ преступленіи, когда нѣтъ свидѣтелей его подвига, то обвинительная власть строить по разнымъ добытымъ даннымъ гипотезу о томъ, какъ произошло преступленіе. Мы сами дѣлаемъ такія догадки на каждомъ шагѣ, и обыкновенно, чѣмъ необразованнѣе человѣкъ, тѣмъ легче онъ вѣритъ въ силу собственного воображенія, не отступающаго отъ самыхъ запутанныхъ случаевъ. Вѣдь, и всѣ историческія событія, какъ бы хорошо они ни освѣщались уцѣлѣвшими памятниками, лѣтописями, мемуарами, сказаніями и т. д., представляютъ лишь приблизительную достоверность, нѣкоторыя возстановляются лишь по догадкамъ, а нѣкоторыя такъ и остаются неразрѣшенными (напр., кто былъ извѣстная Желѣзная маска?). Искусство историка заключается не въ одномъ трудолюбивомъ сопоставленіи фактовъ; онъ долженъ быть художникомъ-психологомъ, иначе ему не проникнуть въ тайну человѣческихъ дѣйствій, изъ которыхъ составляется исторія. То же самое приходится дѣлать въ наукѣ о природѣ, и мы не знаемъ, почему ея осторожныя и, полныя сомнѣній, догадки должны возбуждать недовѣріе, когда какая-нибудь гипотеза о врачахъ, отравляющихъ въ холерное время колодцы, какое-нибудь убѣжденіе, что все должно быть такъ же, какъ оно было при отцахъ и дѣдахъ, имѣютъ полное право существовать и гулять по бѣлу свѣту.

Прошлое живыхъ существъ и неживой матеріи не менѣе интересно, чѣмъ прошлое человѣка. Однако, рѣзкаго различія между живымъ и неживымъ мы не въ состояніи провести. Камень или желѣзная подкова, валяющаяся въ сырой землѣ, въ сущности тоже живутъ: желѣзо подковы окисляется и превращается въ камень, и когда этотъ процессъ охватитъ все ея желѣзо, то подкова перестаетъ существовать одинаково и какъ подкова, и какъ кусокъ желѣза.

Но если бы тотъ же кусокъ желѣза представлялъ магнитъ, индуцируемый другимъ магнитомъ, и лежалъ бы въ кучѣ желѣзныхъ опилокъ, омываемыхъ струей слабой кислоты, которая удаляетъ накопляющуюся ржавчину, то онъ былъ бы въ состояніи замѣнять отпадающее въ видѣ ржавчины желѣзо новымъ, и процессъ ржавчненія нашего желѣза нѣсколько приблизился бы къ тому, что мы называемъ жизненнымъ процессомъ. Существованіе его зависѣло бы отъ его магнитной силы, отъ количества желѣзныхъ опилокъ и кислоты; нарушеніе въ пропорціи этихъ элементовъ опредѣляло бы собою моментъ его гибели.

Такъ какъ переходъ отъ мертваго вещества въ организованнаго существа долженъ быть, по всей вѣроятности, произойти на землѣ, а не въ мировомъ пространствѣ, то попытаемся сопоставить все, что намъ извѣстно о прошломъ земли и прослѣдить такимъ образомъ этотъ переходъ неживого вещества въ живые организмы или вѣрнѣе попытаемся представить себѣ тѣ условія, при которыхъ этотъ переходъ сталъ возможенъ.

Форма и строеніе земли указываютъ, что она нѣкогда пережила огненно-жидкое состояніе, подобное тому, въ какомъ въ настоящее время находится солнце. Когда пары, носившіеся надъ раскаленною поверхностью, сгусти-

лись и при дальнѣйшемъ охлажденіи стали осѣдать въ видѣ воды, которая наполнила впадины морей и потекла рѣками съ возвышенностей; когда подземныя силы, продолжая еще энергически извергать на поверхность расплавленную магму, отступили на большую глубину, то явились, наконецъ, условія и матеріалъ для возникновенія многихъ разнообразныхъ химическихъ соединеній, въ такихъ физическихъ состояніяхъ, которыя возможны лишь при меньшемъ размахѣ разныхъ природныхъ силъ, какъ, на примѣръ, температура, давленіе, химическое и физическое дѣйствіе раскаленныхъ паровъ, лавы и горячихъ растворовъ; слагаясь при меньшей затратѣ силъ, такія вещества вслѣдствіе этого легче разлагаются—чтобы расплавить, а тѣмъ болѣе разложить химически гранитъ надо сильный жаръ, но мѣлъ или углекислая известь уже при сотняхъ градусовъ разлагаются на окись кальція и угольную кислоту. По мѣрѣ того, какъ колебанія окружающихъ условій (температура, давленіе и составъ атмосферы, температура почвы и воды морей и рѣкъ, насыщенность ихъ солями и т. д.) вступали въ болѣе и болѣе тѣсныя предѣлы, увеличивалось вмѣстѣ съ тѣмъ и число легко слагающихся и разлагающихся соединеній; въ илѣ, намываемомъ водами рѣкъ вблизи морей, вблизи вулканическихъ областей, гдѣ кромѣ сѣрнистыхъ, фосфористыхъ и другихъ соединеній нерѣдко появляется нефть, т. е., углеводородъ, могли возникать все болѣе сложныя, но менѣе устойчивыя соединенія. Они должны были отличаться сложностью, потому что заключали много элементовъ, но разлагались легко; потому что такіе элементы какъ углеродъ, сѣра, фосфоръ въ связи съ кислородомъ, азотомъ и водородомъ образуютъ большую часть непрочныя химическія соединенія. Однако, это были не тѣ неустойчивыя соединенія, которыя при малѣйшемъ нарушеніи равновѣсія внутреннихъ силъ распадаются на части подобно нитроглицерину, разлагающемуся со взрывомъ при ничтожномъ сотрясеніи или искрѣ, а такія, которыя въ извѣстныхъ предѣлахъ измѣненія окружающихъ условій сохраняютъ основныя черты своего строенія и подъ вліяніемъ среды вступаютъ съ нею въ обмѣнъ, т. е., негодныя части замѣняютъ новыми. Вѣдь, и теперь горныя породы, омываемыя непрерывно почвенной водой, заключающей въ растворѣ различныя соли медленно и нечувствительно перерождаются: известнякъ переходитъ въ гипсъ, потому что въ углекислой извести угольная кислота уступаетъ свое мѣсто или, какъ говорятъ химики, вытѣсняется сѣрною кислотой, которая находится во всякой водѣ, хотя въ самомъ ничтожномъ количествѣ, зато образуетъ съ известью очень прочную соль, именно гипсъ; далѣе оливинъ перерождается въ серпентинъ, а полевыя шпаты (ортоклазъ, плагиоклазъ, составляющіе главную массу гранита) каолинизируются, т. е. превращаются въ каолинъ и глину; если во многихъ случаяхъ сложныя соединенія превращаются въ простыя, то, наоборотъ, нерѣдко простыя соединенія, присоединяя къ себѣ частицы другихъ элементовъ, превращаются въ болѣе сложныя тѣла.

Когда подземныя силы отступили на такую глубину, что пересталъ

непрерывно вліять на измѣненія, совершающіяся на земной поверхности, когда земля вступила въ періодъ развитія, въ теченіе котораго жизнь ея поверхности, т. е. различныя химическія и физическія измѣненія минеральныхъ частей стали зависть главнымъ образомъ отъ солнца и отъ свойствъ земли, какъ члена солнечной системы (напр., смѣна временъ года, климаты различныхъ широтъ и т. д.), въ жизни ея поверхности установилась извѣстная правильность и періодичность явленій.

Правда, дно морей осушалось, а материки покрывались водою неоднократно, но эти измѣненія могли лишь способствовать установленію такихъ моментовъ и положеній, при которыхъ жизненные процессы имѣли всего болѣе шансовъ затеплиться на землѣ.

При нашихъ земныхъ условіяхъ, главная роль въ образованіи живыхъ существъ принадлежитъ углероду: его частицы обладаютъ большимъ разнообразіемъ химическихъ свойствъ; они могутъ группировать около себя атомы или частицы другихъ органогеновъ (кислородъ, водородъ, азотъ, сѣра), давая такимъ образомъ начало безчисленному количеству самыхъ разнообразныхъ соединений, въ ряду которыхъ самыми сложными являются бѣлковыя вещества. Можно допустить, что вблизи вулканическихъ областей, гдѣ въ періоды затиханія огненной дѣятельности появляется нефть (смѣсь различныхъ углеводородовъ, т. е. соединений угля съ водородомъ, заключающихъ весьма значительное число атомовъ того и другого элемента), гдѣ выдѣляющіеся изъ трещинъ газы доставляютъ другіе необходимые элементы въ дѣятельномъ еще состояніи, могли возникать простыя, безжизненные пока соединения органогеновъ, по сложности своей нѣсколько приближавшіяся къ бѣлковымъ соединеніямъ. Они возникали, разлагались, слагались снова, образуя своими частями все болѣе и болѣе разнообразныя вещества. Они исчезали безслѣдно, можетъ быть, много разъ, но потомъ появлялись опять въ иныхъ мѣстахъ при сходныхъ благоприятныхъ условіяхъ.

Можетъ быть, миллионы лѣтъ раздѣляли эти моменты. Среди безконечнаго разнообразія и взаимодѣйствія самыхъ различныхъ факторовъ въ теченіе безчисленнаго числа лѣтъ должны были неоднократно представляться такія благоприятныя сочетанія условій виѣшней среды при наличности образовавшихся уже тѣлъ, при которыхъ въ ряду сложныхъ соединений появилось хотя бы на моментъ такое соединеніе, которое, подчиняясь вліяніямъ среды, реагировало слегка на нихъ и поглощая извнѣ разрушившіяся или унесенныя виѣшними силами части самого себя и, такъ сказать, растягивало во времени періодъ своего разложенія, подобно тому, какъ теперь большая или отживающая клѣточка ткани растенія или животнаго погибаетъ не сразу, а борется со смертью насколько хватаетъ ея силъ. И, если среди безчисленнаго количества такихъ частицъ появилась хоть одна, которая въ этомъ реагированіи со средою, заключающей питательныя вещества (воздухъ, соли, иныя болѣе сложныя соединенія или части разрушившихся соединеній) успѣвала замѣнить новыми *est* свои утраченныя части, то задача живого существа,

собственно говоря, уже была этимъ разрѣшена. Еще одинъ шагъ, еще нѣкое излишнее накопленіе сходнаго матеріала— и соединеніе могло уже выдѣлять избытокъ его въ видѣ новой частицы, т. е. новой особи. А, вѣдь, несомнѣнно, что вблизи извѣстной системы силъ и матеріала сосѣднія съ нимъ силы и вещества, входя въ эту систему небольшими дозами, принимаютъ его группировку, его строеніе, иначе мы бы не могли объяснить ни одного сколько нибудь дѣющагося во времени явленія, начиная отъ постепеннаго распространенія грозы, отъ гніенія и кончая заимствованіемъ идей и образа мыслей многихъ людей отъ одного человѣка или отъ одного ученаго учрежденія, напр., университета.

Но, скажетъ читатель, здѣсь нанизанъ другъ на друга рядъ счастливыхъ возможностей. Это правда, но, вѣдь, мы собрали на одной страницѣ то, что въ природѣ раздѣлено ужасающими промежутками времени и что могло происходить на громадномъ пространствѣ всей земной поверхности. Одинъ кубическій сантиметръ ила со дна Тихаго океана заключаетъ десятки и даже сотни тысячъ панцирей или оболочекъ погибшихъ мелкихъ существъ. Сколько же ихъ похоронено на всемъ пространствѣ океаническаго дна, и сколько ихъ, вообще, жило на днѣ его съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ самъ океанъ? Съ другой стороны, число микроорганизмовъ въ воздухѣ можетъ достигнуть до 6000 и болѣе въ одномъ кубическомъ метрѣ уличнаго воздуха. Сколько же ихъ носится и носилось въ пространствѣ атмосферы вообще? Все это числа, которыя не поддаются никакому воображенію. Распределите на то же пространство и на тотъ же періодъ времени моменты образованія первыхъ бѣлковыхъ соединеній и вспомните, что тайна многихъ химическихъ процессовъ намъ еще непонятна, хотя совершается на нашихъ глазахъ; зеленая клѣтка растительнаго листа изъ углекислоты и воды образуетъ углеводъ крахмалъ, мы можемъ наблюдать это явленіе въ микроскопъ въ каждомъ древесномъ листѣ, и всетаки не въ состояніи опредѣлить, какъ оно совершается.

Теперь посмотримъ, какія физическія особенности земной среды должны были наиболѣе благоприятствовать сохраненію и дальнѣйшему развитію перваго живого существа, перваго комка протоплазмы; посмотримъ, гдѣ слѣдуетъ искать колыбель ея, откуда она расплзлась по всей землѣ, создавъ все разнообразіе и великолѣпіе растительной и животной жизни.

Чтобы выкормить и не дать погибнуть первому существу, природа должна была быть внимательною и терпѣливою нянькой, она должна была удерживать его въ наиболѣе благоприятныхъ для его развитія условіяхъ. Нѣжныя протоплазматическія соединенія не могли тогда выносить такихъ рѣзкихъ измѣненій, которыя они безъ вреда выносятъ теперь. Надо помнить, что стойкость вырабатывается постепенно въ борьбѣ за существованіе и передается вмѣстѣ съ другими качествами потомкамъ въ качествѣ сбереженія и опыта предковъ. Поэтому слѣдуетъ предполагать, что первыя бѣлковыя соединенія могли существовать лишь при условіяхъ почти неизмѣняющейся среды, а такими свойствами обладаетъ только вода и притомъ вода опредѣленнаго немѣняющагося или слабо мѣняющагося состава,

опредѣленной температуры и съ постояннымъ и правильнымъ притокомъ питающихъ веществъ. Температура ея не должна была колебаться даже въ предѣлахъ десятихъ долей градуса; волненіе, течение, смѣна свѣта и темноты не должны были нарушать первыхъ слабыхъ начатковъ взаимодействія между средою и первымъ живымъ веществомъ. Но гдѣ же на землѣ возможны такіа условія и почему необходимо ихъ предполагать?

Такиа условія существуютъ на землѣ. Мы находимъ ихъ на глубинахъ морей и океановъ, гдѣ мелькающія тысячелѣтія не приводятъ за собою никакихъ измѣненій, кромѣ самыхъ слабыхъ и ничтожныхъ. Такъ, температура на большихъ глубинахъ почти не подвержена никакимъ колебаніямъ, волненіе достигаетъ тамъ морского дна въ видѣ воднѣ ничтожной амплитуды колебанія, и слабое незамѣтное теченіе, происходящее вслѣдствіе неравенства температуръ, и которому англичане дали названіе «ползучаго теченія» (creeping flow) лишь медленно обновляетъ составъ воды; между тѣмъ сверху, подобно дождю, сыпятся мелкія или крупныя частицы занесенной въ море вѣтромъ пыли, ила, принесеннаго рѣками, и останки непрерывно погибающихъ мелкихъ и крупныхъ морскихъ организмовъ. Но такъ какъ матеріалъ для построенія должны были доставлять съ одной стороны рѣки, вымывавшія различныя соли изъ почвы материковъ, а съ другой стороны вулканическія (можетъ быть подводныя) изверженія, происходившія по краямъ материковъ, въ мѣстахъ наибольшихъ разломовъ земной коры, между тѣмъ какъ воспитывающею средою должно было быть дно глубокаго моря, то необходимо допустить, что мѣста, гдѣ жили и развивались первые организмы, находились не въ самыхъ глубокихъ областяхъ моря, а лежали на меньшихъ глубинахъ, куда, однако, совершавшіяся на поверхности колебанія достигали лишь въ ничтожной степени. Кромѣ того, эти мѣста должны были находиться на извѣстномъ разстояніи отъ устьевъ такихъ большихъ рѣкъ, которыя сохраняли направленіе и постоянство своего теченія долгое время, вопреки измѣнявшимся земной ликъ горообразовательнымъ процессамъ (а такіа рѣки существуютъ, и, повидимому, къ типу ихъ принадлежитъ, напр., рѣка Колорадо въ Сѣверной Америкѣ).

Но почему же среда должна была быть въ началѣ неизмѣнной? Если бы на этотъ вопросъ мы отвѣчали банальной фразой, что, вообще, все молодое и неокрѣпшее не выноситъ рѣзкихъ измѣненій и сильныхъ потрясеній, то мы воспользовались бы лишь всѣмъ понятнымъ, но ничего необъясняющимъ представленіемъ.

Дѣло въ томъ, что первые организмы, оставляя въ сторонѣ неизвѣстныя формы ихъ, вѣроятно, глубоко отличались отъ существующихъ тѣмъ, что организаціи ихъ недоставало той внутренней прочности и устойчивости, которыя были выработаны въ борьбѣ за существованіе безконечнымъ числомъ послѣдующихъ поколѣній, и которыя представляютъ, такъ сказать, великій жизненный капиталъ, наследуемый отъ предковъ, подобно тому, какъ цивилизованный человѣкъ въ противоположность дикарю силенъ лишь

благодаря матеріальнымъ и умственнымъ богатствамъ, унаслѣдованнымъ отъ прежде жившихъ людей.

Понятно, что рѣзкія переměны, наступавшія слишкомъ быстро, должны были дѣйствовать губительно на эти еще слабыя проявленія жизнѣдѣтельности; чуть только послѣднія распространялись за предѣлы благоприятной имъ зоны моря, какъ немедленно погибали. Тѣмъ не менѣе тѣ организмы, которыя проводили свою жизнь на границахъ благоприятной и неблагоприятной для нихъ области моря являлись аванпостами или пионерами, распространявшими жизнь съ одной стороны далѣе вдоль береговъ и отсюда на сушу, съ другой стороны—въ еще болѣе глубокия пучины моря, ибо, вѣдь, и тамъ, въ этомъ вѣчномъ мракѣ и холодѣ, какъ доказали новѣйшія глубоководныя экспедиціи, органическая жизнь не хочетъ прекратиться, а развиваетъ новыя для насъ и совершенно самобытныя формы.

Не мало шуму много лѣтъ тому назадъ произвелъ въ ученое мірѣ вынутый со дна глубокаго моря глубоководный илъ, въ которомъ Гёсли хотѣлъ видѣть первичную протоплазму (*Urschleim*). При ближайшемъ изученіи этотъ первобытный илъ или *батибий*, какъ его окрестили, оказался просто нѣжнымъ хлопчатымъ осадкомъ гипса, который въ незначительномъ количествѣ находится раствореннымъ въ морской водѣ. Отъ прибавленія спирта онъ немедленно осаждается. На глубинѣ моря онъ осаждается, вѣроятно, отъ пресыщенія раствора. Такимъ образомъ возникшая было надежда найти начальную фазу живыхъ существъ не оправдалась. Но вскорѣ надежда эта снова ожила, благодаря находкамъ слѣдовъ какихъ-то очень простыхъ организмовъ въ древнѣйшихъ пластахъ земли; надежда ожила для того, чтобы вскорѣ опять погаснуть.

Какъ извѣстно, мягкія части организмовъ послѣ гибели ихъ не сохраняются. Правда, геологія и палеонтологія знакомятъ насъ съ отпечатками лапъ неизвѣстныхъ животныхъ (такъ называемые слѣды хиротерія, далѣе слѣды *Brontozoum giganteum*) на мягкомъ и влажномъ, но впоследствии высохшемъ и отвердѣвшемъ прибрежномъ илѣ; намъ извѣстны отпечатки капель дождя, который шелъ, можетъ быть, миллионы лѣтъ тому назадъ, червеобразныя бороздки, оставленныя червями или насѣкомыми, какія и теперь можно встрѣтить на влажномъ прибрежномъ пескѣ рѣкъ и морей; но мягкія части попадаютъ въ видѣ рѣдкаго исключенія и лишь въ исключительныхъ условіяхъ (напр., трупы мамонтовъ и допотопнаго носорога въ сибирской мерзлой почвѣ). Поэтому понятно, что первобытное населеніе земли намъ совершенно неизвѣстно. Первые слѣды живыхъ существъ попадаютъ намъ въ древнихъ пластахъ кембрійской системы (между прочимъ, пласты подобной древности слагаютъ собою почти весь южный берегъ Финскаго залива и выходятъ наружу въ высокихъ и крутыхъ берегахъ его). Лежащіе подъ этими пластами кристаллическія сланцы и гнейсы гуронской и лаврентьевской системы представляютъ самыя древніе извѣстные намъ осадочные пласты первоначальной земной коры. Одно время они было подали надежду, что въ нихъ сохранились

остатки какого то очень древняго организма. Именно, въ 1863 г. Макъ-Мулень нашелъ въ верхнихъ Лаврентьевскихъ известнякахъ въ Канадѣ прослойки минерала серпентина. Даусонъ, Карпентеръ и Джонсъ, изслѣдуя эти вклученія, пришли къ заключенію, что они по своей структурѣ представляютъ не что иное, какъ окаменѣлыя остатки какой то корненожки изъ отряда Foraminifera. Эти ученые назвали его *Eozoon canadense* (eos по гречески заря, zoon—живущій, по смыслу, стало быть—заря жизни). Вскорѣ Гюмбель открылъ въ древнихъ известнякахъ Баваріи *Eozoon bavaricum*, потомъ посыпался другія подобныя же открытія въ Финляндіи, въ Саксоніи, въ Силезіи, въ Венгріи, Богеміи и въ Пиринейяхъ. Но тогда же началось обратное теченіе: ученые Кингъ и Роуней, открывшіе подобныя же серпентиновые ходы въ болѣе новыхъ породахъ острова Скай, стали утверждать, что эти вклученія представляютъ просто мѣстныя минеральныя измѣненія и обнаруживаютъ сходство съ какимъ нибудь низшимъ организмомъ только по внѣшнему виду.

Мнѣніе ихъ послѣ изслѣдованія компетентныхъ палеонтологовъ взяло верхъ, и теперь лаврентьевскіе гнейсы и гуронскіе сланцы по прежнему называются азойскими (*азоон*—безжизненный) вмѣсто *еозойскихъ*, какъ ихъ стали было называть въ виду находженія *Eozoon'a*. Въ вышележащихъ кембрійскихъ пластахъ появляются уже несомнѣнные остатки организмовъ, и изученіе ихъ интересно въ томъ отношеніи, что позволяетъ дѣлать нѣкоторые выводы. Главную массу этой древней фауны составляютъ трилобиты (т. е. трехлопастные)—предки нынѣ живущихъ раковъ и ракообразныхъ; затѣмъ плеченогіе—организмы, снабженные двустворчатыми раковинами и тоящіе среди бозпозвоночныхъ совершенно особнякомъ. Самое древнее ископаемое *Lingulella ferruginea* принадлежитъ именно къ этому порядку и представляетъ собою раковинку величиной немногимъ болѣе крупнои булабочной головки; встрѣчаются еще микроскопическихъ размѣровъ челюсти, принадлежащія по всей вѣроятности червямъ; наконецъ отпечатки не то водорослей, не то ползавшихъ здѣсь нѣкогда червей. Вотъ почти и все. Мало, но въ то же время очень много, потому что эти остатки принадлежатъ по крайней мѣрѣ, четыремъ различнымъ классамъ довольно высокоразвитыхъ бозпозвоночныхъ животныхъ. Если эволюціонное ученіе справедливо, если всѣ живыя и прежде жившія существа родственны другъ другу и происходили другъ отъ друга, а, слѣдовательно, и отъ общаго корня, то мы должны признать не только существованіе, но и возникновеніе на нашей планетѣ этого общаго корня. Появленіе его мы должны отнести ко времени значительно ранѣе отложенія кембрійскихъ пластовъ, и если мы хотимъ представить себѣ условія возникновенія этого перваго организма, то наука предлагаетъ намъ свои услуги и указываетъ въ какихъ предѣлахъ мы должны удерживать полеты своей фантазіи. Но ко всему этому она добавляетъ: хотите вѣрьте, хотите—нѣтъ, я же пока не рѣшаюсь утверждать что-либо положительное въ этой области и по этому вопросу.

Н. Каспійскій.

Хроника.

Отрадныя явленія.—Рѣдкое празднество.—А судьи кто?—Дороговизна обученія.—Старая исторія.—Любопытное ходатайство.

Отрадныя явленія.

Съ удовольствіемъ заносимъ въ нашу хронику два отрадныхъ факта о просвѣтительной дѣятельности земскихъ начальниковъ. Земскій начальникъ перваго участка Опочецкаго уѣзда, читаемъ въ «Рус. Мысли», обратился въ московское общество грамотности съ просьбой о содѣйствіи крестьянамъ слободы Таболенецъ, Святыя-Горы тожь, которые рѣшили устроить бібліотеку-читальню въ память своего помѣщика, творца «Бориса Годунова». Въ приговорѣ сельскаго схода признается, что въ Святыхъ-Горахъ и въ Михайловскомъ недостаточно чтимъ нашъ великій поэтъ. Крестьяне отводятъ въ каменномъ домѣ, гдѣ находится богадѣльня, помѣщеніе для читальни и назначаютъ 100 руб. ежегодно на ея содержаніе. Такъ какъ этихъ денегъ недостаточно, то они обращаются къ жертвователямъ. Совѣтъ московскаго общества грамотности постановилъ отправить въ святогорскую народную бібліотеку-читальню, въ виду того, что она посвящена памяти великаго писателя и находится недалеко отъ его могилы, книгъ на 250 руб».

Но еще отраднѣе другой фактъ: «Олонекія Губ. Вѣд.» приводятъ рѣчь, сказанную земскимъ начальникомъ Петровымъ на волостномъ сходѣ въ Ухтѣ по поводу открытія въ этомъ селеніи бесплатной бібліотеки. Перепечатаваемъ изъ нея нѣкоторые мѣста:

«Великій народъ русскій долженъ быть могучъ, какъ своимъ внѣшнимъ благосостояніемъ, такъ и нравственно-духовной красотой. Внѣшнее благосостояніе—это кусокъ насущнаго хлѣба, довольство, прожиточность,—какъ говорятъ въ здѣшнемъ краѣ; духовная красота—это свѣтлый разумъ и чистая совѣсть. Внѣшнее благосостояніе дается трудомъ. А трудъ возможенъ и хорошъ своими результатами при мирномъ, разумномъ строѣ жизни и порядкѣ.

Духовная красота, т. е. свѣтлый разумъ и чистая совѣсть, дается нрав

ственнымъ развитіемъ, знаніемъ, просвѣщеніемъ. Школа стремится дать это дѣтямъ вашимъ, но школы недостаточны, надо, чтобы дѣти не забыли того, чему научатся; надо, чтобы они еще прибавили къ тому самообученіемъ. Надо, чтобы свѣтъ не померкъ; ему, значить, тоже необходима пища.

«Вы открываете нынѣ въ память священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ бібліотеку-читальню; она дастъ вамъ книги, въ которыхъ заключено знаніе, которое поддержитъ этотъ свѣтъ, и онъ будетъ съ каждымъ годомъ все ярче и ярче горѣть.

Объявляю открытою вашу бібліотеку-читальню. Въ самомъ непродолжительномъ времени въ ней найдете вы лучшія и полезнѣйшія для васъ книги. Въ книгахъ этихъ вы найдете желанный свѣтъ, и да просвѣтитъ онъ васъ во славу Божию, на радость Царскую, на благо всей русской земли и на ваше собственное счастье».

Пріятно читать такія рѣчи, и невольно поддаешься мечтѣ, какъ бы хорошо было, какъ скоро развилась бы у насъ грамота, если бы всѣ земскіе начальники такъ честно и свѣтло смотрѣли на значеніе книги въ деревнѣ.

Рѣдное празднество.

«Въ Ново-Ладожскомъ уѣздѣ, въ с. Ребровѣ, хамонтовской волости, 22-го августа, какъ сообщаютъ въ «Нов.» происходило празднованіе двадцатипятилѣтія службы сельскаго учителя Григ. Кирилловича Лебединскаго, прослужившаго на одномъ мѣстѣ въ качествѣ земскаго учителя народной школы четверть вѣка. Двадцатипятилѣтнее служеніе Г. К. Лебединскаго народному образованію въ одномъ и томъ-же селеніи не могло пройти незамѣченнымъ. Празднованіе дня юбилея началось благодарственнымъ молебномъ, на который собрались не только всѣ мѣстные крестьяне-обыватели, но и изъ другихъ окрестныхъ деревень; среди этой молящейся массы народа было не мало бывшихъ учениковъ юбиляра, нынѣ уже взрослыхъ людей, имѣющихъ свои семьи. Послѣ молебна предсѣдатель ново-ладожской уѣздной земской управы К. П. Де-Моръ, какъ представитель мѣстнаго земства, привѣтствовалъ юбиляра и поднесъ ему отъ земства серебряную чернильницу художественной работы. Товарищи по службѣ, мѣстные земскіе учителя и учительницы, собравшіеся въ числѣ 20 человекъ, поздравили юбиляра и поднесли ему икону свв. Петра и Павла, при особомъ адресѣ. Представителемъ собравшихся крестьянъ всѣхъ окрестныхъ деревень, по ихъ единогласной просьбѣ, явился мѣстный земскій начальникъ М. П. Аристовъ, который, поздравляя юбиляра, поднесъ отъ имени крестьянъ особый прочувствованный адресъ и икону Казанской Божіей Матери. Не забыло юбиляра и министерство народнаго просвѣщенія, которое ассигновало ему сто рублей въ видѣ особой награды и поздравило юбиляра

через посредство мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ г. Котикова. Кроме того, новолодожская земская управа возбудила предъ с.-петербургскою губернской земскою управою особое ходатайство о назначеніи Г. К. Лебединскому пенсіи изъ губернскихъ земскихъ суммъ и постановила внести въ предстоящее очередное уѣздное земское собраніе особый докладъ съ цѣлью учредить стипендію, за земскій счетъ, въ гимназіи для одной изъ дочерей юбиляра».

Прослужить двадцать пять лѣтъ сельскимъ учителемъ при тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ которыя у насъ поставленъ народный учитель, есть немалый подвигъ, достойный уваженія и всяческаго вниманія. Вниманіе это было оказано почтенному труженнику-юбиляру всѣми его окружающими, но... когда замолокли привѣтствія и поздравительныя рѣчи, представляется намъ, юбиляръ не могъ не задуматься надъ своей тяжелой долей. Что же ждетъ его впереди, когда силы уже, быть можетъ, просятся на покой. Гдѣ та вещественная благодарность за долгій и тяжелый трудъ, на которую онъ въ правѣ рассчитывать, сможетъ ли онъ спокойно оставить свое любимое дѣло, когда силы не позволяютъ больше его продолжать. Къ сожалѣнію, нѣтъ. Пока здоровъ, пока тянешь еще лямку, есть на что кой какъ существовать, но, не приведи Богъ, заболѣлъ или старость пришла—и хоть съ сумой иди. Скопить изъ нищенскаго учительскаго жалованія, хоть и за 50 лѣтъ, очень мудрено, а пенсіи народному учителю нѣтъ. Вотъ это то тяжелое сознаніе той небезопасности, которая ждетъ тебя и твою семью на старости лѣтъ и есть одно изъ самыхъ тяжелыхъ и несправедливыхъ условій нашего народнаго учительства. А потому честь и слава стойкости и любви тѣхъ лицъ, которыя, подобно, Г. К. Лебединскому, четверть вѣка отдавали свои силы служенію такому дѣлу, которое не обѣщаетъ никакихъ благъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Велика, по истинѣ, мощь и любовь русскаго народнаго учителя, отдающагося этой великой цѣли! — Дай Богъ, чтобы такихъ учителей было побольше, но и не меньше слѣдуетъ желать, чтобы улучшились условія, какъ общественныя, такъ и матеріальныя сельскаго учителя.

А судьи кто?

Русскій человѣкъ не всегда рѣшается свое «сужденіе имѣть», къ очень многому относится инертно и молчаливо, и потому бѣда, коли его вдругъ прорветъ: такое выйдетъ сужденіе, что только руками разведешь. Намъ уже не разъ приходилось указывать на такіе примѣры. Вотъ еще одинъ любопытный, самоновѣйшій фактъ изъ этой области. Въ «Приазовск. Краѣ» читаемъ:

«До 1889 года книжная торговля въ Таганрогскомъ округѣ находилась почти исключительно въ рукахъ лубочниковъ. Въ 1889-же году начальникъ округа ген. Хрещатицкій задумалъ дать крестьянамъ настоящую, хо-

рошую книжку и съ этой цѣлью устроилъ при окружномъ распорядительномъ по земскимъ дѣламъ комитетѣ книжный складъ, а при сельскихъ школахъ округа—небольшія книжныя лавочки. Книжной торговлей, чрезъ посредство сельскихъ школъ, ген. Хрещатицкій рассчитывалъ ограничиться только на первое время, а затѣмъ, по мѣрѣ развитія дѣла, устроить при школахъ бібліотеки и читальни. Но вышло вотъ что.

Первыя партіи книгъ, разсланныя окружнымъ начальникомъ по школамъ, остались почти непроданными, такъ какъ не имѣли двухъ главныхъ условій успѣха книги въ деревнѣ—легкой общедоступной формы и дешевизны. Затѣмъ, по просьбѣ учителей, ген. Хрещатицкій прислалъ въ школы изданія «Посредника», мелкія произведенія Толстого и др., и торговля книгами пошла лучше; нѣкоторые учителя, кромѣ того, стали выдавать книги крестьянамъ на время, а крестьяне зачастую читали книжки въ самой школѣ.

Такъ шло дѣло нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ пошли слухи, что окружной училищный совѣтъ предполагаетъ устроить бібліотеки: центральную въ Таганрогѣ и филиальныя отдѣленія ея—во всѣхъ болѣе крупныхъ селахъ округа. И въ то-же время учителя округа получили отъ учебнаго начальства словесное увѣдомленіе о томъ, что школы не лавочки, и что, во всякомъ случаѣ, *«произведенія Толстого и всѣ изданія «Посредника» должны быть изъяты изъ обращенія въ школы, такъ-какъ замечаютъ въ себѣ популяризацию буддизма и пантеистической системы Гегеля»*

Дороговизна обученія.

Въ «Орл. Вѣстн.» напечатано интересное письмо какого то чиновника, жалующагося на дороговизну у насъ обученія. Письмо это затрагиваетъ весьма важный вопросъ, а потому приводимъ его:

«Я,—пишетъ авторъ письма,—мелкій чиновникъ, получаю небольшое сравнительно содержаніе и обремененный семьей, кой-какъ перебиваюсь изо дня въ день. Нужда научила меня дорожить не только рублемъ, но каждымъ грошомъ, и вотъ много лѣтъ записывалъ свои расходы и теперь, просматривая приходо-расходные журналы, вывелъ заключеніе, что у насъ дороже всего: ученіе и лѣченіе. Въ этихъ двухъ рубрикахъ въ теченіе долгихъ лѣтъ фигурируютъ наиболѣе крупныя цифры, истощавшія мой годовой бюджетъ. Чтобы не быть голословнымъ, я приведу вычисленія цифръ расхода на одного человѣка по каждой рубрикѣ отдѣльно.

Въ 10 лѣтъ сынъ мой принятъ въ гимназію, и вотъ съ этого времени графы обученія и воспитанія испещрены слѣдующими внушительными суммами:

1) Плата за ученіе	50 руб.
2) Покупка книгъ	10 >
3) Ранецъ и учебныя пособія (карандашъ, ручки, перья и тетрадки)	6 »
4) Форменная одежда (двѣ куртки, лѣтняя и зимняя; фуражка, поясъ, пальто) 50	— >
Изъ этой цифры я вычитаю 50%, ибо если бы сынъ не учился, одежда его стояла бы не болѣе 25 руб. въ годъ .	25 >
5) Завтракъ въ гимназіи (по 3 к. въ день) приблизительно	7 »
6) Репетиторъ (при всемъ желаніи обходиться безъ онаго невозможно при той постановкѣ дѣла, которая существуетъ сейчасъ)	72 >
7) Непредвидѣнные расходы (извозчики въ очень ненастную погоду, удовольствія чисто гимназическія и проч.) . .	6 >
<hr/>	
Итого	176 руб.

въ годъ, т.е. изъ 600 руб. получаемого жалованья приходится почти одну треть его издержать на обученіе».

Дѣйствительно, письмо это наводитъ на грустные размышленія. Что дѣлать, какъ быть родителю, имѣющему двухъ и трехъ сыновей, какъ обучить ихъ при такой дороговизнѣ обученія при маленькихъ средствахъ? Есть надѣ чѣмъ призадуматься. Можно ли признать нормальнымъ положеніе, при которомъ насущнѣйшая человѣческая потребность можетъ быть удовлетворена лишь путемъ необычайныхъ жертвъ. У насъ все дорого, начиная съ платы за ученіе, которая тѣмъ не менѣе все растетъ да растетъ. (Только и читаешь съ наступленіемъ учебнаго года о послѣдовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ разрѣшеніяхъ увеличить плату за ученіе). Дорого обходятся и учебники вслѣдствіе вѣчной ихъ перемѣны, дорого обходится и учебническое платьѣ, при необходимости носить форму непремѣнно извѣстнаго образца—для небогатыхъ семей это очень затруднительно. И маются наши родители и плачутся, доставляя своимъ дѣтямъ ключъ къ завѣтному замку въ видѣ аттестата зрѣлости. И что всего печальнѣе—оказывается, что бьется, бьется родитель, чтобы протащить сына черезъ гимназію, а глядишь въ результатѣ—сынъ ничему не научился: свѣдѣній какъ будто и много, а знаній нѣтъ. А то и другое бываетъ. Среднее образованіе окончено, а дальше и дѣваться некуда: $\frac{1}{4}$ единицы не хватило на экзаменѣ, и остался ни съ чѣмъ. Грустное положеніе, что и говорить!

Старая исторія.

«Въ Самойловкѣ, Балашовскаго уѣзда, читаемъ въ «Сарат. Листкѣ» имѣются четыре земскихъ школы; на 18 тысячъ жителей этого недостаточно: школы переполнены до невозможности и многимъ, за неимѣніемъ мѣста для сидѣнья, приходится стоять на ногахъ. Въ прошлый учебный годъ въ первой школѣ, за недостаткомъ мѣста, было отказано 70-ти мальчикамъ, во второй 60-ти, въ третьей—95. Три школы имѣютъ собственные зданія, четвертая же помѣщается въ наемномъ домѣ. Настоятъ крайняя нужда въ открытіи еще двухъ-трехъ школъ, особенно для дѣвочекъ. Общество относится къ школьному дѣлу крайне индифферентно. При школахъ есть, разумѣется, попечители, которые въ школу никогда не заглядываютъ. Такъ, при первой школѣ состоитъ попечителемъ мѣстный денежный тузъ. Какъ относится этотъ попечитель къ своей школѣ—видно хотя бы изъ того, что помѣщеніе для учителя скорѣе похоже на собачью конуру, чѣмъ на человѣческое жилище. Полы и окна сгнили, а попечителю—и горя мало».

Старая, но очень грустная исторія. Грустная не только сама по себѣ, по факту существованія переполненныхъ школъ, дѣтей, остающихся за за дверями и, наконецъ, школы съ прогнившими полами, грустная по возмутительному отношенію къ школѣ со стороны ея попечителя.

Плохо, когда попечительство вызывается не желаніемъ дѣйствительно помочь дѣлу, а служить средствомъ получить орденъ или медаль. Вотъ лучший примѣръ того, къ чему можетъ привести сама по себѣ прекрасная идея, но плохо проведенная въ жизни. Право, лучше совсѣмъ быть безъ попечителя, чѣмъ имѣть такого, какъ въ с. Самойловкѣ.

Любопытное ходатайство.

Въ противоположность извѣстной пословицѣ, мы очень часто увлекаемся дешевизной, забывая, что не всегда она ведетъ къ желаемымъ результатамъ. Особенно вредная сторона этого увлеченія сказывается въ послѣднее время на развитіи у насъ школьнаго дѣла. Отсутствие школъ повсюду даетъ себѣ знать и нерѣдко его хотять устранить полегоньку, да понемножку. Такой способъ полумѣръ, мало пригодный вообще, совсѣмъ не приложимъ въ дѣлѣ образованія. Напрасно думаютъ нѣкоторые, и къ сожалѣнію, довольно многіе, что грамотѣ учить искусство небольшое и что поручить его можно кому угодно. Стоитъ взять азбуку и указку въ руки—и дѣло готово. Мы не разъ уже указывали на ошибочность такого взгляда, повторяя, что начальная школа требуетъ въ своей организаціи такого же вниманія, какъ и средняя и высшая, и ея учителя должны быть лица, специально къ тому подготовленныя, посвятившія себя этому дѣлу добровольно, по влеченію, изъ любви къ нему; точно также вся обстановка ея должна быть

идеологическая и приравненная къ серьезнымъ требованіямъ дѣла. Только при такихъ условіяхъ можетъ идти правильно дѣло обученія. Нельзя ожидать результатовъ отъ такой школы, которая помѣщается въ какой нибудь сторожкѣ, часто безъ половъ и печей, гдѣ учитъ лицо, совершенно къ дѣлу неподготовленное или не имѣющее физической возможности посвящать ему свое время. И, конечно, жизнь показываетъ всего лучше неправильность такой системы. Вотъ одинъ изъ послѣднихъ такихъ примѣровъ, особенно отрадный потому, что заявленіе о безрезультатности системы дешевизны въ школьномъ дѣлѣ идетъ отъ крестьянъ.

«1896 г., мая 26 дня мы, нижеподписавшіеся, Полтавской губерніи, Лубенскаго уѣзда, Великоселицкой волости, общество казаковъ села Малой Селицы, состоящее изъ 105 наличныхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса участвовать на сходѣ, явились на оный въ числѣ 83 человекъ, въ присутствіи нашего сельскаго старосты Василя Торovýchъ. Собравшись на сходѣ, гдѣ между прочимъ имѣли сужденіе о томъ, что въ нашемъ селѣ болѣе двадцати лѣтъ существуетъ церковно-приходская школа, но грамотныхъ въ селѣ все же нѣтъ; почему и желая, чтобы дѣти наши были грамотны, что возможно лишь при условіи, если въ нашемъ селѣ будетъ земское народное училище, — постановили просить, гдѣ слѣдуетъ, объ открытіи въ нашемъ селѣ земскаго училища; съ своей же стороны мы обязываемся предоставить въ полное распоряженіе земства устроенный нами общественный домъ о четырехъ комнатахъ, что на общественномъ выгонѣ, устроить необходимыя къ нему службы, отдѣлить не менѣе полдесятины выгона подъ училищную усадьбу и давать въ достаточномъ количествѣ своевременно отопленіе и освѣщеніе какъ для училища, такъ и для учителя, содержать въ полной исправности училищный домъ и службы, а также давать для училища сторожа».

Разныя извѣстія и сообщенія.

Реформа духовныхъ учебныхъ заведеній.

По сообщенію «Новаго Времени», въ настоящее время св. синодомъ разсылается на заключеніе совѣтовъ духовныхъ академій и нѣкоторыхъ епархіальныхъ преосвященныхъ проектъ преобразованія среднихъ духовныхъ учебныхъ заведеній. Сущность проекта заключается въ слѣдующемъ:

1) число уроковъ по классическимъ языкамъ въ семинаріяхъ и училищахъ значительно сокращается. Въмѣсто существующихъ теперь двухъ преподавателей древнихъ языковъ будетъ одинъ. Увеличивается число уроковъ по богословскимъ предметамъ, дѣлаются обязательными уроки по медицинѣ и вводятся кафедры — каноническаго права, церковной археологіи и сельскаго хозяйства, 2) преподавателями Св. Писанія и специальныхъ богословскихъ предметовъ должны быть лица въ священномъ санѣ, равно какъ и инспекторы семинарій и смотрители съ ихъ помощниками въ училищахъ; 3) въ семинарскихъ храмахъ совершается ежедневно богослуженіе, на которомъ по очереди присутствуютъ воспитанники старшихъ классовъ для практическаго ознакомленія съ церковнымъ уставомъ; воспитанники неочередные и низшихъ классовъ, по желанію, также могутъ присутствовать на богослуженіяхъ; 3) на ревизіи духовно-учебныхъ заведеній будутъ посылаться лица, состоящіа въ духовномъ санѣ, а не свѣтскіе члены духовно-учебнаго комитета, какъ это практикуется въ настоящее время».

Книжные склады.

Съ цѣлью распространенія знаній въ народѣ въ Херсонскомъ уѣздѣ управой уже открытъ книжный складъ при управѣ въ г. Херсонѣ, съ 10 отдѣленіями въ различныхъ мѣстностяхъ уѣзда. Центральный складъ разсылаетъ во всѣ земскія учрежденія уѣзда книги для чтенія и даже письменныя принадлежности и олеографическія картины бытоваго и историческаго содержанія. Книги продаются по номинальной цѣнѣ. Отдѣленія книжнаго склада въ уѣздѣ приурочены главнымъ образомъ къ врачебнымъ амбулаторіямъ. Въ недалекомъ будущемъ при всѣхъ врачебныхъ амбулаторіяхъ будутъ открыты отдѣленія книжнаго склада. Предполагается откры-

тіе книжныхъ отдѣленій при врачебныхъ амбулаторіяхъ Александрійскаго и Ананьевскаго уѣздовъ, гдѣ уже имѣются при управахъ книжные склады. Удобство распространенія книгъ при врачебныхъ амбулаторіяхъ заключается въ томъ, что при амбулаторіяхъ ежедневно скопляется народъ и что выборъ и распространеніе книгъ находится въ рукахъ врачей».

Такая же организація книжныхъ складовъ при врачебныхъ пунктахъ предпринята теперь и въ Одесскомъ уѣздѣ.

Пенсія для народныхъ учителей.

Въ Елецкомъ земствѣ разрабатывается въ настоящее время проектъ учрежденія эмеритально-пенсіонной кассы для земскихъ учителей и учительницъ.

Срокъ выслуги права на пенсію проектируется оставить тотъ же, что и для чиновъ министерства народнаго просвѣщенія, т. е. 25 лѣтъ для полной пенсіи и 15 лѣтъ для половинной. Полная пенсія опредѣлена въ $\frac{2}{3}$ жалованья (200 р.), т. е. въ 132 р. въ годъ, половинная пенсія— въ 66 р. Пенсіонная касса пополняется ежегодно вычетомъ 2% (т. е. 4 р.) изъ учительскаго жалованья и взносами отъ земства. Выдачу пенсій проектируется начать черезъ 10 лѣтъ по организаціи кассы.

Медицинскія бесѣды для народа.

За послѣднее время въ разныхъ земствахъ, отчасти по инициативѣ врачей, отчасти по инициативѣ собраній и управъ, поднятъ вопросъ объ устройствѣ медицинскихъ бесѣдъ для народа. Газета «Врачъ» сообщаетъ, что недавно вопросъ этотъ получилъ благоприятное разрѣшеніе въ Симбирской губерніи. Съѣздъ земскихъ врачей Симбирской губерніи въ 1895 году призналъ нужнымъ устройство народныхъ чтеній по медицинѣ; это постановленіе съѣзда было вполнѣ одобрено очереднымъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, которое и возбудило соотвѣтствующее ходатайство. Кромѣ чтеній, было испрашиваемо разрѣшеніе на устройство больничныхъ библіотекъ. На эти ходатайства уже послѣдовало разрѣшеніе.

«За г. министра внутренихъ дѣлъ товарищъ министра, предложеніемъ по медицинскому департаменту, отъ 18-го мая, за № 861, увѣдомилъ, что преліяствій къ удовлетворенію означеннаго выше ходатайства онъ не встрѣчаетъ, при соблюденіи относительно чтеній и собесѣдованій порядка, указаннаго закономъ 11-го октября 1894 г., и при условіи, чтобы въ больничныя библіотеки допускались книги, одобренныя министерствомъ народнаго просвѣщенія».

Безплатная раздача книгъ.

Вятское губернское земство ежегодно приобретаетъ книги для бесплатной раздачи ихъ мѣстному населенію. До настоящаго времени въ подборѣ этихъ книгъ земство должно было руководствоваться министерскимъ каталогомъ для низшихъ учебныхъ заведеній. Недавно, какъ передаетъ «Вятскій Край», губернская управа, въ отвѣтъ на представленное ею ходатайство, получила отъ главнаго управленія по дѣламъ печати извѣщеніе, что «по случаю изданія въ настоящее время министерствомъ народнаго просвѣщенія общаго каталога книгъ для бесплатныхъ народныхъ читателей, вятскому земству можетъ быть предоставлено право приобретать для указанной цѣли всѣ изданія, помѣщенные во вновь вышедшемъ каталогѣ, но съ тѣмъ, чтобы такая раздача производилась черезъ председателей уѣздныхъ сѣздовъ, земскихъ начальниковъ и инспекторовъ народныхъ училищъ и чтобы не поименованныя въ этомъ каталогѣ книги земство могло приобретать для раздачи народу не иначе, какъ по испрошеніи каждый разъ надлежащаго разрѣшенія».

Такимъ образомъ, замѣчаютъ совершенно правильно «Руск. Вѣд.», для раздачи земствомъ книгъ вполнѣ опредѣленнаго содержанія и черезъ вполнѣ извѣстныхъ лицъ всетаки требуется на каждый разъ «надлежащее разрѣшеніе». Трудно понять необходимость этого требованія, которое, вызывая канцелярскую переписку, на практикѣ будетъ только тормозить такое полезное дѣло, какъ распространеніе книгъ въ народѣ.

Важныя извѣстія.

2-го сентября, какъ сообщаетъ «Нов. Вр.», начинаются испытанія въ медицинской испытательной комиссіи при московскомъ университетѣ. Предсѣдателемъ комиссіи назначенъ ректоръ варшавскаго университета Ковалевскій. Всѣхъ допущенныхъ къ испытаніямъ 208, изъ нихъ *6 женщинъ-врачей съ дипломами «доктора медицины»*, окончившихъ курсъ въ заграничныхъ университетахъ и допущенныхъ къ испытанію съ Высочайшаго соизволенія.

Этому весьма важному извѣстію нельзя не порадоваться. Если этотъ прецедентъ получить дальнѣйшее распространеніе, то много русскихъ женщинъ, получившихъ по необходимости медицинское образованіе за границей, приобретутъ наконецъ возможность приложить свои знанія на помощь населенію, которое такъ ужасно нуждается въ ней.

Другое важное извѣстіе заимствуемъ изъ газеты «Врачъ», которая со словъ «Нов. Вр.» передаетъ, что воспитанники Калужской семинаріи съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія поступаютъ въ Петербургскій и Кіевскій университеты. То же «Нов. Время» сообщаетъ, что въ Петербургскій университетъ (на разные факультеты) приняты 16 семинари-

стовъ. Если сообщеніе это вѣрно, замѣчаетъ «Врачъ», то оно доказываетъ, что министерство рѣшило, наконецъ, исправить совершенно несправедливую мѣру, не допуская семинаристовъ въ университеты. Вместе съ тѣмъ, разъ министерство допустило семинаристовъ въ университетъ (Томскій, какъ извѣстно, и теперь поощряется по преимуществу семинаристами), то оно тѣмъ самымъ косвенно признало и ненужность для студентовъ аттестата зрѣлости *въ его настоящемъ видѣ.*

Книги для народныхъ чтеній.

Министерствомъ народнаго просвѣщенія увеличенъ списокъ литературныхъ произведеній, разрѣшенныхъ для публичныхъ чтеній, включеніемъ въ отдѣлъ IV каталога книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ (изд. 1891 г.) книгъ II отдѣла этого каталога. Такимъ образомъ, отнынѣ къ публичному чтенію въ народныхъ аудиторіяхъ разрѣшается 718 новыхъ книгъ. Въ это число вошли: 158 названій книгъ духовнаго содержанія, 38 сборниковъ, 29 біографій, 87 историческихъ книгъ, 51 книга географическаго содержанія, 74 книги по естествознанію, гигиенѣ, сельскому хозяйству и домоводству, 251 книга беллетристическаго содержанія и 30 книгъ различнаго содержанія.

ИСПРАВЛЕНІЕ ОПЕЧАТКИ.

Въ „Критикѣ и бібліографіи“ прошлаго номера въ рецензію г. Поссе на „Автобіографію“ Дж. Ст. Милля (стр. 183) вкралась досадная опечатка, которую спѣшимъ исправить:

Напечатано: Религіознаго воспитанія Милль не получилъ, и, по его словамъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ *низшихъ* людей, которые не теряли религіозной вѣры, а просто никогда ея не имѣли.

Слѣдуетъ читать: . . . къ числу тѣхъ *немогихъ* людей

Нѣчто объ анонимахъ и невѣжествѣ рецензентовъ.

(*Отвѣтъ доктору философіи М. М. Филиппову*).

Раскрывъ послѣдній (35) номеръ журнала «Научное Обзорѣніе», мы прочитали въ отдѣлѣ «Обзоръ рецензій» слѣдующія строки: «Образованіе. Іюль—Августъ. Критика и библиографія. Журналу этому пошло въ прокъ сказанное нами объ анонимахъ, и на этотъ разъ рецензіи явились съ подписями...» Изумленіе наше было не малое, такъ какъ за все дѣло, вслѣдствіе нашего отсутствія, мы не имѣли удовольствія читать сказанное докторомъ философіи Филипповымъ, то, что, по его заявленію (должно быть на разстояніи), пошло въ прокъ журналу «Образованіе». Заинтересовавшись сказаннымъ г. Филипповымъ, мы обратились къ предыдущимъ номерамъ «Научнаго Обзорѣнія».

Все, что мы прочитали тамъ, настолько интересно для характеристики пріемовъ «научной критики», на которую докторъ философіи Филипповъ желаетъ установить, въ поученіе намъ всѣмъ, свою точку зрѣнія, что мы считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько выписокъ. «По нашему мнѣнію», заявляетъ г. Филипповъ, «эта отрасль литературы (т. е. научная критика) нигдѣ не находится въ такомъ загонѣ, какъ у насъ. У насъ хвалятъ наобумъ точно такъ же, какъ и бранятъ наобумъ, и это еще въ самомъ лучшемъ случаѣ. Большею частью, при кронаніи (!) quasi-научныхъ рецензій руководствуются чисто личными побужденіями, вродѣ издательской конкуренціи, кумовства, угоды «авторитетамъ», недовольства тою или другой редакціей и т. п. Можно заранѣе предсказать, что книгу такого-то автора, какъ бы она ни была хороша, замолчатъ или «раздѣлаютъ подъ орѣхъ» въ такомъ-то толстомъ или тонкомъ журналѣ. Пресмыканіе же предъ авторитетами дошло до того, что многіе весьма неудовлетворительные переводы, вышедшіе, напр., изъ-подъ ред. проф. Съченова, ставились въ образецъ»...

Вотъ какъ бичуетъ нравы нашей журналистики вновь объявившійся Катонъ. Все сказанное имъ было бы очень умѣстно, если бы оно на самомъ дѣлѣ соответствовало дѣйствительности, и если бы пріемы самого г. Филиппова не составляли полной противоположности его высокимъ словамъ. Вотъ нѣсколько образчиковъ его литературныхъ пріемовъ: «Если бы мы

обладали, напр., эрудицией и самодовольствомъ анонимныхъ рецензентовъ, пишущихъ въ «Сѣв. Вѣстникѣ», «Образованіи» и нѣкоторыхъ другихъ толстыхъ и тонкихъ журналахъ»... «Анонимный рецензентъ, подвизающійся (!) въ журналѣ «Образованіе» усмотрѣлъ «опечатку» въ словѣ Inlandsis, напечатанномъ въ изданной нашей редакціей книгѣ Менье (Сравни. геологія), и по этому поведѣ поспѣшилъ подѣлиться съ читателями своимъ гимназическимъ образованіемъ»...—«Анонимный—и потому увѣренный въ своей *безнаказанности* — рецензентъ «Образованія» счелъ правильную орѳографію мѣстнаго датскаго названія за опечатку. По счастью, читающая публика еще не настолько довѣрчива, чтобы вѣрить каждой печатной строкѣ и особенно (!) анонимамъ, какъ бы ни была велика ихъ самоувѣренность, слишкомъ часто прикрывающая лишь ихъ собственное невѣжество».

Мы избавимъ читателя отъ дальнѣйшихъ образчиковъ «научной критики» доктора философіи г. Филиппова. Довольно и этихъ. Обратимся къ ихъ оцѣнкѣ. Начнемъ съ основного упрека г. Филиппова журналу «Образованіе» — а именно — анонимности «подвизающихся» въ журналѣ рецензентовъ. Это просто неправда. «Образованіе» одинъ изъ очень немногихъ у насъ журналовъ, который поставилъ себѣ за правило подписывать всѣ рецензіи *). Въ этомъ нѣтъ, конечно, никакой особенной заслуги и добродѣтели. Это дѣло взгляда. Равно какъ и трудно усмотрѣть что нибудь неподобающее или достойное порицанія въ точкѣ зрѣнія тѣхъ редакцій, которыя рецензіи въ своихъ журналахъ печатаютъ безъ подписей».

Г. Филипповъ могъ бы, казалось, знать, что рецензіи неподписанныя идутъ отъ имени редакціи, и въ зависимости отъ того, въ какомъ журналѣ помещена рецензія, публика и относится къ нимъ съ тѣмъ или инымъ довѣріемъ. Врядъ ли кто-нибудь скажетъ, что всѣ пишущіе рецензіи въ такихъ журналахъ, какъ «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль», «Русское Богатство», «Новое Слово», «Міръ Божій» суть анонимы (въ дурномъ смыслѣ этого слова, какой старается придать ему г. Филипповъ), увѣренные въ своей безнаказанности. Да и врядъ ли это серьезно думаетъ самъ г. Филипповъ, но таковъ уже пріемъ его «научной критики», основанный, повидимому, на набрасываніи тѣни на другіе журналы и возвеличиваніи своего собственнаго. Этой маніей величія, кажется, страдаетъ г. Филипповъ въ довольно сильной степени. Вотъ два примѣра. Послѣ грозной филиппики противъ анонимныхъ (?) рецензентовъ онъ торжественно объявляетъ на 1 стр. своего журнала, что «въ «Научн. Обзор.» не печатаются ни анонимныя статьи, ни подписанныя условнымъ псевдонимомъ.

*) Надо замѣтить, что если одному лицу—въ данномъ случаѣ г. Березину—принадлежать нѣсколько подрядъ напечатанныхъ рецензій, то подпись его ставится, конечно, только подъ послѣдней. Вотъ какимъ образомъ, по мнѣнію г. Филиппова, не просмотрѣвшаго какъ слѣдуетъ, на что онъ обрушивается, оказались въ «Образованіи» анонимныя рецензіи.

По мнѣнію редакціи, въ научныхъ вопросахъ анонимы и псевдонимы не допустимы». Не правда-ли, это ужасно величественно и—какъ это часто бываетъ—смѣшно. Смѣшно это по той важности, съ какой дѣлается это заявленіе. Смѣшно оно и по существу: Щедринъ, слѣдовательно, если бы былъ живъ и пожелалъ писать въ «Научн. Обзор.» не удостоился бы этого счастья. Второй примѣръ болѣзненного величія г. Филиппова представляетъ необычайная его обидчивость: ни «Сѣв. Вѣстн.», ни «Миръ Божій», ни «Образованіе» (немножко странное совпаденіе!) не сумѣли оцѣнить по достоинству изданія г. Филиппова, а главное, какъ смѣли они указывать ошибки и промахи въ переводахъ изданныхъ имъ книгъ. Весь сыр-бор загорѣлся, всѣ перуны, низвергнутые на «Образованіе» съ высоты научности г. Филиппова, имѣютъ своимъ источникомъ одно несчастное слово «Inlandsis», въ книгѣ Менье, по поводу котораго рецензентъ «Образованія» замѣтилъ: «переводчикъ, повидимому, не понялъ, что такое представляетъ гренландскій Inlandsis (ледяная поверхность внутри этого материка) и пишетъ такъ наз. (?) Inlandsis». Г. Филипповъ объясняетъ, что Inlandsis есть датское слово. Очень можетъ быть, и не велика, во всякомъ случаѣ, ошибка рецензента, незнающаго датскаго языка, введеннаго въ заблужденіе выраженіемъ переводчика *т. наз. Inlandsis*, и *предположившаго*, что переводчикъ не понялъ этого *нѣмецкаго* слова.

И вотъ г. Филипповъ вмѣсто того, чтобы разъяснить происшедшую ошибку, раздражается въ нѣсколькихъ №№ рядомъ издѣвательствъ надъ якобы анонимнымъ рецензентомъ, упрекая его въ самодовольствѣ, самоувѣренности и невѣжествѣ. Въ чемъ выразились самодовольство и самоувѣренность рецензента—неизвѣстно, вѣроятно, въ его осторожномъ замѣчаніи, что переводчикъ «*повидимому* не понялъ слова». Въ чемъ онъ проявилъ свое невѣжество, г. Филипповъ тоже не разъясняетъ: незнаніе датскаго слова Inlandsis, вѣдь, не есть еще признакъ невѣжества. Да и, вообще, немного странными представляются упреки г. Филиппова въ невѣжествѣ по адресу г. Березина, бывшаго въ теченіе двухъ лѣтъ сотрудникомъ «Научнаго Обзорѣнія», и переставшаго писать въ журналѣ г. Филиппова, какъ намъ документально извѣстно, не потому, что г. Филипповъ пересталъ принимать статьи г. Березина. Точно также крайне поразила насъ фраза относительно проф. Сѣченова, переводы котораго названы весьма неудовлетворительными. Не говоря уже о томъ, что не г. Филиппову указывать ошибки проф. Сѣченова: въ его собственныхъ переводахъ попадаются не малые курьезы*), намъ кажется, что г. Филиппову, самому переводящему и издающему сочиненія Дарвина, не совсѣмъ то удобно набрасывать тѣнь на

*) Выписываемъ въ подтвержденіе хотя бы слѣдующіе примѣры, приведенные въ рецензії Русскаго Богатства (1896 г., № 2) на переводъ г. Филиппова «Происхожденія видовъ»: «отношеніями *современныхъ* обитателей этого континента къ *нынешнимъ*». (стр. 11). «*Едва-ли* возможно для насѣкомыхъ перелетать съ цвѣтка на цвѣтокъ»... (стр. 103). Не могутъ-ли и тѣ на-

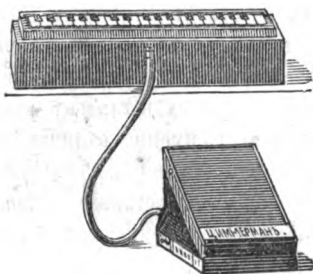
(всѣми признанный за образцовый) переводъ проф. Сѣченова, помѣщенный въ другомъ какъ бы конкурирующемъ изданіи. Точно также нѣсколько страннымъ представляется намъ огульное опорочиваніе русской критики въ пристрастіи, въ руководствѣ личными побужденіями, недовольствомъ *той или другой редакціей*, въ пресмыканіи предъ авторитетами и т. д. Конечно, мы не призваны защищать русскую критику, но не можемъ не высказать нашего возмущенія такой системѣ намековъ и экивоковъ, неосновательныхъ обвиненій въ продажности и предвзятости взглядовъ русской журналистики, которая въ своей значительной части именно отличается порядочностью и чистотой. До сихъ поръ намъ приходилось встрѣчаться съ такими огульными обвиненіями лишь въ *извѣстныхъ* органахъ нашей печати, а потому очень прискорбно, что такіе приемы проникаютъ и въ «научный» журналъ.

Ред.

туралисты, которые, — зная гораздо менѣе, чѣмъ знаетъ заводчикъ о законахъ наследственности, и не зная болѣе его о промежуточныхъ звеньяхъ въ длинномъ ряду поколѣній, — зная это, допускаютъ, что многія изъ нашихъ домашнихъ породъ произошли отъ общихъ родителей — не могутъ ли они воспользоваться урокомъ благоразумія, когда они насмѣхаются... (стр. 36).

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ ШКОЛЪ

лучшее и самое дешевое пособіе

ПРИ ОБУЧЕНИИ ПѢНЮ

Народный гармонифлютъ

обшедоступный музыкальный инструментъ хроматическаго строя и весьма пріятнаго тона.—Изученіе игры на немъ не представляетъ затрудненія.

Пѣна 3 окт. съ ножной педалью . . . 15 р.
" 4 " съ ножной педалью . . . 20 р.

Деревянная складная подставка для 3-хъ или 4-хъ октавъ. народн. гармонифлюта 4 р. Самоучитель по циферной системѣ съ приложеніемъ шесть, сост. Маковскимъ, 1 р. Его же двѣ тетради нотъ по 1 р.

ФИСГАРМОНИИ

знаменитыхъ фабрикъ

ШИДМАЙЕРЪ, КАРШЕНТЕРЪ

и другихъ отъ 85 руб. и дор.

Скрипки отъ 2 руб. до 1,000 руб.

Смычки для нихъ отъ 50 к. до 60 р.

Скрипки $\frac{3}{4}$, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ величины для дѣтей отъ 2 р. до 25 р.

Футляръ къ скрипкамъ отъ 3 р. 50 к. до 60 р.

Англійское концертино по 24, 30, 40, 55, 70, 100, 125, 140, 160, 200, 224 и 250 руб.

Рояли, піанино и фисгармоніи

извѣстныхъ фабрикъ и всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности для нихъ.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

всевозможныхъ самоиграющихъ музыкальныхъ инструментовъ.

Ноты для пѣнія и всѣхъ инструментовъ.

Новѣйшій иллюстр. прейсъ-курантъ и каталоги нотъ бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО И ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.—Спб., Б. Морск., № 34 и 40.

Редакторъ-издатель Александръ Острогорскій.
Редакторъ В. Сиповскій.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the
NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

- 2-month loans may be renewed by calling (510) 642-6753
- 1-year loans may be recharged by bringing books to NRLF
- Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date.

DUE AS STAMPED BELOW

JUN 12 1998

OCT 06 2003

12.000 (11/95)

YC 23069

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C008395557

